Еремей ПАРНОВ

3

Еремей
ПАРНОВ

Еремей ПАРНОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДЕСЯТИ ТОМАХ

Еремей ПАРНОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ТРЕТИЙ

Мальтийский жезл

КЛУБ ТЕРРА

МОСКВА
ТЕРРА—КНИЖНЫЙ КЛУБ
1998

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус) 6
П18

Художник
С. ЛЮБАЕВ

Парнов Е. И.
П18 Собрание сочинений: В 10 т. Т. 3: Мальтийский жезл: Роман. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 1998. — 352 с.

ISBN 5-300-01941-0 (т. 3)
ISBN 5-300-01818-X

Еремей Парнов — известный российский писатель, публицист, ученый и путешественник, автор научно-фантастических, приключенческих, исторических и детективных произведений, пользующихся неизменным успехом у читателя.

В третий том включен роман «Мальтийский жезл» — история расследования исчезновения ученого-химика, история, которая ведет читателя к тайнам альбигойских сокровищ.

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

ISBN 5-300-01941-0 (т. 3)
ISBN 5-300-01818-X

© ТЕРРА—Книжный клуб, 1998

Мальтийский жезл

Глава первая

ВЗРЫВ В ЗАПЕРТОЙ КОМНАТЕ

Не спрашивай мертвых, они ничего не могут рассказать о себе. Это не они говорят с тобой в омуте сновидений, а твой растревоженный, не знающий отдыха мозг.

Люсину, задремавшему на какой-то миг у себя в кабинете, приснился отец. Протягивая, словно взывая о помощи, руки, он стоял на пороге их старого дома, в котором давно поселились чужие люди, и вдруг отступил куда-то вдаль, когда в сон ворвалось дребезжание внутреннего телефона.

Вопреки стойкой репутации аса таинственных дел Люсин не слишком споро поднимался по служебной лестнице, так и оставался при одинокой майорской звездочке. Товарищи по работе получали новые назначения, уже дважды сменялось непосредственное начальство, и как-то совершенно незаметно Владимир Константинович превратился из подающего надежды работника в ветерана угрозыска, перешел в другую весовую категорию, как остроумно пошутил криминалист Крелин. Внешне Люсин мало переменился за эти годы, разве что погрузнел самую малость... Он замкнулся в себе, став скупее в словах и жестах.

Вызванный по селектору к начальнику отдела, Люсин неторопливо собрал разложенные на столе документы в аккуратную стопку и надел висевший на плечиках китель, скромно украшенный университетским ромбом. Несмотря на несколько громких дел, о которых широко сообщалось в печати, орденов у Люсина не было, а медалей он не носил.

— Разрешите, товарищ полковник? — Люсин приоткрыл дверь в кабинет.

— Да-да, заходите, — озабоченно взмахнул рукой полковник Кравцов, не отрываясь от телефонной трубки. Говорил он тихо, почти не раскрывая рта и в основном короткими междометиями. Больше слушал, сохраняя на лице настороженную безучастность. За окнами хлестал дождь, было хмуро и бесприютно. — Садитесь, — сказал Кравцов, закончив разговор. — Вот, значит, какая история: без вести пропал человек. — Поправив очки, заглянул в

бумажку, одиноко белевшую на бездонной глади стола. — Солитов Георгий Мартынович, профессор Московского химико-технологического института, заслуженный деятель науки и техники. Ясно?

— Пока не очень.

— Вот и мне тоже не ясно. Никто не видел, как и, главное, когда он ушел из дому. Зачем-то захлопнул за собой дверь, которую нельзя открыть снаружи... Почему, спрашивается?

— То есть? — позволил себе уточнить Люсин. — Входную дверь?

— Донесение составлено местным участковым — тот еще деятель! Как сквозь джунгли приходится продираться. Но случай, по-видимому, не простой. Наворочено всякого: взрыв какой-то таинственный и вообще полный туман. Нас просили помочь разобраться.

— Помочь разобраться? Но это значит, мы берем дело?

— Вы правильно понимаете. Ситуация, мягко выражаясь, своеобразная, я бы даже сказал, настораживающая. Начальство, не скрою, проявило повышенный интерес, что, как вы понимаете, требует от нас особой оперативности. Словом, выезжайте на место с опергруппой, поглядите, что там и как. Наверняка все окажется значительно проще, чем намалевал этот субчик. Работать будете вместе со следователем горпрокуратуры Гуровым. Постарайтесь поладить с ним.

— А он со мной тоже постарается? — поинтересовался Люсин без тени улыбки.

— Сразу по возвращении доложите. — Кравцов вложил лежавший перед ним листок в папку и, как по льду, отпасовал ее через весь стол Люсину. Разговор был закончен. — Путь неблизкий, поэтому времени не теряйте. Это где-то в районе озера Синедь, деревня Веретенниково.

— Разрешите сперва подумать, товарищ полковник.

— Что? — В невозмутимых глазах Кравцова промелькнуло мгновенное изумление.

— Я хочу сказать, что должен сначала ознакомиться с делом, возможно, навести кое-какие справки и наметить хотя бы предварительный план действий.

— Ну, вам виднее, — последовало после многозначительной паузы. — К концу дня ожидаю с докладом.

— Если придется задержаться, товарищ полковник, я позвоню.

Люсин знал себе цену и отнюдь не был расположен менять стиль работы, складывавшийся годами. Пусть новое руководство воспринимает его таким, какой он есть. Стоит лишь из-за боязни испортить отношения дать слабину — и пиши пропало. До конца дней своих не выкарабкаешься из мелочной опеки.

И все же от разговора с Кравцовым остался неприятный осадок, запоздалое опасение, что без особой надобности полез на рожон, перегнул палку. Нет, с такими мыслями каши не сваришь. Полное спокойствие, улыбка и сосредоточенность. Владимир Константино-

вич заставил себя отключиться от всего постороннего и, как в омут, нырнул в косноязычные упражнения лейтенанта Мочалина, веретенниковского участкового.

Выстроив разрозненные факты в их временной очередности, Люсин наконец уяснил для себя суть загадочного происшествия на даче Солитова.

Домработница или, вернее, домоправительница профессора Аглая Степановна Солдатенкова, вернувшись после почти недельного отсутствия, обнаружила выбитое окно. Она, естественно, забеспокоилась и кинулась в дом. Но дверь, ведущая в кабинет профессора, оказалась запертой изнутри. Солдатенковой ничего иного не оставалось, как заглянуть в кабинет Солитова со двора. Увидев, что в помещении полнейший беспорядок, она подняла тревогу. Кто-то из соседей принес табуретку и помог Аглае Степановне влезть на подоконник, чтобы как следует все рассмотреть. Не обнаружив Георгия Мартыновича среди разора и запустения, она немного успокоилась и принялась расспрашивать о нем: может, кто чего знает. Но так ни до чего и не доискалась. Решив, что профессор мог поехать на городскую квартиру, старая женщина позвонила в Москву — раз, другой, третий. Телефон не отвечал. Тогда она попыталась связаться с институтом, но профессора не оказалось и там. Лишь на следующее утро, отчаявшись дождаться хозяина и заподозрив, как она объяснила, «худое», Солдатенкова обратилась в милицию. Участковый Мочалин прибыл на место и, приняв необходимые меры для сохранения следов, произвел предварительный осмотр.

По характеру осколков оконного стекла, обнаруженных на достаточном удалении от дома, он предположил возможность взрыва. Эта версия нашла косвенное подтверждение и в показаниях соседей Солитова, засвидетельствовавших, что тот вел на дому различные химические исследования. Проанализировав обстановку, Люсин одобрил действия участкового.

Мочалин хотя и не проявил особой инициативы, но зато ничего не напортил. Погрешности стиля и логические несуразицы, разумеется, были не в счет. Не всякий участковый способен писать, как Сименон.

По своему обыкновению, Владимир Константинович начал со схемы. Очертив в центре бумажного листа квадратик и обозначив его инициалами Солитова, он сделал несколько ответвлений, пометив их соответствующими подписями: «Солдатенкова», «Соседи», «МХТИ», «Московская квартира». Из каждого направления «предстояло извлечь» максимально возможное. Люсин подумал, что в процессе работы число таких ответвлений удвоится, утроится, даже удесятерится. И это только прямые связи. А сколько обозначится косвенных, опосредованных, самым причудливым образом разветвленных. Только выявив их все, до последней, можно надеяться на успешный финал.

Отработав первоначальную логическую схему, Люсин позволил себе задуматься над главным вопросом: жив или нет Георгий Мар-

тынович Солитов, человек, о самом существовании которого он даже не подозревал еще каких-нибудь полчаса назад.

Поставив в известность дежурного по городу, он запросил морги, больницы, направил ориентировку по отделениям и в область. Затем позвонил в отдел кадров МХТИ и, обрисовав ситуацию, попросил ознакомить его с личным делом Георгия Мартыновича.

— Да-да, я подошлю человека, — сказал он, включая магнитофон. — Но время не терпит. Поэтому продиктуйте основные позиции, будьте настолько любезны... Нет, список научных трудов пока не надо, с научными трудами можно чуточку повременить...

Разговор практически не дал никаких новых зацепок. Жена Солитова — Анна Васильевна — умерла в позапрошлом году, дочь Людмила была замужем за работником Госкомитета по внешним экономическим связям и находилась в настоящее время за границей. Установив, что квартира профессора была в последний раз поставлена на охрану 11 июля, то есть еще месяц назад, Люсин набросал текст телеграммы в МИД. Без помощи Людмилы Георгиевны было не обойтись. На подобного рода телеграмму полагалась соответствующая виза. Рассудив, что лишний раз мозолить глаза начальству, безусловно, не стоит, Люсин не стал торопиться и послал в институт за личным делом.

Теперь, когда было сделано все, что возможно, следовало заняться подбором опергруппы. Люсин никогда не полагался на случайность. Дежурства дежурствами, очередность очередностью, но он предпочитал работать с людьми, хорошо ему знакомыми. Итак, экспертом, конечно, Крелина, а шофером Кушнера либо Самусю. От собаки, к сожалению, толку не будет, потому как всю неделю город и область заливают потоки дождя. Но порядок есть порядок. Что же касается следователя горпрокуратуры, то начальство не выбирают.

Спустившись во внутренний двор, где уже дожидался желто-голубой милицейский микроавтобус, Люсин не без удовольствия обнаружил, что ливень кончился. Вырвавшись на обновленный, провеянный ветрами простор, солнце спешило излить на землю всю свою нерастраченную мощь. Было даже жарковато с непривычки. Сверкали крыши, деревья, чугунные пики оград.

— С погодкой, командир! — поприветствовал Коля Самуся, включив зажигание. — На Синедь?

— Можно и на Синедь, если приготовил снасти и знаешь верное место. Я слышал, там лещ хорошо берет?.. Здравствуйте, товарищи! Люсин, — коротко представился он пожилому лысому человеку в штатском — следователю прокуратуры по особо важным делам.

— Гуров, — ответил тот церемонным кивком, — Борис Платонович.

Ни внешность его, вполне заурядная, ни манера вести себя никак не раскрывали характера. Лишь желчно опущенные уголки губ и

привычка время от времени почесывать переносицу свидетельствовали об известном внутреннем напряжении. Очевидно, Гурова угнетали какие-то сугубо личные заботы. Опытный следователь, он бы не стал заранее волноваться из-за дела, обстоятельства которого еще так неясны.

За окружной по обе стороны шоссе замелькали березы и распахнулись зеленые заплаты окутанных легкой дымкой полей. Люсин вытянул ноги и, опустив веки, предался сладостной дреме. Он бы, пожалуй, даже уснул ненадолго, но неожиданный вопрос следователя вырвал его из блаженного забытья.

— Что вы думаете обо всем этом? Странноватое происшествие...

— Там видно будет.

— Вы верите, что действительно произошел взрыв?

— Как я могу верить или не верить? — Люсин неохотно выпрямился. Принимаю за данность, а далее поглядим.

— Одно лишь предположение, что в доме заслуженного человека, вообще в чьем-то частном доме могло случиться нечто подобное, уже бросает, как бы поточнее сказать, некую тень. Вы меня понимаете? Акцентик! Притом весьма неприятный.

— Мы не выбираем происшествий, — не желая особенно вдумываться в смысл сказанного, откликнулся Люсин. — Это они нас выбирают.

— Известный химик, изобретатель — и вдруг такое... Вас это не наводит на определенные мысли?

— Вы же сами видите — химик... Вот если бы он был стоматологом или, допустим, скорняком, тогда бы я, возможно, и удивился.

— Вы не даете себе труда понять меня?

— Просто не вижу причин для особого беспокойства. Оно по меньшей мере преждевременно. Поживем — увидим. Мало ли ахинеи встречается в протоколах.

— Но ведь взрыв!

— Взорваться могла и бутыль с квасом.

— Завидую вашему спокойствию. Вы, по-видимому, очень счастливый и благополучный человек.

— Не жалуюсь, — сонно пробормотал Люсин, вытягиваясь поудобнее.

Глава вторая

ВЕРТОГРАД

Забрызганный каплями, упавшими с листьев, милицейский фургон остановился возле наглухо закрытых ворот. Люсин, а за ним и другие попрыгали на землю, разгоняя застоявшуюся кровь. Ботинки сразу же стали мокрыми и заблестели на солнце.

— Лейтенант Мочалин, — козырнул Люсину поджидавший их участковый. — Понятые готовы.

— Ну что? — спросил Владимир Константинович, оглянувшись. — Приступим? — И, поманив за собой проводника с собакой, толкнул калитку. Она оказалась незапертой.

Дуновение тревоги коснулось Люсина, едва он увидел вызывающе белую раму на черной стене. Освещение поминутно менялось. Яростный послеполуденный свет то разгорался, то бледнел, смягченный дымчатым фильтром. Солнце сквозь летучие пряди развеянных облаков, угасая и вспыхивая, играло в осколках, усеявших клумбу. Лишь остроугольные дыры в стекле независимо от освещения кололи глаз беспросветной мглой.

«Черная краска, конечно же, ни при чем, хоть, признаться, и влияет на настроение, — решил Люсин. — Это для Подмосковья не слишком привычный колер, а в Европе, особенно на Севере, многие так красят свои дома».

Мысль отогнать легко, но как избавиться от беспокойного ощущения, что нечто подобное уже разыгрывалось на подмостках жизни и, как ни крути, печальной развязки не избежать? Так бывает во сне, когда страдаешь от того, что тебе уже снилось такое однажды и все предрешено, не соскочить с наезженной колеи. Не сон, к сожалению, а явь назойливо повторялась: уединенная загородная дача, закрытый изнутри кабинет, где велись научные эксперименты, и в итоге — пропавший хозяин. Такое он, Люсин, уже однажды встречал. Правда, стекла тогда остались в целости и сохранности. Не то что здесь...

Приступив к будничным и не слишком веселым делам, Владимир Константинович убедился, что ощущение неблагополучия, быть может, даже какой-то ущербности исходит не только от дачного домика, повитого лозами дикого винограда. Неизъяснимой

скорбью дышали здесь воздух, всегда прохладный в тени, и обильно политый чернозем, и выцветшее за лето поднебесье, промытое отлетевшей куда-то далеко грозой, и горящие тяжелыми каплями сосны. С изощренной четкостью прорисовывались закопченная печная труба, слишком мощная для скромной двухскатной крыши; перекрестье антенны и моховая зелень шиферных волн, усыпанных слежавшейся хвоей. Что-то удерживало Люсина, мешало ему ступить под этот кров, отмеченный знаком печали. Поблагодарив участкового, он обменялся ничего не значащими замечаниями со следователем прокуратуры и коротко обрисовал стоявшую перед каждым задачу. Все его действия протекали на неуловимой грани профессионального автоматизма, почти не задевая мозга, настроенного на сокровенное дыхание невидимого простым глазом мира.

Нет, не стихийные борения небесной тверди, чья изменчивая игра вечно тревожит спящий инстинкт, заставили Люсина прислушаться к заунывному подрагиванию потаенной струны. Холодное сияние в вышине, и запах щедро унавоженной почвы, и сырое дыхание набежавшего ветерка — все было лишь антуражем, аранжировкой навязчивого мотива, долетавшего из иной, едва постигаемой дали. Глубинные сигналы исходили, пожалуй, из сада, осмотренного хоть и мельком, но схваченного на безошибочном уровне подсознания, примечающего малейшие отклонения. Из них и соткалось неотвязное, как предчувствие беды, ощущение угрозы.

Заботливо ухоженный участок перед домом менее всего походил на сад, невзирая на побеленные стволы и ветви, сгибающиеся под тяжестью яблок, обложенные керамической плиткой куртины и грядки. И к огороду его никак нельзя было причислить, хотя курчавилась местами петрушка и бело-лиловой дымкой обозначился цветущий кориандр.

Поймав неприметный кончик, Люсин бросился за путеводным клубком, напрочь забыв про положенный распорядок и неизбежные формальности. Скользнув сосредоточенным взором по лицу застенчивого участкового, которому не терпелось выложить подробности, он запахнул плащ и нырнул в заросли шиповника, обрушившегося каскадом капель и ворохом лепестков. Молодая почтальонша и владелец соседней дачи, привлеченные в качестве понятых, с явным смущением полезли следом.

— Погоди, лейтенант, — остановил Крелин участкового, лунатически двинувшегося за ними. — Пусть Владимир Константинович сперва сам разберется. Ты лучше нам расскажи. — И он приглашающе махнул рукой следователю Гурову, который задумчиво прогуливался возле выбитого взрывом окна. Усеявшие клумбу осколки однозначно указывали на то, что стекло не было выдавлено снаружи. Крелин с первого взгляда отмел возможность имитации, хотя земля перед домом и была основательно затоптана.

Гуров недоуменно пожал плечами и, достав сигареты, направился к эксперту. Наслышанный о причудах Люсина, он тем не менее впервые встречался со столь откровенным пренебрежением проце-

дурой осмотра, выразив свое неодобрение сердитым попыхиванием. Крелин, работавший с Люсиным двенадцатый год, постарался разрядить обстановку.

— У каждого из нас свой бзик, — виновато улыбнулся он. — Недаром на Востоке говорят, что лучше один раз увидеть, чем семь раз услышать.

— Мы не на Востоке, — неприязненно поежился следователь, отирая пучком травы ботинки, забрызганные оранжевым молоком чистотела, изобильно растущего вместе с крапивой по краям дорожки. — Лично я предпочитаю сначала выслушать свидетелей.

— Так ведь нет их, свидетелей, Борис Платонович, — развел руками эксперт. — Аглая Степановна. — Он кивнул на мрачнейшего вида старуху, прикорнувшую на лавочке возле крыльца. — Она ведь только на пятые сутки домой заявилась... Правильно, лейтенант?

— Так точно, — оживился участковый. — И сразу по соседям кинулась. Они небось и наследили, где только могли. Каждому, понимаете, надо в окно просунуться! Хорошо еще, что дверь взломать не надумали...

— Непонятная штука, — размышляя вслух, вздохнул следователь и раздраженно вмял в грязь окрашенный никотином окурок. — Зачем ему вообще понадобился этот замок? И почему только с внутренней стороны? От самого себя запирался?..

— Я и говорю: у каждого свои странности. — Крелин снисходительно опустил веки. — Взять хоть ее, — он двинул подбородком в сторону старухи, застывшей, как изваяние, с перекрещенными на коленях руками. — Сидит — не шелохнется, будто ей абсолютно до лампочки.

— Степановна у нас кремень! — уважительно поддакнул участковый. — Каждое слово приходится чуть ли не клещами вытаскивать. А ведь любит она Георгия Мартыновича, души в нем не чает... Вы это очень верно... насчет странностей. Я вот и за собой замечаю...

— Рано, молодой человек, рано, — властно пресек откровенные излияния следователь. — Лейтенантам странности не положены. Вы лучше вот что скажите. — Ловким щелчком он выбил из пачки новую сигарету. — Солитов всегда таким анахоретом жил? У него семья, кажется? Квартира в городе?

— Так ведь лето теперь, — не понял лейтенант, отряхнув прилепившиеся к безупречно отглаженным брюкам колючки. — Георгий Мартынович в институте работает, каникулы у них теперь.

— Каникулы-каникулы, — протянул нараспев следователь. — Вот она, жизнь человечья. Жена умерла, дети разъехались по заграницам, и остался мужик в полном одиночестве. — Он сочувственно поцокал языком, покосившись на мумию в застиранном платочке, безучастно дремавшую под рябиной. — Со Степановной, как я вижу, не очень-то поговоришь... Студенты там, аспиранты всякие не навещают?

— Кто их знает. Может, и навещают.

— В мое время не забывали учителей, — посочувствовал пожилой представитель прокуратуры. — Это теперь никому ни до кого дела нет... Но где же наш старший инспектор? — Он нетерпеливо взглянул на часы. — Чего копается? Дело ведь явно не рядовое...

— Может, оттого и копается, что не рядовое, — заметил Крелин.

Люсин между тем обошел дом кругом, окончательно убедившись, что пристрастия его хозяина были далеки от традиционных.

В непосредственном соседстве со штамбовыми розами изобильно произрастал, растопырив колючие листья, чертополох, кусты бузины чередовались с волчьей ягодой и дурманом. На узких, высоко приподнятых над поверхностью грядках вместо моркови и огурцов золотились звездочки зверобоя, качались скромные головки тысячелистника. Среди ошарашивающего разнообразия Люсин распознал валерьяну и донник, душицу и мяту, девясил, шалфей и горец. Пятачки целины, оставленные под первозданный подорожник, пастушью сумку и коровяк, надменно покачивавший желтыми стрелами крупных соцветий, чередовались огороженными проволокой квадратами, где, как рептилии в террариуме, зловеще наливались ядом зонтики леха, метелки эфедры, вороний глаз, белена. Лишь обладая поистине нездоровой фантазией, можно было высадить на клумбах ревень заодно с вероникой, календулой и полынью... Сад отрав, огород целебных кореньев и приворотных зелий...

Что ж, рассудил Люсин, каждый волен выращивать на своей земле, что душа пожелает, в том числе и столь экстравагантные культуры. Благо хозяин — профессор, доктор наук и, очевидно, съел на этом деле собаку. Токи воздуха перетекали запахами медуницы, прохладой аниса, щекочущей в горле истомой прелой листвы — до сладостной печали, до горячего прилива, до слез. Теперь Люсин почти наверняка знал, что не ошибся в предчувствии, когда, затворив за собой калитку, увидел геральдический цветок чертополоха, смоляную вагонку за ним и блики света, как на креповых лентах.

— Хотел бы я знать, зачем ему понадобилось так выкрасить дом! — не удержался он от невольного восклицания. И, словно устыдившись, что будет услышан, взглянул на часы и поспешил выбраться на тропку. Его погружение в омут снов и вещих ощущений длилось чуть более получаса, и он подивился тому, как стремительно летит время.

— Ну что, товарищи, — спросил с наигранной бодростью, присоединившись к остальным. — Заглянем внутрь?

— Давно пора, — попенял ему следователь Гуров. — Дело к вечеру идет, а у нас еще непочатый край.

— Так уж и непочатый, — лукаво прищурился Люсин. — Не скажите, Борис Платонович, кое-что я все-таки углядел.

— Хотелось бы знать, что именно. — Следователь вновь не удержался от шпильки. — Просто так, для порядка, знаете ли...

— В свое время скажу, — пообещал Люсин. — Пусть пока вас это не смущает. Лучше пройдем в дом.

— С Солдатенковой говорить не будете? — Вялым жестом Борис Платонович указал на старую домработницу, так и не изменившую своей безучастно-задумчивой позы.

— Со Степановной? А зачем? Она уже все рассказала на данном этапе. Нет, мы лучше сами поглядим, что да как.

— Сами так сами, — с неожиданной покорностью согласился следователь.

— Дверь ломать будете? — спросила Степановна, когда гости собрались в сенях. — У кабинете?

— Ни в коем разе, бабушка, — весело пообещал Люсин. Тщательно вытерев ноги о резиновый коврик, он поманил Аглаю Степановну. — Покажите нам дом. Хозяин любил запираться? — спросил вскользь, пропустив вперед понятых.

— Любил не любил, а когда и закрывался, — с некоторым замедлением объяснила Степановна, останавливаясь перед запертой дверью, фанерованной дубом.

— Поточнее, Степановна, когда именно? — Люсин задумчиво очертил пальцем древесный узор.

— Когда, значит, надо ему было.

— И все же? — с величайшим терпением продолжал расспрашивать Владимир Константинович, внимательно исследуя дверной косяк. — Замок вроде бы тут? — Он выжидательно обернулся к эксперту.

Крелин, проведя снизу вверх металлоискателем, согласно кивнул.

— Не хотелось бы портить.

— А сможешь?

— Попробую, — не слишком уверенно пообещал эксперт, отыскивая взглядом розетку. — Найдется куда включить? — размотав шнур дрели, обратился он к Аглае Степановне.

— Давай уключу. — Волоча стоптанные шлепанцы, она потащилась в соседнюю комнату.

Тонкое сверло мягко вошло в доску. В коридоре повеяло легким душком древесной пыли.

— Вот и все, — сказал Крелин, энергично продувая отверстие.

Присев перед раскрытым чемоданчиком, он выбрал подходящий крючок. Затем осторожно просунул его внутрь, небрежно повертел туда-сюда, и дверь с натужным вздохом отворилась. Сделав несколько снимков, он, словно бы крадучись, переступил через порог.

— Входите, товарищи, — пригласил Люсин.

Он хотел было объяснить понятым смысл предстоящей работы, но осекся на полуслове и замолчал. При первом взгляде на комнату тошнотно зашевелилось знакомое ощущение пережитого сна.

Кабинет доктора химических наук Георгия Мартыновича Солитова напоминал лабораторию и одновременно старинную аптеку — вроде той, что была восстановлена в Таллинне. Рабочий стол находился у самого окна. Заваленный книжными грудами, папками и

ворохом фотографий, скорее всего, разбросанных взрывом, он находился на одном уровне с широким подоконником, где тоже валялись обрушенные стопки книг. Переплеты, усеянные осколками и вдобавок забрызганные какой-то маслянистой жидкостью, покрывал солидный слой пыли.

— Мы возьмем это для анализа, — сказал Люсин, невольно любуясь экономными, отточенными движениями Крелина, методично отбиравшего вещественные доказательства.

— Оно понятно, — уважительно закивал Караулкин, сосед.

— Георгий Мартынович, надо думать, опыты какие-то ставил, — безучастно уронил Люсин, скользнув взглядом по капитальной печи и обрушенным полкам с химической посудой. Почти все, как тогда, в том деле с красным алмазом: уединенная домашняя лаборатория, древние книги, экзотические растения. Судьба определенно возвращала его на круги своя. Разумеется, с некоторыми вариациями. Запертая дверь, бесследно пропавший хозяин — все повторялось, мешаясь с тягостными осадками оборванных телефонным вызовом сновидений.

На фотографиях, которые разбирал Крелин в надежде найти отпечатки пальцев, были запечатлены аллегорические рисунки и тексты, переснятые с неведомых манускриптов, написанных главным образом по-латыни. Для Люсина, изучавшего этот язык врачей и юристов в университете и к тому же почти в совершенстве владеющего французским, не составило особого труда догадаться, что Солитов интересовался древней лекарственной рецептурой. Об этом свидетельствовали и многочисленные выписки из травников, лечебников и всякого рода алхимических сочинений.

Сортируя уже просмотренные Крелиным фотокопии, Владимир Константинович собрал «Салернский кодекс здоровья» Арнольда из Виллановы и «Ботаники первоисточные основания», изданную в Санкт-Петербурге Максимовичем-Амбодиком.

— Лекарства варил, — вздохнул Люсин, рассматривая на просвет пузырьки из темного стекла, снабженные латинскими этикетками. Судя по почерку и тщательно пронумерованным листам фотокопий, Солитов отличался скрупулезностью, граничащей с педантизмом. — Перегонял, экстрагировал...

— К нему тут многие обращались, — вздохнул Караулкин. — Мою Марью Никитичну он почитай с того света возвернул. Да... Травку ей прописал от камней в почках.

— Ну и как? — заинтересованно спросил следователь.

— Как рукой сняло. И месяца не прошло. А ведь мучилась-то, мучилась...

— Что он, у себя в институте не мог заниматься? — ни к кому персонально не обращаясь, но как бы с затаенной обидой сказал Гуров. — Зачем же на дому, кустарно!

— Мы еще ничего не знаем о том, что он мог, а чего не мог делать на кафедре, — хмуро ответил Люсин, выдержав долгую паузу. — Дайте срок, будем знать.

— Кое-что уже сейчас вырисовывается, — подал реплику Крелин, извлекая из-под бумажного вороха недопитый стакан чаю. — Судя по грибку, действительно прошло несколько дней. — Он показал следователю разросшиеся пятна бледно-голубой плесени.

— Более определенно сказать не можете?

— Не могу, Борис Платонович, — досадливо отмахнулся Крелин. — А вот отпечатки, кажется, есть! — Привычным движением он наложил прозрачную липкую ленту. — У тебя тоже что-нибудь нашлось, Володя? — спросил, не оборачиваясь.

— Как не найтись? — понимающе усмехнулся Люсин, беря двумя пальцами очередную склянку. — Вырисовывается понемногу картинка.

— Выходит, он врачеванием увлекался, — отвечая на какие-то свои мысли, заключил следователь. — Знахарством?

— Знахарством? — Люсин прислушался к звучанию слова.

— Иначе зачем все эти банки с травами, какими-то корешками и прочей корой.

— Едва ли такой термин подходит к дипломированному фармацевту.

— Фармацевту? Вы точно знаете? — спросил Гуров.

— Навел кое-какие справки, прежде чем выехать, — кивнул Люсин. — Солитов закончил фармацевтический факультет, кандидатскую степень получил без защиты в Военно-медицинской академии, докторскую — за работу по теории бесконечно-разбавленных растворов.

— Бесконечно-разбавленных? Такие действительно есть? — не отставал Гуров.

— Очевидно, если дают соответствующие дипломы.

— Вода, которую мы с вами пьем ежедневно, не что иное, как бесконечно-разбавленный раствор. — Смекнул Крелин, сливая подернутый плесенью чай в пробирку.

— А деньги он за лечение брал? — обратился следователь к заскучавшему Караулкину.

— Что вы! Как можно? Это у него брали, кому не лень...

— Кто же, например? — вкрадчиво поинтересовался Борис Платонович.

— Мало ли... За дрова, например, крышу, починку забора. Давал всем, сколько ни спрашивали.

— Много тут шаромыжников шастало, — проворчала Аглая Степановна. — Чистые грабители! Носют и носют, погибели на них нет.

— А чего «носют-то», бабушка? — Люсин непроизвольно воспроизвел интонацию.

— Да книжки окаянные! Чего же еще? Чистое разорение.

— Ну об этом у нас будет особый разговор. — Люсин обменялся с Борисом Платоновичем многозначительным взглядом. — Может, и вы, Таня, скажете нам что-нибудь интересное? — ободряюще улыбнулся он почтальонше.

— Я? — Она удивленно раскрыла подведенные глаза. — Так не знаю я ничего такого. Они корреспонденцию на московский адрес получали, а сюда только «Вечерку» переводили. Брошу в ящик — и дело с концом.

— И то правда, — махнул рукой Люсин. — Вы девушка здоровая — кровь с молоком. Вам эта фармакопея, в сущности, ни к чему.

— А вот и нет! — обозначив симпатичные ямочки на щеках, просияла она. — Мне бабушка Аглая бородавки заговорила. Правда, бабуся?

— Может, и так, — кряхтя, откликнулась старуха. — Много вас, голоногих, ко мне бегало. Всех разве упомнишь?

— Подумать только! — скорее наигранно, чем действительно возмущенно, всплеснул руками Гуров. — И это в конце двадцатого века! Да они бы и так прошли, ваши детские бородавки!

— Ждать? Очень нужно! — Растопырив ухоженные пальчики, она полюбовалась свежим маникюром. — Я не люблю, когда некрасиво.

— Вы и вправду умеете заговаривать? — полюбопытствовал Люсин.

— Не хочешь — не верь. — Аглая Степановна строго зыркнула прищуренным глазом. — Кому заговаривала, а кому и чистотелом свела. Вон его у нас сколько, — кивнула на окно, туже подвязывая косынку.

— Так можно договориться до нечистой силы, уважаемая Аглая Степановна, — строго, но не без потаенной мысли заметил Гуров.

— А ты рази не видишь, чьих это рук дело? — без тени улыбки сказала она, плавно взмахнув рукой.

— И то правда, — мягко поддержал ее Люсин. — Одна печь чего стоит. Чистый алхимический горн. Разве что воздуходувка взамен мехов приспособлена. А снадобья? Какие-то кости толченые, ракушки... Я даже банку с рассыпным жемчугом обнаружил. Так что вы поосторожнее на поворотах, Борис Платонович, а то как бы чего не вышло, — закончил с нажимом.

— Вы правы. — Гуров внял замаскированному шуткой предостережению. — Не будем спешить с выводами... Вы, кажется, хотели сказать что-то, Аглая Степановна?

— Дак рази ты чему веришь? — Старуха мелко перекрестилась, нашептывая что-то себе под нос. — Не будет у нас разговора. Я вон ему лучше скажу, — она благосклонно покосилась на Люсина, — когда срок придет.

— И правильно, — сразу же согласился Гуров. — Только не пропустить бы момента, Аглая Степановна. Уж больно время дорого! И так сколько дней потеряли.

— Теперь уж не возвернешь. — Старуха неприметно всхлипнула и поспешила отереть глаза концом косынки. — Да и не к чему.

— Почему вы так думаете? — с проникновенной грустью спросил Люсин, настраиваясь на одному ему ведомую волну.

— А то не знаешь? — Степановна с усилием сглотнула горький комок. — Нету его, батюшки нашего, Егора Мартыновича, нету. Напрасно ищешь. — Она обреченно шмыгнула носом. — Все равно уж теперь...

— Вы в этом вполне уверены? — спросил Люсин, облизывая разом пересохшее небо.

— Да ты и сам так думаешь. — Она словно читала его мысли. — Когда еще в калитку входил, уже все знал. Я по тебе видела.

— Н-ничего я не знал, — через силу выцедил из себя Владимир Константинович и отвернулся.

— Черт-те что творится, — пробормотал Гуров и, вытащив сигареты, выскочил в коридор. Но, сделав две-три глубокие, кружащие голову затяжки, загасил окурок и поспешил возвратиться. — Можно вас на минуточку, товарищ Люсин? — позвал он, задержавшись в дверях.

Владимир Константинович недовольно дернул щекой и поставил на место банку с притертой пробкой, в которой хранилась заспиртованная змея.

— Слушаю вас, Борис Платонович, — удивленно приподнял брови Люсин.

— Вы в самом деле думаете, что Солитова нет в живых?

— Во всяком случае, серьезно это подозреваю, — ответил Люсин, подумав. — А что?

— Ничего, просто так, — отвечая каким-то своим думам, пробормотал Гуров. — Получается, что старуха читает мысли?

— Не обязательно. Скорее предчувствует нехорошее. Такое, знаете, бывает иногда между близкими. Допускаете подобный вариант?

— Отчего нет? Мне, слава богу, за пятьдесят, и я всякого насмотрелся.

— Не сомневаюсь, Борис Платонович. — С пробуждающейся симпатией Люсин скользнул взглядом по лицу Гурова. Как бы припорошенные угольной пыльцой мешки под глазами явно выдавали неблагополучие по части почек. Но взгляд твердый, уверенный, хотя и не без некоторого смятения. Похоже, что какая-то ускользнувшая от люсинского внимания деталь крепко смутила следователя. — Вас что-нибудь беспокоит?

— Я, изволите видеть, первым делом ищу мотивы, если, конечно, есть основания подозревать преступление. На первый план, как вы не хуже меня знаете, всегда выплывает корысть. Впрочем, нельзя исключить страх, ну там боязнь разоблачения и прочие материи. Сильные чувства, вроде ревности, уязвленного честолюбия, мести, тут едва ли подходят. Солитову, как-никак, под семьдесят, жизнь практически прожита, короче говоря, кому он мешал?

— Не скажите, Борис Платонович, не скажите, — живо откликнулся Люсин. — Все-таки заведующий кафедрой химико-тех-

нологического института... В принципе я с вами согласен, но всякое ведь бывает. Я по прежним делам знаю. Диссертационные страсти, разная там аттестация... Такое способно потрясти людей и с устойчивой психикой. Если же Георгий Мартынович имел смелость, допустим, баллотироваться в члены-корреспонденты, то ситуация вполне могла обостриться, уверяю вас.

— Какая ситуация? — быстро спросил Гуров.

— Гипотетическая, разумеется. Пока мне ничего не известно.

— Значит, вы думаете...

— Как и вы, Борис Платонович, — опередил Люсин. — Я бы начал с корысти. Но, разумеется, не теперь.

— Когда же?

— После осмотра московской квартиры.

— Ценности, деньги?

— Не только! — сдерживая нетерпение, отрывисто бросил Люсин, все устремления которого были сейчас там, в комнате, где священнодействовал Крелин. — Есть еще произведения искусства, дражайший коллега, почтовые марки, книги опять же, до коих, как видно, профессор Солитов был куда как охоч.

— Слишком просто для подобного интерьера, — задумчиво покачал головой Гуров. — Вы не можете этого не ощущать.

— Налет тайны? — понимающе улыбнулся Люсин. — Эдакая трансцендентальная эманация?.. Что ж, встречалось и такое. Тогда приходится искать журавля в небе, и это труднее всего, Борис Платонович, потому что слишком редко человек сталкивается с тайной, за которую могут убить.

— Я немного понюхал там, под окном, — без видимой связи с предыдущим заметил Гуров. — И могу вам сказать со всей ответственностью, что ни о каких тяжелых предметах не может быть и речи.

— Полностью разделяю вашу точку зрения. Взрыв, если он действительно имел место, вряд ли отличался большой силой. Впрочем, не будем залезать поперед батьки в пекло. Пусть выскажется эксперт.

Обнаружив полное сходство мысленного анализа, они вернулись в кабинет вполне удовлетворенные.

— Значит, так, — сказал Крелин, бережно собирая осколки колбы под тягой. — Здесь проводилась экстракция с помощью водяной бани. Судя по всему, процесс протекал достаточно длительно, по крайней мере до тех пор, пока не выкипела вода. Затем колба лопнула и произошел взрыв. Лишь по счастью не случилось пожара. Нагревательная спираль перегорела в нескольких местах.

— Что именно экстрагировалось и чем? — спросил Люсин, поднося к носу помутневшую стекляшку.

— Какое-то корневище, — с сомнением, склонив голову к плечу, ответил Крелин. — Предположительно — спиртобензолом. Окончательный ответ даст лаборатория.

— Вам понятно, товарищи? — спросил Гуров, делая торопливые пометки в блокноте.

— Чего же тут непонятного? — отозвалась Таня. — Мы бензол по химии проходили. Це-шесть-аш-шесть. До сих пор помню.

— Вам хорошо, вы, наверное, отличницей были, а я так все перезабыл, — посетовал Люсин.

Крелин, по опыту знавший, как глубоко тот влезает в проблемы, связанные с криминалистикой, деликатно отвел глаза.

— Что бы еще ты счел необходимым отразить в протоколе, Яша? — спросил Люсин, сосредоточенно глядя себе под ноги. — Пробка от колбы нашлась?

— Да, я обнаружил ее в связке травы, что сушилась над печкой, — утвердительно кивнул Крелин. — Товарищи видели.

— Соскребы делать не будешь? — Люсин критически оглядел забрызганный потолок.

— Нет необходимости. Зная характер жидкости и объем, легко рассчитать силу взрыва.

— Ясно, — удовлетворенно кивнул Люсин, но тут же озабоченно нахмурился. — А температура?

— Пока в бане оставалась вода — сто градусов, а потом не выше температуры кипения жидкости, — обстоятельно пояснил эксперт.

— Наука! — Караулкин почтительно поднял палец. — Выходит, авария у Егора Мартыновича произошла, я так понимаю?

— Верно, отец, — скрывая улыбку, подтвердил Крелин.

— Ну, а он-то куда подевался? Сам, так сказать... Не в окно ж вылетел, прости господи.

— Эка! — осуждающе покачала головой Степановна. — Так они тебе и скажут. — И губы поджала в ниточку.

— Придет время, скажем, — пообещал Люсин. — А пока я бы хотел переписать заголовки некоторых книг. Может пригодиться.

За окном, зияющим острозубыми, выгнутыми, как парус, осколками, наливалась синью вечереющая даль.

Оставляя без внимания справочники и монографии по специальности, охватывающие чуть ли не все ответвления необозримой химической науки, Владимир Константинович сосредоточил внимание на старинных изданиях, отсвечивающих золотым тиснением кожаных корешков. Вместе с фотокопиями у него получилось около двухсот наименований.

Судя по всему, Георгий Мартынович Солитов был широко и всесторонне образованным человеком. Лишь с помощью его рукописных пометок Люсину удалось кое-как выполнить поставленную задачу. И немудрено, потому что китайские иероглифы, равно как санскритские и тибетские буквы, оставались для него тайной за семью печатями. Как, впрочем, и для подавляющего большинства людей. Не исключено, что и сам Солитов не владел редкими восточными языками и пользовался услугами переводчиков. Но как бы там ни было, а его комментарии, выполненные бисерным каллигра-

фическим почерком, обильно уснащали фотокопии рукописей: знаменитой «Бэн-цао-ган-му»[1] Ли Шичженя, древнеиндийской «Яджур-веды»[2], тибетской «Жуд-ши»[3].

С рукописью Диоскорида, отснятой со средневекового пергамента, разобраться было куда легче. Это название Люсин перевел на свой страх и риск как «Лекарственные вещества». Сумел разобраться он и с книгами Раймунда Луллия, Теофраста Бомбаста Парацельса фон Гогенхейма, Альберта Великого и Николая Фламеля, иногда писавшего, к радости неопытного переводчика, по-французски. Что же касается «Изборника Великого князя Святослава Ярославовича», переписанного в 1073 году с болгарского свитка, то с ним Владимир Константинович разделался, что называется, шутя.

Изданную в 1789 году в России книгу «Врачебное веществословие, или Описание целительных растений, во врачестве употребляемых» он даже решил включить в список для временного изъятия. Ведь именно это, составленное все тем же Максимовичем-Амбодиком сочинение, буквально раскрытое наугад, дало ключ к пониманию малознакомого старшему оперуполномоченному МУРа слова «вертоград». Узнав, что загадочный вертоград означает и сад, и огород, и одновременно травник, Люсин не только уяснил существо одноименного труда, переведенного в семнадцатом веке Николаем Булевым, но и нашел единственно подходящее определение для ботанических изысканий Георгия Мартыновича. Огороженный дощатым забором земельный участок, где произрастали зелейные коренья и травы, столь поразившие люсинское воображение, и был самый что ни на есть доподлинный вертоград.

— На дворе уже ночь, поди, и ветер поднялся, — заметил Борис Платонович.

— Ветер? — не понял Люсин, возвращаясь из своего далека. — Какой еще ветер?

— А вы посидите здесь часик-другой, тогда узнаете, — желчно поежился Гуров. — Ишь задувает...

— Задувает, говорите? — Люсин задумчиво закусил губу. — Аглая Степановна, голубушка. — Просветленный внезапной догадкой, он подступил к старой домоправительнице. — Как говорится, не в службу, а в дружбу откройте-ка на минуточку входную дверь.

— Это еще зачем? — Она не двинулась с места.

Остальные — кто недоуменно, кто, словно прислушиваясь к чему-то, — уставились на него.

— Ну пожалуйста, бабушка...

— Ведь не отвяжется, будь ты неладен!

Она тяжело поднялась и зашаркала к выходу. В наступившей настороженной тишине было слышно, как звякнуло в сенях неловко задетое ведро. Затем заскрежетал засов и ржаво заскрипели давно

[1] «Основы фармакологии».

[2] «Наука о жизни».

[3] «Сущность целебного».

несмазанные петли. И тут же холодный порыв из окна подхватил с таким трудом разложенные бумаги, закружил их вокруг печи, отозвавшейся утробным урчанием. Распахнутая дверь подалась и вдруг захлопнулась с пушечным выстрелом, прокатившимся по всему дому.

— Вот вам и первый ответ, — сказал Люсин, отмыкая защелкнувшийся при ударе замок. — Спасибо тебе, Степановна! Можно закрыть.

Глава третья

БОЛОТНОЕ ЗЕЛЬЕ

Условившись встретиться с Гуровым на «нейтральной почве» — возле ЦУМа, Люсин заглянул в охотничий магазин на Неглинной, где и приобрел полсотни дефицитных латунных гильз калибра тридцать восемь к своему бельгийскому ружьецу. Забирая у продавщицы мелодично позвякивающую картонную коробку, он мысленно выругал себя за бездумную импульсивность, ибо патроны да и само ружье были ему совершенно без надобности. За всю жизнь он ходил на охоту раза три-четыре — не более. Причем со времени последней вылазки благополучно минуло шесть лет. Промерзнув тогда двое суток на озере, он подранил чирка, который то ли упал далеко в воду, то ли затерялся в камышах. Одним словом, неудобный сверток — к гильзам незаметно добавилась банка пороха и дробь — лишь обременял руки, ничего не обещая душе.

Гуров уже ожидал на скамейке, дымя сигаретой и печально поглядывая на очередь за пирожками. На покупку, которую Люсин деликатно отодвинул подальше, он не обратил никакого внимания.

— Напрасно вы не согласились навестить нас, Владимир Константинович, — упрекнул он. — Могли бы пообедать вместе. У нас, между прочим, недурно кормят.

— Едал я за прокурорскими столами. — Люсин не удержался и чихнул на выкатившееся из-за крыш солнышко. — Больно уж захотелось на свежем воздухе посидеть.

Гуров покосился на него и скептически хмыкнул.

— Есть новости?

— Все новости у вас, Борис Платонович.

— Тогда у нас с вами не густо... Проверили мы Солдатенкову.

— Ну и как?

— Вроде была на Шатуре в те дни.

— Вроде?

— Нет, действительно была. Старуху там знают. Выехала утром двенадцатого, отбыла шестнадцатого. Ее даже провожали ка-

кие-то дальние родственники. Но чистого алиби не получается. Знаете, чем она занималась? Целыми днями по лесам-болотам бродила. Якобы за травами.

— Вы так говорите, Борис Платонович, словно у вас есть веские основания подозревать Аглаю Степановну. Не думаете же вы, в самом деле, что она под видом лесной прогулки тайно, причем с самой неблаговидной целью, возвратилась домой?

— Нет, не думаю. Однако стопроцентного алиби у нее нет. Это факт. Если желаете, можете иронизировать дальше.

— Скажите откровенно, Борис Платонович, вам что-нибудь не нравится в ее поведении? Я, например, обожаю таких старух. В них есть настоящее, понимаете? От языческой тайны земли, от материнской силы природы.

— Вот видите, какие мы разные люди. — Гуров нетерпеливо дрожащими пальцами выцарапал из смятой пачки новую сигарету и прикурил от окурка. — Вам нравится, а мне нет. Меня настораживает, что старики, знающие Солдатенкову, пусть полушутя, но называют ее ведьмой. И судимость, как вы понимаете, не приводит меня в особый восторг.

— Судимость? — насторожился Люсин. — Это уже новость! А за что?

— В связи с прерыванием беременности... В сорок шестом году. Вы в своих языческих восторгах попали в цвет.

— Далече копнули, — усмехнулся Люсин.

— Далече не далече, а все-таки штрих! Но и это не все. Куда интереснее представляется мне запись, относящаяся к Солдатенковой, в завещании Солитова.

— Вы нашли завещание? — Люсин с невольным уважением взглянул на следователя. — Ну и ну! У меня даже мысль в эту сторону не лежала.

— А у меня лежала, и именно в эту сторону, — порозовев от скрытого торжества, подчеркнул Гуров. — Согласно завещанию Солитова, депонированному в городской нотариальной конторе, дача в случае смерти завещателя переходит в полную собственность гражданки Солдатенковой. И часть денег тоже. С его личного счета в поселковой сберкассе. Есть и доверенность вкладчика на ее имя. Сумма, положенная на вторую сберкнижку в сберкассе по месту основного жительства, завещана дочери. Такие дела...

— Поздравляю, Борис Платонович. Быстрота и натиск. Гроссмейстерский стиль.

— Чего уж, — Гуров устало поморщился. — Помните, как у этих АББА? «Мани, мани, мани...» И немалые, должен вам сказать.

— Ничего удивительного. Профессор, завкафедрой... У него десятки внедренных изобретений, запатентованных лекарств.

— Лекарств? — Гуров заинтересованно поднял бровь. — Ах да, я и забыл! Конечно... Эту линию придется отработать как следует. Тут тоже далеко не все так просто, как кажется. Я не Солитова,

конечно, имею в виду. Что с него взять? Он весь как на ладони. Эксцентричный, доверчивый человек.

— А вы не сгущаете краски? — Невольно отдавая должное профессиональному мастерству следователя, Люсин внутренне ощетинился. Оценивая факты, которые можно истолковать в любую сторону, Гуров безапелляционно раздавал ярлыки, не утруждая себя поиском альтернативных решений. Годы неизбежно разрушают юношеский максимализм, сглаживая остроту эмоциональных всплесков. Однако опасное поветрие подозревать всех и каждого счастливо минуло Владимира Константиновича. Как и прежде, ему глубоко претил механистично-выборочный подход к людям. За ним частенько угадывалась нравственная слепота. — Приглядитесь поближе к Аглае Степановне. Не тянет она на роль злого гения, никак не тянет, — посоветовал он.

— Тянет, не тянет... Что за терминология, батенька? — Гуров настороженно подобрался. — Я ведь к внутренним голосам не прислушиваюсь, потому как это чушь собачья — внутренний голос. Я факты исследую, а факты — вещь упрямая. Думаете, я по одним сберкассам шастал? Ан нет! Я и в аптекоуправлении успел побывать.

— Интересно, — протянул Люсин, не понимая, куда клонит собеседник.

— А вы как думали? Кое-чего поднабрался у специалистов по фитотерапии. Не интересовались такой наукой?

— Почему не интересовался? Как раз сейчас читаю Максимовича-Амбодика. Причем с увлечением.

— Значит, идем параллельным курсом, — удовлетворенно потер руки Гуров. — Думаю, будет навар.

— Рано или поздно, — подал выжидательную реплику Люсин. — И что же вы узнали в аптекоуправлении?

— О, прелюбопытные вещи! — Гуров достал из внутреннего кармана сложенную вдоль школьную тетрадку. — Мне, понимаете, стало вдруг интересно, почему наша уважаемая Аглая Степановна выбрала для своей, так сказать, командировочки именно этот период, а не какой-то другой? Улавливаете?

— Улавливаю, — невольно улыбнулся Люсин. Увлеченность следователя была по-своему трогательна. Работал он мастерски. Ни единой ниточки не упускал, всесторонне исследуя алиби. — Надо полагать, нашли что-то особенное против нашей ведуньи?

— Против? Не знаю, — нервно передернул плечами Гуров. — Это уж как посмотреть. Но вот «за» определенно не нашел... Смотрите, что у нас получается. — Он надел старомодные, подлатанные проволочкой очки и раскрыл тетрадку. — Всякое лекарственное растение содержит в себе одно или несколько действующих начал. Так? Иногда эти целебные свойства бывают присущи всему растению, но чаще активные вещества сосредоточиваются только в определенных его частях: цветке, семенах, листьях, корневище. Согласны?

— Полностью вам доверяю, Борис Платонович.

— Не мне — науке. Я только законспектировал показания экспертов... Переходим, однако, к главному. Эффективность действующих начал, содержащихся в лекарственных травах, — прошу сосредоточить на этом внимание, — не одинакова в различные периоды роста и сильно колеблется в зависимости от сезона. Поэтому время сбора приурочивается к моменту наибольшего содержания целебных соков.

— Я вас от души поздравляю, Борис Платонович!

— Нет, погодите! — С рьяностью неофита Гуров спешил обнародовать обретенную истину. — Тут не только общие рассуждения. Тут, можно сказать, конкретно! — Он торжествующе погрозил пальцем. — Так, например, если в дело идет все растение целиком, то сбор приурочивают к началу цветения. Тогда же заготавливают и растения, у которых наиболее активна надземная часть, или, говоря попросту, травы. Семена и плоды собирают в период их полного созревания, кору — весной, когда пробуждается сокодвижение, корни — преимущественно поздней осенью.

— Прямо календарь! — прокомментировал Люсин.

— Мало сказать! — хитро прищурился Гуров, — Учитываются и синоптические особенности. В частности, сбор надземных частей растений, в особенности цветков, производится исключительно в сухую погоду и по сходе росы, иначе все сгниет к чертовой матери или саморазогреется от всяких там микробов. — Он отер лоб изжеванным платком и бережно спрятал тетрадь. — Короче говоря, Владимир Константинович, я задался вопросом: что именно надеялась собрать Солдатенкова в середине августа, когда многие травы уже отцвели, семена перезрели, а корни еще не нагуляли веса? Ей что, в окрестных лесах стало тесно? Или места на участке не хватило? В чем дело, я вас спрашиваю?

— Притом все эти дни шли дожди, — со вздохом заключил Люсин, разматывая клубок причин и следствий. — Ваши подозрения обретают серьезную почву.

— С дождями как раз неувязочка, — досадливо цыкнул Гуров. — Между двенадцатым и пятнадцатым на Шатуре было ясно. Я справлялся.

— Не сомневаюсь. Вы все и всегда доводите до конца?

— Да, все и всегда.

— Тогда вам остается проверить немногое. Прежде всего, — загнул палец Люсин, — требуется установить, какие растения все же продолжают цвести в середине августа. Это раз. Затем я бы на вашем месте поинтересовался, какие виды шатурской флоры дают именно в этот период семена высшей кондиции. Я уж не говорю о том, что всегда есть надежда отыскать у соседа нечто особенное, чего не найдешь в собственном огороде.

— Вы это серьезно? — Голос Гурова обиженно дрогнул.

— Вполне. Довожу до логического завершения вашу идею.

— До абсурда доводите!.. Разве вам не все ясно?

— Пока ясно только одно: когда мы мокли под ливнем, в Шатуре стояла отличная погода. Остальное — в области гипотез.

— В принципе вы правы, — вынужденно признал Гуров, — но это временная правота формалиста и буквоеда. Тем не менее я проверю. Но Солдатенковой придется облегчить наши ботанические разыскания. — Он иронично скривил губы. — Пусть посвятит в тайны своей знахарской кухни, а мы проконсультируемся потом у специалистов. Надеюсь, вы не против? Тогда и поговорим про цветы, про семена...

— Можно и так, — кивнул Люсин, задумчиво покусывая губу. — Надеюсь, мы не совершим большого греха, если слегка совместим следственные действия с розыскными?

— Что вы имеет в виду?

— Не будете возражать, если с ней побеседую я, Борис Платонович?

— Нет, разумеется, но почему обязательно вы?

— А вдруг она и вправду не захочет говорить с вами? — Беглой улыбкой Люсин дал понять, что шутит. — Нет, в самом деле, нам очень нужно как-то сориентироваться во времени. Когда произошел этот злосчастный взрыв? Когда ушел из дому Георгий Мартынович: до или после?.. Без ответа, пусть хотя бы приблизительного, мы не сдвинемся с мертвой точки.

— У вас есть конкретные идеи?

— Есть. Но я вам расскажу после экспертизы. Из чистого суеверия, Борис Платонович.

— Вам виднее. — Гуров поспешно поднялся. — Значит, отказываетесь от совместной трапезы?

— Только сегодня, — уточнил Люсин.

Люсин вернулся к себе в управление, что называется, в растрепанных чувствах. Добытый Гуровым материал, причем в рекордно короткие сроки, спутал все карты. Факты были вескими, требующими самой серьезной проверки. Такие, даже при самом сильном желании, не сбросишь со счетов. Впрочем, не это главное. Труднее всего оказалось примириться с мыслью, увы, справедливой, что в результате всего претерпело жесточайшее потрясение хлипкое сооружение, возведенное Люсиным. Дымом развеялись приблизительные контуры, начертанные им в безвоздушном пространстве. «Картинка», так он именовал первоначальную интуитивно угадываемую модель, рождавшуюся где-то на зыбких границах подсознания, была загублена на корню. Она не вырисовывалась в воображении, а без этого он не мог приступить к работе над версией. Гурову удалось поколебать самый остов, нарушив, да что там нарушив — перемешав до неразличимости исходную расстановку сил. Владимир Константинович понимал, что не сможет теперь абсолютно непредвзято, с легким сердцем и чистым взглядом провести встречу с Аглаей Степановной. А без этого разговора может и вовсе не получиться. Огромный массив провернул Борис Платонович, нужный, важнейший, да вот бе-

да — немножечко рано. Не для работы в целом, разумеется, а лишь для него, Люсина. Преждевременно возникли эти деньги, сберкнижки и прочие аккумуляторы людских вожделений, вытесняя со сцены что-то неизмеримо более важное, чему еще только предстояло выкристаллизоваться.

Угрюмо-сосредоточенный Люсин в поисках хоть какой-нибудь опоры поднялся в НТО[1], хотя твердо знал, что анализы еще не готовы. Здесь, среди сверкающего кафеля стен, звона лабораторного стекла и убаюкивающего гудения мигающих индикаторами электронных блоков, ему было не так одиноко, не так беспросветно пасмурно на душе.

— Рано вы, голубчик мой, препожаловали, — встретил его седой розовый старичок в безупречно отглаженном белом халате. — И что за нетерпение такое?

— Нет, Аркадий Васильевич, вовсе не нетерпение. — Люсин напустил на себя благодушно-угодливый вид. — Так, маюсь со скуки, не ведаю, куда руки приложить.

— Будто я вас не знаю! Слава богу, вот уже... Сколько лет мы с вами знакомы? Десять?

— Пятнадцать, Аркадий Васильевич.

— Вот видите! А вы все не меняетесь. Вынь да положь! Судьба ваша зависит от этих минут? Жизнь?

— Иногда и зависит. Не моя, конечно, чужая.

— Но ведь так у всех здесь. Не у вас одного. Или вы все-таки уникум, Люсин? Вундеркинд, который не замечает, что давно вырос из детских штанишек?

— Не обижайтесь, мой дорогой, мой добрый Аркадий Васильевич. Но я и правда просто так к вам зашел. Не ради анализов, будь они трижды прокляты. Анализы подождут.

— В самом деле? — недоверчиво покосился на Люсина старичок и пощипал куцую бороденку. — Это что-то новое. Так и есть. Вы придумали совершенно особенный фортель! Сознавайтесь, я вас насквозь вижу.

— Я вам правду говорю, Аркадий Васильевич. Может быть, первый раз в жизни.

— Льстецы не знают, что такое правда.

— Я сбросил эту презренную маску.

— Значит, не станете больше делать вид, что ни с того ни с сего совершенно взадых увлеклись количественным анализом? Что прямо тут же на места умрете, если вам не показать, как синеет раствор, когда меняется валентность меди?

— Как вы все хорошо помните.

— И бутанскими марками меня соблазнять не будете?

— Кончились бутанские марки. Та серия попалась мне совершенно случайно в киоске «Союзпечати» на улице Горького. Я наврал вам про друга из Монте-Карло.

[1] Научно-технический отдел.

— Тогда я отказываюсь понимать, что с вами творится. Значит, вы просто больны, Люсин.

— Очень даже возможно... Помните у Леконта де Лиля? «Я воплощу любой твой бред: скажи, в чем дело?» — «О дьявол, я ему в ответ: все надоело».

— Мерси на добром слове. Выходит, я дьявол?

— Я, быть может, и был когда-то льстецом, но не до такой же степени.

— А что? Остроумно. — Сунув руки в карманы халата, Аркадий Васильевич принялся методично покачиваться с каблуков на носки. — Кроме шуток, Люсин, эти ваши анализы действительно не терпят промедления? Уж больно сложное дело вы нам подкинули. Вроде той дохлой кошки, помните?

— Я-то помню. Как вы не забыли?.. Дело и вправду непростое. Судите сами: бесследно пропал человек, кстати, ваш коллега химик. В его доме до или после произошел взрыв. И хотя «после этого» не означает «вследствие этого», какая-то связь между этими событиями, несомненно, есть... Кстати, вам не встречалось имя Георгия Мартыновича Солитова? Может, в научных трудах? Он профессор.

— Э, друг мой, нынешняя химия — что твой океан! Я и по специальности-то далеко не все читать успеваю. Полистаю иногда реферативный журнал, и будет с меня, пенсионера... Значит, взрыв, говоришь. Что же, вполне реальная штука. Смесь паров эфира и спирта — это не шутка.

— Как «эфира»? — не сдержал удивленного восклицания Люсин. — Разве не спиртобензол?

— Кто сказал подобную ересь?

— Крелин... Правда, предварительно, в порядке предположения...

— Тоже мне эксперт! Химик! Трассология, баллистика, извини меня, кровь — это его дело, тут он кумекает.

— Не суть важно, пусть будет эфир. А маслянистые пятна тогда откуда?

— Смолы и прочие экстрактивные вещества. Жутко трудная смесь. Нам в ней не разобраться. Впору специальное НИИ создавать. Да и спирт не простой оказался. Я бы даже рискнул сказать — особенный. Нечто вроде коньячного.

— Шутить изволите?

— Нет, я серьезно. Твой профессор самогоноварением не увлекался? Сейчас многие балуются.

— Только этого мне не хватало... Силу взрыва рассчитать сможете? В самом первом приближении.

— Плевое дело.

— Большего мне пока и не надо. А на смолы наплюйте — не до научных открытий...

— Спасибо, Люсин, снял камень с души. У меня от этих смол головокружение. Все хроматографические колонки загружены.

— Извините. Это мы по безграмотности задание неправильно сформулировали. Главное — взрыв... Мы еще вам корешок какой-то сдавали. Если не очень сложно... Короче говоря, хотелось бы знать, что за диковина такая.

— Попробуем, чем черт не шутит.

— Возможно, мы узнаем тогда, какой гомункул вызревал в реторте, — пошутил Люсин.

Визит в лабораторию, несмотря на полное отсутствие каких бы то ни было конкретных результатов, все же принес известную разрядку. Люсин был рад и тому, что хоть немного успокоился, переключился. На своем столе он нашел должным порядком оформленное заключение дактилоскописта. Обнаруженные на стеклянных предметах отпечатки принадлежали одному и тому же лицу, которое в картотеке не значилось.

Скорее всего, сам Солитов — напрашивался единственно приемлемый вывод.

Перелистав перекидной календарь, Владимир Константинович позвонил в МХТИ, на кафедру.

Глава четвертая

МАЗЬ ВЕДЬМ

Люсин проснулся задолго до сигнала будильника в угнетенном состоянии духа. В неравном единоборстве с бытом он терпел поражение за поражением. При одной мысли о накопившейся груде самых неотложных дел панически сжималось сердце. Квартира пребывала в удручающем небрежении. Пластиковый мешок уже не вмещал истосковавшегося по прачечной белья. В кухне стало некуда деться от стеклянной посуды всевозможных калибров. Бог с ними, с пустыми бутылками, но когда даже майонезные баночки, потеряв всякий стыд, начинают неприкаянно перекатываться под ногами, значит, дело швах. Но если бы только это! Ждал своей очереди телевизор, который вдруг зачем-то перешел на трансляцию негативного изображения. Испарившийся на добрую треть аквариум, где за напрочь позеленевшими стеклами, возможно, еще и плавали одичавшие рыбы, терзал и без того уязвленную совесть. И нужно было платить за коммунальные услуги, прежде всего за телефон, и выкупить подписные тома, и вызвонить сантехника, чтоб заменил прохудившийся смеситель. О второстепенных проблемах, вроде химчистки или книг, для которых не хватило места на стеллажах, даже и думать не стоило. Все, что непосредственно не угрожало жизни, могло подождать.

«Заболеть, что ли», — тоскливо возмечтал Люсин, вылеживая оставшиеся до подъема минуты. С того счастливого субботника, когда Лялька, жена Березовского, объявив всеобщую мобилизацию, кое-как наладила его холостяцкое жилье, минуло добрых четыре месяца, отмеченных безжалостным нарастанием энтропии или, попросту, хаоса. Едва ли в обозримом будущем судьба вновь одарит подобной удачей. Неловко даже мечтать о таком порядочному человеку. После звонка неумолимо сжимавшаяся вокруг горла петля дала слабину. День покатился по наезженной колее.

По пути в управление Люсин ухитрился забежать в сберкассу, где сделал широкий жест, оплатив телефон за полгода вперед. Этот в значительной мере символический акт — остальные платежи были заморожены до получки — помог ему окончательно сбросить

унизительное бремя забот, которые почему-то считаются мелкими. Окрыленный удачей, он позвонил в МХТИ и с поразившей его самого легкостью вышел на ученого секретаря кафедры — Наталью Андриановну Гротто. Если б кто знал, как нужна была ему эта неуловимая женщина! Одна из немногих, кого Солитов дарил безраздельным доверием. Не опуская трубки, Владимир Константинович соединился с гаражом. Через семь минут он уже был на Миусской, где за чугунной оградой сквера пламенели, предчувствуя близкую осень, роскошнейшие в старой Москве клены.

Институт жил отголосками приемной страды. В сумрачном вестибюле слонялись еще сохранившие надежду абитуриенты, чьих имен не оказалось в списках, и как в воду опущенные родители. С какой завистью смотрели они на оживленно озабоченных парней и девушек с набитыми консервными банками рюкзаками. Зачислены, распределены по группам и едут теперь на картошку — счастливцы! Настоящие баловни судьбы.

Люсин, чье обычно безотказное удостоверение оказалось малодейственным в сложившейся обстановке, был вынужден чуть ли не клясться, что он не к ректору и вообще не по приему.

Взлетев по широкой старинной лестнице на третий этаж, он быстро нашел обитую искусственной кожей дверь с табличкой: «Кафедра биоорганической химии». На другой, привинченной чуть пониже, перечислялись академические титулы Г.М. Солитова. Отчужденно, как с надгробной плиты, блестели амальгамированные буквы.

Наталья Андриановна, оказавшаяся не только доцентом, но и настоящей красавицей, приняла Владимира Константиновича в кабинете шефа.

— Есть какие-нибудь известия? — Ее зеленоватые глаза тревожно расширились. — О Георгии Мартыновиче?

— К сожалению, ничего нового. — Люсин ненароком окинул темные резные шкафы и старые кожаные кресла. Пожалуй, ничто в этой сумрачной комнате, сберегавшей канцелярский стиль минувших эпох, не выдавало эксцентричных пристрастий владельца. И прежде всего корешки за стеклянными дверцами: пузатые справочники на русском, немецком и английском языках, химические журналы, учебники. Никакого золотого тиснения. Сплошь сиротский коленкор отчетов и диссертаций.

— У нас дважды было полное переоборудование. — Она по-своему истолковала его ищущий взгляд. — Но Георгий Мартынович попросил ничего не трогать... Садитесь сюда, тут вам будет удобнее.

— Я рад, что наконец смог увидеться с вами. — Люсин сначала присел на вытертый до блеска краешек, а потом осторожно продвинулся вглубь. — Вам передавали, что я звонил?

— Да, мне говорили... Я ведь ничего не знала. Только вчера вернулась в Москву — и на тебе... Кошмар какой-то! До сих пор в себя не приду. Как, по-вашему мнению, есть хоть какая-нибудь надежда?

— Надежда на что, Наталья Андриановна? — спросил он с печальной прямотой.

— Найти Георгия Мартыновича, — затрудненно сглотнув, пролепетала она.

— Найти, — вздохнул Люсин, включив портативный магнитофон. — Ничего, если я запишу наш разговор? Ведь никогда не знаешь заранее, какая мелочь может неожиданно пригодиться...

— Пожалуйста, — с несколько нарочитой небрежностью разрешила Наталья Андриановна. — Есть хоть какие-нибудь шансы на то, что он... еще жив?

— Вы сами верите в это? Ведь сколько времени прошло...

— Вы правы, конечно. — Наталья Андриановна развела и тотчас вновь соединила кончики пальцев. — Но старики иногда уходят из дому. Вы понимаете? Мой покойный отец однажды пропадал целых два дня... Впрочем, что я болтаю? Простите.

— Разве у Георгия Мартыновича наблюдались сенильные[1] явления? — заинтересованно подался вперед Люсин.

— Нет, — взволнованно поежилась она. — Конечно же нет. Еще раз простите.

— Помилуйте, Наталья Андриановна, за что?.. Вы уже знаете подробности? Я имею в виду взрыв и все прочее?

— Да, от коллег.

— Как бы вы прокомментировали подобное происшествие? Забывчивость? Рассеянность? Ведь он ушел, не отключив нагреватель. Значит, случилось нечто экстраординарное, его куда-то спешно вызвали, или он сам вдруг о чем-то вспомнил... Другого разумного объяснения я пока не вижу.

— Забывчивость? — медленно покачала головой она. — Только не в таком деле. Он же вообще не должен был ничего отключать.

— То есть как? — настороженно удивился Люсин.

— Экстракция, дистилляция, перегонка — все эти процессы он вел обычно беспрерывно, много дней. Собственно, лишь по этой причине работы выполнялись на дому, в каникулярное время. В учебном институте, согласитесь, не так просто наладить, как у нас говорят, непрерывный цикл.

— У меня нет слов, Наталья Андриановна. Сами того не зная, вы ответили на один из главных моих вопросов.

— Нет, я знала, что вы об этом спросите, — с живостью возразила она. — Как же иначе?

— Знали? Но почему?

— Разве можно без помощи специалиста разобраться в том, чем занимался Георгий Мартынович и что в конце концов послужило причиной взрыва? Для меня никаких неясностей тут нет. Узнав подробности, я сразу же восстановила полную картину.

— Вы очень обяжете меня, если поделитесь своими соображениями.

---

[1] Старческие.

— Это мой долг. Спрашивайте. Что вас в первую очередь интересует?

— Меня интересует все. И разговор у нас, если позволите, будет долгим, — доверчиво улыбнулся Люсин. — Начнем поэтому с главного. Вы сказали, что Солитов не должен был отключать нагреватель. Ведь так?

Она согласно закивала.

— Верно-верно...

— Он вышел из дому, оставив свои колбы благополучно кипеть?

— Не иначе рассчитывал скоро вернуться.

— Во всяком случае, до того, как выкипит водяная баня?

— Но почему-то не возвратился. — Гротто задумчиво сложила руки на коленях.

— Это «почему-то» и есть главное, Наталья Андриановна. — Люсин энергично припечатал ладонью кожаный валик. — А теперь расскажите про вашего шефа. Мне необходимо понять, что он за человек.

— Редкий, прекрасный, каких теперь не бывает. — Она медленно отвела потемневшие глаза.

— Продолжайте, пожалуйста, — тихо попросил Люсин.

— Я не умею так... Слишком много всего, разного... Это ведь жизнь, большой отрезок жизни. Всего и не перескажешь. Вы лучше спрашивайте.

— Пусть будет так. — Люсин сосредоточенно сдвинул брови. — Начнем, пожалуй, с основного. Почему Георгий Мартынович, человек весьма пожилой и не очень здоровый, вел столь оригинальный образ жизни? Вместо того чтобы отдыхать, вкушая, как говорится, сельские прелести, он работает. И как работает! Даже ест у себя в кабинете. Невзирая на отпуск, днем и ночью что-то варит, анализирует. Добро бы еще выращивал на грядках всякие сорняки — мало ли бывает увлечений, — но он кипятит какие-то корешки в едких растворителях, разлагает, смешивает и все такое... Подвижник, которого заклинило на моноидее? Экстравагантный фанатик? Вдохновенный творец, нащупавший золотую жилу?.. Кто он, Наталья Андриановна?

— Трудно ответить определенно. — Сдерживая волнение, она никак не находила нужных слов. — Его образ не вмещается ни в одно из ваших определений. Георгий Мартынович... Все значительно проще, чем вам кажется, и вместе с тем намного сложнее. Георгий Мартынович действительно очень увлеченный человек, и ему удалось многое сделать в науке, но как бы это сказать?.. Он всегда стоял чуточку выше. Выше себя самого, своих увлечений и тем паче заслуг. Вы понимаете, что я имею в виду? Он воспринимал жизнь немножечко иронично. Вдохновение, творчество, о фанатизме я и не говорю, это не из его лексикона. Он стеснялся высокого штиля. К нему, пожалуй, больше подходит слово «любопытство». Он отличался удивительной, обаятельной любознательностью и плюс к тому редкой работоспособностью. Вообще, в нем неуловимо сочетались самые про-

тивоположные качества: умудренная зрелость и детская наивность, неутомимость и резкие перепады настроения... Не знаю, поняли ли вы меня, но то, что в другом человеке могло показаться чуть ли не экстравагантным, было для него органичным, естественным.

Люсин не сомневался в искренности Натальи Андриановны, но между образом, который она рисовала, волнуясь и трогательно выискивая слова, и тем, что непроизвольно соткался в его воображении там, на даче, зиял провал. Они не совмещались, едва намеченные, еще не облаченные плотью, контурные эскизы, разделенные полосой непроглядного мрака. Самоирония, постоянная готовность взглянуть с высоты, словом, все то, о чем говорила Гротто, лежало по одну сторону, а вертоград с его ядовитыми саженцами и укромной теплицей, где вызревали под пленкой неведомые плоды тропиков, — по другую. Тут не детской любознательностью попахивало, но сверхчеловеческим, маниакальным упорством. Она многие годы знала и, возможно, любила по-своему одного человека, а он увидел совсем другого и никак не мог расстаться с первоначальным наброском. Пусть он знал Георгия Мартыновича лишь по фотографиям из личного дела, что были спешно размножены и разосланы по соответствующим каналам. Однако за плоским черно-белым изображением взрывались стекла и кружились поднятые на воздух листки, утонченно орнаментированные латинской скорописью. Они немало значили, эти разрозненные фрагменты. Пусть не Фауст, выращивающий в колбе гомункула, но углубленный в забытые тайны искатель — вот какой портрет мозаично слагался из острозубых осколков, затуманенных темной накипью. Отсюда, от печки, переделанной под алхимический горн, и нужно было начинать осторожный танец.

— Вы так хорошо сказали об увлеченности. — Люсин сделал первый шаг. — Но каков сам предмет увлечений? Георгий Мартынович держал вас в курсе своих исканий? Я имею в виду его, так сказать, домашние занятия.

— Не только я, вся кафедра, весь институт знали. Не в подробностях, само собой разумеется, в общих чертах. Сначала над ним подтрунивали, затем перестали. Так ведь всегда бывает в жизни. Человек должен отвоевать право остаться самим собой. К сожалению, это удается далеко не всем.

— Нужны определенные бойцовские качества, — нащупывая почву, подал реплику Люсин.

— Каждому свое. — По ее лицу пробежала мгновенная тень. — Одним природа дает клыки и когти, другим — веру и разум. Георгий Мартынович умел верить.

— И заражать своей верой других?

— Вот этого я бы как раз и не сказала. По своему складу он типичный ученый-одиночка. В глазах большинства доказательством правоты является не столько вера, сколько успех. От репутации законченного чудака шефа спасала удача. Он умел добиваться успеха в самый критический момент, когда все складывалось против него и вообще обстоятельства загоняли в угол. Только поэтому его

оставили в покое. И что вы думаете? После того как препараты пошли в серию, погода молниеносно переменилась. Вчерашние насмешники начали буквально осаждать просьбами. Кто для себя, кто для родственников, а кто, в расчете на ответную благодарность, — для влиятельных друзей.

— Вы имеете в виду... — наклонился к ней Люсин, заговорщицки понизив голос.

— Ну конечно, лекарства, — подтвердила она. — Сейчас вообще распространилась мода на народную медицину: травы, иглоукалывание, экстрасенсы опять же всякие... Георгию Мартыновичу житья не стало от просьб. Как-то он даже пожаловался, что превращается в знахаря. Вы не представляете себе, как он страдал от столь неожиданной популярности. Она мешала ему работать и жить не меньше, чем интриги завистников и тайных врагов. Но что можно поделать? Ведь у каждого свои недуги. Шеф понимал и жалел людей. Отказывать он не умел. Любой лишенный ощущения деликатности человек мог вить из него веревки.

— Как вы хорошо сказали: «ощущение деликатности». Ну а если вернуться к интригам, тайным, опять же по вашему определению, врагам? Вы не усматриваете здесь никакой связи? — спросил он, обернувшись на скрип отворяемой двери.

Наталья Андриановна тоже покосилась на просунувшееся внутрь румяное личико.

— Здравствуйте, Наталья Андриановна! А я вас повсюду ищу! Можно? — В комнату непринужденно впорхнула девица в очках.

— Я сейчас занята, Марина. Зайдите через часик, — сказала Гротто и объяснила Люсину: — Моя студентка.

— Мы говорили о врагах, — напомнил Владимир Константинович и объяснил, шутя: — Простите профессиональную нацеленность.

— Уголовщина не наш стиль, — поняла она с полуслова. — В научных кругах приняты несколько иные методы, я бы сказала, более результативные...

— Приблизительно догадываюсь. Мне приходилось сталкиваться однажды... Но ведь лишняя информация не повредит? Кто, по-вашему, мог быть заинтересован в... устранении, скажем так, Георгия Мартыновича?

— Увольте меня от подобных вопросов, — упрямо покачала головой Наталья Андриановна. — Недоставало только, чтобы я начала перемывать косточки коллегам! За кого вы меня принимаете?

— Простите, но когда перед тобой полная неизвестность, невольно хватаешься за соломинку.

— Такая соломинка вас не вывезет. Поищите лучше в другом направлении, в других сферах.

— Пусть будет по-вашему, — с готовностью согласился Люсин, досадуя на свою оплошность. Разве не знал он, что там, где требуется вживание во внутренний мир человека, профессиональный опыт подчас не только не помогает, но даже становится досадной помехой. Привычка хороша, когда работаешь на конвейере. Вирту-

озная партия требует самозабвения. Каждый раз, как впервые, — высшее напряжение. Слепой полет в неизведанном пространстве чужой души.

— Вы же сразу схватили главное. — В ее голосе прозвучала нотка упрека. — Нужно прежде всего понять, что заставило Георгия Мартыновича оставить дом. Ненадолго, потому что он наверняка предполагал вскоре вернуться. Чем дольше я над этим думаю, тем большей проникаюсь уверенностью.

— Ну, и как по-вашему?

— Не нахожу однозначного ответа.

— И не обязательно. Дайте несколько вариантов.

— Кто-то мог позвонить, — неуверенно, словно вступая на неокрепший лед, предположила она. — Вызвать куда-то... Или прийти без предупреждения, а затем увести с собой. Как вы считаете?

— Вполне здраво, — одобрил Люсин. — Однако с той же степенью достоверности можно предположить и заранее обусловленную встречу. Сейчас не это важно, куда эта неведомая для нас фигура увлекла Солитова. Все варианты сводятся к одному: «кто-то». Итак, кто? Вам легче вычислить, чем мне.

— К сожалению, не знаю.

— Вот и получается, Наталья Андриановна, что мы от чего ушли, к тому и пришли. Такие задачки, как правило, непросто решаются. Неизбежно приходится отталкиваться от каких-то личностных особенностей, особенностей среды. Поэтому вновь взываю к вам: помогите. Мы должны воссоздать обстановку. Вы меня понимаете?

— Вполне понимаю.

— Тогда продолжим, с вашего разрешения. — И, заметив, что пленка кончается, Люсин перевернул кассету на другую сторону. — Сформулируйте, пожалуйста, поточнее, какой научной проблемой занимался Солитов, какие опыты ставил, что надеялся получить... Можете не бояться специальной терминологии. Мы потом разберемся.

— Проблема у всех нас одна: получение новых биологически активных веществ. Разумеется, каждый, в меру сил и способностей, ковыряется на своем участке, — вперившись отрешенным взглядом в окно, за которым скучно темнели жестяные крыши и трубы соседних домов, объяснила Наталья Андриановна. — Георгий Мартынович предпочитал свободный поиск. Владея несколькими языками, в том числе обязательной для фармаколога латынью, он, вполне естественно, я считаю, обратился к изучению старинной рецептуры. Поразительное чутье исследователя плюс возможности современной аналитической техники позволили ему довольно скоро выделить препарат, эффективно снимающей экстрасистолию...

— Простите, как?

— Восстанавливающий сердечный ритм, общим словом.

— Ясно. А почему он все-таки занялся историческими, так сказать, изысканиями, не знаете? Что послужило непосредственным толчком?

— В значительной мере собственные недуги. Дело в том, что он прожил очень нелегкую жизнь. Во всех отношениях. Не берусь судить, как все это могло сказаться на состоянии его здоровья, но оно, можете поверить, оставляло желать лучшего.

— Желчно-каменная болезнь, почки, немного печень? — слабо улыбнувшись, уточнил Люсин.

— Так вы знаете! — протянула она то ли разочарованно, то ли удивленно. — Значит, уже навели справки. Зачем, если не секрет?

— Пожилой человек ушел и не вернулся. Что прежде всего приходит на ум? Внезапный приступ, и далее в том же роде. Нужно было изучить такую возможность?

— Вы совершенно правы. Я ведь просто так спросила, чтобы понять логику ваших поисков.

— Ну и как?

— Теперь она стала яснее. У вас есть определенная система. Так на чем мы с вами остановились?

— К сожалению, на болезнях, Наталья Андриановна.

— Именно! — словно бы обрадовалась она. — Так вот, уважаемый Владимир... простите?

— Константинович, — подсказал Люсин.

— К вашему сведению, Владимир Константинович, он начал с того, что вылечился. Знаете мудрую заповедь? «Врачу, исцелися сам». Георгий Мартынович исцелился. И знаете чем?

— Если я верно догадываюсь?..

— Абсолютно верно: травами.

— Не без помощи Аглаи Степановны, надо полагать? — повинуясь внезапному наитию, спросил Люсин.

— Не без помощи?.. Она-то его и вытащила! Теперь вы знаете, что послужило отправной точкой. Получив неопровержимое доказательство могущества фитотерапии, большего, как вы понимаете, и желать было нечего, шеф занялся этим делом всерьез. С присущими ему целеустремленностью и глубиной. Отсюда его интерес к герметическим[1] дисциплинам, вроде алхимии, и как следствие — уникальные в наше время познания. Он задался грандиозной задачей: проверить древнее забытое знание методами современной науки. Не берусь судить, где тут кончается сугубо научный интерес и начинается нетерпеливая охота коллекционера, но за несколько лет ему удалось собрать уникальную библиотеку манускриптов, гравюр.

— Насколько я мог убедиться, это в основном фотокопии и перепечатки?

— О, есть и подлинники. И какие! Настоящие раритеты.

— На квартире, наверное?

— Да, он очень ими дорожит, буквально трясется над каждым листком. И редко кому показывает.

— Вам, например?

---

[1] Герметические дисциплины — закрытые, тайные.

— Раньше, когда я еще бывала у них на Чкаловской... Он часами мог, хвастая, как ребенок, демонстрировать свои сокровища. Мне даже скучно делалось, но я, конечно, не показывала виду.

— И правильно делали. Увлеченные люди обычно легкоранимы, обидчивы.

— Так оно и есть.

— Вы сказали «раньше», Наталья Андриановна, — попытался как можно бережнее уточнить Люсин. — Это случайная оговорка или за ней скрывается какая-то существенная перемена?

— Оговорка, — устало кивнула она, — на которой не стоит задерживаться. Вы не бойтесь: ничего из того, что действительно может иметь для вас интерес, я не утаю.

— Кто может знать, какому пустяку уготовано сыграть ключевую роль?.. Вернемся, однако, к сокровищам. — Люсин помедлил, многозначительно акцентируя каждое слово. — Сокровищам духа и сокровищам в денежном, так сказать, сугубо приземленном эквиваленте... Есть действительно ценные книги?

— И книга со знаком Альда Мануция, и розенкрейцерские тетради, и клочки подлинных египетских папирусов, и тибетские ксилографы, — словом, чего только нет.

— Крайне важный момент, — поощрил Люсин.

— Полагаете?

— Я успел навести кое-какие справки. Даже в наших букинистических магазинах какой-нибудь травник восемнадцатого века стоит огромных денег. Как минимум, моя годовая зарплата. Кстати, и ваша тоже, досточтимый товарищ доцент.

— Вот как? — Наталья Андриановна озарилась мгновенной улыбкой. — И какое это может иметь для нас с вами значение?

— Мало ли, — неопределенно двинул плечом Люсин. — А вы случайно не знаете, где именно доставал Георгий Мартынович столь редкие вещи?

— Точно сказать не могу. По-видимому, покупал у кого-то, менялся... Как это обычно делается?

— Так и бывает, — подтвердил Люсин. — Поэтому и хочется знать точно: у кого именно и с кем? Может, Аглае Степановне известно?

— А вы поговорите с ней, сделайте такую попытку.

— Сложный случай?

— Не знаю, как для кого.

— Что она за человек, на ваш взгляд, разумеется?

— Да мне-то откуда знать, Владимир Константинович? Видела ее раза два-три, контакта не получилось... Вам вполне достаточно, что Георгий Мартынович в ней души не чаял. Я-то тут при чем?

— Я просто так спросил, по инерции. — Почувствовав, что для нее эта тема чем-то болезненна, Люсин поспешил вернуться на проторенную дорогу. — Может быть, вы знаете кого-то из коллекционеров, одержимых той же страстью, что Солитов, букинистов?

— О коллекционерах, признаться, даже не слышала, а вот каких-то книжников он как-то поминал, было... Но каких, извините, не помню.

— А когда, при каких обстоятельствах?

— Давно, знаете ли. И не по специальному поводу, а так, между делом.

— Конкретных имен не называлось? Адресов букинистических магазинов?

— Едва ли ятрохимические трактаты попадают в букинистические магазины, — снисходительно улыбнулась она. — По-видимому, вы даже не представляете себе, какая это редкость.

— Всяко бывает, Наталья Андриановна, уж вы мне поверьте... Кстати, что это значит — ятрохимические? Первый раз слышу.

— Лечебная химия, от греческого «ятрос» — врач.

— У Солитова есть такие?

— Кое-что есть. Не Парацельс, конечно, но...

— Это который Теофраст Бомбаст фон Гогенхейм? — доверительно подмигнул Люсин.

— Подумать только! — Наталья Андриановна даже руками всплеснула. — Примите мои поздравления, товарищ милиционер!

— Случайно в памяти застряло, — смущенно признался Люсин.

— Уж не проходил ли он у вас по какому-то делу? — пошутила она. — Я бы не удивилась.

— Очень может быть, Наталья Андриановна, — уронил он с усталой небрежностью, поймав себя на том, что ему приятно выглядеть в ее глазах в выгодном для себя свете. — Why no?[1] Сейчас я припоминаю, что именно Парацельсу приписывали открытие эликсира бессмертия. Так?

— Если б ему одному! А Василию Валентину? А Луллию? Амбруазу Парэ, наконец, Макропулосу? Но вообще-то Парацельс был по-настоящему великим ученым. Хотя и не без заблуждений, свойственных эпохе. «Ятрохимик есмь, — говаривал он о себе, — ибо равно ведаю химию и врачевание».

— Химию или алхимию? — с тонкой улыбкой поинтересовался Люсин, немало почерпнувший из солитовских записей.

— Ятрохимию, — внесла необходимое уточнение Наталья Андриановна. — От иллюзий златоделания он решительно отказался, но полностью с алхимией не порвал. Да и чего вы хотите? Каждый человек — сын своего века. Стоя одной ногой уже в новом времени, Парацельс оставался, однако, в плену магических представлений о всеобщей симпатической связи... «Никто не докажет мне, что минералы безжизненны, ибо их соли, колчеданы и квинтэссенции жизнь человеческую поддерживают. Утверждаю решительно, что металлы и камни наделены жизнью, как и корни, травы и плоды», — звучно прочитала она своим низким волнующим голосом,

[1] Почему бы и нет? *(англ.)*

найдя запись в календаре-семидневке. — Между прочим, любимая цитата Георгия Мартыновича.

— И он разделял мнение доктора обеих медицин — хирургии и терапевтики? — подпустив нужную дозу иронии, спросил отличавшийся завидной памятью Люсин.

— С вами приятно беседовать, Владимир Константинович, — оценила Гротто, одарив собеседника заинтересованным взглядом.

— Так да или нет? — Он поблагодарил церемонным наклоном головы.

— Разумеется, нет, потому что все мы — дети своего века... Но кое-какие рекомендации ятрохимиков ему здорово пригодились.

— В смысле эликсира бессмертия?

— К счастью, нет, потому что никаких точных указаний на сей счет история нам не оставила. Иначе бы Георгий Мартынович не замедлил произвести проверку... Даже я, невзирая на стопроцентный скепсис, не устояла бы перед таким соблазном.

— А это не страшно — бессмертие?

— Бессмертие — крайность, недостижимая мечта. Но продлить человеческую жизнь или хотя бы отодвинуть рубеж старости... Тут есть о чем помечтать, не правда ли?

— Солитов тоже так считал?

— Как вы жестко выдерживаете курс, — протянула Наталья Андриановна то ли в одобрение, то ли, наоборот, осуждая. — Всякий раз возвращаетесь к одному... Да и сама я только про это думаю. — Легким движением она смахнула упавшую на лоб прядь. — Из головы не идет.

— У меня тоже.

— Нет, заведомыми сказками Георгий Мартынович не увлекался, хотя и скрупулезно записывал всю ту ересь, которой обставляли свои опыты всяческие адепты спагерического[1] искусства. Он старался не пропустить ничего: ни лунных фаз, ни заклинаний. Как и вы, кстати, он считал, что может пригодиться любая мелочь.

— Даже заклинание?

— А вот представьте себе! Георгий Мартынович был глубоко убежден в том, что всякие таинственные формулы служили алхимикам для отсчета времени в темной лаборатории. Затем, вероятно, чтобы не пропустить нужный момент при дистилляции растительных соков, активность которых иногда быстро пропадает. Если требовалось, он выучивал наизусть какую-нибудь абракадабру и потом замерял длительность звучания по секундомеру.

— И помогало? В работе, имею в виду.

— На такие вопросы он обычно не отвечал. Отшучивался.

— А вы случайно не знаете, какие конкретно исследования вел Георгий Мартынович в самое последнее время?

— Только в самых общих чертах.

— И на том спасибо.

---

[1] Алхимическое искусство.

— Собираясь в отпуск, он говорил, что хочет продолжить свою работу над галлюциногенами-анестетиками.

— Обезболивание?

— Совершенно верно. Последние два года он со свойственным ему терпением занимался анализами всевозможных бальзамов. По старинным прописям, разумеется: западноевропейским, славянским, тибетским, даже южноамериканским. Это вам не эликсир бессмертия, тут действительно можно сделать потрясающие находки. Я почти не сомневаюсь в том, что именно этим он и занимался до самой последней минуты...

— Среди осколков колбы мы обнаружили фрагменты какого-то корневища. Не знаете, что это могло быть? Наши аналитики, к сожалению, не пришли к единому мнению. Вы нам не поможете?

— Надо посмотреть, — не слишком уверенно пообещала Наталья Андриановна. — Но боюсь, мне это не по зубам. Не лучше ли обратиться к ботаникам?

— Ботаники как раз и спасовали. Даже гистология не помогла. Трудный корешок попался, неизвестный для них.

— А по записям в лабораторном журнале установить нельзя? Георгий Мартынович все самым тщательным образом регистрировал. Вы хоть нашли журнал?

— Журнал-то мы нашли. — Люсин по старой, до конца не изжитой привычке почесал макушку. — Да уж больно темное дело, Наталья Андриановна, эти лунные фазы, латинские сокращения и прочая алхимическая заумь. Не потяну.

— Я попробую облегчить ваши поиски, но мне нужно подумать, проконсультироваться.

— Такое название, как Unguentum malaferum, вам ничего не говорит?

— Что-то очень знакомое. — Она словно бы прислушалась к себе. — Нет, извините, не могу вспомнить. Я не знаю латыни.

— Мазь ведьм, — подсказал Люсин. — Или ведьмовская мазь.

— Ах это! — Она просияла на миг. — Помню, помню... Георгий Мартынович что-то такое рассказывал. Даже обещал дать немного на пробу, если, конечно, получится. Мы еще смеялись по этому поводу.

— Смеялись?

— Ну конечно! Коллектив как-никак на девяносто процентов женский. — Она растроганно вздохнула. — Всем хочется...

— Это в ведьмы-то? — непритворно поразился Люсин.

— Счастья хочется, красоты, молодости...

— Помните, как несчастная Катлина натерла волшебной мазью Неле и Тиля Уленшпигеля? Уже из одного описания можно судить, что в состав снадобья входили галлюциногены и другие наркотические вещества, вызывающие частичную анестезию.

— И у него была такая мазь?

— Насчет мази сильно сомневаюсь, а вот рецептов более чем достаточно, хоть отбавляй. Что ни книга, то дюжина новых рецептов. Вас это в самом деле интересует?

— Самым живейшим образом. Дадите?

— Вам с молочаем, папоротником или предпочитаете белену?

— Сам не знаю.

— Это не ответ.

— Если бы я мог хоть на минуту поверить! — невесело пошутил Люсин.

— Во что? — не поняла его Наталья Андриановна.

— Да в это, в вашу волшебную мазь. Ведь прелесть! Намажься с ног до головы и лети себе за тридевять земель... Смех, а такая версия многое объясняет. Вы не находите?

— Могу предложить другую, не менее интересную. — Она не приняла шутки. — Маг-чернокнижник забыл заклинание и был унесен дьяволом. Как вам понравится? По-моему, здорово. Сюда и взрыв укладывается, и разбитое окно.

— Вы сердитесь, Наталья Андриановна? Я вас чем-то обидел, задел?

— Обидели?.. Просто мне сейчас не до юмора. Не то настроение.

— Я понимаю. Еще раз простите великодушно, если меня занесло.

— При чем тут это? — Она красноречиво глянула на часы. — Я понимаю: случай сложный, не за что ухватиться, вы озабочены, растеряны даже, но зачем же дурака-то валять? Какое вам дело до корешков, мазей и прочей, извините, ерунды? Разве в том дело? Или вы надеетесь таким путем напасть на след?

— Вы правы, надеюсь. — Люсин выключил магнитофон и встал с осточертевшего ему кресла.

Наталья Андриановна тоже не замедлила подняться.

— Тогда не смею вам мешать. — С видимым удовольствием она повела занемевшими плечами. — Там, — указала на комодик с алфавитными ящичками, — полная картотека растений, с которыми работал Георгий Мартынович. Остается лишь угадать, на какой карточке значится интересующий вас корешок. Желаю успеха, а мне, извините, пора — люди ждут.

Оставшись переживать в одиночестве — он так и не понял, чем вызвана столь неожиданная реакция, — Владимир Константинович рассеянно выдвинул первый попавшийся ящик: ива, имбирь, ирис, иссоп... Сотня, если не больше, растений и на каждое — десятки отдельных карточек. «Что ж, если нет другого выхода, можно попробовать, — рассудил он, — методом исключения. Не квинкефолиум, не кервель, не крестовник... Может, калган? Надо искать клубень, крупное корневище».

Переписав названия, на что ушло около часа, он бережно задвинул последний ящик. Затем, чтобы получить более полное представление о столь необычном хранилище, достал, разумеется наугад, картонку, озаглавленную «Репейник»:

Кроме того, что трава за обилие славится качеств,
Пьется растертой, живот избавляя от боли
жестокой.
Если же телу нежданно железо враждебные раны
Вдруг причинило, тогда на себе испытать подобает
Помощь ее, приложив растолченную к месту
больному
Ветку травы, — и тотчас же вернем
мы прежнее здравье
Этим искусством, к припарке добавив кусающий уксус.

На отвороте карточки значилось следующее:

«Валафрид Страбон (809-849 гг.). Из поэмы «О культуре садов», или «Садик». Источники: Квинт Серен, Самоник, Вергилий, Плиний Старший, Диоскорид, псевдо-Апулей, «Капитулярий» Карла Великого».

Куда как права была Наташа Гротто, утонуть тут ничего не стоило, сгинуть, что называется, с ушами.

Перед тем как уйти, Люсин еще раз оглядел застекленные полки, бегло перелистал блокнотики-семидневки. Адреса, телефоны, фамилии, часы встреч, аббревиатуры учреждений. И цитаты, и формулы, и даже рожицы. А ухватиться не за что. Ни малейшего кончика.

Глава пятая

РУИНЫ МОНСЕГЮРА

Посланная Люсиным через МИД телеграмма уже не застала Людмилу Георгиевну. Вместе с мужем, Игорем Александровичем Берсеневым, она отбыла в поездку по легендарным городам Ланге-дока.

— Берсеневы уехали? — спросил экономический советник, по-казав телеграмму секретарю.

— Вчера вечером... Но я примерно знаю, где они намеревались остановиться. Может быть, дать знать?

— Нет, пожалуй, не стоит, — после долгого раздумья покачал головой советник. — Все равно ничего не изменишь. Только отра-вим людям уик-энд. Они ведь и без того собирались в Москву?

— Во вторник. Я сам в «Аэрофлоте» бронировал. Так что не позже понедельника будут здесь.

— Значит, так тому и быть. Днем раньше, днем позже... Бедная Люда, — пожалел он, — веселенький ей предстоит отпуск.

Берсеневы между тем со скоростью ста восьмидесяти километров в час приближались к Тулузе. Как радовалась Людмила Георгиевна этой поездке! Облицованное драгоценным деревом купе первого класса с отдельным входом и ванной, стремительная смена декора-ций, изысканная кухня, скорость, комфорт. А впереди ожидали новые радости: старинные соборы, феодальные замки, потемневшие от времени полотна и гобелены.

В Тулузе Берсеневы намеревались арендовать в агентстве Хер-тца малолитражку, запастись путеводителями и взять курс прямо-хонько на Альби, где семь столетий назад зародилось еретическое движение, потрясшее устои феодальной Европы.

— Все твои фантазии! — добродушно проворчал Игорь Алек-сандрович, получив из рук хорошенькой брюнетки желтый конверт с ключом от машины. — Почему не Лазурный берег? Не Сен-Ми-шель, наконец, куда все так стремятся попасть?

— Вот именно все! — Людмила первой увидала на стоянке предназначенный им небесно-голубой «пежо». — Нам туда!.. Зато Монсегюра никто не видел. Притом, ты же знаешь, я обещала

папе... Он так мечтал посмотреть катарский замок! Даже представить себе не можешь, какой будет ему сюрприз. Как думаешь, там можно купить проспект?

— Можешь не сомневаться. Это добро продается всюду.

Машина завелась, что называется, с пол-оборота, и Берсеневы в безоблачном настроении вырвались на скоростную автостраду. Тугой волной бил в приспущенное окно теплый ветер, настоянный на ароматах буковых рощ. Мелькали виноградники на замшевых склонах холмов, оливковые деревья и неправдоподобно игрушечные городки с воронкообразными кровлями округлых башен и четко прорезанными зубцами крепостных стен. Крутой окоем нежно расплывался в солнечной дымке, а в поднебесье упоенно купались почти невидимые жаворонки. Накрытый туманной полусферой ландшафт цепенел в зачарованном сне. Поражало пугающее безлюдье и полнейшее отсутствие каких-либо движений. Одни лишь автомобили неслись сплошным многоцветным потоком. Их стремительный шелест сливался в однообразный рокочущий гул. И вздымались лохмотья газет с захламленных обочин, и острые песчинки скреблись о стекло.

На ночь переполненные впечатлениями отпускники остановились в окруженном двойной линией крепостных стен Каркассоне, в старомодной гостинице «Голубой щит». Уютно прилепившись к каменной толще башни Сен-Лорен, она выходила окнами на самую древнюю часть города. От суровой, тронутой глянцем столетий кладки веяло сгущенной в веках магической мощью. Остроконечные шпили и стрельчатые арки казались сошедшими с рисунков Доре. Берсенева даже припомнила сизый декабрьский день, когда счастливый, пунцовый с мороза отец принес домой свернутую трубкой гравюру, которую разыскал у букиниста. На ней была изображена точно такая же прямоугольная зубчатка и колючие, устремленные в беспредельность пики. Справившись с путеводителем, где остатки укреплений галло-романского периода смыкаются с внутренней стеной времен каркассонского виконтства, Людмила удовлетворенно, с сознанием выполненного долга опустила шторы. На рассвете им предстояло взять старт на Монсегюр.

Эта часть путешествия понравилась ей еще больше. Менялись не только ландшафты, но и времена года. Приморские пляжи, с их безупречными пальмами на фоне лазурно сверкающей глади, мрели в густо перетекающих волнах зноя. Здесь безраздельно царила ленивая праздность и вязкая, дремотная тишина. Зато когда дорога свернула к Пиренеям, погода резко переменилась. Задул пронзительный холодный мистраль. Небо заволоклось угрожающей темной завесой. Прямо на глазах потускнели обремененные плодами сады, и даже белые стены крестьянских домов приобрели серовато-унылый оттенок. Лобовое стекло покрылось косыми строчками мелких капель. По мере подъема на плато дождь сменился мокрым снегом. Дворники едва справлялись с липучей завесой медленно таявших хлопьев, напрочь смазавшей горизонт.

Автомобильчик упорно взбирался по круто загибавшему вверх серпантину, отчаянно сигналя и сверля слепую мглу воспаленным светом.

— Хватит валять дурака. — Игорь решительно притормозил у придорожного ресторанчика. — Себе дороже. Да и подзаправиться не худо как следует. Путь неблизкий.

— А здесь ничего, — одобрила Людмила, озирая современной работы витражи и грубо побеленные стены, декорированные косыми балками. К таким же благородно подморенным дубовым карнизам были прикованы бронзовые пятиугольники с геральдическим рисунком пчелы.

Взъерошенный молодой человек в ковбойке нехотя отложил книгу, в которую был всецело погружен, и вышел из-за стойки навстречу гостям.

— Мадам, мсье. — Он величаво обвел рукой пустующий зал с очаровательными, накрытыми клетчатыми скатерками столиками. — Чем могу служить?

— Нам бы пообедать слегка. — Щурясь на свет, потер руки Игорь Александрович. — Чего-нибудь местного, остренького.

— Рекомендую суп из раков по-ортезски. Кроме лангустов, мы кладем мелких омаров и крабов. В меру пикантно: чеснок, красный перец, чабер, петрушка, лимон.

— Замечательно! — обрадовалась Людмила, готовая съесть, что ни предложат. — А рыбы у вас нет? На горячее?

Игорь Александрович слегка дрогнул щекой, но ничего не сказал.

— Мы только что получили превосходных тюрбо. Наш повар — метр Бриссо — бесподобно готовит морскую рыбу в томатном соусе.

— Тюрбо? — Людмила неуверенно покосилась на мужа.

— Это такая камбала, дорогая, — объяснил он. — Должно быть вкусно.

— О да, очень вкусно, мадам... С базиликом, эстрагоном?

— Пожалуйста, я обожаю приправы.

Пока Берсеневы устраивались за облюбованным столиком, выдергивая льняные салфетки из старинных мельхиоровых колец, молодой человек обнаружил чудеса трансформации. Исчезнув за неприметной дверью, он вскоре возник в надетом поверх ковбойки сиреневом фрачном пиджаке. С его шеи уныло свисала цепь с анодированной блямбой, на которой был изображен омар с бутылкой в клешнях.

— Аперитив? — поинтересовался импровизированный метр-девин, вручая карту напитков.

— За рулем, — скорчил подобающую гримасу Игорь Александрович.

— А мне кока-колу, — тоном проказливой школьницы попросила Людмила.

— Вино?

— Полбутылки белого, — кивнул Берсенев, памятуя о рыбном заказе.

В мгновение ока возникла пузатая бутылка «Видамессы де Монсегюр», установленная на лафете на манер артиллерийского ствола. Игорь Александрович пригубил, посмаковал и кивком знатока одобрил выбор.

— Урожая сорок седьмого года. — Молодой человек, уже без медали и фрака, но зато с белой крахмальной салфеткой на сгибе руки, умело разлил вино. А затем, облаченный в передник с кокетливыми рюшами, он предстал с супницей, окутанной умопомрачительным по вкусноте паром.

Вопреки размеренным пассажам Лукко Боккерини, звучащим из скрытых в панелях динамиков, обед протекал с веселой поспешностью.

— Как тюрбо, мадам? — полюбопытствовал парень, когда с нежной рыбой было покончено. Непостижимым образом заложенная карандашом книга оказалась у него под мышкой. Сделав немыслимый вольт, он заменил ее хрустальным подносом с сырами под отуманенным колпаком.

Игорь Александрович придирчиво выбрал ананасного вида ломтик, к которому добавил пластиночку бри.

— Рыба чудесная, — благодарно улыбнулась Людмила, беря то же самое. — Далеко отсюда до Монсегюра?

— Господа едут в Монсегюр? — уважительно удивился официант. — Часа два или чуть больше. Непогода прошла. Желаю найти спрятанное сокровище.

— Там что? — спросил Игорь Александрович. — Музей или как?

— Никакого музея, мсье. Просто развалины на вершине горы. Остатки стен, но очень величественно.

— Как же мы сумеем достать проспекты? — огорчилась Людмила.

— Если хотите, я мог бы взглянуть, — услужливо предложил молодой человек. — У нас, кажется, остались нераспроданные экземпляры. Вам «Фуа», «Каркассон»? Может быть, «Кафедральный собор в Альби».

— Нет, только «Монсегюр».

— К сожалению, есть лишь на немецком языке. — Парень принес тощий буклетик с изображением мрачной скалы, увенчанной руинами. — Очевидно, вас это не очень устроит?

— Если бы хоть по-английски. — Игорь Александрович вопросительно взглянул на супругу.

— Ничего, давайте, — решительно тряхнула кудряшками Людмила Георгиевна. — Папа же превосходно читает на немецком, — шепнула она мужу. — Какая разница?

— Может, нам повернуть назад? — Игорь Александрович небрежно перелистал брошюру. — Главная цель достигнута, а всяческих развалин мы с тобой нагляделись выше головы.

— Но папа же спросит! Ему же интересно!

— Скажем, что были. Чего-нибудь напридумаем. Мало мы видели всего в Каркассоне? Всех вопросов не предусмотришь. Даже в

страшном сне не приснится, что может ни с того ни с сего взволновать нашего дорогого папа.

— Как тебе не стыдно! — обиделась Людмила, нервно засовывая салфетку в кольцо.

— Да шучу я, шучу, — досадливо махнул рукой Игорь Александрович. — Сейчас и поедем... Счет, будьте любезны!

На сей раз парень отсутствовал довольно продолжительно. Когда Берсеневы уже отчаялись дождаться, он вдруг объявился с золотой уткой в руках, которую водрузил с церемонным поклоном посреди стола и, словно в воздухе растворился, исчез.

— Это еще что за фокусы? — захлопал глазами Берсенев.

— Вроде бы мы не заказывали, Гоша?

Игорь Александрович надел очки и критически осмотрел диковину. Потом догадливо прояснел взором и тихо засмеялся.

— Сдается мне, что здесь спрятана нейлоновая шубка... Или сто пар колготок.

— Что ты городишь!

— А вот сейчас выясним. — Он раскрыл утку, приподняв плоский клюв. Внутри на бархатной красной подкладке лежал счет.

— И что я тебе говорил? — восторжествовал Берсенев, доставая бумажник. — Юмористы!

— Все-таки тут очень славно, — вздохнула, поднимаясь, Людмила. — Не находишь?

— Почему? Прелестный уголок. — Бросив купюры в утиное нутро, он поспешил за женой.

Снегопад действительно кончился. Небо просветлело студеной голубизной. Мокрое шоссе сверкало, как полированный шведский гранит.

— Ну и холодище, — с непривычки поежилась Людмила.

— То ли еще будет! Может, все же зададим лататы?

— Я своих решений не меняю.

— Тогда садись побыстрее. — Игорь Александрович включил зажигание и склонился над картой. — Пока прямо, а потом будет развилка.

Окаймленная редколесьем гора с крутой лепкой известковых проплешин и складчатых жил возникла ошеломительно внезапно. Полускрытое завесой разорванных туч солнце заливало ее расходящимися струями, тонко высветив строгий прямоугольник крепостной стены. Легендарный замок, служивший альбигойцам чем-то вроде обсерватории, открылся сразу же после дорожного знака с изогнутой стрелкой. Поворотик оказался и вправду лихой, круче некуда. Судя по изрядно помятой жестяной полосе ограждения, далеко не каждому удавалось избежать здесь острых ощущений. Игорь Александрович и сам едва успел вывернуть руль. Даже дыхание перехватило от неожиданности. Впрочем, он скоро оправился и, прибавив газу, уверенно повел машину по безупречно прямой асфальтовой ленте, только полосатые столбики зарябили, словно риски стальной рулетки. Сужаясь в иглу где-то у самого

подножия, она то колюче вспыхивала, выходя из пятнистой тени, то угасала.

Что-то заранее предначертанное мнилось в этом последнем отрезке и неизбежное, как судьба. Заслонившая волнистые дали громада излучала неодолимую магнитную силу. Властно выпрямив окружающее пространство, а вместе с ним и дорогу, она само солнце удерживала на привязи струнных лучей. Оттого, наверное, и длился нескончаемый день, полыхая тяжелым сиянием, надрывно и монотонно позванивая в ушах.

— Полезешь? — Игорь Александрович остановился на обочине и, приоткрыв дверцу, критически оглядел пропыленный склон. Теряясь в бурьяне, светлой жилкой вилась над обрывом узенькая тропа.

— А ты? — Неуверенно разминаясь, Людмила вылезла из машины и тоже посмотрела наверх.

— Чего я там не видал? Изъеденных кирпичей? Отсюда вполне можно наиподробнейше все разглядеть. — Он извлек из футляра бинокль. — Хочешь? Или тебе необходимо отметиться на верхотуре?

— Просто мне интересно. — Она обиженно свела брови. — Хочется посмотреть, как жрецы в древности наблюдали за солнцем. Это же второй Стоунхендж... Грех упустить такой случай.

— Ты-то откуда знаешь? Разве можно слепо верить туристским проспектам? Они тебе чего хочешь насочиняют ради рекламы... Не советую, Люда, право слово. Да и солнце зайдет, пока ты вскарабкаешься. — Игорь Александрович лихо отпасовал банку из-под пива, которая, громыхая и крутясь, понеслась по асфальту. — Не будь дурочкой. Что тебе, больше всех надо?

Разбросанные вокруг бутылки и картонные стаканчики молчаливо подтверждали его правоту. Наезжавшие к Монсегюру туристы предпочитали упиваться древностью, не утруждая ног.

— Нет ощущения присутствия, все равно что по телевизору, — произнесла Людмила Георгиевна, озирая циклопическую кладку, скупо прорезанную непроглядными амбразурами. — А я руками потрогать хочу, погладить... Понимаешь? — Она вернула бинокль и, упершись в бампер, потуже зашнуровала кроссовки. — Не скучай.

Подъем был не столь трудным, как ей сперва показалось. Тропинка была протоптана со знанием дела, в обход скальных выступов и опасных крутостей. А уж пахло на высоте так, что каждая клеточка переполнялась неизбывным блаженством. Ради одного этого стоило забраться в такую даль. Травы тут росли кучными пучками, пробиваясь из-под ноздреватых камней. Она с нежданным волнением узнавала памятные по Синеди пижму и клевер, невольно прощая отцу чудачества, так осложнявшие всем им жизнь. Впрочем, чаще все же попадались незнакомые виды: какая-то седая полынь да пропыленные насквозь колючки посреди шиферных осыпей. Встретились и похожие на паслен мандрагоры, тоже белые от пыли. Она привозила нечто подобное в прошлом году. Игорь еще

ругался тогда из-за перевеса. Пытался доказать, чудак, что не всем слабостям старых людей следует потакать. А если нет выбора, как тогда? Если налицо мания, проявляющая себя в различных формах? При мысли о том, какую физиономию скорчит муж, когда она возвратится с корневищем в руках, Людмиле Георгиевне стало совсем весело. Конечно же, она не намерена снова копать вонючую мандрагору, которая вовсе не кричит при этом, как пишут врунытравознаи, но пучок душицы нарвать стоит. Во-первых, совершенно немыслимый запах, а во-вторых, уж больно красиво. Куда там хваленым розам да лилиям! В них нет того волшебства, которое незаметно источают эти малюсенькие багряно-сиреневые цветки. Неповторимые в скромном своем совершенстве.

Ползти с зажатым в потном кулачке букетиком оказалось не очень ловко. С крутизной шутки плохи. Припав раз-другой к земле, Людмила вскоре убедилась, что свободные руки отнюдь не роскошь, и выбросила цветы. Благо их кругом вон сколько, можно нарвать на обратном пути.

Незаметно она забралась на такую высотищу, что дух захватывало. Лакированным жучком, божьей коровкой виделся отсюда автомобиль. До могучего основания, казалось, совсем близко, но нечего и мечтать было залезть по меловому отвесу. Да и заросли ежевики защищали подходы лучше любой колючей проволоки. Оставалось искать обход, осторожно переползая по узенькой кромке.

Людмила втайне уже жалела, что ввязалась в столь рискованную авантюру, но вернуться с полдороги мешало самолюбие. На счастье, тропа понемногу расширилась, и сковавший было ужас слегка разжал ледяные тиски. Она сама не знала, как одолела последние метры, и, перекатившись через преградившую путь глыбу, вползла на мощеный двор.

Как тихо тут было, как солнечно и безмятежно-покойно! Ни единый стебелек не колыхался. От сглаженного веками булыжника, заросшего жесткой травой, излучалось разнеживающее тепло. Людмила Георгиевна перевернулась на спину и, раскинув руки, устремилась в сверкающую беспредельность. Не только взглядом из-под тяжелеющих век — всем существом. Она спала считанные минуты, но пробудилась бодрая, отдохнувшая, без тени захолодившего ее страха.

Стряхнув с застиранных джинсиков въедливую, как пудра, пыль, побрела осматривать замок. Немногое могли поведать ее непробужденной душе вещие камни. Встречая окатанные валуны, Люда Берсенева и не догадывалась, о том, что видит перед собой не что иное, как ядра, которые обрушили катапульты крестоносцев на последний оплот мятежников в канун решающего штурма. Не вычленяя в опутанных лебедой и чертополохом нагромождениях прихотливого рисунка когда-то возвышавшихся здесь портиков и галерей, она прыгала с кучи на кучу, вспугивая чутких ящерок.

Еще плыл зной над квадратными башнями и стенами, замкнутыми в каре, сухо стрекотали цикады. Из главной солнечной двери,

глядящей на заснеженную макушку святого Варфоломея, косой предзакатный луч, проскользнув сквозь визир глубокой бойницы, каплей стекал по грубо обтесанным плитам. Замечая лишь разрозненные фрагменты молчаливой мистерии, Людмила Георгиевна была бесконечно далека от того, чтобы прочувствовать ее навеки утраченную суть. Боясь признаться себе, что разочарована, она следила, как находит на землю вечерняя тень. Затрепетали жухлые былинки под совиным ее крылом. Гробовой прохладой потянуло от стен, сыростью подземелий дохнули засыпанные руины.

«Все-таки Гоша был почти прав, — подумалось с запоздалым раскаянием. — Скоро станет совсем темно».

Беспокоясь о том, как будет спускаться, она уже и не вспоминала о тайных знаках, которые ненароком надеялась отыскать. Метившие известковые блоки где-то под мхом, а может, и в толще земной, они померкли с последним лучом обрушенного в горный провал светила. Зябким шелестом крапивы и лопухов встрепенулся оживший ветер. Зашуршало, завыло в аркадах на басовитой тоскливой струне, ожило в невидимых глазу пустотах ворчливое барабанное эхо. И зацарапал песок по брусчатке, и затрещали кусты, осыпаясь колючими семенами.

Стараясь не смотреть на летучих мышей, стремительно чертивших холодеющий воздух, Людмила Георгиевна кинулась к пролому в стене. Больше всего на свете она боялась остаться в этом прибежище ночных призраков. Шарахнувшись от зловещего просверка сигаретной фольги, она больно подвернула ногу и вдруг заплакала, преисполнясь жалостью к себе, смутным раскаянием и обидой.

И тут же смолкла, подавившись испуганным всхлипом, когда заметила, как обозначились скуповатым лоском какие-то фигуры в кромешном мраке грота.

Только теперь Людмила по-настоящему поняла, что значит ужас. Пережитый недавно испуг, который она все же сумела преодолеть, не шел ни в какое сравнение с внезапно закрутившим ее гальваническим смерчем. Увидев на лбу ближайшего к ней великана широко распахнутый циклопий глаз, блеснувший сумрачной глубиной, она почувствовала, что у нее заживо вырывают сердце. Где-то на последней грани сознания услышала краткий обмен фразами и, ничего не поняв, догадалась: «Немцы!»

— Also, mach's gut.

— Nur die Ruhe kann es machen![1]

Возможно, она и закричала, но скорее всего, просто осела со стоном на раздавшуюся под ней землю.

— Was gibt's?![2] — прозвучало сквозь ватное забытье испуганно-удивленно. И время для нее замерло.

---

[1] Ну, все в порядке.
Прежде всего, спокойствие! *(нем.)*

[2] В чем дело?! *(нем.)*

— Pas du tout, — услышала, стремительно возвращаясь из эфирного трансгалактического полета. — Ничего, — утешали ее по-французски. — Сейчас для вас плохое есть кончено. — И больно тащили, внутренне протестующую, назад, на грешную землю.

— Ох, до чего же я перепугалась! — Людмила Георгиевна с тяжким вздохом разлепила глаза, но тут же зажмурилась от режущего света, хлеставшего с нависающих над ней касок. Ее все еще колотил озноб, и сердце сжимало незабытое: «Немцы!» Но то непередаваемое, иррациональное, закрутившее в темные кольца, отлетело куда-то в сторону, хотя, как она смутно догадывалась, и недалеко.

— Кто вы? — Она с трудом приподнялась, опираясь на ушибленный локоть, и затенилась ладонью. Единственное, что удалось разглядеть в озаренной ореолом мгле, была белозубая улыбка и проблеск глазных белков.

— Мы мирные альпинисты, — ответом ей был нервный смешок. — Поэтому вам не надо бояться... Но вы, вы-то как попали сюда?

— Я? — Движением плеч она выразила желание встать, и две пары сильных рук помогли ей подняться. — Я просто пришла сюда оттуда, снизу.

— Пришла? Без всего? Без всякого снаряжения?!

— Ну да. — Людмила Георгиевна обрела способность улыбаться. — Залезла потихоньку... Ой! — Испуганно схватилась она за грудь. — Муж! Он же там с ума сойдет!

— Муж? — Альпинисты переглянулись. Теперь, когда глаза освоились со светом, она различала их рослые, ладно скроенные фигуры, рамные рюкзаки за плечами, объемистые мотки веревки.

— Мы приехали на машине. — Потеряв ориентировку, она нетерпеливо оглядывалась куда-то во тьму, где, как казалось, находился обрыв.

— Посмотри, — коротко бросил один другому, наверное, младшему. И тот бесшумно исчез в густых сумерках.

— Jawohl[1], — доложил он, возвратившись вскоре, — светит фарами.

— Ему нельзя подать какой-нибудь знак? — Она загорелась надеждой. — Я вас умоляю!

— Боюсь, что это будет несколько затруднительно, — рассудил тот, кого она посчитала за старшего. — Лучше мы попробуем вас спустить. Думаю, это не займет слишком много времени... Надеюсь, вы сумеете крепко держаться?

— Крепко-накрепко! — с готовностью пообещала Людмила Георгиевна. — Вы даже представить себе не можете, как я вам благодарна! — Она облегченно вздохнула. — Как же я испугалась!

— Но на всякий случай, — засмеялся второй, младший, — я все же привяжу вас к себе. Хорошо?

— Ах, делайте что хотите, лишь бы скорее вниз!

---

[1] Так точно *(нем.)*.

— А вы откуда, мадам? Ведь вы не француженка? Нет?

— Я... Мы с мужем из Финляндии, — сказала она на всякий случай, как говорила и прежде в сомнительных обстоятельствах.

— О, Суоми! — обрадовался он. — Я был у вас зимой! Очень красиво.

— Да, очень, — незамедлительно согласилась она.

— Вы подождите немного. — Он успокоительно коснулся ее плеча. — Мы должны все как следует приготовить.

И они ушли готовиться к спуску, оставив ее в тревожном одиночестве.

Глава шестая

СЕМЬ ПЛАНИД

Предвещая устойчивость ясной погоды, над кирпичной трубой колыхалась вертикальная струйка дыма. Значит, Аглая Степановна находилась где-то поблизости. Но, как и в прошлый раз, дом казался заброшенным, невзирая на заново вставленное стекло и щедро политые грядки.

Затворив за собой калитку, Люсин не спеша прошел через сад, претерпевший какие-то неуловимые перемены. Что же могло измениться здесь, кроме прибранной клумбы под застекленным окном? Кроме пронизанного солнечной синевой неба и подсохшей земли? Неотчетливые приметы постигались скорее сердцем, чем глазом.

В буйной поросли диких трав, лишь слегка припорошенных ржавым налетом, явственно проглядывала осенняя одеревенелость. Признаки подступившего оцепенения, размытые прежде дождем, висели в воздухе, как паутинка. Даже в сонном жужжании пчел различалась грустная мелодия прощания. И белая бабочка, устало сложившая крылья, казалась готовым упасть лепестком.

Повинуясь неясному импульсу, Люсин свернул к парничку. Под влиянием настроения ему даже примерещились смутные очертания приткнувшегося в дальнем углу тела. Застоявшаяся под пропыленной пленкой духота пахнула жарким дыханием обильно унавоженной почвы. С подвешенных на леске коряг пристально и недобро глазели хищные неведомые цветки, по-паучьи раскинувшие сетку воздушных корней. Конечно же, кроме замшелой кладки и битых горшков, ничего там не было. Ни завороженный сон теплицы с ее восковыми лианами и папоротниками, ни разлитое в природе оцепенение не могли так угнетающе подействовать на Владимира Константиновича. Тончайшие локаторы определенно поймали какие-то тревожные излучения, но не донесли до сознания, растеряв среди посторонних помех. Он так и не сумел доискаться, что же это такое было, пока не истаяло зыбкое ощущение, оттесненное мысленным усилием в беспамятный мрак.

— На музыку записывать будешь? — спросила Аглая Степановна, когда Люсин поставил перед ней магнитофон.

— На музыку, — вяло улыбнулся он и вдруг с обезоруживающей, поразившей его самого искренностью попросил: — Помоги мне, Степановна, ладно?

— От же пристал, как банный лист, — незлобиво пожаловалась старуха. — Навязался на мою голову, понимаешь... А чего я знаю? Чего видела?

Они сидели в кухне, где вкусно булькало на печи грибное варево и одуряюще пахли метелки, подвешенные к деревянной балке под потолком. Сидя спиной к окошку, Люсин мог видеть часть коридора в проеме двери, занавешенное марлей зеркало и жестяную иконку в углу, перед которой слезливо оплывала свеча.

— Постарайся, Степановна, может, чего и припомнишь... Ты когда уехала-то — утром?

— Дак уж говорила, с утра.

— И сразу на станцию направилась, к электричке?

— Зачем сразу? — Она в раздумье пожевала губами. — Сперва в сберкассу пошла. За свет, за телефон, значит, уплатить.

— За свет и за телефон? — Люсин непроизвольно повторил ее интонации. — Очень интересно! Ну и как, заплатила?

— А то.

— И квитанции есть?

— Али не доверяешь? — Степановна сердито зыркнула по сторонам. — Дак показать можно. — Она нехотя встала и принялась шуровать в ящике, недовольно ворча под нос.

— Покажи, Степановна, покажи. — Люсин нетерпеливо притопнул, еще не зная, для чего понадобятся платежные документы, но уже прозревая следующий свой шаг.

— Коли не веришь, дак и спрашивать нечего. — Она бросила на стол свои порядком замызганные абонентские книжицы. — Ищи сам.

Люсин сразу узнал руку Солитова, хотя в графах были проставлены одни только цифры. Число на бледном оттиске кассового автомата пропечаталось вполне отчетливо. В ту, позапрошлую теперь, среду Георгий Мартынович был, несомненно, жив.

— Сама заполняла? — Люсин бегло перелистал корешки.

— Больно надо глаза портить. Он все и расписал, как всегда.

— Как всегда?

— Ну! Да ты чего прицепился?

— Брось, Степановна, не серчай, — заискивающе улыбнулся Владимир Константинович. — Я ведь чего так подробно выспрашиваю? Тебе же хочу помочь вспомнить. Мелочь-то за мелочь цепляется.

— Уж ладно... Дальше-то чего тебе?

— Дальше? — Он сделал вид, что потерял нить. — Ах, дальше! Так ты сама рассказывай, что после сберкассы-то было.

— Домой возвернулась. — Она недоуменно фыркнула. — Известно.

— Зачем же домой?

— Сберкнижку оставить. Еще потеряешь, не ровен час.

— И Георгий Мартынович был на месте?

— Куды ж он денется?.. С утра засел кипятить. Упрямый, ой же упрямый! — певуче протянула она, раскачиваясь всем телом. — Сколько раз, бывало, учу, а с него как с гуся вода. Знай себе кипятит и смеется. Терпеть этого не любила!

— Постой-постой, бабуся, — остановил Люсин. — Чего-то я тут недопонимаю. Чему ж ты учила Георгия Мартыновича?

— Дак зелье готовить, обыкновенно. Где же это видано, чтобы траву день и ночь кипятить? Ее али запаривать надо, али варить, сколько назначено. Он и сам, чай, знал. Мало я пользовала его, что ли? В тот год еще, помню, когда он на Шатуре занемог...

— Вот видишь, как дело у нас пошло, Аглая Степановна. — Люсин осторожно вернул старую женщину к событиям того отмеченного лишь первой вешкой дня. — Про зелье и про Шатуру твою мы еще побеседуем, а сейчас ты лучше про сберкнижку разобъясни. Где она у тебя?

— Дак нету! — Она чуть ли не с торжеством хлопнула себя по колену. — Как и быть-то, не знаю. За дрова платить надо, стекольщику пять рублев. Деньги все кончились почитай, а книжка тютю... Пропала.

— Это каким же манером, Аглая Степановна?

— Вернулась домой, полезла в ящик, а ее и след простыл. — Она показала на разделочный столик между мойкой и холодильником. — Заявить теперь надо али еще как?

— Заявить, Степановна, непременно заявить, — посоветовал Люсин, с упоением ощущая, как его все быстрее и быстрее выносит на нужную колею. — Номер книжки хоть помнишь.

— Как же, прости господи, — испуганно помрачнела старуха. — Кабы помнила... Без номера-то небось не вернут?

— Вернут-вернут, — пообещал Люсин. — Восстановить книжку можно. Я тебе пособлю... Кстати, на чье она имя?

— Дак евонная она, а я по доверенности.

— Тогда плохо дело, Степановна. Пока не установят, что с Георгием Мартыновичем приключилось, счетом пользоваться ты навряд ли сможешь. Это я тебе точно говорю... Других средств у тебя нет?

— Пенсия мне идет. — Степановна устало обмякла. — Сорок шесть рубликов, да рази их хватит на дом? Одного свету уходит шестнадцать, а дрова... Сам мне и трогать пенсию-то не велел. Свою доверенность написал.

— Пенсию тебе туда же перечисляют? — болезненно ощущая, как от него ускользает нечто исключительно важное, все же поспешил уточнить Люсин. — В сберкассу?

— Туда, батюшка, туда. — Окончательно проникшись доверием, Аглая Степановна обнаружила явное стремление заручиться люсинской благосклонностью. — Уж ты разберись, что к чему, а то как бы, не ровен час, меня на улицу не выкинули. — Она подавленно всхлипнула. — Сам-то уж не заступится. Я намедни и панихиду по нему отслужила...

— Не поторопилась, Степановна? Ведь ничего пока не известно.

— Тебе, может, и неизвестно, а я дак усе знаю. — Она торопливо перекрестилась. — Еще будешь чего спрашивать?

— Обязательно, — Люсин ответил ободряющей улыбкой. — Мы, кажется, на сберкнижке остановились? Твоя-то хоть при тебе?

Аглая Степановна встревоженно привстала со скрипучего табурета и выдвинула почти до отказа заветный ящик.

— Лежит, — облегченно вздохнула она. — Куды денется?

— Ну-ка, позволь. — Люсин словно невзначай зафиксировал в памяти общую, очевидно скопившуюся за несколько лет, сумму. — А эту тридцатку небось на гостинцы сняла? — спросил он, взглянув на последнюю дату. — То-то, я смотрю, в один день.

— В один, батюшка, в один, — подтвердила Степановна. — Я и платить-то надумала, чтоб зазря потом не ходить.

— Все правильно, — отвечая скорее на свои потаенные мысли, кивнул Люсин. — За одним, впрочем, исключением. Куда могла деваться сберкнижка?

— Вот и я маюсь: куда?

— Почему сразу не заявила о пропаже? Я тебя, помнится, спрашивал, все ли на месте. Ведь спрашивал, Аглая Степановна?

— Дак я только после хватилась, — удрученно вздохнула она. — Когда стекольщика позвала.

— И что же стекольщик? — вновь глубоко уйдя в себя, пробормотал Люсин. — Небось обождет?

— Обождет, батюшка, он свой. Куды денется?

— Значит, сберкнижкой вы с Георгием Мартыновичем пользовались вдвоем, обращаясь к Степановне, рассуждал вслух Люсин. — Сберкнижка, как ты говоришь, пропала. Отсюда мы с известной уверенностью можем заключить, что взял ее не кто иной, как твой Георгий Мартынович. Могло такое быть?

— Вестимо, могло, — охотно подтвердила она. — Деньги потребовались, вот он и взял.

— Я позвоню от тебя, Аглая Степановна, не возражаешь? — Владимир Константинович прошел в знакомый кабинет, где уже был наведен относительный порядок: выметены битое стекло и прочий мусор, подвешены на прежнее место полки. Только стопки тетрадей и книг, бережно накрытые газетами, жались друг к другу в дальнем углу от окна. Словно ждали, что со дня на день вернется хозяин и заботливо расставит по заветным, раз и навсегда назначенным местам.

Стоя возле телефона, Люсин испытывал знакомую до тошноты нерешительность. Она настигала его всякий раз, притом абсолютно внезапно, когда после долгих мытарств и окольных блужданий обозначался, вызывая краткое нарушение сердечного ритма, отчетливый след. Вместо того чтобы с удвоенным рвением устремляться в погоню, хотелось остановиться, перевести дыхание и еще раз мысленно оценить проделанный путь. Выполнить столь мудрое и спасительное намерение ему, однако, редко удавалось.

Преодолев минутную растерянность, он давал волю фантазии, повинуясь только инстинкту. Трезво мыслить в такие минуты Люсин совершенно не мог. Только действовать, отвоевывая упущенные секунды.

И на сей раз Владимиру Константиновичу стоило немалых усилий унять расходившееся сердце. Он заставил себя сосчитать до ста и только тогда взял трубку. Прочистив кашлем пересохшую гортань, вызвал междугородную.

— Мосгорпрокуратура, Гурова срочно. — И назвал номер солитовского телефона.

«Жаль, никто не догадался записать, — подумал Люсин, проходя мимо электросчетчика. — Уж я бы вычислил, когда рванула эта самая колба и полетели пробки».

Вычислить и впрямь было нетрудно. Пометив в квитанции последнее показание, Солитов словно веху поставил, прежде чем кануть в небытие.

От счетчика исходило уютное, едва различимое жужжание. В узкой прорези проблескивало серебристое колесико с красным мазком. Медленно наползала рельефная цифра в крайнем окошке. Немой свидетель, выбросивший сигнал бедствия, когда в доме случилось несчастье. Но люди не заметили второпях, прошли мимо. Местный умелец дядя Володя поспешил ввернуть новую пробку и закрутилось, запело колесико, стирая следы.

Телефон все не звонил, и Люсин вернулся к Аглае Степановне. Старуха успела снять с огня клокочущий котелок, исходивший сытным грибным духом.

— Будешь похлебку-то? — спросила, вытирая руки застиранным передником.

— Обязательно! — Люсин жадно втянул носом воздух и закатил глаза. — О-о!

— Трескай. — Она разлила густое варево в миски, крупно нарезала черный тяжелый хлеб и бросила на стол обсосанные деревянные ложки.

— Опенки! — благодарно оценил Владимир Константинович, ощущая до дрожи родное прикосновение дерева. Когда-то, в иной жизни, бабушка потчевала его из такой же липовой потемневшей ложечки, невесомо и гладко сновавшей во рту. Давным-давно нет бабки на свете, нет и ее тихого домика с полосатой кошкой и огородом, где рос упоительно сладкий горошек и скромно склонялись золотые шары. Но в каждой клеточке тела живет благодарная грустная память...

— Может, лафитничек тебе поставить? — подперев щеку натруженной ладонью, предложила Степановна. — У меня хорошая есть! Семитравочка! Али на смородиновых почках попробуешь?

— Я бы попробовал, — жалостно вздохнул Люсин, — да неможно, Степановна. Служба. А за похлебку спасибо. Сто лет такой не едал. Опенки тут собирала?

— С Шатуры лукошко привезла. С Иванова Мха.

— Иванов Мох?

— Болото. Я на том болоте торф резала, когда девкой была. Кажинный кустик знала. Грибов там было, хоть косой коси: видимо-невидимо. А гонобобеля сколько! Черники... Может, выкушаешь стопку-то? Кто с тебя спросит?

— Нет, Степановна, не искушай. Куда от себя денешься?.. Как-нибудь в другой раз семитравку твою попробую. Ты как настаиваешь?

— Уж как положено, не кипячу небось. Зато от всех болезней.

— Может, рецептик дашь? Трава-то хоть здешняя? Или тоже с Иванова Мха?

— Тутошняя. Позапрошлым летом собирала. От же хороший год был! И зелья добрые уродились, сильные. А в «Кубанскую» я первым делом зверобой положила, потом, конечно, золототысячник, горец и донник, и зорю, и тысячелистник... Это ж сколько выходит? — прикрыв глаза, она беззвучно зашептала, подсчитывая. — Шесть?.. Седьмая, значит, трава — желтый цвет мать-и-мачехи. По весне брала. Еще снег не всюду сошел... Да ты, чай, не слушаешь?

— Прости, бабушка, задумался, — вздрогнул Люсин. — Я потом твой рецепт запишу.

Ожидая звонка, он думал о том, как бы не задеть ненароком эту странную женщину, прожившую, очевидно, не очень легкую и не очень счастливую жизнь. Ее изломанная душа, где так причудливо соединялись доброта и недоверчивость, роковая какая-то устремленность к невидимым пределам и глухая заматеревшая косность, была если и не открыта ему, то интуитивно ясна, постигаема. Ежели и таились в сумеречных дебрях какие топи, то прямое касательство к исчезновению Солитова они вряд ли имели. Не там требовалось гатить дорогу, не там промерять глубину. Но существуют непреложные правила поиска и, не в последнюю очередь, план, требующий чистоты в отработке всех линий. Собственно, это и держало Владимира Константиновича в состоянии неослабного напряжения. Не сомневаясь в алиби Аглаи Степановны, он тем не менее должен был устранить сомнительные места. По меньшей мере ответить на поставленные Гуровым вопросы. Спросить напрямик было больно и стыдно до слез. Хитрить и путаться в околичностях неумно. Не такие это были тонкости, чтобы не дать ей почувствовать истинную их подоплеку.

— Ты мне вот еще о чем, Степановна, расскажи. — Владимир Константинович демонстративно врубил клавиш записи. — Где и как вы с Георгием Мартыновичем познакомились? Мне для дела требуется. Да и тебе, глядишь, поможет, когда придется наследство оформлять... Ты хоть знаешь, что он тебе дом завещал?

— Говорил Егор Мартынович, помню... Я-то его утешала, чтоб, мол, даже и в мыслях не держал, потому как еще меня переживет... Отказал, значит, царство ему небесное. Только не отдаст она дачу, Людмила. Видно, придется на старости лет назад возвертаться. А кому я там нужна, на Шатуре?

— Как-нибудь устроится, Аглая Степановна. Завещание, во всяком случае, в твою пользу... И давно ты Георгия Мартыновича знаешь?

— Ох давно, батюшка, почитай лет сорок, а то и поболее. — Она задумчиво ополоснула посуду, потом присела, опустив на колени переплетенные пальцы. — Я в деревне жила, в Вахрамеевке, у бабы Груни. Она-то и научила меня узнавать целебные травы. Все мне перед смертью передала, пусть ей земля будет пухом... Многим она помогла, баба Груня. И меня, горемыку, пожалела. Внучкой все называла. А какая я ей внучка? Так, седьмая вода на киселе. Сидим мы, бывало, с ней вечерком...

Слушая бесхитростную косноязычную речь, с ее повторами и отступлениями, Люсин вдруг осязаемо остро увидел разоренную войной деревеньку, темную избу с прохудившейся крышей, закопченное ламповое стекло. Грустным керосиновым запахом повеяло, холодом замороженного окна.

Аглая Степановна вышла замуж перед самой войной за хорошего, работящего человека. Судьба пощадила его, доведя без единой царапины до чешского города Бенешова, где он и закончил десятого мая свой боевой путь. В родное село, однако же, не вернулся, а уехал вместе с другой женщиной в Мурманск. Тогда-то и пригрела Аглаю бабушка Груня, как умела, облегчила ей сердечную боль и тоску. Прошло еще несколько лет, и в захиревшую Вахрамеевку, где остались только старики, вдовы да незамужние девки, приехало начальство вербовать на торфопредприятие.

— Я и поехала сдуру, — объяснила она резкую перемену жизни. — Потому что ничего хорошего на тоем болоте не видела. А вообще, ничего была жизнь, только работа тяжелая. От зари до зари пни после гидроторфа ворочали. Техники почитай никакой. На сорок торфушек один слабосильный трактор. Так намаешься за день, что свету белого не взвидишь. Только б доползти до барака. Однако полежишь час-другой — и оживешь помаленьку. Одно слово — молодость. Да еще плясать под гармошку выйдешь, частушки петь. Сколько я их напридумывала — этих самых частушек!.. Про болото да про пни окаянные. И покатились годы, как перезрелые яблочки. Сезон — на болоте, а как зима придет — под бочок к бабе Груне.

— А как же Георгий Мартынович? — робко напомнил Люсин.

— Он к нам научную работу исполнять прибыл, — охотно откликнулась Аглая Степановна. — Веселый, стройный — любо-дорого взглянуть. Собака еще при ем была, агромадная — страсть. Ростом — что твой теленок. И красивая-красивая, вся такая белая с черными пятнами, брыластая, гладкая и уши торчком... Рекс, кажись.

— И чем он занимался? — Люсин поспешил отвлечь Степановну от воспоминаний о Рексе, явно поразившем ее воображение.

— Домик ему сколотили специальный, под лабораторию. Вроде как здесь у нас, значит. Стол привезли с ящиками, микроскоп

поставили, электричество, само собой, провели. Печи, помню, еще там такие стояли, серебристые, где он торф этот самый в чашках сжигал. Чашечки махонькие-махонькие, чуть поболе наперстка.

— Муфельная печь, — догадался Люсин.

— Дак виднее тебе... Только я про Егора Мартыновича... Как увидела его с этим Рексом, так и обмерла вся. Настоящий, скажу тебе, прынц. Вот и весь сказ.

— Влюбилась, что ль, Аглая Степановна? — сочувственно подмигнул Люсин. — Да ты не стесняйся, с кем не бывает.

— Что я, тронутая? — строго поджав губы, она покачала головой. — Не про меня залетка. При нем и внешность, и образование, и обращение деликатное. А я кто? Торфушка с четырьмя классами, солдатка брошенная... В обед черняшка с тюлькой, кипяток с рафинадом — в ужин. Хожу сторонкой, глаза прячу. Однако заметил он меня, приблизил, значит, к своей особе, в эти... в коллекторы определил. Тоже, значит, по научной части.

— Скажите пожалуйста! — подал он осторожную реплику.

— А ты как думал? — В голосе Аглаи Степановны отчетливо прозвенели горделивые нотки. — Дали мне бур такой и велели болото дырявить. Заглубишь и вытащишь торфяную колбаску, потом нарастишь штангу и еще дальше заглубишь, пока до самого дна не доберешься. Так и бродила день-деньской с коловоротом. Тяжело, конечно, но я только радовалась. Ни в чем себя не жалела. Да и то сказать — работа полегче была, чем пни эти клятые корчевать. Наберу я колбасок полный короб, а ему все мало. То тут копни, то оттуда достань. Возьмет кусочек — и под микроскоп. Определит, где чего, и в тетрадку запишет. Тут, мол, осоковый торф, тут сфагновый, а там вахта попадается либо шейхцерия. Я ведь травы тогда уже хорошо знала. Новые названия тоже легко давались. Даже когда не по-русски. И ведь по сю пору не забыла... Эриофорум вагинатум, к примеру, знаешь, чего это?

— Откуда, Степановна? Уж ты просвети.

— Пушица влагалищная, — с готовностью объяснила она. — Растет на мочажинах такой белый цветок... Серебристый, красивый. Егор Мартыныч все их наперечет знал. Карту он составлял болотную: где какой торф лежит. Жара стоит адова, аж звон в ушах, солнце печет, от белого багульника голова кругом идет, а он с кочки на кочку прыгает — ищет. «Чего ищешь-то? — спрашиваю, бывало. — Хоть бы себя поберег, а то не ровен час... С багульником шутки плохи — что твой болиголов». Он же отмахивается только: «Отдыхать зимой будем, Ланя, отсыпаться на медвежий манер. А сюда нас поставили полный разрез сделать. Каждому слою свое место и применение найти». Так и маялся до первых заморозков. Утром на болоте, с вечера в лаборатории своей. Анализы делал, лекарство составлял.

— Это какое же такое лекарство?

— Дак ведь на всякую болезнь своя трава есть. А торф, он чего? Запечатанное разнотравье, аптека, можно сказать, болотная.

Белый мох ране не даст загнить, сапропель от радикулита лечит. Мало ли... У всякого торфа свое применение. Кому горячие припарки от ломоты в костях, кому едва теплые — по женской части.

— И помогает?

— Еще как! Я в те годы много у Егора Мартыныча переняла. Но и ему от меня перепало дай бог! Все, что знала, доверила. А после мы с ним и к бабе Груне ездили. Он за ней цельную книгу амбарную исписал... Такой музыки-то у нас не было. — Она покосилась на рубиновый глазок магнитофона. — Как чуял, бедняжка, кто его от смерти убережет.

— Заболел?

— Простыл на болоте. Холодное лето в тот год выдалось. Особливо июнь. Вода ледяная. А он в резиновых сапогах по камышам. Ирный корень выкапывал. По времени дак самая пора была — гадючьи свадьбы! Свивались в клубки так, что ступить было страшно. Ну, он и провалился по грудь. Легкие простудил и почки, конечно. Если б не баба Груня... Короче, тогда и подружились мы с Егором Мартынычем. Я уж и с болота того ушла, и бабка Груня преставилась, а он все ездил к нам за травкой. И то правда, болел часто. Только зельем и держался на белом свете. Я уж сама собирала ему, что надо, варила, готовила впрок. Былинку к былиночке...

— Видать, в обычных врачей Георгий Мартынович не шибко веровал? — с мягкой усмешкой спросил Люсин. — Недолюбливал?

— А за что любить, прости господи? Дак рази с нынешней врачихой поговоришь? Она и не взглянет на тебя. Даже головки не приподымет: ей бы только с писаниной управиться. Едва рот раскроешь, а она тебе рецепт в зубы — и будь здоров. А на кой мне ихняя химия? У меня своя фармакопея.

— Оно, конечно, — уважительно согласился Люсин, ощутив близость решительного момента, — фармакопея у тебя знатная... В этот-то раз чего привезла с Иванова болота?

— Иде оно теперь, тое болото? — запричитала Степановна. — Одни ямины дикие и сухостой. На торфяных полях сплошь фрезер. Сухота. Крошка горит. Спасу нет... По окрайкам пошастала — ничего не взяла. На Милановку пришлось податься, а ноги уже не те. До суходольного острова-то так и не добралась. Спасибо, святой источник на месте остался. Передохнула хоть. Там в округе леса хорошие: береза, сосна, а на лугах заливных — хвощи до пояса, купавка. Душа радуется. Живи — не хочу. Совсем оживела, пока зелье искала, отогрелась на шелковых муравах.

— Значит, нашла все же?

— Взяла, чего надо. Шерошницы пахучей набрала, буквицы, жерухи опять же лукошко. Только зазря. Пропала она теперя, моя жеруха. Сушить-то ее не положено. Вся сила у ей в свежести.

— Для Георгия Мартыновича старалась?

— Кому ж еще?.. День подождала и выбросила жеруху-то. Не нить уж ему более никогда.

— И другую траву тоже выкинула? Буквицу и еще ту... третью?

— Не. Те на чердаке сушатся. Зачем добру пропадать? Грех. В зельях тайна планидная.

— Планидная? Это от планет, что ли?

— Каждой травке своя планида. Так баба Груня учила.

— Неувязочка выходит. — Люсин не любил неясностей, даже если они не имели прямого отношения к занимавшей его задаче. — Планет у нас сколько? Коли не изменяет память — девять. Верно?

— Не, — с абсолютной уверенностью возразила она. — Семь планид.

— Вот-те раз! Для всего мира девять, а у тебя семь.

— У нас не так, у нас по-старому. Мы и сроки по-старому определяем, по месяцу, значит, когда чего собирать. Одно — в полнолуние, другое — в первую четверть. Если не соблюсти, силы такой не будет. У всякого зелья своя пора. Когда на заре собирают, когда в полдень, а то и вовсе к вечеру. Соображать надо. А как же? Ведь кажинная травиночка, сама заваляща, от чего-нибудь да излечит. Без надобности ничего не растет на земле. Вот и старайся понять, что на какую лихоманку подействует, срок верный определить да правильно высушить.

— И ты все это знаешь, Степановна?

— Баба Груня, так та знала, а я, может, и забыла чего. Рази упомнишь? Веронику взять, таку синеньку, так ее лучше всего вечером, часов в шесть, собирать, а то до дому не донесешь — облетит.

— С секундомером в лес ходишь? — улыбнулся Люсин.

— Мои секундомеры на земле растут. Утопит кувшинка цветок — вот тебе и есть шесть часов. По-старому шесть, пять — ноне. Всяка тварь свою планиду чует.

— Летнее время имеешь в виду?

— Ну!

— Ладно, будь по-твоему, — согласился Люсин. — Пусть будет семь. Но трав-то, Аглая Степановна, тыщи! На всех и планид не хватит.

— Все семь и правят миром. И у каждой свое царство.

— В таких, выходит, категориях мыслишь. — Владимир Константинович уклонился от защиты естественнонаучной картины мира. Ему вспомнился манускрипт из дела с ларцом Марии Медичи. Вещие, исполненные потаенного смысла слова: «Сим заклинаем Семерых». — И по чьему ведомству жеруха твоя проходит, к примеру? — спросил он, возвращаясь к вещам практическим.

— Жеруха — цветок Солнца, — уверенно заявила Степановна. — Вроде как подорожник. Потому сок сразу пить полагается. В свежем виде, как выжмешь. Он любой камень выгоняет. Хошь из почек, хошь из печенки. Из пузыря тож.

— Солнце, значит, у тебя тоже в планетах ходит?

— А как же! Первая планета и есть.

— Обижаешь Коперника, бабуся, ай-я-яй! — покачал головой Люсин. В своей чернокнижной уверенности, комичной и, пожалуй, трогательной, Аглая Степановна напомнила ему покойницу Чар-

скую. — Все за Птоломея цепляешься, а жизнь идет, — пошутил он. Но шутка его едва ли была понята.

— Это какой же Птоломей, великомученик? — удивилась старуха. — Рази он тоже зелейник?

— Окстись, Степановна, — в шутливом ужасе замахал руками Люсин. — Зелейник! Великомученик! Не знаю я никакого Птоломея. Сболтнул — и весь сказ.

— А не знаешь, так и болтать нечего.

— Твоя правда... На чердак-то можно залезть? Посмотреть охота, как сушишь. Очень уж буквица твоя за живое задела. Первый раз про такую слышу.

— Обыкновенно, как надо, чтоб не выжгло и чтоб не забродило. Нэ ты слазай, взгляни.

В жарком, сухом полумраке расплывчато вырисовывались поставленные друг на друга низкие ящики, скорее даже рамы, затянутые проволочной сеткой. Рассыпанные тонким слоем сухие листья и стебельки источали крепкий сенной аромат, от которого сладостно перехватывало дыхание. В памяти полыхнуло полузабытым ласковым светом и стало так хорошо и прозрачно, словно никогда не было ни горестей, ни забот. В теплом косом луче струились пылинки, и стояла такая тишь, что было слышно, как скручивается, высыхая, самый малый из лепестков.

И тем внезапнее, тем резче залился внизу требовательный телефонный звонок. Больно чиркнув макушкой о какую-то балку, осыпавшуюся сухой паутиной, Люсин бросился к лестнице.

— Есть новости, Владимир Константинович? — просочился сквозь глухое потрескивание мембраны дальний голос.

— Похоже на то. Я вот о чем вас хотел попросить, Борис Платонович. Нужно срочно проверить личный счет Солитова. Есть подозрение...

— Что он произвел операцию? Совершенно верное подозрение. Георгий Мартынович снял со своего счета полторы тысячи рублей. Расходный ордер заполнен и подписан собственноручно. Он у меня в руках... Так что считайте, что мы с вами встретились.

— Это обнадеживает. Значит, продвигались верно, не заплутали... Какого числа, Борис Платонович?

— В пятницу, через день после отъезда Солдатенковой, если вас именно это интересует... Я же знаю, откуда вы говорите... Чего молчите? Алло! Вы еще здесь?

— Здесь, здесь, Борис Платонович. Я, извините, задумался.

— Да-а... Тут есть над чем поразмыслить. Чем дольше думаю, тем сомнительнее представляется мне алиби нашей любезной знахарки. Второпях сработано. Топорно.

— Вот тут вы, по-моему, ошибаетесь. Не забудьте, что именно благодаря ей мы сумели сделать первый шаг. Сопоставить, так сказать, даты.

— Не мы, Владимир Константинович, а вы персонально. Лично я отталкивался от сберкнижки, наиобъективнейшего регистратора

бытия. Судите сами, чей путь оказался короче. Так что будут у меня вопросики к Солдатенковой, будут, да и с товарищами химиками найдется о чем побеседовать.

Люсин возвратился к Аглае Степановне с озабоченно-хмурым лицом. Не по нутру ему была такая резвость, амбициозная эта прыть. А ничего не попишешь: успех налицо. Да и с формальной стороны придраться нельзя: Гуров скрупулезно отрабатывал любые возможные версии. Оперативно, четко, без всяких сантиментов. Последнее, пожалуй, и настораживало. Внутренне Люсин не принимал стопроцентного рационализма. Живую реальность не уложишь в прокрустово ложе модели. Волей-неволей приходится резать по живому, а вот этого он совершенно не выносил.

— Нагляделся? Наговорился? — Старуха зыркнула на него острым, все подмечающим глазом. — Чего надулся, как мышь на крупу? Али не по-твоему выходит?

— Пока не по-моему, бабуся, а дальше посмотрим... Пойду я.

— Дак иди себе. Держать не стану.

— Я к вам послезавтра, если позволите, загляну.

— В самый ливень попрешься? И не лень тебе?

— Полагаете, снова пойдут дожди?

— Аккурат послезавтра. Не веришь, чай?

— Почему? Верю. Приметы небось знаешь?

— Приметы, приметы, — закивала она. — Клен вчерась слезу пустил. Орляк, папоротник, опять же раскручиваться пошел. Аккурат к непогоде.

— Я все равно приеду.

Глава седьмая

В КАРЕТЕ С ОПУЩЕННЫМИ ШТОРКАМИ...

Визит в прокуратуру, мягко говоря, не вызвал у Наташи Гротто прилива энтузиазма. Ни уютный особнячок на Новокузнецкой, обставленный казеннейшего вида мебелью, ни сам следователь отрадного впечатления на нее не произвели. Вначале Наталья Андриановна держалась, как всякий нормальный человек, заботящийся о сохранении собственного достоинства, по-деловому лаконично и сухо. Мало ли каких формальностей, часто обременительных и не слишком приятных, требует от нас жизнь? Останемся же на высоте при любых обстоятельствах.

Она не стала выяснять, что да почему, хотя в повестке и значился номер телефона, и приехала точно к указанному часу. Да и зачем суетиться, когда все ясно?

Прождав минут десять в приемной. Гротто разыскала секретаршу и дала ясно понять, что, если товарищ Гуров ее немедленно не примет, она уйдет и вряд ли сумеет найти для него время в следующий раз.

Пришлось Борису Платоновичу срочно перестраиваться, хотя он к этому не слишком привык.

— Извините великодушно, Наталья Андриановна, — пробубнил Гуров, выпроваживая посетительницу, в которой Гротто узнала лаборантку Леру. — Не рассчитал малость... Вы, конечно, догадываетесь, зачем вас пригласили?

— Естественно. — И, развернув предложенный стул, как ей было удобнее, она села с замкнуто-выжидательным выражением. — Похоже, у вас вся наша кафедра перебывала?

— Похоже, что так, — Гуров украдкой оглядел очередную свидетельницу. «Красива, умна, с норовом, — подвел итог. — Такие из нашего брата веревки вьют».

— Не проще ли было приехать самому, чем отрывать от дела столько людей? — положила конец затянувшейся паузе Наталья Андриановна. — Вы не находите?

— Не нахожу. Так будет удобнее... для дела. А дело у нас с вами непростое, Наталья Андриановна.

— Дело у вас, товарищ следователь, — подчеркнуто разграничила она. — У меня же, простите, горе.

— Вы так дружили с Георгием Мартыновичем? — спросил он, придавая особую смысловую окраску своему «так».

— Да, мы так дружили, — она тоже подчеркнула, но иначе, чем он, по-своему.

— Должен ли я вас понять?.. — Гуров не договорил, изобразив удивление.

— Что мы были в интимных отношениях? — Она улыбнулась, с холодной дерзостью вскинув голову. — Я думаю, будет лучше без недомолвок. Спрашивайте, пожалуйста, не стесняйтесь. Я отвечу.

— Ответите? — Борис Платонович принял шутливо-испуганный вид. — Ради бога, не надо, меня совсем иное интересует!

Его действительно интересовало иное, но и от такой стороны вопроса он отнюдь не открещивался. А все же брошенного ею вызова не принял. Интуитивно почувствовал, что не за ним останется последнее слово на этом поле.

«Сильная баба, — подтвердил первоначальное впечатление. — Такая кого хочешь с ума сведет».

Наталья Андриановна безучастно ждала продолжения разговора.

— Я посоветоваться с вами хочу, — сказал Гуров, как мог, проникновенно. — Ведь вы хорошо знали Георгия Степановича?

— Мартыновича.

— Тьфу, черт! Фрейдистская оговорочка!.. Вам известно, что он завещал дачу и крупную сумму денег Аглае Степановне Солдатенковой?

— Это его сугубо личное дело.

— Безусловно! Но лишь при условии, что нам известна его дальнейшая судьба. Не согласны? А вдруг преступление?

— Вы правы, — величественно-спокойно кивнула Гротто.

— Вот видите!.. Ну, и что вы по этому поводу думаете?

— Я мало знаю Аглаю Степановну. Но, по-моему, она единственный человек, кто по-настоящему предан Георгию Мартыновичу. Она ухаживала за ним, как за малым ребенком, лечила его...

— Вот именно — лечила!.. Ведомственной поликлиники ему мало. А ведь у вас очень приличная поликлиника. Я наводил справки.

— Каждый волен лечиться по собственному усмотрению. Я, например, тоже далеко не в восторге от современного здравоохранения. А вы?

— Ладно, оставим это, — махнул рукой Борис Платонович. — Значит, Солдатенкову вы ни в чем не подозреваете?

— Какое право я имею подозревать?.. Вы некорректно формулируете вопросы. Ничего дурного за ней я не знаю. Последние годы Георгий Мартынович сильно сдал и чувствовал себя очень одиноко. Спасибо ей за то, что она скрашивала ему жизнь, как могла.

— Но ведь вы согласились, что могло иметь место преступление?

— Да она-то при чем?.. Вне дома искать надо. Человека искать. Мне так кажется.

— Правильно кажется. Но вы, простите, непозволительно отделяете следствие от причины. Что-то заставило Солитова покинуть дом? Как по-вашему?

— Тут вы правы, — незамедлительно признала она. — Товарищ, который приезжал к нам из уголовного розыска, тоже пытался отталкиваться от этой точки... Кстати, если это не секрет, почему делом... Одним словом, при чем тут прокуратура? Или милиция уже не ищет Георгия Мартыновича?

— Ищет, — пряча улыбку, кивнул Гуров, невольно проникаясь симпатией к собеседнице. Ее манера вести разговор обезоруживала. Явственно ощущались прямолинейность, которую смягчала природная интеллигентность: высокий уровень самооценки и превосходно функционирующая логическая машина. С такими людьми бывает либо очень трудно, либо необыкновенно легко. «Хорошо, когда они на твоей стороне», — подумал он, ощутив легкий укол грусти. — Почему вы заранее настроены против меня, Наталья Андриановна?

— Настроена против вас? — Она удивленно распахнула блеснувшие ледяной глубинной зеленью глаза. — Во-первых, это вовсе не так, да и вообще не имеет никакого значения! — И вдруг засмеялась, еще более похорошев. — Типичный образец женской логики, верно?

— Что вы, Наталья Андриановна, по части логики у вас полный ажур... Что же касается нашей совместной с МУРом работы, то она, поверьте, осуществляется в полном соответствии с законом. Я в курсе вашей беседы с товарищем Люсиным и, не скрою, в свою очередь поставлю его в известность. У каждого из нас свой круг обязанностей. Я удовлетворил вас?

— Вполне.

— Тогда вернемся к исходной, как вы изволили выразиться, точке. Меня по-прежнему глубоко волнует вопрос, почему Солитов столь внезапно решил уйти.

— Некорректно! — размышляя, она принялась покусывать нижнюю губу.

— Помилуйте, Наталья Андриановна! У меня и в мыслях не было вас задеть.

— Задеть меня? — Ее сосредоточенно-нахмуренное лицо мигом разгладилось. — Я употребила выражение «некорректно» сугубо в математическом плане, не в общежитейском. Простите... Я хотела сказать: «неточно».

— В чем же вы усматриваете неточность?

— Во-первых, у нас нет оснований полагать, что Георгий Мартынович собирался уйти. Выйти — это да, но не уйти. Он же остался один — Аглая Степановна уехала. Мало ли что могло понадобиться? Хлеб, молоко... О какой-то особой внезапности тоже говорить не приходится. Мы же не знаем, какие у него были планы! Вопрос следовало бы переформулировать: почему не вер-

нулся, а не почему ушел? — вот что интересно. Хотя одно с другим, возможно, и связано.

— Возможно?

— Да, возможно, но вовсе не обязательно. Товарищ из угрозыска совершенно обоснованно предположил несчастный случай. А раз случай, то какая может быть связь? Мог выбежать на секунду, а тут почечная колика или острый печеночный приступ. Вы согласны со мной?

— Ваша аргументация безупречна. Ей бы цены не было, если бы люди, даже очень и очень больные, обладали способностью исчезать без следа. — Гуров выдержал красноречивую паузу, дав Наталье Андриановне возможность прочувствовать сказанное. — Поэтому нам не остается ничего иного, как сызнова начать все сначала. Я вам помогу здесь немножко, потому что сегодня мы располагаем сведениями, которых не имели вчера. Так, например, удалось установить точную дату ухода или, если угодно, исчезновения вашего завкафедрой. Произошло это в пятницу, через два дня после отъезда Солдатенковой. Больше того, мы знаем, что в этот день, причем утром, что-то около одиннадцати, Георгий Мартынович снял с книжки полторы тысячи рублей. Таковы факты.

— Ограбление?

— Мысль напрашивается сама собой, но ничем конкретным пока не подтверждается. Несмотря на вывешенные милицией объявления с портретом Солитова и описанием его примет, никаких сведений не поступило. Никто не видел его после сберкассы.

— А в сберкассе видели?

— Да, девочки его запомнили.

— Должна ли я вывести заключение, что Георгий Мартынович исчез сразу после получения денег? Нелепо.

— Конечно. Поэтому будем отталкиваться от известных фактов. Зачем вдруг могли понадобиться такие деньги? С какой целью?

— Понятия не имею.

— А если подумать?

— Гипотез можно выстроить сколько угодно, но ведь нужны основания.

— Оснований нет.

— Тогда это бессмысленное занятие.

— Позволю себе не согласиться с вами, уважаемая Наталья Андриановна. Если мы станем отталкиваться от привычек товарища Солитова, его увлечений, даже страстей и так далее, то вы сами увидите, сколь ограничен окажется наш, извините, джентльменский набор.

— Насколько я понимаю, вы уже проделали эту мысленную операцию?

— Беседовать с вами — одно удовольствие, Наталья Андриановна, вы схватываете буквально на лету.

— Тогда поделитесь вашими умозаключениями, а я попробую оценить их в меру возможности.

— Вы меня чрезвычайно этим обяжете. — Борис Платонович даже привстал отдать поклон. — Но, чур, одно предварительное условие, — он лукаво прищурился, выставив желтый от никотина указательный палец, — не принимать на свой счет и не обижаться! Гипотеза — всего лишь гипотеза, умозрительное построение, так сказать. Поэтому принцип такой: выдвигаем, не стесняясь любой ереси, оцениваем, отсеиваем. Не возражаете?

— Приступайте, — коротко кивнула Наталья Андриановна.

— Дубль номер один! — Пародируя киносъемку, Гуров хлопнул в ладоши. — Обыкновенный шантаж!

— С последующим похищением? — незамедлительно отреагировала Наталья Андриановна. — Вздор! Откупаться от кого-то, бежать в сберкассу, да еще в дождь, чтобы снять эти полторы тысячи... Вздор, вздор!

— А что, если альтруистический порыв? Хотел кому-то помочь.

— В принципе исключить такое нельзя. — Она сдула упавшую на лоб прядку. — Но кому помочь? В чем?

— Пусть будет по-вашему. — Он сделал беглую пометку в блокноте. — Пойдем дальше... Может быть, женщина?

— Ну, допустим, женщина, и что дальше? Опять-таки таинственное похищение? В карете с опущенными шторками, а потом убийство на мосту Урсулинок?

— Где он, этот ваш мост, разрешите полюбопытствовать?

— Понятия не имею. Нет, этот вариант не проходит.

— А почему? Не в образе Георгия Мартыновича? Свято верен памяти усопшей супруги? Женофоб? Или, может, бьется в тенетах своего злого гения, то бишь Степановны? Вот и представился удобный случай порвать путы.

— Нет-нет, не проходит. — Ее крупные чувственные губы дрогнули в тонкой улыбке. — Слишком поздно. Если бы еще лет десять назад, то куда ни шло, а теперь — нет. Поздно.

—. Вы хотите сказать...

— То, что сказала. Вы не там ищете.

— Но почему? Уверяю вас, Наталья Андриановна, что знавал людей постарше Солитова, весьма падких на галантные эскапады. Поверьте.

— Охотно верю. Я и сама знаю тому примеры, но здесь иной случай. Георгий Мартынович мог увлекаться, хотя и не до такой степени, пока была жива Анна Васильевна. Ее кончина совершенно подкосила его. За какие-то месяцы он постарел на десять лет.

— Дались вам эти десять! — проворчал Гуров. — Значит, вы и мысли не допускаете, что он мог ринуться очертя голову в последнюю авантюру? Навстречу прощальной улыбке судьбы?

— Что вы имеете в виду? — не поняла Гротто.

— Какую-нибудь молоденькую бесовку, которая закрутила беднягу и увлекла... Ну, скажем, на Черноморское побережье Кавказа? Или в Крым? В Прибалтику, Закарпатье — незнамо куда! Были,

были аналогичные эпизоды. Причем с мужами такого уровня... Ого-го! Не вашему Солитову чета.

— Кое-что слышала в этом роде, — признала Наталья Андриановна. — Более того, я была бы счастлива, если бы и с Георгием Мартыновичем случилось такое.

— А уж как бы я был счастлив, Наталья Андриановна, вы и представить себе не можете! Знай я сейчас, где и с кем пребывает ныне наш досточтимый профессор, я бы и не подумал нарушить его сладостное уединение. Ждать, благо, не долго. Денежки в подобных случаях уж очень быстро кончаются. Можете мне верить.

— Нет, я вам верю, только боюсь, что напрасны наши столь радужные надежды.

— Так ли? Человек в отпуске, абсолютно свободен, располагает средствами... Вы что, полностью исключаете такой разворот событий?

— Полностью трудно исключить что бы то ни было в человеческой жизни. Но ваша очередная гипотеза маловероятна. Давайте следующий дубль. Какой он у вас по порядку?

— Вы даже не желаете раскрыть карты, — пожаловался Борис Платонович. — Я принужден полагаться на веру.

— Таковы условия нашей игры. Вы ведь сами так захотели.

— Положим, немножко не так, но замнем для ясности. Хоть закурить разрешите?

— Сделайте одолжение.

— Сколько мог, крепился. — Он торопливо зажег дешевую, с удушливо-сладеньким запашком, сигарету.

— Вы у себя. — Наталья Андриановна взглянула на свои часы-медальон. — Еще будут вопросы?

— Уже прискучило? — Он попытался разогнать дым. — Потерпите еще немного... С кем Георгий Мартынович был особенно дружен?

— Особенно ни с кем, но добрые отношения поддерживал со многими.

— С мужчинами? Или с женщинами тоже? Взять хоть ваших институтских...

— Оставим эту тему, она... неуместна в сложившихся обстоятельствах. Ведь налицо трагедия, а вы все ищете адюльтер.

— Не ищу, Наталья Андриановна. Пытаюсь надежно исключить, чтоб думать в другом направлении.

— Вот и думайте на здоровье — в другом.

— Непросто с вами, извините за откровенность.

— Не вы один это заметили.

— Однако у нас с вами не совсем обычная встреча, Наталья Андриановна. Я представляю закон, и вы...

— Обязана отвечать на все ваши вопросы? — с присущей ей стремительностью парировала Гротто. — Даже если они представляются мне бестактными? Ну уж нет! Я вообще не желаю более разговаривать, потому что устала и не в настроении. Можете применить ко мне соответствующую статью. Сделайте одолжение.

— Спасибо за помощь, Наталья Андриановна. — Гуров встал, давая понять, что беседа окончена. — Сожалею, что у вас не хватило терпения выслушать меня до конца.

— Что поделаешь. — Она тоже поспешно поднялась, ощущая запоздалую неловкость.

— До свидания. — Он сделал попытку проводить ее до двери.

— Нет уж, прощайте!

— Зачем же вы так?

— Всего доброго, — процедила она сквозь зубы, отнюдь не любуясь собой. Но и не сожалея особенно. Как вышло, так вышло.

Глава восьмая

СБЕРКАССА, ДОЖДЬ, ПРИОТКРЫТАЯ ДВЕРЬ

Дождь хлынул ночью в канун предсказанного Степановной дня. Люсину, стремившемуся с максимальной точностью воспроизвести обстановку, это оказалось как нельзя более на руку.

— Маленькая сценка, которую мы сейчас разыграем, милые женщины, называется следственный эксперимент, — объяснил он сгоравшим от любопытства труженицам поселковой сберкассы. — Но вы не обращайте внимания на мудреные термины и всякую официальщину. Постарайтесь сбросить напряжение. Вспомните, как играли в детстве. Свободно, раскованно, с упоением... Я понятно говорю? — Он наклонился к окошку Веры Петровны, старшего контролера.

— Мы постараемся, — смущенно улыбнулась молоденькая женщина в пуховой розовой кофте.

— Вот и замечательно! Роль Георгия Мартыновича Солитова попробует взять на себя мой товарищ, — Владимир Константинович кивнул на Гурова.

Несмотря на то что доставившая их милицейская «Волга» остановилась у самого порога, Борис Платонович ухитрился изрядно намокнуть. С его плаща и широкополой поношенной шляпы стекали тонкие прерывистые струйки. Он поминутно чихал, нервно отирался платком и вид имел довольно жалкий.

— Они совсем на профессора не похожи, — ехидно стрельнув глазками, высказала сомнение кассирша Марина. — У Георгия Мартыновича зонт был. Он еще его на подоконник поставил.

Люсин взглянул на низкий подоконник и деревянную решетку под ним, за которой виднелись чугунные ребра радиатора водяного отопления. На подоконнике стоял горшок с каким-то широколистным волосатым растением. Люсину всюду теперь попадались цветы, назойливо лезли в глаза, даже ухитрялись прокрадываться в сумеречные пространства сна. Для зонта, даже раскрытого, на подоконнике оставалось достаточно места.

А за окном белыми размочаленными веревками плясали струи. На залитом асфальте вскипали крупные веселые пузыри. Жалко

подрагивала пригнутая к самой земле ветка. Зарядило, судя по всему, основательно.

— Зонт мы заменим этой штуковиной, — нашелся Владимир Константинович и вручил Гурову свернутую в трубку газету.

— Я бы могла дать свой, — предложила Вера Петровна.

— Не стоит, — улыбнулся Люсин, — ведь вы будете помнить, что это именно ваш зонтик... Ну как, готовы? Тогда все по местам, а на меня, пожалуйста, не глядите. Меня здесь нет.

Гуров, словно в прокручиваемой обратно киноленте, двинулся спиной к выходу. Протяжно вздохнув, захлопнулась за ним дверь с табличкой: «Закрыто». Каким-то шестым чувством Люсии расслышал за шипением струй и хлюпаньем пенных потоков, как переступили сапоги участкового на крыльце и как зашелся в сухом кашле застарелый курильщик Гуров. Но вот он справился, продышался и дернул ручку, лязгнувшую на разболтанных шурупах.

Далее пошло по отрепетированному сценарию.

Вошедший приостановился, потопал, сделал вид, что складывает зонт, и приблизился к окну контролера. Здесь он оглянулся, попятился к подоконнику, где и пристроил свое водозащитное орудие.

— Ну и льет! Лета как не бывало, — произнес он с непринужденной естественностью, которая могла сделать честь любому профессиональному актеру. — Как жизнь молодая?

— Нет никакой жизни! — отрезала Марина, четко воспроизводя текст. — Мне с понедельника в отпуск, а тут, как назло... Носа не высунешь.

— А я говорю тебе, переиграй, — подала свою реплику Вера Петровна, все же не уверенная до конца, что говорила в тот раз именно это. — В профкоме путевка имеется на сентябрь месяц. В Анапу. Хоть отдохнешь, как человек, в кои-то веки. Давайте, Георгий Мартынович, чего там у вас?

Быстро заполнив талончик, который вложил затем в согнутую пополам рекламку, скромно перечислявшую прелести страхования. Гуров просунул руку в полулунный вырез.

— Пожалуйста.

— Не знаю, хватит ли у нас денег, — озабоченно покачала головой Вера Петровна, сделав вид, что ищет карточку в ящиках вращающейся этажерки. — Тысяча пятьсот, Марина!

— Вы уж извините, что я не предупредил, — объяснил Гуров. — Понадобились, знаете. — На сей раз поданная им реплика не блистала талантом перевоплощения.

— По-моему, он сказал тогда «срочно», — выходя из роли, уточнила Марина.

— Ты думаешь? — спросила с сомнением Вера Петровна.

— Определенно. Я потом еще...

— Пусть будет «срочно»! — распорядился Люсин, возникая из своего условного небытия.

— Вы уж извините, что я не предупредил, — послушно пошел на второй круг Борис Платонович, — срочно понадобилось, знаете.

— Я должна посмотреть! — строго заявила Марина и с надменно вскинутым лицом вышла из-за своей загородки. — Не можем же мы остаться на целый день без всего!

— Да, нескладно получилось, — изображая неловкость, затоптался Гуров, оставляя на полу грязные отпечатки. — Конечно, нужно было заранее...

«Неплохо, — оценил Люсин, с интересом завзятого театрала следя за перипетиями игры. — Размотать девчонок на такой текст! Классная работа».

— Теперь ты, Вера, — тихо подсказала подруге Марина, громыхнув для пущего эффекта створками сейфа.

— Разве я?.. Ах да! — Вера Петровна залилась краской. — Ничего, Георгий Мартынович, что-нибудь придумаем. Ты погляди, Мариночка.

— Не знаю, не знаю. — Даже лопатки Марины, мягко обозначенные зеленой тканью платьица в стиле «сафари», выразили, упрямо дрогнув, сомнение. — А вдруг еще кто спросит? В банк, так и знай, я сегодня не поеду. — И она вернулась к себе, неся в руках невидимые пачки.

— Как-нибудь исхитримся. — Вера Петровна в отточенных движениях воспроизвела операцию и кивнула на соседнее окно.

— Спасибо большое. — Клиент переместился в сторону кассы.

— Могу только пятидесятками. — Маринины пальцы гениально обрисовали весомость туго обандероленной пачки.

— Мне совершенно все равно, уверяю вас, совершенно... Благодарю за любезность. — Гуров согнулся, словно упрятывая во внутренний карман деньги.

— Все? — спросил Люсин, отпуская напряженные мускулы.

— Вроде все, — подтвердила Марина. — Так оно и было.

— Чего-то, по-моему, не хватает, — обозначив милые ямочки, виновато улыбнулась Вера Петровна. — Кажется, в этот момент хлопнула дверь.

— Да ты что? — вскинулась Марина и перевесилась через перегородку. — Никого ж не было!

— Не было, — согласилась Вера Петровна, — но дверь определенно стукнула, хоть и не в полную силу.

— Так? — Люсин приоткрыл дверь наполовину и отпустил, предоставив действовать астматически вздохнувшей пружине.

— Слабее, — откорректировала Вера Петровна. — Чуточку слабее.

— Как сейчас? — он не замедлил попробовать.

— Да, похоже...

— Тогда попрошу всех повторить еще раз, — распорядился Люсин, входя во вкус упоительной режиссерской тирании, перед которой любая другая власть не более чем бледная тень. — Меня теперь

окончательно нет. Пошли! — Он скрылся, оставив щелку, в которую мог видеть лишь кусочек кабинки кассира.

Представление повторили на бис. Из темного, продуваемого дождевой сыростью тамбура Люсин ловил знакомые реплики: «Ну и льет...», «В Анапу...», «Тысяча пятьсот...». Потом в поле зрения появилась спина в мокром плаще. «Могу только пятидесятками...» И заключительное: «Благодарю за любезность».

Тут спина слегка сгорбилась и начала медленно наступать прямо на Люсина. Он почти непроизвольно выпустил ручку и отшатнулся. Натруженный язычок защелкнулся с привычной печалью. Удушливым всплеском сердцебиения отозвался в ушах этот ненужный вздох.

— Как теперь, Вера Петровна? — Он с трудом заставил себя промедлить несколько тактов. — Похоже?

— Теперь правильно, — вполне уверенно подтвердила она.

— Ах, какие же вы обе молодцы! — благодарно просиял Люсин. — Даже не представляете себе, как это важно. Собственно, все и делалось лишь для того, чтобы вы могли вспомнить. Приоткрыть подсознание.

— Неужели кто проследил? — Догадливо поцокала языком Марина. — Это же надо... Какого человека!

— Неужели убили?! — ужаснулась Вера Петровна.

— Пока ничего не известно, — чистосердечно вздохнул Люсин. — Ну что, Борис Платонович, побредем?

Они перебежали к машине, вдоволь черпнув ботинками холодной воды. Подмокший, невзирая на дождевик с капюшоном, участковый поспешно нырнул следом. Предупредительно захлопнув за московским начальством заднюю дверцу, он осторожно, чтобы не замочить, подсел к шоферу.

— Мне показалось, что вы хотели задержаться, — сказал Люсин, отряхиваясь. — Извините, если поторопился.

— Н-нет, ничего, — протянул Гуров и, наклонясь к участковому, поинтересовался: — Вас куда, лейтенант?

— Мне рядом. — Он ткнул пальцем в непроницаемый туман за стеклом. — Пообедаю, раз такое дело... Может, погостите у нас?

— Спасибо за приглашение, — Люсин переглянулся с Гуровым, — но как-нибудь в другой раз.

Подбросив участкового до самого дома, где его ждали густые горячие щи с мозговой костью, шофер осторожно свернул на раскисший проселок и бросил опасно рыскавшую машину в слепой полет. Угрожающе отдавалось в рессорах, отчаянно рычали шестерни, заливая все и вся, обрушивались тяжелые глинистые каскады.

— А я еще намеревался прогуляться до станции, — посетовал Люсин. — С дамским зонтиком. Видели идиота?

— Бесполезное дело, — махнул рукой Гуров. — В двух шагах ни черта не видать. Мы хоть правильно едем?

— Довезу вас, Борис Платонович, не сомневайтесь, — весело откликнулся Коля Самуся, ловя смутный проблеск под надсадно скребущими дворниками.

— Не понравилось мне это «срочно» ее, Владимир Константинович, — крутанул головой Гуров, ожесточенно раскуривая отсыревшую сигарету. — В первый раз она мне такого не говорила.

— И что из этого следует?

— Может, и не следует ничего, а проверить не мешает. Исключить возможность наводки, чтобы не думалось.

— Наводка? — Люсин с сомнением оттопырил губу. — Зачем тогда было про дверь вспоминать? Ведь все и составилось у нас из-за этого стука.

— Так про то другая вспомнила, Вера Петровна...

— Значит, вы полагаете...

— Ничего я не полагаю, Владимир Константинович. Только оно дорогого стоит — это крохотное уточнение. С какой стороны на него ни взгляни.

— Ваша правда, — признал Люсин.

— Догадываюсь, что не очень вы меня, старого сухаря, одобряете и размолвку с Натальей Андриановной все никак простить не желаете, но ничего с собой поделать не могу. Так уж устроен, простите.

— Себя ломать — последнее дело, — задумчиво усмехнулся Люсин. — У каждого свой стиль, Борис Платонович, и ничего тут не попишешь. Хотя как-то приноравливаться все-таки не мешает. Учитывая общность цели.

— Спасибо за намек. — Гуров старательно выдувал дым в узкую, как лезвие, щель, но дождь ломал тонкую струйку и гнал обратно. Слезно пощипывало в глазах.

— Ради бога, Борис Платонович. Никаких намеков. Не смею, да и не нахожу оснований, как на духу говорю, в чем-либо вас упрекнуть. По-моему, мы неплохо работаем в паре... Пока.

— Значит, не упрекаете? И на том спасибо... Не упрекаете, но и не одобряете?

— Я бы не стал так ставить вопрос. Вернее будет сказать: не во всем соглашаюсь.

— Ну, это вполне нормально, Владимир Константинович.

— И я того же мнения.

— Вы говорите, когда чего не так...

— Скажу, если вы сочтете возможным заранее поставить меня в известность.

— Ясно, куда целите. И поделом мне, дубарю. Поторопился с Натальей, пережал. С кем не бывает?.. Тем более что знахарочку вашу я за три версты обхожу. Уговор помню... Вы из нее, кстати, ничего такого не выжали?

— Человек не виноград, Борис Платонович, — чувствуя, что вот-вот сорвется, процедил Люсин. — Я, извините, не приемлю такую терминологию... Но давайте лучше о деле, коль уж вы затронули. Я навел кое-какие справки. Аглая Степановна действительно

ездила на свадьбу к своей крестнице Галине, оператору машинного доения. Молодой она привезла в подарок финские сапоги, а жениху — чайный сервиз, так сказать, на обзаведение. Что же касается ее лесных походов и ваших сомнений, вполне резонных, и насчет осеннего сбора, то тут у меня душа спокойна. Хотите знать почему?

— Интересно послушать.

— Аглая Степановна не скрыла от меня, что и с какой целью искала. Даже урожай свой продемонстрировала, хоть я в таких материях, мягко говоря, слабо ориентируюсь.

— Я тем более. И это наша общая беда.

— Но я все же проконсультировался со специалистами, даже литературу кое-какую полистал. Вот краткие заключения насчет собранного Аглаей Степановной растительного сырья. — Люсин раскрыл записную книжку. — Шерошница душистая или ясменник пахучий — асперула одората. — Он со вкусом подчеркнул латинское звучанне. — Собирают после цветения... Прошу обратить внимание: после. Применяется для общего улучшения обмена веществ, действует на печень и мочевой пузырь, хорошо зарекомендовала себя при лечении камней. Подходит?

— Пока согласуется.

— Пойдем дальше. Буквица лекарственная — бетоника оффициналис. Собирают ее весь период цветения, который продолжается с июня до сентября, влияет на работу печени. Наконец, третье — жеруха.

— Блатное, однако, названьице.

— Это уж как взглянуть, Борис Платонович. Это уж дело вкуса... Если не нравится, называйте по-латыни: настуритум. Цветет она с мая до конца сентября. Употребляется исключительно в свежем виде, поскольку при сушке теряются лечебные свойства. Особенно показана при нарушениях функции печени и желчно-каменной болезни... Вас устраивает? Диагноз, поди, не забыли?

— Выходит почти кругло, — признал Гуров. — Если, конечно, исключить возможность заранее заготовленной легенды.

— Такого подарка нам с вами никто, Борис Платонович, не приготовил. Можете сомневаться, сколько угодно, но, извините, про себя.

— Это я понимаю! — кисло улыбнулся Гуров. — И чту священный принцип презумпции невиновности во всей его... Не знаю чего... Вы, кстати, что кончали?

— Юридический факультет МГУ, заочно.

— Узнаю изысканную латынь. Школа! Альма-матер!

— Отчасти. А вообще-то я довольно сносно владею французским. С детства.

— Уж не голубых ли кровей?

— Увы, самых обыденных, хотя, не скрою, знавал титулованных особ, знавал.

— Это при каких же обстоятельствах?

— Досталось как-то одно непростое дело, но неохота рассказывать. Да и долго.

— Жаль, я бы с удовольствием послушал... Ничего, расскажете, когда, даст бог, разопьем бутылочку по случаю благополучного, если можно так выразиться, завершения. Ведь расскажете?

— Отчего же нет? — не слишком охотно пообещал Люсин.

— А насчет этой Марины я все-таки наведу справки. Не возражаете?

— Ваше полное право.

— Вы бы, конечно, не стали?

— Почему? Если бы возникло вдруг такое сомнение, не замедлил бы.

— Вдруг? Вдруг, дорогой мой Владимир Константинович, ничего не случается. На все есть своя невидимая причина... Ничего у меня, кроме благодарности, к этой девахе нет. Ни боже мой! Но резануло словечко, не скрою. Уж больно кстати припомнила!

— Кстати, если учесть последующие события. Едва ли она ожидала, что Вера Петровна скажет про дверь.

— Явно не ожидала. Даже вскинулась сперва, что тоже наводит на размышления.

— По-моему, нормальная реакция.

— Думаете?

— Почти не сомневаюсь. Но вы проверьте, Борис Платонович, для очистки совести. Чем черт не шутит.

— Эх, времени жалко! Ведь тут явный след обозначился! Я же так и знал, что все просто в подлунном мире. Сложности — не для наших клиентов. Они вьют круги, запутывают, но в основе всего — примитив. Да и чего ждать? Если ты способен убить человека из-за... словом, из-за бумажек, то грош тебе цена как мыслящей личности. Ты уже не гомо сапиенс и вообще никакой не гомо. Так, протоплазма с навозом... Чего делать-то будем?

— Первым делом пройду я этим путем, до станции. Как только погода позволит.

— А пока?

— Продолжу расшифровку. Мне эта кабалистика солитовская покоя не дает. По ночам снится вместе с дурманом и белладонной всяческой.

— Неужели вас все еще волнуют эти чудачества, чепуха, можно сказать, на постном масле? Уж теперь-то мы знаем, что к чему!

— Знаем? Не слишком ли сильно сказано?.. Кстати, Борис Платонович, утром меня снова затребовали на ковер.

— Что, торопит любимое начальство? Так ведь и меня, грешного, теребят.

— К тому, что торопят, я привык. На то и щука в реке, чтоб карась не дремал. Не первый год служу и наловчился выслушивать понукания вполуха. Но одна фраза, скажу вам по чести, меня проняла.

— Что же это за фраза такая особенная? Уж не намекнули ли вам на понижение в должности? — Гуров сочувственно рассмеялся. — Не берите на сердце.

— Понижение мне не грозит, — непроизвольной улыбкой ответил Люсин, — как, впрочем, и повышение. Просто мне напомнили, Борис Платонович, что патенты Солитова принесли стране миллионы в валюте. Миллионы!

— Ну и что?

— А то, уважаемый коллега, что любая неясность в таком деле невольно наводит на размышления. Самого разнообразного свойства. Надеюсь, вы понимаете? Поэтому я и хочу досконально во всем разобраться.

— Но ведь только что...

— Да, вы правы, только что впервые обозначился след. Версия, примитивная и железная в своей однозначности версия вырисовывается почти без участия серого вещества. Но как раз это меня и настораживает.

— Почему, позвольте спросить? Разве речь идет не о весьма значительной сумме? Таксиста на прошлой неделе из четырнадцатого парка по голове стукнули за меньшее. У него, судя по счетчику, тридцать шесть рубликов было.

— Да знаю я, — устало отмахнулся Люсин. — И про то, как алкоголики из-за пятерки насмерть порезались, не в газете прочитал... И все же!

— Ну, не мне вам советовать, Владимир Константинович. Тем паче что с собачкой не погуляешь: остыл след. Мозгами ворочать надо. Разгадывайте свои иероглифы, раз уж возникла такая нужда. Прошу пардону, если осложнил вам с Натальей Андриановной.

— Боюсь, что так. — Люсин озабоченно почесал макушку. — Пошлет она меня куда подальше и будет права.

— Она-то? Уж это точно. Она может... Хотите, я у нее официально прощения попрошу? На любые унижения пойду, чтоб только простила?

— Издеваетесь? — Люсин неодобрительно покосился на не в меру разговорившегося напарника. — Как-нибудь обойдемся без жертв.

— Обиделись, никак?

— Напротив. Начинаю понимать, что с вами все-таки можно сосуществовать. Без последнего куска хлеба не оставите.

— Уж не идея ли наклюнулась какая?

— Может, и наклюнулась, только нипочем не скажу.

— Да знаю я ваши милицейские штучки! Хотите на спор?

— На пиво.

— Что так дешево?

— Проиграть боюсь.

— Ну, пиво так пиво, хоть я его и в рот не беру... А думаете вы, милейший, что надо вдарить по темному элементу. Проверить, короче говоря, местную клиентуру. Станете отпираться?

— Не стану, — Люсин задумчиво покачал головой. — Куда от вас денешься? Прямо рентген... Ориентировку мы, конечно, дадим,

хотя чует мое сердце, что пользы от нее будет, как от козла молока. Но на пиво вы заработали.

— Ой хитрите, майор! — Гуров проницательно прищурился. — Другое у вас сейчас на уме.

— Верно, другое. Жалею, что не завернули к Аглае Степановне. Придется позвонить. Хочу справиться, когда дождь кончится.

— А она знает?

— Уж будьте уверены!

Глава девятая

УЧЕНИК ТРУБАДУРА

Авентира I[1]

Вечер за вечером косматая комета — вестница бед, вставала над перетекающим горячими струями горизонтом. Горная чаша догорала воспаленными сполохами отуманенного заката, и над долиной расплывался зеленоватый болезненный сумрак. Жгуче отсвечивали в дымной полумгле красные точки. Словно и впрямь хвостатая звезда, напоминающая срезанную голову, изливала горячую кровь на истерзанную землю. Одинокими обелисками возвышались сквозящие дырами колокольни.

На железных столбах, опутанных цепями, черными от огня, сидели зловещие вороны. Сыто расклевывая развеянный ветрами прах мучеников, их черные стаи тянулись над разъезженной, еще римлянами мощеной дорогой, полого взбиравшейся на горный склон.

Частокол копий неровно вставал в зареве. Конные рыцари и пешие латники далеко растянулись по дороге от Каркассона к Монсегюру, держа арбалеты на облитых кольчугой плечах. Флажки и хоругви тяжко покачивались над гремящей железом колонной. Корчились на ветру кровавые кресты плащей и летела над всем огненная королевская орифламма, обретая странное сходство с набирающей силу кометой.

Под этим знаменем кончалась война, которую вот уже почти сорок лет вели, с благословения Рима, против собственного народа французские короли.

Впервые орифламма, что буквально означает «златопламенная», была развернута в сражении с соплеменниками — с мирными обывателями, населявшими щедрые лангедокские земли, дающие здешним лозам их удивительный солнечный аромат. Суверенное

[1] Приключение, предприятие, связанное с опасностью, рыцарский подвиг. Лат. adventura, франц. aventure, нем. Aventiure — непременный компонент рыцарского романа.

графство, где все, от мала до велика, начиная с самого Раймунда Седьмого и кончая последним школяром, дали увлечь себя на путь опаснейшей ереси, простиралось от Аквитании до Прованса и от Пиренеев до Керси. Династия Раймундов, графов Тулузских, была настолько славна, а сами они так могущественны и богаты, что их называли «королями Юга». Но если на Севере ревностно исповедовали обряды апостольской римско-католической церкви, то в наследственных владениях графов Раймундов все шире распространялась опасная ересь, таинственными путями проникавшая во Францию из далекой Азии.

Альби, Тулуза, Фуа, Каркассон — повсюду множилось число тех, кого назвали потом катарами[1] или альбигойцами, поскольку впервые они заявили о себе именно в Альби. «Нет одного бога, есть два, которые оспаривают господство над миром. Это Бог Добра и Бог Зла. Бессмертный дух человеческий устремлен к Богу Добра, но бренная его оболочка тянется к Темному Богу», — учили катарские проповедники. В остроконечных колпаках халдейских звездочетов, в черных, подпоясанных веревкой одеждах пошли они по пыльным дорогам Прованса, проповедуя повсюду свое вероучение. Они называли себя Совершенными и свято блюли тяжкие обеты аскетизма.

Простые обыватели жили обычной жизнью, веселой и шумной, грешили, как все люди, и радовались преходящим земным радостям, что ничуть не мешало прилежно соблюдать те немногие заповеди, которым научили их Совершенные. Главная гласила: «Не проливай крови».

Шпионы великого понтифика не могли даже ответить на самые простые вопросы владыки: каковы обряды альбигойцев? Где они совершают свои богослужения и совершают ли их вообще?

Нет, ничего достоверного узнать о катарах не удалось. Может быть, виной тому был мудрый и весьма человечный принцип: «Клянись и лжесвидетельствуй, но не раскрывай тайны!» Однако, чем менее известно было о новой ереси, тем злокозненнее она казалась.

«Катары — гнусные еретики! — проповедовали католические епископы. — Надо огнем выжечь их, да так, чтобы семени не осталось...»

Папа Иннокентий Третий послал в Лангедок доверенного соглядатая — испанского монаха Доминика Гусмана[2], причисленного впоследствии к лику святых. Доминик попытался противопоставить аскетизму Совершенных еще более суровую аскезу католических фанатиков с самобичеванием и умерщвлением плоти, но у жизнерадостных южан подобные процедуры вызывали только смех. Тогда он попытался одолеть еретических проповедников силой своего красноречия и мрачной глубиной веры, но люди больше не уповали на спасительную силу пролитой на Голгофе святой крови.

---

[1] От греческого «чистый».

[2] Доминик Гусман считается основателем ордена доминиканцев.

Фра Доминик покинул Тулузу, глубоко убежденный, что страшную ересь можно сломить только военной силой. Вторжение стало решенным делом. Его начали втайне готовить со всем характерным для папства тщанием и обстоятельностью.

Личной буллой великий понтифик подчинил недавно учрежденную святую инквизицию попечению ордена доминиканцев — псов господних.

После убийства папского легата Пьера де Кастелно в 1209 году римский первосвященник провозгласил крестовый поход, и христианнейший король Филипп Второй Август двинул к границам Лангедока закованных в сталь баронов и армию в пятьдесят тысяч копий под командованием графа Симона де Монфора Старшего. Карательная экспедиция приобретала затяжной характер. Невзирая на превосходящую военную силу и творимые крестоносцами зверства, с «умиротворением» графства дело подвигалось туго.

Умер Иннокентий, и конклав кардиналов избрал нового папу; три короля сменились один за другим на французском престоле, а в Лангедоке все еще полыхало пламя восстаний. Покоренные и униженные жители вновь и вновь брались за оружие во имя бессмертных заповедей Совершенных. Только через десятки лет головорезам, вроде Монфора, удалось как будто бы утихомирить опустевшую, измордованную страну.

В одном лишь Безье, согнав жителей в церковь святого Назария, каратели перебили несколько тысяч.

Безье горел три дня; древний Каркассон, у стен которого катары дали последний бой, был наполовину разрушен. Уцелевшие Совершенные с остатками разбитой армии отступили в горы и заперлись в пятиугольных стенах замка Монсегюр. Это была не только последняя цитадель альбигойцев, но и главное их святилище. Стены и амбразуры Монсегюра, строго сориентированные по странам света, позволяли, подобно Стоунхенджу друидов, вычислять дни солнцестояния.

Среди защитников крепости, возведенной на вершине горы, было всего около сотни военных. Остальные не имели права держать оружие, ибо в глазах Совершенных оно являлось носителем зла. Но и сотня воинов целый год противостояла десяти тысячам осаждавших крепость крестоносцев. Все же силы были слишком неравны. Объединившись вокруг своего престарелого епископа Бертрана д'Ан Марти. Совершенные и следующие их заповедям миряне — философы, врачи, астрономы, поэты — готовились принять мученическую смерть.

Монфор Младший следил за осадой с холма. Его иссеченный шрамами лик в овале кольчужного шлема казался навеки закаменевшим, словно у рыцарей, что спали вечным сном в кафедральном соборе. Тяжело опираясь на двуручный меч, он и сам был похож на гранитный кладбищенский памятник. Клиновидный щит с фамильным гербом лежал у ног. Тощий доминиканец в рясе, со све-

жевыбритой тонзурой и подпоясанный вервием, тенью замер у него за спиной. Это был Арно де Амори, папский легат.

— Завтра на рассвете я возьму Монсегюр, — сказал Монфор, ощущая чужое назойливое присутствие.

— Да будет так, — отозвался доминиканец. — Слишком много времени ушло на осаду этого капища еретиков. Его святейшество папа даже выразил удивление.

Монфор раздраженно дернул изуродованной в сражении щекой.

— Эта земля обещана мне, и она будет моей навеки. Положитесь на слово Монфора: я очищу графство от нечестивцев.

Легат благостно вздохнул.

— Не думай о бренных богатствах, сын мой... Чем больше твердости проявишь ты в борьбе с врагами истинной веры, тем скорее достигнешь цели. Само небо возложило на тебя священную миссию.

Монфор с иронической улыбкой покосился на монаха.

— Ты говоришь о бренных благах? В подвалах катаров, я слышал, хранится немало бесценных сокровищ. Ваш славный король и его святейшество папа давно точат на них зубы. Да и ты, отец мой, не останешься, наверное, обделенным?.. Недаром же, не щадя сил своих, торопишь моих людей. Так ли уж угодно богу избиение христиан? Даже если они придерживаются иных взглядов на святую троицу?

— Это ты так еретиков называешь?

— Э, святой отец, — вновь страшно усмехнулся Монфор. — Позволь уж мне говорить все, что я думаю. Почему не пошутить напоследок? Ведь моя преданность церкви слишком хорошо известна. Завтра мы совместными усилиями отправим Детей Света в вечную тьму.

— Amen! — глухо отозвался монах. — In nomine Jesus domini omnipotentis[1].

— А все же разреши мои сомнения, святой отец. — Холодное лицо Монфора исказила саркастическая гримаса. — За пятиугольной стеной укрылось много мирных жителей. Среди них — старики, женщины, невинные младенцы. Возможно, не все они заражены скверной. Не подскажешь ли, как вернее всего отличить еретиков от добрых католиков.

— Убивай всех, сын мой, — кротко улыбнулся монах. — Бог узнает своих...

Когда Юг и Кламен выбрались из подземного лабиринта, все было кончено. На поле мучеников остыл пепел, хотя в самой крепости еще бушевал огонь. Сквозь проломы в стенах, то угасая, то вновь вспыхивая под вздохами ночного ветра, розовело зарево.

[1] Аминь! Во имя Иисуса — господа всемогущего *(лат.)*.

Как ночью вошли, так и вылезли ночью. Но спускались, выполняя последнюю волю Наставника Совершенных, вчетвером, а теперь их осталось двое.

На узкой тропе уже перед самым гротом их заметили вражеские лазутчики. Выдал гремучий сорвавшийся камень, когда у кого-то случайно подвернулась нога. Два брата, Экар и Эмвель, обнажив мечи и стилеты, остались у входа. Пока Юг и Кламен, сгибаясь под тяжестью ноши, волокли заветный ковчег к секретному лазу, который издавна прозывался Обителью слез, братья приняли неравный бой.

Узкое пространство не позволяло Христовым воинам атаковать развернутым строем. Пришлось, отбросив копья с флажками, на которых серебрился крест семейства Монфоров, нападать попарно. Самоотверженно отбив три или даже четыре таких наскока, катарские юноши пали, порубанные кривыми дамасскими мечами, вывезенными из сарацинских пустынь.

Так и остались лежать в вековой мягкой, как паутина, пыли, напитав ее холодеющей кровью.

Но тех последних, неимоверно растянувшихся минут, отданных схватке, оказалось достаточно, чтобы Кламен с Югом затерялись в кромешной тьме. Сколько потом ни искала королевская стража, последний след их оборвался в сталактитовом зале «Орган Ахерона», где отверзались зевы бесчисленных галерей. Никто не решился продолжить преследование. Только кучу факелов напрасно пожгли. Даже самые смелые крестоносцы вернулись обратно, не сделав и сотни боязливых шагов. Ходы петляли, раздваивались, сверху капала вода и многократное эхо пугающе шумело в ушах, мешаясь с отголоском подземных потоков. Соваться, не зная точного плана, было равносильно самоубийству. По всему выходило, что ускользнули альбигойские сокровища из Монфоровых загребущих лап. Богатейшее Тулузское графство присвоил король, сундуки с золотом катары предусмотрительно переправили в замок у испанской границы, и вот теперь стонущий Аид поглотил таинственный ковчег с вырезанной из цельного смарагда волшебной чашей.

Словно проклятие какое тяготело над коленом Симона де Монфора Старшего.

Не токи родственной крови,
А волю звезд — небесных судей
В игре той строгой улови
И разгадай наследство судеб...

Скверное наследство, дурная кровь. Грубо сколоченным эшафотом обернется однажды трон, на который посягнут потомки неукротимого крестоносца. В месиве истерзанного крючьями мяса, в лютом безумии «квалифицированной казни», принятой при английском дворе, сбудутся пророчества.

Когда Юг и Кламен, спрятав в потайных штольнях свой бесценный груз, вылезли из пещер, то не узнали родимой земли, пропах-

шей гарью и мертвечиной. Над руинами Монсегюра плыла, качаясь в дымных волнах, беспощадная алебастровая луна. Седой иней опушил колючий бурьян, пустые глазницы смерти слепо таращились из проломов и обрушений. Странная больная мечта о вечной искре, что, меняя бренную оболочку, теряет память о ней, но все же никогда не угасает совсем, уже не витала над грудами закопченных камней. Сама надежда на возрождение была похоронена под исковерканными стенами Солнечного храма. Словно усталая парка, перерезав тончайшую нить, уронила клубок.

Так думал черный от жирной пещерной копоти паж, мечтающий стать трубадуром.

— Все кончено. — Глядя вверх, на озаренную луной и пожарищем крепость, он скорбно преклонил колени. — Мы выполнили обет, брат Кламен, но все кончено для нас и потомков наших. Кроме полынной тоски, отравленной горечью пепелища, нам нечего им передать.

— Ничто не исчезает навечно в подлунном мире, — отрицательно покачал головой мудрый Кламен, искуснейший исцелитель недугов. — Солнце, которое ежедневно всходило тысячи лет, не может погаснуть. Пусть не при нас, пусть через века, но настанет миг нового золотого восхода для отдаленных потомков.

— Они и не вспомнят о нас, — вздохнул златовласый паж, отирая сажу со лба.

— Разве сами мы помним о прожитых жизнях?.. И все ж предначертанное свершится в урочный час.

— Ты так веришь в это, Кламен!

— Верю... Это не то слово, малыш. Я стремлюсь укрепить дух, чтобы достойно исполнить долг. Долг живых перед мертвыми.

— И это все?

— Ах, это немало, немало... Мне назначено идти на Запад, к барону д'Юссону, приютившему наш караван. Быть может, мы никогда не увидимся, но я не забуду тебя.

— И я тебя никогда не забуду! Мой путь лежит к Пейре Карденалю, певцу Донны Любви.

— Тогда расстанемся. — Кламен заключил маленького Юга в объятия. Они постояли, молча припав друг к другу, и ушли, не оглядываясь, каждый своим путем.

Кламена ожидали заботы, связанные с захоронением монсегюрского клада, и полная опасностей жизнь, а красавца пажа — не менее рискованное ученичество на поприще «веселой науки».

За далью веков нелегко понять, как презрение к мирским соблазнам могло сочетаться с куртуазным служением избранной даме, как ухитрились расцвести и ужиться на одной и той же благодатно удобренной клумбе чертополох аскетизма и благоуханная роза любви. И все же так было. При дворе графа Раймунда благосклонно внимали поучениям чернецов, обличавших чревоугодие, роскошь, и умели наслаждаться изысканными дарами южной кухни, заморскими тканями и золотой чеканной посудой. Совер-

шенные учили смирению, а разодетые в шелк миряне тешили гордыню. Повсюду процветало утонченное искусство танцев, нежно звенели щекочущие чувственность струны. В моду входили привезенные с Востока пряности, кофе, игральные карты. Общество забавлялось соколиной охотой и шахматными представлениями, в которых роль фигур играли живые люди. Сочная земная краса стала объектом всеобщего поклонения. Это о ней слагали свои сладострастные альбы — песни рассвета — подвижники-трубадуры. И пусть прозрачные покровы полунамеков лишь разжигали любовный жар, певцы с неподражаемым тактом умели хранить молчание. Только знойные соловьиные ночи смели поведать о тайных радостях разделенного чувства, и лишь посвященным поверяли свои секреты изощренные наставники «веселой науки».

Служа возвышенному идеалу Детей Света, Юг оставался мирянином. Готовый умереть по приказу Совершенных с оружием в руках, он во всем остальном предпочитал идти собственным путем, ибо уже в двенадцать лет почувствовал в себе божественный дар трубадура. Сквозь дым и кровавое месиво ему сияли лучезарные очи Донны. Самоотверженный паж до конца исполнил свой долг и, когда пришел черед выбирать, предпочел бледной мистической лилии пунцовую розу. Не объятый пламенем эшафот, но сердце, сжигаемое в любовном огне. Его властно звала усыпанная терниями дорога.

Думал ли маленький Юг, какой ему выпадет жребий, пробираясь тайными тропами в замок графа де Фуа, где в укромной каморке нашел приют гонимый Пейре де Карденаль? Отравленный лицезрением смерти, король трубадуров порвал нежные струны и ударил в колокол.

Близился к концу сверкающий карнавал. Покинув освещенные залы, вереницы гостей исчезали в темных аллеях сада. За позолоченной маской ритуальной символики возник задумчивый лик странника-трубадура, проскользнувшего через ворота в очарованный замок.

Юный паж, кого ласково и игриво поманила когда-то Любовь, внезапно увидел свое отражение в зеркале пруда и понял, что стал совершенно седым.

Будущий наставник Юга, чувствуя за спиной жар инквизиционного костра, ни под одной крышей не задерживался долее чем на неделю. Едва где-нибудь мелькала доминиканская сутана, как он снимался с места, все дальше уходя от родимого края. Он ничуть не заблуждался на свой счет, нисколько не преувеличивал опасность. Папские соглядатаи преследовали его по пятам.

Детство и юность Карденаля опалили альбигойские войны, приведшие к опустошению Прованса. Певцы Любви, паладины «веселой науки» стали яростными обличителями католицизма и застрельщиками народного возмущения. Трубадуров и альбигойцев соединило общее горе, спаяла ненависть. Они пели одни песни, бились спина к спине и горели в одном костре.

Юга, знавшего тайные знаки и пароли катаров, он встретил радушно, хотя и не скрыл своего удивления молодостью посланца монсегюрского видама.

— Позвольте узнать, сколько вам лет? — спросил Карденаль, ответив на церемонный поклон с характерным для испанского этикета излишеством движений.

— Пятнадцать, мессир, — скромно потупясь, ответил Юг.

— Что ж, самое время надеть золотые шпоры.

— Теперь это едва ли возможно. Моего сеньора заковали в цепи и увезли в Париж. Да я и не стремлюсь стать рыцарем. Я жажду совсем иного посвящения. — Юг с любопытством оглядел полукруглую комнатку, размещавшуюся под кровлей воротной башни. Кроме голубого ковра с изображением райских птичек, привезенного, очевидно, с Востока, и тяжелого венецианского кубка, здесь не на чем было остановить взор. Хотя в полоскательнице плавали лепестки роз, король поэтов спал на соломенной подстилке. — А у вас хорошо! Пахнет душицей и мятой. Это запах дальних дорог. Он волнует душу.

— Неужели ты хочешь приобщиться к бродячему племени трубадуров? — догадался Карденаль.

— Я мечтал об этом с самого детства, но не смел нарушить волю отца... Он погиб на второй день осады. Видам не позволил мне занять его место, мессир, и взял к себе во дворец.

— Называй меня просто Пейре, мужественный юноша. Разве ты не знаешь, что все трубадуры братья?

— Ты оказываешь мне честь, Пейре, которой я пока не достоин. Как тут тихо. — Юг обеспокоенно прислушался, но сложенные из валунов стены поглощали все звучи. — Мои уши привыкли к грохоту разбиваемых стен и треску огня. Вот уж не думал, что даже тишина может внушать тревогу.

Карденаль распахнул свинцовую раму, сплошь составленную из неровных разноцветных осколков. В узкую прорезь оконца, смотрящего на барбикан[1], ворвался посвист ветра и стон голубей.

— Так лучше? Свободолюбивое сердце не верит безмолвию.

— Да благословит тебя небо, Пейре!

— Ты, наверное, голоден?

— Ничуть! Господин мажордом, прежде чем допустить меня к тебе, учинил настоящий допрос. По счастью, я сумел удовлетворительно ответить на все его вопросы. Под конец он до того расчувствовался, что даже велел меня накормить. Очевидно, в награду. Мне дали чудесную баранью ногу, шпигованную чесноком, и добрый кубок мальвазии.

— Я вижу, ты не постоишь за словом, и многое знаешь для своих лет... Наверное, у тебя есть ко мне какое-то поручение?

— Поручение? — Юг смущенно развал руками. — Я бы не рискнул говорить так определенно, хотя действительно готов вру-

[1] Укрепление перед воротами замка.

чить тебе свою душу. Меня послал д'Ан Марти. — Он верноподданно поцеловал Карденаля в плечо. — Ты понимаешь, что это значит.

— Он мертв?

— Его святая душа улетела вместе с искрами в небо. Я выполнил его волю и остался совсем один.

— Чего же ты ждешь от меня, отважный юноша? Я такой же беглец, как и ты. Сухой листок, отлетевший от материнской ветки. Лечу туда, куда гонит ветер. Ты уверен, что такая жизнь придется тебе по вкусу? По-моему, ты слишком хорош собой, чтобы стать бездомным бродягой. Твое место при дворе владетельного сеньора.

— Возьми меня в ученики, божественный мастер, и я с радостью последую за тобой.

— Поэтом нужно родиться. Ты либо поэт, либо здравомыслящий человек, у которого рано или поздно заведутся денежки. Третьего не дано.

— Меня переполняют слова, как потревоженные птицы, они без устали кружатся в голове.

— Ты влюблен?

— Только в любовь, Пейре, но горький комок стоит у меня в горле, не давая излиться словам. Я бы мог умереть, но боюсь, что этот смертельный грех обречет меня на вечные муки.

— Все муки кончаются здесь, под этим безмятежным небом, напитанным грозами и сладостным дыханием цветов. Спой сочиненную тобой альбу.

— Уже рассвет, рыцарь, — Юг, не задумываясь ни на миг, привел каноническую строку. — И ветер сдувает серебряный пепел с ее обожженных костей.

— Ты в самом деле видел это?

— Видел, Пейре.

— Они сожгли твою возлюбленную?

— Они сожгли сотни прекрасных девушек, и каждая из них могла дарить мне свои ласки в ночном саду... Я никогда больше не стану корпеть над альбой. Смерть растоптала любовь. Я овладею таинством сирвантеса[1], чтобы воспеть Донну Ненависть.

— Силу ненавидеть тоже дает любовь. Похоже, ты потерял ее непременных наперсниц: надежду и веру.

— Паписты обложили хворостом крест, на котором кровоточило мое распятое сердце, а якорь я выбросил сам. Куда мне плыть, Пейре, к каким причалам? На что уповать? Схоронив тайну, мы уничтожили план. Теперь никто не отыщет наши святыни. Пославшие меня Совершенные стали золой, а сам я уже никогда не найду заветного места. Мы вышли наружу совсем не там, где спустились. Так было задумано, ведь пытка развязывает язык.

— Ты можешь быть спокоен. Я хорошо знаю епископа д'Ан Марти. Он предусмотрел все, уверяю тебя. Кто-то наверняка знает

[1] Песня, написанная в сатирическом, обличительном жанре.

дорогу, и в урочный час отыщет все до самой последней мелочи. Но ты прав, нам лучше вовсе не знать об этом и даже не думать, ибо нет меж землей и небом ничего сильнее, чем мысль... Я беру тебя в ученики, Юг. Но прежде чем приняться за сирвантес, ты перельешь в строки свою печаль. Понятная лишь посвященным, она разбудит когда-нибудь чье-то чуткое сердце.

— Пусть это будет канцона. Я назову ее «Роза и Лилия», божественный мастер.

Глава десятая

ЗЕЛЕЙНЫЕ ТРАВЫ

Вопреки опасениям Наталья Андриановна встретила Люсина довольно приветливо. На сей раз она провела его в свою лабораторию, где в этот час было относительно тихо. Они специально условились встретиться в обеденный перерыв.

— Богато живете, — одобрил Владимир Константинович, озирая сложные пространственные композиции из всевозможных колб, шариковых холодильников и причудливо ветвящихся переходных трубок. Прозрачные конструкции сверкали радугой бурлящих растворов, многократно отражаясь в хромированных плоскостях автоклавов, калориметров и прочих тонких приборов. — Это что за штуковина? — не удержался он от вопроса, увидев медленно вращающуюся печь, прорезанную узким каналом смотрового отверстия. — Первый раз вижу такую.

— Термостат для измерения растворимости. О методе запаянных ампул имеете представление? — Гротто передала ему толстостенную стеклянную трубочку, заполненную бесцветной жидкостью. — Видите поверхность раздела?

Владимир Константинович повернулся к окну. В капиллярном канале блестел кусочек сероватого металла. Стоило перевернуть трубочку, и он неторопливо падал на дно, навстречу поднимающемуся пузырьку воздуха и бледно-янтарной капельке какого-то вещества.

— Видеть, Наталья Андриановна, вижу, но пока ничего не понимаю, — честно признался Люсин.

— И немудрено — вы же не химик.

— Но химией очень интересуюсь, — поспешил он внести уточнение, испытывая давно позабытое чувство почтительной робости. — Разумеется, в узком плане криминалистической аналитики. Растворимость у нас в НТО, к сожалению, не измеряют. Объясните в порядке ликбеза?

— Зачем это вам? — Наталья Андриановна на всякий случай взяла у него ампулу. — Полагаю, вы вовсе не за этим явились?

— Совершенно верно, но никогда не знаешь, что может пригодиться.

— Здесь особо чистая вода, — не прибегая к упрощениям, объяснила хозяйка лаборатории, — и капелька масла, выделенного из тропической плумерии. В обычных условиях они почти не смешиваются. Видите желтый мениск сверху? При вращении термостата кусочек титановой проволоки многократно разбивает поверхность раздела между жидкостями. Когда температура повысится, граница исчезнет. Это и будет означать, что достигнута полная растворимость. Понятно?

— В общих чертах, — улыбнулся Люсин, следя за неторопливо плывущей по шкале стрелкой. — Значит, вы фиксируете температуру исчезновения фазового раздела?

— Потрясающе! Теперь я вижу, что вы действительно кое в чем разбираетесь, — засмеялась Гротто. — И все же зачем вам понадобился столь коварный обходной маневр? Небось физхимию пролистали, готовясь к беседе?

— Если бы вы знали, как вам идет хорошее настроение! — Он сделал попытку увильнуть от прямого ответа. — Если я скажу, что немножко боялся, вы ведь мне все равно не поверите?

— Знаете что? — Наталья Андриановна мимолетно глянула на часы. — Я предлагаю прямо перейти к делу. Времени у нас в обрез. Скоро вернутся мои коллеги, и тогда спокойно не побеседуешь. Вы же понимаете, как взволнованы люди.

— Понимаю и вообще чувствую себя кругом виноватым. Мало того, что вы из-за меня останетесь голодной, так я еще...

— Давайте без комплексов. — Нежно очерченные крылья ее породистого тонкого носа нетерпеливо дрогнули. — И по возможности короче.

— Да не могу я короче, Наталья Андриановна! — Люсин выдал точно отмеренную дозу благородного негодования. — Я же не студент, не аспирант, который за консультацией к вам пришел по поводу каких-нибудь нейропептидов.

— В самом деле? — Она насмешливо раздвинула длинные ярко окрашенные губы, ощущая, как все чаще задерживается на них его неосознанный взгляд. — Аспиранту с такой темой я бы уделила значительно больше времени... Постарайтесь понять, что мне нелегко даются ваши расспросы.

— И мне тоже, — жестко отрезал Люсин, болезненно ощутив ее потаенную горечь. — Ведь я не робот. Невольно мучая человека, бередя его раны, нельзя остаться равнодушным, уж вы поверьте... Я не нуждаюсь в формальном внимании, Наталья Андриановна. Я жду от вас значительно большего. Полного соучастия, самоотверженного погружения, если хотите.

— Не совсем понимаю вас, — ответила твердо она на его ищущий отклика взгляд.

— Сейчас объясню. — Люсин сбился с мысли. Его поразила неуловимая изменчивость всего ее облика. И прежде всего глаз,

потерявших свою холодную зелень. — Мне есть что сказать вам сегодня, Наталья Андриановна.

Он решился начать с эпизода в сберкассе. Сначала сухо, даже косноязычно, затем все более раскованно и ярко попытался передать странное ощущение раздвоенности, когда, наблюдая за следственным экспериментом сквозь щелку двери, он явственно ощутил, что кто-то встал у него за спиной, дохнув промозглой сыростью. В кратком внутреннем проблеске он успел увидеть себя самого, застывшего в темном тамбуре, и того, кто таился в тени. Нет, не таился, а сам был тенью, исторгнутой из черной слизи на керамических плитках пола, затоптанного сотнями торопливых подошв. А может, из воздуха, просквоженного дождем. Или из потной теплоты напряженно стерегущего тела, расточившейся в бездне пространства. Пусть одна лишь молекула, но ведь что-то осталось, затерявшись в тесном тамбуре между хлопающими дверьми, и было как-то уловлено тончайшими рецепторами мозга.

— Вы не посчитаете меня сумасшедшим? — закончил Люсин свой рассказ. — Я лишь попытался выразить невыразимое на человеческом языке. Мысль изреченная есмь ложь. Бессмысленная попытка. Назовите это воображением, доведенным до крайней черты, интуицией или еще как-то — все равно драгоценная суть утекает. Нет подходящих слов.

— Ужасно. — Она если и не поняла его тревожной горячечной речи, то, заразившись волнением, постигла то, что он силился, но не умел передать. Но постигла глубоко по-своему, вычленив в сумбурном потоке ледяную струнку, отвечающую собственным тайным переживаниям. — Неужели его все-таки убили? Из-за денег? Его?!

— Это первое, что приходит на ум, — повторил Люсин нывшую на языке фразу.

— Я не спрашиваю вас, какой смысл в дальнейших расспросах и поисках. Смысл, очевидно, есть. Но когда уходит человек, многое представляется утратившим ценность. Даже такие высокие категории, как справедливость, как-то перестают волновать. Простите, но я не могу вам сочувствовать.

— Значит ли это, что вы не желаете мне помочь?

— Никоим образом. Я сделаю все, что только смогу. Но... Не знаю, как вам объяснить. — Она задумалась. — К сожалению, я слишком хорошо себя знаю. Не надейтесь, что я смогу, вернее, захочу открыть вам свое подсознание. Да и нет там ничего, что могло бы облегчить ваши старания. Короче говоря, я помню лишь то, что помню. Георгия Мартыновича не вернешь, а я не хочу умирать даже на пять минут, как делаете вы. Зачем? Ради абстрактной справедливости?

— Абстрактной?!

— В данном случае так. Посадите вы эту мразь за решетку или же нет, поправить ничего невозможно.

— А как насчет новых жертв? — с холодной отчужденностью спросил Люсин. — Или они не в счет?

— Скажите, вы каждое свое дело переживаете так глубоко? Так опасно эмоционально?

— В принципе вы правильно поняли. Пока по земле бродит неразысканный убийца, я не могу нормально существовать.

— Тогда попомните мои слова: надолго вас не хватит.

— Уж как получится... Сожалею, что обеспокоил своей назойливой откровенностью.

— Ничуть. Но погружения, на которое вы хотели бы меня подвигнуть, не будет. Я не желаю носиться в межзвездных пространствах, преследуя тень... Конкретные вопросы есть? В сугубо рациональном аспекте?

— Сдается мне, что в какой-то момент мы друг друга не поняли. — Люсин ощутил наплыв непонятной тоски. — И говорим теперь о разных вещах. Каждый о своем.

— Да, о своем — каждый.

— Но Георгий Мартынович...

— Моя память останется со мной, а вы, простите за прямоту, ищите труп.

— В прямоте вам не откажешь! Режете, как хирург скальпелем... Но, простите за повторение, я прежде всего ищу преступника, если, конечно, преступление действительно имело место.

— Значит, вы не уверены до конца?

— Все, о чем мы говорили, лишь одна из возможных версий. Она нуждается в проверке.

— Не позавидуешь вашей профессии. День изо дня копаться в клоаке и не запачкаться — это надо уметь.

— Основной закон профессионализма. — Принимая вызов, Люсин заставил себя улыбнуться. — Допускаю, что вы не испытываете особого обожания к мусорщикам, труженикам свалок, сантехникам, хотя все эти профессии, безусловно, нужны и вполне достойны уважения. Перед сантехниками вы, возможно, даже заискиваете, когда нужно починить финский смеситель или, тысяча извинений, унитаз.

— Не заискиваю — плачу́.

— А я, слабый человек, и плачу́, и заискиваю. В чем дело, Наталья Андриановна? Откровенность за откровенность. Никогда не поверю, что такая умная женщина, как вы, только сейчас открыла для себя двойственную природу человека и общества.

— Вы правы. — Она заметно смутилась, но быстро взяла себя в руки. — Так, нашло вдруг... Сама не знаю. Все вы виноваты с вашими психологическими изысками... Так что у нас на повестке дня?

— Для начала объясните мне, что это значит. — Люсин без лишних слов достал лабораторный журнал Солитова. — Здесь, — показал на столбики цифр с градусами и минутами, — и здесь, — очертил ногтем планетные символы.

— Положение Луны и планет на данный момент, — с ходу определила Гротто. — Не обращайте внимания. Пунктик.

— Георгий Мартынович верил, что и в астрологии есть рациональное зерно?

— Ничуть. Как вы могли заметить, астрологическая символика появляется лишь в тех случаях, когда ведется эксперимент по старым рецептам. Я, кажется, уже обращала ваше внимание на почти маниакальную скрупулезность шефа? Так вот, в силу педантизма, а может, и пустячного суеверия — кто не суеверен в душе? — он отмечал время опыта традиционными значками.

— Время опыта? И такое возможно?

— Вы читали «Кентерберийские рассказы» Чосера?

— Боюсь, что нет.

— Полюбопытствуйте на досуге. Чосер, сын своего, четырнадцатого, кажется, века, тоже метил дни положениями Солнца, фазами Луны. Представьте себе, все это с точностью расшифровывается. Георгий Мартынович любил тешить себя разгадыванием подобных кроссвордов. Неудивительно, что и сам пристрастился на старости лет.

— Но зачем?

— А зачем Рерих ставил на обороте картин ему одному понятные знаки? Теперь, кстати, их тоже разгадали. Это были зашифрованные даты. С точностью до года удалось установить, когда было написано то или иное полотно.

— Интересно! Обожаю Рериха.

— Я тоже.

— Хоть что-то нашлось у нас общее, — мимоходом заметил Люсин. — А какие они, эти знаки?

— Точно уже не помню, но, если не ошибаюсь, — она взяла карандаш и начертила на фильтровальной бумаге несколько символов, — знак неба соответствует 1937 году, земли — 1939-му, гор — 1940-му... Дальше забыла.

— Подумать только! — Люсин благодарно вздохнул. — Как много нужно знать, чтобы научиться понимать мир!

— Не уверена. — Наталья Андриановна не без удовольствия приняла его восхищение на свой счет. — По-моему, они далеко не всегда смыкаются — знание и понимание мира. Но в одном вы правы: узнав про маленькую тайну гениального художника, я совсем иначе стала относиться к невинному чудачеству шефа. В мужчине, я говорю про настоящих мужчин, никогда не умирает ребенок. Отсюда и постоянная потребность в игре. Георгий Мартынович, в сущности, по-детски играл в средневековую кабалистику. Вы не играли ребенком в тайны? Я, например, играла. Мы придумывали свою азбуку, свой особый язык... Его воображению льстило хотя бы то, что вполне объективная, по сути, планетная символика непонятна для непосвященных. Это доставляло ему чистую детскую радость. Возможно, в такие минуты он воображал себя адептом магистериума, хранителем тайны «красного льва», последним золотым розенкрейцером. Кто знает?

— Будьте снисходительны к широким кругам советской милиции, — осторожно напомнил о себе Люсин, любуясь украдкой ее растроганно-просветленным взором. — Что это за штуковина — «красный лев»?

— Философский камень, — небрежно прокомментировала Гротто.

— Ах это!.. Великое деяние? Гермес Трисмегист?..

— Вы-то откуда знаете?

— Чего только не рассыпано, Наталья Андриановна, в липучей грязи клоак. Натыкался впотьмах случайно...

— А вы колючий! — заметила она вроде бы с одобрением. — Но не держите на меня зла. Я это так, сболтнула по бабьей дурости...

— Ни боже мой, Наталья Андриановна... Однако скажите, откуда у Георгия Мартыновича все эти звездные координаты? Астрология, если не ошибаюсь, представляет собой ложное толкование реальной картины расположения небесных тел? Верно? Значит, сами по себе положения звезд и лунные фазы — штука вполне объективная. Так? А коли так, то он должен был бы чуть ли не ежедневно вести наблюдения звездного неба? А ведь я что-то не заметил у него астрономических инструментов.

— Зачем они ему? Вы забываете, в какой век нам выпало жить. Есть таблицы, мини-компьютеры, наконец. Георгию Мартыновичу одну такую игрушку подарили японцы. За-абавная, доложу вам, вещица!..

— Короче говоря, Георгий Мартынович раскапывал рецепты ведьминых зелий, переводил на современный химический язык, а вы варили волшебную мазь на своей модерновой кухне. — Люсин красноречиво мотнул головой на штативы с кипящими колбами. — Превосходно устроились!

— Не понимаю вашей иронии, — осадила Гротто, постоянно готовая к обороне. — Вас что-то не устраивает?

— Да я ж восхищаюсь! — Люсин ударил себя кулаком в грудь. — Завидую белой завистью!

— Своеобразная, однако, манера выражать восторг.

— Вы насчет юмора? С этим делом у меня вечные неприятности. Стараешься быть смешным, остроумным, а люди обижаются...

— И поделом вам, потому что остроумие несовместимо с бестактными подковырками. Вы смешиваете разные жанры.

— Исключительно по неопытности. Отсутствие деликатного воспитания сказывается.

— Опять? По-моему, вас просто несет.

— И как всегда, не в ту степь. — Люсин и впрямь не мог остановиться. Властное обаяние этой женщины словно бы пробудило дремлющую в нем веселую удаль. Хотелось до бесконечности продлить и этот вроде бы откровенный, но лишь до смутно угадываемого предела разговор, и это волнующее ощущение приближения к тайне. — Рассматривайте мои потуги как неуклюжую попытку справиться со стрессовой ситуацией. — Он заставил себя

собраться. — Сразу столько всего обрушилось необычного, странного, что мой бедный мозг возопил о спасении. Вот я и бежал постыдно, прикрываясь дурацкими шуточками.

— Может, сделаем перерыв? — участливо предложила Наталья Андриановна, словно она была инициатором встречи. — Раз вы устали...

— Здесь не усталость — другое. Я вынужден продираться сквозь неведомые дебри, но, к сожалению, не всегда успеваю осмыслить все на ходу. А остановиться почему-то боюсь, вот и несу чушь, пока созрею для осмысленного шага. У меня, если позволите, последний вопрос. В прошлый раз вы обещали помочь нам разобраться с тем корешком, помните?.. Коли позабыли, то я не в обиде и не стану вам больше докучать.

— Почему? Ничего я не позабыла. — Наталья Андриановна достала несколько заранее припасенных библиографических карточек. — Вот, кое-что удалось найти. Это оказалось не столь затруднительно, как я сперва думала. Зная, что Георгий Мартынович занялся так называемой волшебной мазью, я сосредоточила поиски в двух направлениях. Проверив сначала заведомо известные ингредиенты, вроде белладонны, и не обнаружив растения с таким корневищем, я занялась набором из девяти колдовских трав... Вам понятно, о чем идет речь? — спросила она, тактично дав ему возможность освоиться. — Это содержащийся во всех «зельниках» и «лечебниках» непременный перечень: плакун, папоротников цвет, разрыв-трава, тирлич, одолень, адамова голова, орхилин, прикрыш и нечуй-ветер.

— Вот это да! — только и мог выдавить из себя Люсин. — Ну-ка, ну-ка! — Он поспешно схватил карточки. Они были сродни тем, что он видел в картотеке Солитова. Невероятно, но на каждой значилось соответствующее классификационное наименование полатыни. — Бред какой-то! Я был уверен, что все эти «разрывы» да «одолени» существуют только в сказках. Что же касается папоротника, то тут я совершенно уверен: не цветет папоротник.

— Вы правы. — Гротто невольно улыбнулась на его ошарашенный вид. — Папоротник действительно не цветет, но насчет сказок вы глубоко заблуждаетесь. Речь идет о совершенно реальных растениях, причем более чем обыкновенных. Зачастую это ничем не примечательные обитатели наших лугов, рек и болот. Возьмем для примера плакун-траву. Хотите послушать заговорное слово? — Она нашла нужную карточку. — «Плакун, плакун! Плакал ты долго и много, а выплакал мало. Не катись твои слезы по чисту полю, не разносись твой вой по синю морю. Будь ты страшен злым бесам, полубесам, старым ведьмам киевским. А не дадут тебе покорища, утопи их в слезах, а убегут от твоего позорища, замкни в ямы преисподние. Будь мое слово при тебе крепко и твердо. Век веком!»

— Это Гоголь? — спросил Люсин, отозвавшись сердцем на «киевских ведьм». — Из «Страшной мести»?

— Ничего подобного. Это ведовской заговор на плакун-траву, извлеченный из травника 1696 года, сочиненного, — Наталья Анд-

рионовна прочитала по тексту, — «из дохтурских наук преосвященным Кир Афанасием, архиепископом Холмогорским и Вожским...». Языческое суеверие, как видите, нашло приют в святых монастырских стенах. Но вернемся к реальной плакун-траве. — Она перевернула карточку. — На самом деле это не что иное, как дербенник иволистый. Растет он в сырых местах, преимущественно по берегам рек и озер, хотя встречается и в ольховых зарослях, и на заливных поймах. Цветет с июня до самой осени. Никакими лекарственными достоинствами не обладает. Из-за высокого содержания дубильных веществ скотом не поедается. Название рода дербенниковых «лутрум» восходит к греческому «лудрон», что значит кровь. Растение действительно отличается специфическим темно-красным оттенком цветков.

— Не обладает, значит, лекарственной силой?

— Нет, не обладает, хотя знахари называли дербенник «всем травам мати». Из него готовили всевозможные порошки, настойки, отвары. Лечили, вернее, пытались лечить грыжи, желудочные недомогания, даже сердечную тоску. Не знаю, как насчет последней, но все остальное не подтвердилось. В государственную фармакопею дербенник не входит.

— Зачем же Георгий Мартынович им занимался?

— По многим причинам. Во-первых, отсутствие каких-либо терапевтических свойств у отдельно взятого цветка еще ни о чем не говорит. Они могут проявиться в комплексе с активными веществами других растений, усилить их действие, увеличить стойкость и так далее. Я уже не говорю о том, что сказанное наукой слово почти никогда не бывает последним. Истина, добытая на одном уровне знаний, может быть опровергнута на более высоком. Вот почему Георгий Мартынович считал необходимым время от времени производить переоценку ценностей. Утвержденный у нас список растений-целителей далеко не исчерпывает активы зеленой аптеки. Многие растения, официально не принятые у нас, широко используются в фармакопее других стран — Болгарии, Франции... И наоборот, разумеется.

— Короче говоря, фитотерапия не догма.

— Абсолютно.

— А корень у этого дербенника вашего есть?

— Корень есть у всякой травы, — засмеялась Наталья Андриановна. — Молодец, не теряете нити!.. Оценивая под таким углом зрения нашу колдовскую команду, я остановилась на адамовой голове. Только у нее имеется такой вздутый, с причудливыми выростами корень. Скорее всего, именно с этим растением и работал Георгий Мартынович до самых последних минут...

— Адамова голова? — Люсин поспешно раскрыл записную книжку. — А по-латыни?

— Я дам карточку. Тут все, что вам надо. Адамовым корнем у нас зовут знаменитую мандрагору.

— Как же! Самое колдовское средство средневековой Европы!

— Именно так. Собственно, оттуда и пришел к нам слух о «царе во всех травах». В русских народных сказаниях о мандрагоре говорится довольно скупо, больше в письменных источниках. Впрочем, судите сами. — Она передала ему карточку. — Только не забудьте вернуть. Не хотелось бы нарушать коллекцию.

— Не извольте сомневаться. — Под влиянием установившейся атмосферы Люсин незаметно подстроился под соответствующий стиль. — Не премину возвернуть.

— Не преминьте, — кивнула она, неприметно дрогнув уголком губ.

Плюхнувшись рядом с Самусей, ощущая головокружение, Владимир Константинович жадно впился глазами в знакомую бисерную вязь строчек. Скользнув, не задерживаясь, по народным названиям: мужской корень, покрик, сонное зелье, черный осот, пупочник, шишкарник, шелобольник, пустосел, — он молниеносно отыскал то, что считал для себя важным на текущий момент.

Химический анализ одного из пяти видов мандрагоры (средиземноморской) показывал высокое содержание сложных алкалоидов. Мысль, которая мелькнула еще при первом осмотре обезображенного взрывом кабинета, получала серьезное подкрепление. Темное веяние сумасшествия, которое явственно ощущалось во всем этом деле, рождало серьезное подозрение. Постоянная работа с растительными ядами и уж тем более взрыв, приведший к неконтролируемому выбросу, несомненно, могли вызвать глубокое отравление. Стойкие галлюцинации. Утрата самоконтроля. Расстройство мышления.

В таком состоянии ничего не стоило, например, сесть в первый попавшийся поезд и покатить незнамо куда.

«А билет?» — родился вполне закономерный вопрос. «А что билет? — мгновенно парировало разлетевшееся воображение. — Можно и билет взять в бесконтрольном сомнамбулизме». «Куда, интересно? Ведь дальше Москвы из Синеди не уедешь. Или в Москве пересадка? Благо три знаменитых вокзала к услугам — куда хочешь, туда и кати... Билет, в сущности, не проблема. Сколько верст отмахать можно, пока высадят на неведомой станции! До Москвы опять же добираться тоже не обязательно, когда Калинин на полдороге. Тут всесоюзным розыском пахнет. Система многовариантная».

С таких позиций многое прояснялось и получало совершенно естественное объяснение.

Все более увлеченный заново обкатываемой версией, Люсин рассеянно прочитал написанное на обороте:

«А кто хощет диавола видеть или еретика, и тот корень возьми водой освяти и положи на престол и незамай сорок дней, и те дни пройдут, носи при себе — узришь водяных и воздушных демонов».

Глава одиннадцатая

САЛОН НА МАЛОЙ БРОННОЙ

Весть о таинственном происшествии в деревне Веретенниково, соответствующим образом препарированная стоустой молвой, потрясла и без того пылкое воображение вдовы академика Рунге. Гости, как обычно собиравшиеся у Дины Мироновны по четвергам, внесли немалую лепту в сотворение очередной сенсации, взволновавшей многочисленных любителей пустозвонных чудес. Собственно, именно эта, не охваченная заботой демографов категория населения и составляла основной костяк весьма разношерстной компании, облюбовавшей для еженедельных сборищ просторную квартиру на Малой Бронной. Не следует полагать, однако, что вокруг шестидесятисемилетней вдовы, сохранившей благодаря поистине героическому подвижничеству известную привлекательность, клубились сплошь доморощенные экстрасенсы и йоги. Ничуть не бывало. Серый солидный дом довоенной постройки с подвальными помещениями и черным ходом, каких уж немного сохранилось в Москве, привлекал и публику более чем достойную. В подворотню, ведущую прямехонько к подъезду Дины Мироновны, слывшей не без основания тонкой кулинаркой, хаживали и солидные ученые мужи, и писатели, и корифеи медицины. Впрочем, большинство составляли все-таки лица иного плана: блиставшие дорогими туалетами модные парикмахерши и массажистки, могущественная властительница стола заказов близлежащего гастронома и, разумеется, бойкие молодые люди скромных, а то и вовсе неопределенных занятий. Всех их объединяла фанатичная приверженность любому модному поветрию, будь то летающие тарелки, Бермудский треугольник или же махатмы — мудрецы гималайских вершин.

Надо ли говорить, что Дина Мироновна жгуче ощущала свою особую причастность к загадочному событию. Она не только лично знала того, о ком с таким жадным апломбом судачили теперь в косметических кабинетах и химчистках, но даже пользовалась его лечебными рекомендациями. Сама судьба звала ее выйти на авансцену. Справедливо рассудив, что отрывочных воспоминаний о безвременно почившей супруге Георгия Мартыновича, с которой она

столь опрометчиво ухитрилась на старости лет раздружиться, надолго не хватит, хозяйка салона приступила к решительным действиям. Узнав от состоявшего при ее особе сорокапятилетнего недоросля и адепта учений Востока Валерочки, что в дачной истории определенно не обошлось без философского камня, она принялась наводить на сей счет подробные справки.

Постижение нового символа веры шло заведенным порядком. После нескольких консультаций у единомышленников Дина Мироновна окончательно уверилась в том, что древняя и порядком забытая всеми алхимия является чуть ли не последним достижением человеческой мысли, вроде сыроедения и лечения по телефону. Она всегда была особенно чутка к новейшим веяниям. Скорее всего, в силу того, что не приходилось преодолевать старые заблуждения. Полученное на заре юности незаконченное среднее образование в счет не шло, а более ничему, удачно выскочив замуж за весьма зрелого к тому моменту академика, Дина Мироновна не научилась.

С помощью последнего академического справочника, который по старой памяти продолжал высылать знакомый референт, ей удалось разыскать самых ведущих химиков. Однако, к великому ее удивлению, все они чуть ли не с хохотом открестились от философского камня. По всему выходило, что они вообще впервые слышат как о самом происшествии, так и о его виновнике, Георгии Мартыновиче. Заподозрив, будто от нее скрывают что-то необыкновенно секретное, энергичная вдова спустилась на уровень членов-корреспондентов. Здесь ей повезло чуточку больше. Один из опрошенных в алфавитном порядке ученых, специализировавшийся на биоорганике, признал свое знакомство с Солитовым. Выбранив Дину Мироновну за легковерие, он, чтобы поскорее отделаться, посоветовал ей связаться с кем-нибудь из специалистов по истории науки.

Оторвав от дел великое множество абсолютно незнакомых людей, она получила наконец номер телефона Гордея Леоновича Бариновича, единственного в стране знатока волнующего ее предмета. Готовясь завлечь в свои сети исследователя средневекового чернокнижья, не подозревавшего о том, какие тучи сгущаются над его головой, Дина Мироновна терпеливо собирала агентурные данные. Вскоре ей уже было известно, что Баринович защитил кандидатскую по химии, а докторскую по философии, что он, в довершение всего, пишет стихи, а в позапрошлом году опубликовал потрясающе интересную книгу «Феномен средневековой культуры».

Такой человек не может не откликнуться на призыв, решила она, хотя уговорить его будет, по-видимому, не просто. Во-первых, одержим работой, во-вторых, отец троих ребятишек и домосед, в-третьих, до неприличия принципиален. Но нашлись и обнадеживающие моменты: любит покушать и по наивности откликается на самую откровенную лесть. С такими шансами можно было смело играть.

Следующей жертвой массированной обработки намечалась Наташа Гротто. Не сумев залучить ее в прошлый раз, Дина Мироновна не отчаивалась. Мудро умалчивая об истинной причине своих

домогательств, продолжала с удвоенным рвением уламывать непокорную. Разве их не связывали узы пусть дальнего, но все же родства? Или не она играла с Талочкой, когда та еще пешком под стол ходила? Помнила ее папу и маму, бывала в доме Георгия Мартыновича? Разве всего этого недостаточно?

Нет, шалишь, когда Дине Мироновне что-то втемяшивалось, она не знала отступлений: рано или поздно, но получала свое. Ее терпеливая, липко обволакивающая настырность действовала почти гипнотически. Если после двух-трех могущих длиться часами телефонных бесед человек не бросал с бранью трубку, его песенка была спета. Пути назад не было. Пообещаться, а затем не прийти мог лишь отпетый пройдоха. Да и тот в конце концов выбрасывал белую простыню капитуляции, подточенный комплексом вины.

Ни давно прирученная Наташа Гротто, воспринимавшая свою семиюродную тетку как неизбежное зло, ни даже Гордей Баринович, слывший вдобавок ко всему неуживчивым грубияном, не решились на открытый бунт. Пусть не в тот четверг, как первоначально намечалось, а лишь в следующий, но они были поданы к столу вместе с заливной рыбой и жареной уткой.

В силу деликатности ситуации гости званы были с особым разбором. За овальным павловским столом, сервированным гарднеровским фарфором и тяжелым хрусталем с неизвестными вензелями, собрались самые избранные. Каждый прибор был обозначен отпечатанной на машинке карточкой. Правое от себя место хозяйка предназначила Бариновичу, левое, как обычно, Валерочке. Наташу усадили по другую сторону — между восьмидесятилетним бодрячком-гляциологом Глазыревым и тоже весьма почтенным писателем-фантастом Тугановым. И тот, и другой оказались личностями весьма примечательными. Глазырев, хоть и считался в своей области крупным авторитетом, известность снискал не столько исследованиями по физике льда, сколько научно-популярными публикациями насчет электромагнитной природы якобы имеющегося у каждого человека биополя. Широкие массы телезрителей знали его как завзятого моржа и приверженца талой воды, будто бы предупреждающей в силу особой структуры развитие многих иммунных болезней. В Наташином кругу такие вылазки за грань узкой специализации справедливо считались дилетантскими, но факт был налицо: старикан исправно потягивал водочку и отпускал игривые комплименты.

Что же касается фантаста, то с ним вообще все было предельно ясно. Добиться известности ему помогли исключительно инопланетяне. Стоило где-нибудь мелькнуть хотя бы тени загадки, как Туганов уже был тут как тут с готовым рассказом-гипотезой. Судя по всему, его не слишком заботило, о чем конкретно шла речь: о свершениях великих цивилизаций прошлого или последних завоеваниях научно-технической мысли. Его отмычка подходила к любым замкам. И египетские пирамиды, и полученные на ускорителях первые антиатомы становились отправной точкой для фантастических спекуляций. Даже в детородных органах, гипертрофированно

начертанных доисторическим художником на каких-то скалах в Сахаре, он ухитрился увидеть детали скафандра. Корзины на головах африканок, которые и по сей день предпочитают такой способ носки, он принял за гермошлемы с антеннами и ловко разглядел контуры отделяемого модуля в кукурузных стеблях, обвивавших босоногого индейского бога. О зареве в небе Петрозаводска и говорить не приходится. Писатель обрушил на голову доверчивой публики армаду космических кораблей. Приходится признавать, как ни грустно, что многие попадались на его удочку.

Наташа невольно улыбнулась, вспомнив негодующее опровержение по сему поводу в научном журнале. В сравнении с тиражами газет, восторженно превозносивших тугановские и иже с ним откровения, это была капля в море. Дина Мироновна, во всяком случае, ничего подобного не читала, хотя вести о постоянно возникавших вокруг Туганова скандалах докатывались и до нее. Она даже сделала тайную попытку установить истину, но успеха не имела, потерпев временное поражение в попытке зазвать заклятого недруга и оппонента Туганова. По мысли Дины Мироновны, столкновение двух знаменитых писателей могло прославить ее салон. Ведь что там ни говори, а самую стойкую память оставляют о себе все-таки склоки.

Ужин на первых порах протекал довольно скованно. Гордей Баринович, о котором каждому было что-то обещающе нашептано, определенно не торопился явить себя во всем интеллектуальном блеске. Зато много и жадно ел, усердно запивая вином, белым и красным, без разбора. Ни на писателя, ни на философа он никак не походил. Наташа сперва было приняла его за борца или штангиста. Низко посаженная голова, сидит набычившись, и стрижка короткая, и манеры опять же...

Не спешили развязать языки и остальные гости, ожидавшие, очевидно, сигнала. Так, перебрасывались незначительными замечаниями по большей части гастрономического характера. Глазырев, например, похвалил сациви, подложив Наташе побольше орехового соуса с зернышками граната, а фантаст обнаружил недюжинную эрудицию по части солки грибов. Пожилая дама в лиловом, отделанном кружевами платье, о которой было известно, что она экстрасенс, задумчиво ковыряла вилкой. Бородач-художник, работавший под Лактионова, не обращая внимания на соседей, напористо ухаживал за хорошенькой кассиршей из магазина «Диета», и это ей определенно нравилось. Загадочно улыбаясь, Люси, как все ее называли, не забывала налегать на острые закуски. Модный композитор, чья космически бесстрастная музыка холодно изливалась квантованными импульсами из скрытых динамиков, вообще не раскрыл рта, отрешенно катая хлебные шарики. Что-то определенно разладилось в механизме застолья, общая беседа никак не завязывалась. Даже балаболка Валерочка ограничился лишь одним плоским, не к месту пересказанным анекдотом и примолк, нервно вздрагивая, когда Дина Мироновна неожиданно кидалась в кухню, откуда долетало благоухание шипящего жира.

Окончательно успокоившись насчет протекающего в духовке процесса и возвратившись к столу, хозяйка наконец оценила создавшуюся ситуацию. Самое время было выправлять положение. Приступать впрямую, однако, не годилось из-за риска задеть племянницу, которую и без того еле удалось вытащить. Требовалось во что бы то ни стало встряхнуть Бариновича, который — и это начинало серьезно тревожить — чем больше пил, тем глубже замыкался.

— Ваша книжка про это... средневековье для меня целый мир! — Дина Мироновна томно воздела очи, искусно передвинув бутылку композитору, потягивавшему исключительно боржоми. — Это вообще моя настольная книга. Вы действительно так любите алхимию?

— Обожаю, — промычал Баринович, не переставая жевать. — Где вам удалось раздобыть каперсы? Сто лет их не видел.

— А вот и удалось! — Дина Мироновна кокетливо засмеялась. — Ну, так расскажите же нам, расскажите... — Она капризно выпятила полные губы, украдкой сдувая прилепившуюся к вишневому бархату крошку. — Мы умираем от любопытства... Правда, Талочка?

— Я так уже почти умерла, — не без двусмысленности призналась Наташа.

— Расскажите! — решительно тряхнув сапфировыми сережками, поддержала хозяйку косметичка Альбина, о которой было известно, что она состоит в тесных отношениях с самим Протасовым, всемогущим директором близлежащего гастронома.

— Право, не знаю. — Баринович обстоятельно проглотил кусочек осетрины и с некоторым сожалением покосился на остатки желе. — Вас интересует какой-то определенный вопрос?

— Все, положительно все! Люди так этим увлечены...

— Честно говоря, не замечал.

— Уверяю вас... Спросите хоть у Архипа Михайловича.

— Некоторые аспекты действительно приобретают известную значимость, — довольно невнятно промямлил Глазырев, — в определенном ракурсе.

— Это в каком же? — сыто прищурясь, спросил Баринович, не испытывая особого пиетета к чужим рангам и титулам.

— В медицинском хотя бы, — уточнил Глазырев, садясь на свой конек, чем немало порадовал хозяйку. — Мы переживаем период вновь пробудившегося интереса к воззрениям древних на первопричину недугов. Я давно говорю, что не болезни надо лечить, а человека. Организм мудр. Нужно лишь помочь ему мобилизовать на борьбу весь комплекс защитных средств. Человек, как известно, почти целиком состоит из воды. Отталкиваясь от этого непреложного факта...

— Верно сказано! — бранчливо встрял писатель, которому изрядно поднадоели подобные разглагольствования. — Я про другое хочу спросить. — Он тяжело и настороженно глянул на Бариновича из-под насупленных бровей. — Вы знакомы с «Утром магов» Повеля и Бержье?.. Вашей книги я, простите, не читал.

— Знаком, — кивнул Баринович, силясь надеть на вилку ускользающую маслину.

— И ваше отношение? Меня интересует раздел, где говорится о встрече с современным алхимиком Фульканелли и ядерном катализаторе.

— Чушь, — устало поморщился Баринович. — Вздорные враки.

— Это почему же, позвольте спросить? — негодующе взвизгнул Туганов. — Ведь Бержье описывает то, что случилось с ним лично! Не с чьих-то там слов! Нет-нет, давайте разберемся!

— Чего уж тут разбираться, если заведомое вранье? — Баринович тоже повысил голос. — Философского камня не было, нет и быть не может, а ядерный катализатор, тайной которого якобы владели в средние века, — нонсенс.

— Но вы ведь признались, что обожаете? — Стремясь внести разрядку, Дина Мироновна игриво погрозила мизинчиком.

— Кого? — не понял химик-медиевист[1].

— Да алхимию вашу!

— Так смотря в каком смысле. Во-первых, это мой хлеб, а во-вторых, интереснейшее поле для исследований. Почти нетронутое притом. И именно по той простой причине, что мне выпало счастье его обрабатывать, я особенно болезненно воспринимаю измышления шарлатанов вроде Бержье. Наука раз и навсегда отодвинула алхимию в область теней. И нечего воскрешать то, что заведомо мертво. — Баринович сердито засопел и решительно придвинул к себе остатки салата.

— Не спешите отрицать, не спешите, — с улыбкой тайной осведомленности предостерег Валерочка. — Кибернетику с генетикой тоже отрицали, а чем это кончилось?

— Вот именно! — Туганов значительно прокашлялся в кулак. — Послушать иных узких специалистов, так ничего замечательного в мире не было и нет — никаких тайн, никаких загадок. Они вечно готовы пресечь стремление человека к звездам, на корню раздавить самую способность мечтать.

— Мечтать о чем? О том, что заведомо невозможно? Но это пустые бредни, а выдавать желаемое за действительное — обман, — невозмутимо сформулировал Баринович.

— «Тише, тише совлекайте с древних идолов одежды», — решив, что настал ее час, подала голос дама в лиловом и, картавя, процитировала Бальмонта, которого, кроме нее, никто здесь, кажется, не читал.

— Они уж давным-давно голенькие. — Баринович, очевидно, составлял в этом смысле исключение. — И валяются на земле, как статуи острова Пасхи. Всячески изучать, всесторонне исследовать — я «за». — Он поднял руку с зажатой в ней вилкой. — Но всерьез принимать сказки «Тысячи и одной ночи»?.. Извините!

[1] Специалист по средним векам.

— Я с вами полностью солидарна, — поддержала философа Наташа, раздражаясь уже самой близостью клокотавшего гневом фантаста. — Люди настолько заморочены всяческими спекуляциями, что не отличают уже, где правда, где ложь. Все принимается на веру: маленькие зеленые человечки, гуманоиды всякие, которых выдают то за пришельцев, то за снежного человека, экстрасенсы...

— Вы и в экстрасенсов не верите? — поразилась женщина в лиловом платье, обласкав Наташу улыбкой мудрого всепрощения. — Спросите вашу тетю, она вам кое-что объяснит.

— Не обижайтесь, Дианочка, — поспешно пришла на помощь хозяйка. — Талочка просто увлеклась в своем полемическом азарте... Однако я на минуточку должна отлучиться, прошу извинить. Главное, без меня ничего не рассказывайте! — И умчалась в кухню, откуда вскоре донесся грохот и лязг раскаленных противней.

— Неужели еще что-то? — лицемерно посетовал Туганов. — Мы же умрем, товарищи.

— А вы не ешьте, — посоветовал Глазырев, соблюдавший завидную умеренность. — Засорить организм легко, а уж очистить... Всегда предпочтительнее воздержаться.

— Не хватает силы воли, — пожаловался фантаст, самодовольно подкручивая усы. — А вы правы, Диана Сергеевна, отрицатели наши все в одну кучу валят: обитаемые миры, вечный двигатель, биополе... Послушать их, так вообще ничего нет. Прямо по Чехову получается. Жалкие слепцы!.. К вам это, разумеется, не относится, сударыня. — Он галантно поднял бокал, наклоняясь к Наташе. — Ваше здоровье!

— С вечным двигателем вы, однако, хватили, любезнейший, — не одобрил Глазырев. — Уж это-то действительно невозможно. Против термодинамики не попрешь.

— Грош цена вашим выдуманным законам! — вскипел Туганов, брызнув слюной. — Природа выше всяких ограничений. Недаром ваш брат ученый что ни день, то сам себя опровергает... А вечный двигатель есть, представьте! Я читал недавно про одного изобретателя. В его лаборатории вот уже два месяца непрерывно вращается велосипедное колесо, и никто не может догадаться, в чем тут секрет. Этими вот глазами читал!

— Мало ли ерунды печатают, — вяло отмахнулся Глазырев, бесповоротно усвоив, что запрет на перпетуум-мобиле в отличие от биополя автоматически выводится из основополагающих формул. — Сколько, действительно, развелось трюкачей и всяких мошенников. Мутят воду. — Он дружелюбно придвинулся к Наташе. — Ах вы умница, ах раскрасавица...

Готовый было вновь разгореться спор приостановило торжественное восшествие Дины Мироновны. Пылая от кухонного жара и гордости, она внесла круглое блюдо, на котором дымилась туго набитая и обложенная печеными яблоками утка.

— Боюсь, что немного сыровата! — пожаловалась хозяйка. — Наверное, надо было еще потомить.

— Сейчас посмотрим. — Диана Сергеевна повелительно выпростала из-под кружев жилистые руки. — Давайте сюда!

— Поразительно! — ахнула заранее потрясенная Альбина.

Второпях очистили место на скатерти, прибирая и складывая опустевшую посуду, и над вызывающе румяной утиной грудкой нависли чуткие, ищущие пальцы экстрасенсорной женщины. Наташа изумленно ахнула и поспешно потупилась, пряча глаза. Ее душил смех. Поражала не столько сама сцена священнодействия, сколько оказанное ею воздействие. Особенно на Бариновича, впавшего в совершеннейшую прострацию. Багроволикий, с отпавшей челюстью, он напоминал обиженного ребенка, которому ни за что ни про что дали подзатыльник. Известное удивление выразил и художник, не принадлежавший, очевидно, к узкому кружку посвященных.

— Чего это она? — он вопрошающе тронул свою даму за локоток, следя за пассами Дианы Сергеевны. — Игра, что ли, такая?

— Да помолчите же! — одернула его какая-то бойкая продавщица. — Не мешайте людям.

— Готово? — впервые за весь вечер раскрыл рот композитор, чем навлек на себя мимолетное внимание. — В самый раз?

— В самый, — подтвердила Диана Сергеевна, роняя руки. — Вы удивительно вовремя, милочка. — Она устало улыбнулась хозяйке. — Еще чуть-чуть, и мясо бы стало подсыхать.

— Я очень рада! — Дина Мироновна послала приятельнице воздушный поцелуй. — Какая вы все-таки душка!

— И что? — К Бариновичу наконец вернулся дар речи. — Она действительно видит, чувствует? — Потянувшись к Наташе, он грузно навис над столом. — У жареных уток, значит, тоже есть биополе?

Наташа лишь красноречиво взыграла очами, отодвинув на всякий случай до краев налитый бокал.

— Утку должен разрезать Архип Михайлович, — попросила Дина Мироновна, торжественно вручая Глазыреву выгнутые серпом зазубренные ножницы. — В наказание за вашу противную диету. Может, сделаете сегодня исключение?

— И не уговаривайте! — Он ловко прижал утиное крылышко специальной вилкой. — Ни-ни! А разрезать могу. Отчего не подсобить? — И с хрустом вгрызся в костяк.

— Ишь ты! — бесхитростно восхитился художник. — В самой поре!

Крыть было нечем. Запеклось действительно образцово — к вящей гордости Дины Мироновны за свой кулинарный опыт и феноменальный, поистине рентгеновский дар подруги.

— Теперь отдохните, милая, — покровительственно кивнула ей Диана Сергеевна, — ведь весь вечер на нервах! Разве так можно?

— Хочется, чтоб хорошо было, — виновато пояснила хозяйка дома. — Вот и хлопочешь.

— Хлопоты хлопотам рознь. Нельзя же так, право. — Диана Сергеевна осуждающе покачала головой. — Привычку себе взяли

вскакивать каждую минуту! Удалось же, как видите. Ах вы, неисправимая хлопотунья!

— Удалось, и на славу! — подтвердил Глазырев, виртуозно разделывая истекающую соком птицу. — Говорите, кому чего? — Оделив каждого облюбованным куском, он взял себе на тарелку лишь одно, притом самое дальнее яблочко, менее остальных забрызганное жиром.

— Да вы хоть поешьте как следует! — продолжала наказывать Дине Мироновне ясновидящая Диана. — А я вам пока сосудики помассирую.

Столь сложную и недоступную современному уровню медицины операцию она провела в завидном темпе, не выпуская при этом утиную ножку. И даже не смотрела на разомлевшую от довольства пациентку, справедливо полагая, что излученный флюид сам доберется куда надо.

— Уже ощущаете? — спросила, обглодав косточку и вытирая губы бумажной салфеткой.

— Какое блаженство! — разнеженно прошептала Дина Мироновна, откидываясь на спинку стула. — Прямо как на свет народилась!

— Потрясающе, — деликатно жуя, оценил композитор.

— Нет, господа рационалисты! — Туганов торжествующе постучал по столу костяшками заметно усохших пальцев. — Мир далеко не столь прост, как вы тщитесь представить!

— Вижу, — не стал спорить Баринович, украдкой посмотрев на часы.

— Кстати, Дина Мироновна. — Разделавшись с противником, неустанный воитель Туманов почувствовал себя властелином положения. — Вы, кажется, говорили, будто какой-то ваш знакомый успешно занимается практической алхимией? Что за таинственная история!

Все взгляды, словно по команде, нацелились на Наталью Андриановну. Она вспыхнула, ощутив себя вознесенной на гигантских качелях, когда все внутри обмирает и отжимается книзу.

— В самом деле. — Дина Мироновна мимолетно коснулась пальцами лба. — Я просто не поняла, о чем идет речь... Талочка, деточка! — залебезила она. — Как ты понимаешь, все мы ужасно обеспокоены этим кошмарным происшествием. Ты ничего не знаешь? Хоть что-нибудь прояснилось?

— Насколько я понимаю, присутствующих глубоко волнует судьба Георгия Мартыновича Солитова? — Разгадав истинную причину очередного прилива родственных чувств тети Дины, Наташа полностью уяснила сложившуюся ситуацию. — Не хочу никого разочаровывать, но, судя по всему, он стал жертвой бандитского ограбления.

— И только-то? — пренебрежительно протянул Туганов. — А нагородили...

— Я бы посоветовала не слишком доверяться слухам, — отчужденно бросила Наталья Андриановна. — Особенно такого рода...

— Какой ужас! — Баринович был глубоко потрясен. — Я же ровным счетом ничего не знал! Бедный Георгий Мартынович... Как он себя чувствует?

— Удивительно все же, — неодобрительно поджала губы Дина Мироновна, — разве вы не знаете, что он бесследно исчез?

Баринович лишь угнетенно пожал плечами.

— Вся Москва только об этом и говорит, — заметила Альбина, поправляя затейливую прическу. — И объявления висят.

— Какие объявления? — не понял Баринович.

— «Найти человека», господи! — Альбина глянула на него, как на безнадежно больного. — Неужели не читали? Там еще написано, что милиция будет благодарна за любые сведения...

— Ах так! — Баринович понимающе закивал. — А ведь я определенно что-то такое про него слышал... Позвольте, позвольте. — Он сосредоточенно подпер щеку ладонью. — Ну да! Мне предложили купить книгу, которую он почему-то не взял. Очень редкая, знаете, книга. Но мне не по средствам, так что я отказался... Впрочем, какое это может иметь значение?..

— И все-таки тут далеко не так просто. — Туганов стукнул кулаком по столу и недоверчиво покосился на Наташу. — Знаем мы эти ограбления! Ничего более оригинального придумать не смогли.

— Извините, но мне пора. — Наташа решительно встала из-за стола, осторожно отставив недопитую чашку. — Спасибо, тетя. Все было необыкновенно вкусно.

— Позвольте я вас провожу! — обрадованно вскочил Баринович, вызвав веселое оживление столь пылкой галантностью.

Не отличаясь особой ловкостью, он ухитрился опрокинуть хрупкий, как яичная скорлупа, фарфор с изображением дамы в напудренном парике. Чашка жалобно звякнула, но не разбилась, подхваченная рукой бдительной хозяйки. Этот небольшой инцидент окончательно вычеркнул Гордея Бариновича из списков на будущее. Все нашли, что он абсолютно не интересен, а Наташа хоть и мила, но чересчур надменна.

— Как вам наш бомонд? — спросила она, когда они с Бариновичем вышли на улицу.

— А вам? — осторожно поинтересовался он, с наслаждением вдохнув теплый вечерний воздух. Пахло выхлопной гарью и смутной надеждой на что-то совсем неизведанное. В теплом сумраке едва уловимо веяло духами.

— Паноптикум, — откликнулась Наташа, когда миновали мрак подворотни. — Гойя.

— Да-да, очень странно, — подтвердил верность ее ощущений. — А кто эта женщина в лиловом?.. Сейчас почему-то много появилось таких.

— Скромный инженер-экономист, — усмехнулась Наташа. — И вот поди ж ты, открылся дар!

— Я допускаю, что возможно особое видение, редкая чувствительность и все такое. История человечества полна свидетельствами

разного рода феноменов. Но чтобы так, в массовом порядке... Кто теперь только не подвизается на этом сомнительном поприще: неудавшиеся физики и разочарованные врачи, даже откровенные психопаты. И все она — мода!

— Не только. Здесь и досуг, который не знают чем занять, и вечно дремлющая в человеке надежда на чудо. О чудесных излечениях, сколько я себя помню, всегда говорили. То там, то здесь объявлялся очередной кудесник. Но насчет массовости вы точно заметили. Нынче экстрасенс попер косяком. И ведь название какое выдумали респектабельное! — Наташа, по обыкновению, не шла, а летела по улице, и Баринович едва за ней поспевал.

— Именно! А на поверку все тот же знахарь, шаман или медиум. — Пытаясь шагать в ногу, он радовался столь удивительному согласию в мыслях.

— Чего стоят одни разговоры про излечение по телефону или диагноз по фотокарточке... А возьмите филиппинских знахарей! Вот уж чушь так чушь! Проникнуть внутрь замкнутого объема без нарушения сплошности нельзя в принципе. Тут, казалось бы, для здравомыслящего человека никаких доказательств не требуется: ловкий трюк, виртуозный обман. Но ведь находятся ярые защитники! Ссылаются на очевидцев, на фильмы. А чего не сделаешь с помощью кино?

— Врет, как очевидец... — подсказал Баринович. — Вы очень торопитесь, Наталья Андриановна? — Испытывая давным-давно позабытый трепет, почти благоговение, он осторожно взял ее под руку.

— Ничуть, — она приостановила шаг. — Привычка.

— Вы говорили о бескровной хирургии филиппинцев. Я слышал, что создали специальную комиссию.

— Будь моя воля, я бы не стала тратить времени на проверку. Все изначально ясно. Допустив даже в мыслях возможность такого, мы должны отказаться от научной картины мира. Ни больше ни меньше! Не слишком ли дорогая плата? И во имя чего? Чтобы уверовать в четвертое измерение, в магию, бог знает во что? Вы согласны со мной?

— Абсолютно... Диву даешься, когда встречаешься с проявлениями такого фанатичного воинствующего невежества. Взять хоть того же Туганова. Одно дело — верить и даже пропагандировать летающие тарелки, другое — вечный двигатель. Все валит в одну кучу. Просто какой-то сорт приматов с ограниченным мышлением. Разницу между явлением, которое в принципе возможно, но почему-то не наблюдается, и тем, чего нет, потому что быть никак не может, они не улавливают. К разуму обращаться бессмысленно, потому что он упрямо заблокирован верой, которая сродни религиозной.

— Как вы удивительно точно схватили! — Наташа почти с восхищением взглянула на Бариновича, который уже не казался ей таким комично нескладным. — Она-то и лежит в основе случайных удач самозваных целителей — вера. Как и вы, я тоже не исключаю

какого-то физического влияния на организм человека через глаза, руки... Хоть и не обольщаюсь, если честно сказать, потому что привыкла доверять лишь строго доказанному. Но основная причина — это вера больного в то, что ему помогут. Человек слепо верит и потому исцеляется. Чья тут первоочередная заслуга: врачевателя, лекарства или собственных защитных сил — особого значения не имеет. Работает весь комплекс, активизируя мозг, который и подает подсознательные команды. Резервы тут, конечно, колоссальные.

— Не знаю, как насчет резервов, — с осторожным скептицизмом заметил Баринович, — но кое-какой опыт человечество все же накопило. Строго говоря, мы не располагаем достоверными доказательствами так называемых чудесных исцелений. Однако допустим, что нечто подобное все же имело место. Согласны? Хотя бы постольку, поскольку у нас нет оснований подозревать во лжи всех и вся, в том числе людей, вполне достойных доверия. Заблуждаться, я имею в виду невольные заблуждения, тоже все скопом не могут. Таким образом, разумно будет записать в наш актив несколько чудесных, внушающих оптимизм случаев, пусть даже несколько десятков. Но не сотен, не тысяч тем более! Посмотрим теперь, что окажется в пассиве. А многие миллионы человеческих жизней, которые унесла оспа, холера, наконец, «испанка» в начале века. В Англии, например, претендующей на сомнительную славу родины европейского колдовства, в четырнадцатом столетии чума выкосила три четверти населения. Целиком вымирали деревни, города, графства. И это, подчеркиваю, в четырнадцатом веке, когда если и лечили, то лишь с помощью трав, алхимических снадобий или колдовства. Экстрасенсов и тогда, надо полагать, было предостаточно, хоть отбавляй. Сами судите, сколь многого достигли они своими пассами и наложением рук.

— Не могу возразить вам, даже если бы очень хотела... Ваш исторический экскурс весьма убедителен. Хоть мы и ругаем современную медицину, причем вполне обоснованно, альтернативы ей нет. Хочешь не хочешь, а надо искать все новые антибиотики, синтезировать все более сложные в химическом отношении препараты. Знаем, что вредны, что организм привыкает и вирусы приспосабливаются, но что делать? Об отказе не может быть и речи. Стоит лишь ослабить усилия в борьбе со всевозможными недугами, и на мир обрушатся нарастающие валы опустошительных эпидемий.

— Временами мне кажется, что мы читаем мысли друг друга. — Баринович нежно сжал ее руку.

— Мне тоже, — с обезоруживающей откровенностью призналась Наташа. — Как будто знаем друг друга тысячу лет. Правда?

— А может, так оно и есть. Ведь ваша фамилия Гротто, я правильно расслышал?

— Да, а в чем дело?

— По мужу?

— Нет, девичья.

— Тогда, может статься, что мне посчастливилось знавать вашу пра... пра... прабабушку. Такое имя, как Лита Гротто, ничего вам не говорит?

— Нет, — не сразу ответила Наташа. — Впервые слышу.

— Очень жаль, Наталья Андриановна, потому что я пережил несколько незабываемых часов, прослеживая запутанные перипетии ее судьбы, подкупающе романтической и злосчастной.

— Вы меня интригуете, Гордей Леонович.

Они не заметили, как миновали площадь Маяковского и, свернув за угол, пошли по Горького к Белорусской. Ощущение времени и пространства растворилось в наполнявшем обоих чувстве единомыслия. Безотчетно хотелось продлить его до нового перекрестка, где в безлюдье Брестских улиц перемигивались совиные глаза светофоров.

— Я работал тогда в архивах города Кельна, — понизив голос, начал рассказывать Баринович, словно прислушиваясь к шепотам ветра в усталой за лето листве. — Меня интересовала история одного алхимика, сваренного живьем по приговору магистрата. Судя по некоторым указаниям, он имел определенное отношение к тому самому алхимику из гетевского «Фауста», чью лабораторию в поисках эликсира долголетия посетил сей достойный муж.

— Ничего себе, — одобрила Наташа. — Завлекательное начало.

— Тем более что прямого касательства к вашей прабабушке оно не имеет, — засмеялся Баринович. — Упоминание о ней я обнаружил совершенно случайно, когда разбирал счета, предъявленные к оплате регенсбургским палачом. Бедная женщина была сожжена по обвинению в злокозненном чародействе в 1589 году. Ее казнь обошлась магистрату в три талера и два гроша. Не знаю почему, но меня это вдруг взволновало, и я принялся за розыски. Какие тени прошли предо мною, Наталья Андриановна! Прекрасная, беззаветно любящая женщина, проданная бездушным мужем своему владетельному сеньору, изувер-инквизитор, утонченное коварство, чудовищный, наглый обман... Может быть, это и хорошо, что вы ничего не знаете об этой несчастной. Что мы вообще знаем о себе, дети двадцатого века? Не дальше трех-четырех поколений. А ведь прошлое никогда не умирает совсем. Оно влачится по нашим стопам, мучая несовершенную память, увлекая на кем-то пройденные когда-то круги. Или встает на перепутье, как болотный туман... Не обращайте внимания, я и сам не знаю, что на меня вдруг нашло. К вам бедная Лита не имеет отношения.

— Как знать? — Наташа невольно вздрогнула. — Из дальних предков я знаю только капитана Андреа Гротто. Он, как тогда говорилось, «вышел» из Ливонии и поступил на царскую службу. Это было незадолго перед кончиной Петра Алексеевича.

— Андреа... А вы Андриановна?

— Натальи и Андрианы у нас в роду. От бабки мне осталась венчальная икона с этими именами... Неопалимая купина.

— А что еще вы знаете?

— Ничего.

— И нет документов, писем?

— Никаких! — мечтательно улыбнулась она. — Если что было, то сгинуло после развода... Мы разошлись с мужем, прожив вместе много лет. Я ни о чем не жалею, у меня есть сын Тема, почти совсем взрослый, и мы очень счастливы с ним вдвоем.

— А у меня целых три! И в этом мое спасение. Иначе бы я влюбился в вас и стал бы несчастнейшим из смертных.

— Это еще почему?

— Да хотя бы потому, что моя матушка не нарекла меня Андрианом. Интересно, как зовут вашего бывшего мужа.

— Анатолий.

— Уже ближе, но все-таки не в цвет.

— Значит, так тому и быть. — Наташа решительно повернула к метро. — Но прежде чем распрощаться, я бы хотела узнать...

— О Лите Гротто?

— Нет, на сей раз не угадали, Гордей Леонович. Меня беспокоит другое. Расскажите как можно подробнее о том вашем разговоре по поводу травника. — Она высвободилась и выжидательно остановилась под навесом «Белорусской»-кольцевой.

— Думаете, это что-нибудь даст? — Баринович прислонился плечом к колонне. — Впрочем, кто знает?.. Короче говоря, позвонил мне один книжный жучок на прошлой неделе.

— Точнее нельзя?

— В понедельник, если память не изменяет. Человек он тертый и в своем бизнесе ас. Не только знает наперечет все мало-мальски ценные издания, но и помнит, у кого что хранится. Словом, ведет свой учет частным библиотекам Москвы. И не только Москвы... Не успеет кто-нибудь из коллекционеров отдать душу, как он мгновенно узнает об этом по какому-то тайному телеграфу. Будь то в Ленинграде или во Львове, где уцелело несколько очень старых библиотек. Форменный стервятник. Раньше он частенько снабжал меня всякими редкостями. Теперь же, к сожалению, мне такая роскошь не по карману. Во-первых, обременен семейством, во-вторых, цены возросли настолько, что и не подступишься. Кусается, как говаривал покойный папочка.

— И все-таки он обратился к вам с предложением?

— Очевидно, по старой памяти. Да и книжка уж больно занятная. Притом с личной печатью Макропулоса, лейб-медика Рудольфа Второго, императора Священной Римской империи, австрийского эрцгерцога и чешского короля. Аккурат по моей части. Откровенно говоря, у меня слюнки потекли. Но я сразу сказал, что не потяну, и посоветовал обратиться к Георгию Мартыновичу. Как-никак такие антики попадаются не часто. Один раз в сто лет, можно сказать.

— И что он ответил?

— Сказал, что уже звонил Георгию Мартыновичу и обо всем с ним договорился, но тот, видимо, передумал и вообще куда-то запропастился.

— Так-так...

— Каюсь, но тогда я не придал этому особого значения. Лишь пожалел мимоходом, что книга уйдет в совершенно чужие руки. Только теперь, когда узнал о случившемся...

— Понятно, — опережая мысль собеседника, выводила свои заключения Наталья Андриановна. — Сколько он спросил с вас за книгу?

— Две, но намекнул, что можно договориться. Только о чем договариваться, когда мне и тысячи не наскрести?

— Так, Гордей Леонович, более-менее ясно. Поймите меня правильно, но вам придется еще раз рассказать все это в милиции. Я дам сейчас телефон. Это совершенно необходимо. Обещайте мне, что позвоните, не откладывая.

— Ну, если вы настаиваете, то конечно, — без особой охоты пообещал Баринович. — Раз надо...

— Сейчас, именно сейчас, я поняла, что это совершенно необходимо. На месте Георгия Мартыновича могли оказаться вы, я, кто угодно... Представьте себе, Гордей Леонович, что его убили, да, скорее всего, убили, сразу после того, как он взял в сберкассе полторы тысячи рублей. Наверняка чтобы купить этот дьявольский травник, который не стоит ни единого часа человеческой жизни. Прошлое действительно не умирает. Вы были глубоко правы. Оно все еще требует крови, и убивает, и мстит.

Глава двенадцатая

РАЗВЕДКА НА МЕСТНОСТИ

От дачи Солитова до железнодорожной платформы было чуть поболее двух километров. Прогулявшись раз-другой туда и обратно, Люсин до тонкости изучил этот вполне рядовой для Подмосковья маршрут и составил довольно подробный план.

Сразу за калиткой начиналась вымощенная бетонными плитами кольцевая дорога, обозначавшая внешнюю границу участка кооперативной застройки. По одну ее сторону тянулся сплошной зеленый забор, за которым виднелись крыши хаотично разбросанных домов, по другую открывалась приятная для глаза лесозащитная полоса с водокачкой, царившей над местностью, подобно какому-нибудь рыцарскому замку. К озеру можно было выйти либо прямиком через лес, либо более длинным путем, ведущим на станцию. Рыбаки и купальщики, разумеется, выбирали первый вариант, всем остальным приходилось идти по бетонке, надежно замаскированной вязкой глиной, намытой дождевыми потоками из поросших сурепкой отвалов. Лет двадцать назад, когда здесь вовсю шли строительные работы, кое-что было, видимо, недовыполнено, а что-то, как водится, сделано шаляй-валяй. Ничего удивительного, что последствия вроде заполненного стоячей водой провала у самой развилки сказывались по сей день. В этом ненавистном водителям месте кольцевая сворачивала к камышовому болотцу, а ответвлявшийся от нее отрезок терялся в узкой просеке. Попасть в поселок, а затем и на станцию можно было только этим путем. Дорога шла в гору и находилась поэтому в сравнительно благополучном состоянии, хотя отдельные стыки порядочно разошлись. За кюветами по обеим сторонам темнел сучковатый частокол елей, изредка просвеченный чахлыми хлыстиками берез. Два крутых поворота на протяжении каких-нибудь пятидесяти шагов делали этот участок потенциально опасным, что Люсин и отметил у себя соответствующим значком. Особенно в дождь, когда видимость сведена до минимума, а шум стекающих вод заглушает крики о помощи. После сберкассы Солитов мог и не пойти на станцию, а преспокойно возвратиться домой. Вернее, сделать

такую попытку, потому что до дому он не дошел. Как бы там ни было, а лес надлежало хорошенько прочесать.

Далее путь пролегал через совхозное поле. Судя по дружной ботве, урожай свеклы и картофеля ожидался богатый. И хотя местность просматривалась до зубчатой каймы горизонта, на поле не было видно ни единой живой души. Только вороны, переваливаясь с боку на бок, бродили возле сонного стога, чей пьянящий, ни с чем не сравнимый аромат будил сладостные воспоминания.

Само собой, что в сплошной завесе ливня вся эта сельская благодать выглядела несколько иначе. Но поле — не лес. Оно постоянно открыто для глаза. Тем более совхозное поле, чьи заботливо ухоженные, удобренные и защищенные от вредителей гектары набирали перед уборкой последние центнеры.

Пошли огороженные жердями выгоны, длинные бетонированные коровники, сельскохозяйственная техника под навесом, выкрашенная ярко-оранжевой краской, а затем и двухэтажные домики персонала. Чем дальше, тем чаще попадались навстречу люди. Прогромыхал колесный трактор с прицепом, заваленным комбикормом. Озорная молодуха в белом халате весело окликнула Люсина с грузовика, но слова потерялись в дребезжании высоких бидонов.

За стройкой, где приходили в негодность фондируемые материалы, пошли частные огороды, на которых мелькали хозяйки в платочках и беззаботно играющие ребятишки. Вкусный дымок сжигаемой в кучах ботвы курился медленной винтообразной струйкой. Покоем и умиротворением дышали тронутые осенней пестротой дали.

Бетонка под прямым углом примыкала к асфальтированному шоссе, где ходил рейсовый автобус. Возле остановки, защищенной от непогоды стенами из толстых стеклянных блоков, стояла слегка покосившаяся телефонная будка, а на другой стороне был пустырь, на котором какие-то вполне взрослые дяди в рабочих спецовках гоняли по песку мяч. Дальше, окруженная ивами и тополями, виднелась длинная одноэтажная постройка из светлого кирпича, объединившая под своей оцинкованной крышей уже знакомую сберкассу, почту и продовольственный магазин без вывески. Злачное место тем не менее легко распознавалось по груде разбитых ящиков. Судя по кошелкам с бутылками, которые тащили туда и обратно, ящики были из-под заветной стеклотары. В беспрерывном хлопанье дверей, впускавших и выпускавших озабоченных мужчин с оттопыренными карманами и туго набитыми сумками, мнилось нечто абсолютно бессмысленное, сводящее на нет любые представления о разумности человеческих действий. Нет нужды разоблачать ошибочность подобного впечатления. Всякий сторонний наблюдатель, и Люсин в том числе, хорошо понимал, в чем состоит существенное различие между встречными потоками.

Короче говоря, за эту часть маршрута можно было не беспокоиться. И в непогоду, и в ведро к магазину не зарастала протоптанная тропа.

Отсюда путь на станцию пролегал по шоссе; двенадцать минут обычного хода по обочине или две остановки автобусом. В дождь предпочтительнее воспользоваться услугами общественного транспорта. Автобус опоздал против расписания на семнадцать минут. В ливень, когда в нем была особая нужда, он мог, как это порой водится, вообще не прийти. Опрос водителей ничего определенного на сей счет не выявил, хотя в автопарке уверяли, что в тот день машины ходили точно по расписанию. Возможно, это и соответствовало действительности. Но коль скоро никто из шоферов не проявил интереса к своим пассажирам и по фотографии Георгия Мартыновича не опознал, существенного значения это не имело. Оставалось лишь гадать, как поступил Солитов в то утро между одиннадцатым с половиной и двенадцатым часом: поехал на станцию, пошел пешком или же повернул к дому. Все три варианта были приблизительно равноценны.

Люсин, естественно, отправился пешком, послав вперед поджидавшую его «Волгу». Как и было договорено, она ждала его у треугольного дорожного знака, изображавшего самую понятную в мире эмблему: скрещенные вилку и ложку. Ресторан «Рыболов» хоть и не пользовался известностью, выходящей за границы района, но можно было надеяться, что Коля Самуся не станет терять времени даром. Сам Владимир Константинович успел порядком проголодаться, и ему стоило заметных усилий продолжить свой пеший рейд, длившийся уже без малого три часа. Съеденные по дороге стручки сурепки лишь разожгли аппетит. Но не хотелось нарушать целостность впечатления. Тем более что приближался наиболее ответственный участок.

Пока ничто не внушало тревоги. Сельские домики стояли по обе стороны, и шоссе поэтому находилось под перекрестным обстрелом окон, а следовательно, и глаз. Движение тоже выглядело достаточно оживленным. Но в том месте, где стрелка указывала на гидроузел и дорога раздваивалась, пешеходная тропа уклонялась в сторону. И немудрено, потому что на неогражденной дамбе оставалось место лишь для полосатых низеньких столбиков. Идти навстречу грохочущим самосвалам, ощущая за спиной гудки обгоняющих машин, было просто-напросто страшно. Едва ли стоило сомневаться в том, что Георгий Мартынович выберет иной путь.

Люсин, ничтоже сумняшеся, последовал за большинством, кстати сказать, абсолютным, хотя по шоссе и было короче метров на двести. И сразу в голове вспыхнул предостерегающий красный сигнал. Молодые сосенки, посаженные плотными гнездами на песчаных буграх, полностью закрывали обзор. Тут могло произойти все что угодно.

Стежка, извивам которой следовал Владимир Константинович, вывела на высокий обрыв, откуда во всей красе открывалась стальная гладь озера. Узкую полоску песка лизала медленная волна, колыхалась осока, в которой запутался всяческий лесной мусор. Из-за постоянных дождей вода заметно прибыла. От глинистых обрушений расплывалась нечистая пена.

Включив шагомер, Люсин двинулся вдоль обрыва, и, чем далее шел, тем менее нравилось ему это место. Углубившись в сосны и проблуждав там, как в лабиринте, он вновь оказался на берегу. Определенно подтверждался первоначальный вывод: эти тридцать — сорок шагов по-над берегом, безусловно, были самыми опасными на всем пути. Здесь даже в сухую светлую пору можно было невзначай оступиться. Судя по карте, затребованной у местных гидрологов, дно опускалось достаточно круто. Теперь, когда уровень повысился чуть ли не на метр, глубина была довольно приличная почти на всем протяжении. Особенно подозрительно выглядели участки оползней, где озеро словно вгрызалось в берег.

Простой здравый смысл подсказывал, что таким путем мог пойти в тот день лишь заведомый самоубийца. Значит, Георгий Мартынович выбрал другую дорогу, более дальнюю, что, пересекая сосняк, выводила на мостик через протоку.

Полюбовавшись бледными облаками, растянувшимися низкой прерывистой цепью, Люсин вернулся в сосны. Пришлось порядком побродить, прежде чем обнаружилась неприметная аллейка, выводящая к мостику. Люсин вернулся по ней к исходному пункту, где шоссе сворачивало на дамбу, и, совершив поворот на сто восемьдесят градусов, вышел к протоке. Так идти оказалось не в пример проще, хоть и несколько дольше. Проблемы оставались прежние: густые лесопосадки и близость озера, правда далеко не столь угрожающая.

Владимир Константинович постоял на мосту, поплутал среди крупноблочных башен и выбрался на берег. Сравнительно низкий, сплошняком заросший курчавым клевером, он мирно спускался к воде. Отсюда уже виднелись ажурные подвески проводов электротяги и край высокой платформы. Туда вела черная лента асфальта, отмеченная штангами уходящих вдаль фонарей.

Уравнение, как и ожидалось, выходило со многими неизвестными. И каждое из них нуждалось в самостоятельной проверке, в более или менее вероятной модели, как-то увязанной с основной формулой.

Записав, где следует прочесать местность, а где хорошенько обшарить дно, Владимир Константинович побрел на станцию. Голода он уже не ощущал, но зато пробудилась тупая пульсирующая боль в темени.

На привокзальной площадке, где автобус делает круг, Люсин заметил Аглаю Степановну. Вернее, она сама его углядела и, выдвинувшись из очереди, поманила рукой.

— Сам на себя не похож, а все бегаешь, — проворчала она, не выпуская из виду стоявшую у ее ног укутанную марлей корзину. — Хвораешь никак?

— Голова разболелась, Степановна, — с трудом ворочая языком, пробормотал Люсин. Перед глазами прыгали световые зигзаги, прошивая пространство косой сморщенной строчкой. — Тут аптеки нигде нет поблизости?

— Как не быть? Есть аптека. — Она махнула рукой в сторону переезда. — А то к нам завернешь, голубь? Авось помогу.

— Ага, бабуся, спасибо. — Владимир Константинович поворотился, как манекен, и покорно побрел обратно, с трудом переставляя непослушные ноги.

— Да куда ж ты? — окликнула его Аглая Степановна. — Автобуса хоть дождись, а то, не ровен час, свалишься.

— Ладно. — Люсин покачнулся, но устоял и, наклонясь вперед, словно преодолевая тугой порыв ветра, сделал следующий шаг. — У меня тут тачка...

Как добрались до места, он едва ли запомнил. Но из машины, собравшись в упрямый комок, выбрался самостоятельно и деревянным шагом дотащился до какого-то дивана в углу комнаты. И тут свет окончательно померк для него, если, конечно, Аглая Степановна просто-напросто не занавесила окна.

— Давление подскочило, — пробормотал Владимир Константинович. — Ничего страшного.

Освобождение пришло откуда-то извне, хотя он и дал себе внутреннюю свободу. Пахнуло бальзамическим холодком и словно бы тиной болотной. Люсин почувствовал легкое скользящее прикосновение мази к вискам. И это было последнее, что успела ухватить память, отлетая с земли.

Проснувшись в темноте на незнакомом скрипучем ложе, Владимир Константинович долго не мог сообразить, где он и что с ним. Тело сладко поламывало, как после хорошей лыжной пробежки, гортань горела сухим огнем, но в голове ощущалась полная ясность. Лишь память отшибло на каких-то этапах, и понадобилось известное напряжение, прежде чем удалось восстановить последовательность событий. И какой же немыслимо далекой показалась ему эта его прогулка по берегу среди упругих подрастающих сосен! Все, что случилось потом, прорисовывалось разрозненными фрагментами.

Люсин облокотился на руку и прислушался. Откуда-то долетали неразличимые отрывки речи. Он заставил себя встать и, нашарив в потемках дверь, побрел на путеводную черточку света, теплившуюся в конце коридора.

Аглая Степановна и Коля безмятежно гоняли в кухне чаи. Уютно бормотало радио. На ручках самовара висели бублики.

— Проснулся, голубь? — старуха подняла глаза. Дуя на блюдце, из которого, вкусно причмокивая, тянула крутую заварку, она насмешливо прищурилась. — Головочка не трещит, чай?

— Спасибо, бабушка. Все прошло, — поблагодарил Люсин и вдруг спросил, испуганно встрепенувшись: — Сколько времени? На дворе уже ночь? — И тут только сообразил, что у него есть часы. — Неужели всего-навсего девять?

— Так точно, — улыбнулся Коля. — Без трех минут. Хорошо поспали, Владимир Константинович?.. А мы тут с Аглаей Степановной и пообедали, и поужинали!

— Уж ты извини, бабуся! — смущенно вздохнул Люсин. — Такой, понимаешь, казус.

— Садись чай пить.

— Чай? Может, лучше водички? Холодненькой? — прислушиваясь к себе, спросил Владимир Константинович.

— Вы ж не ели с утра ничего, — деликатно намекнул Коля.

— Есть абсолютно не́ хочется.

— Это он только завтра запросит, — понимающе усмехнулась Аглая Степановна. — А вот испить чего-нибудь надо... Морсу брусничного хочешь?

— Если не очень сложно. В погреб небось надо лезть?

— Какой еще погреб, окстись! — отмахнулась старуха. — Из холодильника принесу. — Допив из блюдца, она отерлась полотенцем и зашаркала в столовую, где рядом с буфетом стоял объемистый двухкамерный «Розенлев».

— Черт! — помянул нечистого Люсин, хлопнув себя по лбу. — Ведь я обещал вернуться!

— Не беспокойтесь, Владимир Константинович. Я звонил... Сказали, чтоб отдыхали себе спокойно.

— Воображаю, чего ты наговорил! — Люсин даже покраснел от бессильной досады.

— Ничего особенного. Что есть, то и сказал: гипертонический криз. С кем не бывает? У меня братан моложе вас, а его в прошлом месяце по первое число прихватило.

— Мне ничего не передавали?

— Передавали. — Коля Самусь протянул записанный на обрывке газеты номер. — Просили позвонить, как проснетесь.

— Разбудить не мог?

— Никак нет, Владимир Константинович. Приказали не беспокоить.

Люсин бросился к телефону, едва не столкнувшись в дверях с Аглаей Степановной, которая чуть было не выронила тяжелую трехлитровую банку, до краев наполненную алым напитком.

— Рехнутый! — осерчала старуха.

Промучившись минут двадцать — город упорно был занят, — Люсин наконец соединился с дежурным.

— Поступил сигнал из Волжанска, — доложил тот, когда Владимир Константинович назвал себя. — Гражданин Горбунов Валерий Аркадьевич, весовщик мясокомбината, опознал по фотографии Солитова. Говорит, что видел, как его увозили на «скорой помощи». Товарищ Гуров уже выехал на место.

— Гуров? — Люсин все еще соображал в замедленном темпе, не постигая в полном объеме значения столь неожиданного (впрочем, почему неожиданного?) поворота событий. — А из наших никто не поехал?

— Капитан Крелин. Просил согласовать с вами.

— Считайте, что согласовано, — повеселел Люсин. — Больше ничего?

— Еще был звонок от гражданина Бариновича Гордея Леонови-ча. Хотел встретиться с вами. Оставил свой адрес. Запишете?

— Благодарю. Буду завтра с утра. — Люсин задумался, не от-рываясь от трубки, подавляя соблазн рвануть на ночь глядя в этот самый Волжанск. Медленно опускал он палец на рычажок, но отбоя не дал. — Насчет последних анализов что-нибудь известно? — взволнованно спохватился в самый последний момент.

— Такими сведениями не располагаю.

Глава тринадцатая

СЛУЧАЙ В ВОЛЖАНСКЕ

Перед въездом в город Волжанск Гурова с Крелиным поджидала машина ГАИ с включенной мигалкой. Это оказалось совсем нелишним, потому что ехать пришлось через городской центр, с его кривыми узкими улочками, как попало застроенными в конце прошлого века.

Станция «Скорой помощи» размещалась в старом кирпичном доме, окруженном ветхим забором, через который перевешивалась буйно разросшаяся акация. В резком свете фар листва казалась непроницаемо мрачной.

Свернув в проем между столбами, на которых топорщились крюки от снятых ворот, и ловко лавируя среди машин с крупно нарисованными цифрами 03, обе милицейские машины подрулили к главному входу.

Унылый с виду и к тому же страдающий нервным шоком главный врач, обо всем предупрежденный заранее, не теряя времени вызвал врачей и санитаров, дежуривших в указанный свидетелем Горбуновым день. Но ни один из них не опознал предъявленной фотографии.

— Значит, мы его не возили, — категорически заявил главврач, втайне довольный скорым разрешением дела, ничего не сулившего, кроме лишних беспокойств. — Не наш больной.

— Но свидетели утверждают, что видели, как на Пролетарской площади именно его укладывали в карету, — возразил Гуров. — Так что давайте разберемся.

— А они не врут, ваши свидетели?

— Помилуйте, зачем? — Гуров сохранял завидное терпение. — Ведь совершенно посторонние люди.

— Мало ли... Встречаются, знаете ли, субчики с чрезмерно развитой фантазией. Мы это во как знаем, — главврач неуклюже согнулся и стукнул ребром ладони себя по затылку. — Вы даже не представляете, сколько бывает напрасных вызовов!

— Сочувствую, — осторожно вмешался Крелин. — Но данный случай, надеюсь, сюда не относится?

— Нет его, вашего случая, — почему-то обиделся главврач. — Я привык доверять своим сотрудникам.

— И мы не сомневаемся в их добросовестности, — заверил Гуров. — Но не верить показаниям свидетелей тоже нет оснований. Надеюсь, у вас ведется регистрация?

— А как же! — Главврач поспешно вызвал по селектору дежурную медсестру. — Принесите книгу вызовов! — властно распорядился и забарабанил в ожидании пальцами.

Минут через пять в кабинет вступила неприветливая, излишне полная женщина.

— Как, вы говорите, его фамилия? — спросил главврач, забирая у нее объемистый и изрядно потрепанный журнал.

— Солитов Георгий Мартынович, — подсказал Крелин.

— Так! — Шеф волжанской «Скорой помощи» принялся водить пальцем по строчкам. — Ну, что я говорил? — Дойдя до конца, он захлебнулся торжествующим смешком. — Нет такого!

— А если у человека вдруг не окажется документов? — спросил Крелин.

— Регистрируем как безымянного.

— Тогда поищите среди безымянных.

— Я могу уйти? — угрюмо спросила сестра.

— Нет, ждите! Я вам скажу, когда будет можно!

— Трубку за меня Фантомас сымать будет?

— Разговорчики! — прикрикнул главврач. — Только этого не хватало! Посмотрите среди безымянных. — Он перебросил книгу на соседний стол. — Если был человек, значит, найдется и запись, а нет записи, так и суда нет.

— Не записано, — изрекла приговор медсестра, закончив просмотр, и неприязненно отвернулась.

— Вы свободны, Анфиса. — Главврач удовлетворенно отряхнул руки. — Будут вопросы?

— Какие документы еще заполняются на больных, кроме записи в книгу? — спросил Гуров.

— Ну, есть сопроводительные листы. Один экземпляр дается в больницу, другой остается у нас.

— Проверьте, пожалуйста, — проявил вежливую настойчивость Гуров.

Главврач вначале раздраженно поиграл лицевыми мускулами, потом все же смилостивился и позвонил в регистратуру. Но результат вновь оказался отрицательным. Вопреки утверждению Горбунова, узнавшего в размноженном для всесоюзного розыска портрете человека, которого видел три дня назад лежащим без сознания на Пролетарской площади, Солитов ни под каким видом в волжанской «Скорой помощи» не значился.

— Может, его еще какая машина взяла? — высказал напоследок предположение главврач. — Не наша?.. Вы поспрошайте в больницах.

— Поспрошаем, — почти в один голос пообещали Гуров и Крелин. Они знали, что местный угрозыск уже и без того ищет по всем лечебным учреждениям.

Первый намек на след обнаружился в пункте травматологии, где вконец задерганный дежурный врач опознал, хоть и с известной долей сомнения, предъявленную ему фотографию.

— По-моему, он у нас был. Травма черепа, если память не изменяет. Я, правда, не смог им заняться, потому что в тот день, как назло, было много несчастных случаев. Сами понимаете, что это для нас значит. Мы буквально разрывались на части... Полной гарантии дать не могу, но лицо определенно знакомое.

— Кто его доставил, не помните? — спросил Крелин.

— «Скорая помощь», надо думать. Помнится, он был без сознания. Вся голова в крови, над левой бровью ссадина. Я первым делом велел обработать раны. А потом привезли девочку со сложным переломом голени, и я его больше не видел.

Подняли документы, хотя было уже далеко за полночь. Куря сигарету за сигаретой, Гуров сам перелистал журнал, не слишком полагаясь на клевавшую носом сестру. Таинственный пациент с ранением черепа не значился, однако, и в этих списках.

— Чертовщина какая-то! — Борис Платонович снял очки и устало зажмурился. — Девочка с голенью есть, а его нету. Как это может быть?

— Кроме вас, кто-нибудь еще дежурил в тот день? — сохраняя полнейшую невозмутимость, включился в разговор Крелин.

— Галина Марковна. Мы с ней постоянно в одной смене работаем.

— И сейчас тоже? — Крелин обменялся с Гуровым понимающим взглядом.

— Конечно. Она у себя в кабинете.

— Ее можно сюда пригласить?

— Почему же нет? Только вам придется немного подождать.

— Сложный случай? — Крелин сочувственно улыбнулся. — Мы подождем.

— Алкоголик из окна вывалился, — дал соответствующее пояснение врач. — С третьего этажа... Вы извините, но мне тоже пора бежать. Трехлетнего мальчика привезли на милицейском мотоцикле. Папин свисток проглотил, понимаете... И смех и грех.

— Работка, — заметил Крелин, оставшись вдвоем с Гуровым.

— Не позавидуешь, — согласно кивнул следователь, ощущая, как мозг заволакивает расслабляющая дымка. — Выйду покурить чуток. — Он привычно хлопнул себя по карманам.

Крелин молча смежил отяжелевшие веки.

Галина Марковна явилась не скоро, когда ночь пребывала в самой глухой поре. Охваченные настороженным оцепенением криминалист и следователь встрепенулись, как по команде, когда раздался уверенный стук каблуков, гулко отозвавшийся в пустоте коридора.

— Это вы меня ждете? — В ореоле воспаленного света возникла высокая женщина с нездоровым румянцем. Она была явно взвинчена и не расположена к долгим пересудам.

— Видно, тот еще фрукт вам достался! — Крелин шагнул ей навстречу.

— Не то слово!.. Вы из милиции?

— Из милиции.

— Тогда можете забрать свое сокровище. Ничего серьезного. Таким почему-то всегда везет. Счастливо отделался.

— Простите, Галина Марковна, но мы совсем по другому вопросу. — Гуров поспешно достал фотографии. Вам знаком этот человек?

— Где-то я его как будто видела. — Она неуверенно пожевала губами. — Нет, не припоминаю.

— Травма черепа, — подсказал Крелин. — Ссадина над левой бровью...

— Ах, этот! — вспомнила Галина Марковна. — Ну конечно, ко мне его доставили после перевязки, когда он был уже весь в бинтах... Однако у того было немножко другое лицо. — Она еще раз внимательно взглянула на снимок. — По-моему, это не он.

— Вы уверены? — Крелин вновь переглянулся со следователем.

— Определенно. — Она щелкнула ногтем по фотографии. — Здесь круче излом бровей и форма носа иная; горбинка и более широкий разворот крыльев.

— Очень может быть, Галина Марковна! — вспыхнул Гуров, то ли в приливе восторга, то ли, наоборот, негодующе. — Вы исключительно наблюдательная женщина!

— Я специалист по черепным травмам. — Она охладила его неуместный порыв высокомерным взглядом.

— Тогда тем более мы должны положиться на ваше авторитетное заключение. — Гуров привычно потянулся за сигаретой, но опомнился и лишь огорченно махнул рукой. — Если бы не одна досадная мелочь. Почему больной, о котором идет речь, нигде не значится?

— Понятия не имею. В мои обязанности не входит вести запись.

— Кто же знает в таком случае?

— Поинтересуйтесь у сестры. Я вам ее подошлю. — Галина Марковна возвратила снимок, обнаружив намерение удалиться.

— Одну минуточку! — деликатно остановил ее Крелин. — Извините... Нас вовсе не интересуют регистрационные процедуры. Нам человек нужен, Галина Марковна.

— Какой? — мгновенно и точно отреагировала она. — Этот, что на карточке, или тот, кого мы обследовали?

— Безусловно, этот. — Крелин машинально взглянул на фотографию. — Вашего мы ищем, чтобы исключить всякую возможность ошибки. Где он может находиться в данный момент, как по-вашему?

— Узнайте в психоневрологическом. Скорее всего, мы переправили его туда. Правильно, так оно и было.

— На чем переправили? — спросил Гуров.

— Да на той же машине!

— Понятно, — кивнул Крелин. — Но почему именно в психоневрологический? Для этого, очевидно, были какие-то основания?

— Без оснований, товарищи, ничего не делается. Во-первых, больной, придя ненадолго в сознание, был очень возбужден. Судя по всему, его мучили нестерпимые боли. Установить с ним контакт не удалось, хотя каких-либо внешних нарушений я не обнаружила. При рентгеноскопии костей черепа повреждений тоже не выявилось.

— Значит, у вас должен остаться рентгеновский снимок?! — обрадовано воскликнул Гуров.

— Не думаю. В подобных случаях мы все отправляем вместе с больным. Порой от какой-то минуты зависит человеческая жизнь.

— М-да, у вас времени зря не теряют, — саркастически процедил Гуров. — Наверное, сестра даже не успела оформить как следует!

— Не знаю, спросите у сестры. Мы сделали все, что полагается: обработали раны, наложили повязку, ввели обезболивающее. Специалистов по нейрохирургии у нас нет, психиатров — тоже.

На том и расстались, к обоюдному облегчению.

— А ночь хороша! — Выйдя наружу, Гуров полной грудью вдохнул теплый, насыщенный сыростью воздух. — Тихо-то как, господи! И звезды! — Он достал сигареты и присел на ступеньку возле дряхлого облупившегося льва. — В гостиницу поедем?

— Куда же еще?.. Вздремнуть часок-другой не мешает.

— Что верно, то верно. Утро вечера, как известно, мудренее. Может, и нам блеснет улыбка удачи на путях скорби.

— Вряд ли, Борис Платонович, не обольщайтесь. В своем деле эта дама действительно разбирается.

— Ошибка, значит? Тухлый номер?

— Выходит, так.

— Возможно, вы и правы, — со вздохом признал Гуров. — А жаль!

— Еще бы!

— Проверить все равно необходимо, хотя, признаюсь, особых надежд не питаю. Дурацкая ситуация! Такое ощущение, словно преследуешь пустоту. Погоня за призраком. Вам не кажется?

— К сожалению, нет. От посещения «Скорой помощи» у меня осталось впечатление несколько иного рода. По-моему, там здорово попахивает самым типичным разгильдяйством. Безответственность полнейшая.

— Эти в травмопункте тоже хороши! Экая бездушная бабенция... Хотя понять можно. Работы у них выше головы. Чуть ли не со всей трассы везут. Я по журналу проверил. Почти сплошь дорожные инциденты. Пьяные водители, неуверенный в себе частник...

— А тут еще листопад и как следствие — аварийный пик.

— И все же разве можно так отфутболивать человека? Хотелось бы знать, кто он...

— Завтра узнаем.

Но напрасны были упования на утро. Оно не принесло ясности. В психоневрологическом диспансере материальных следов таинст-

венного пациента тоже почему-то не обнаружилось. Прямо наваждение какое-то! То ли срок его пребывания в означенном учреждении оказался слишком непродолжительным, что и помешало сделать соответствующую запись, то ли внесенные в журнал строчки улетучились под влиянием трансцендентальных сил.

Последнее предположение следовало безжалостно отбросить, что Гуров и сделал, крепко взяв в оборот заместителя главврача.

— Значит, вы признаете, что у вас был такой больной? — быстро разобравшись в обстоятельствах, поставил он вопрос перед явно страдающим ожирением замом.

— Несомненно.

— Его доставили в машине «скорой помощи» из травматологии?

— По-видимому, так, раз они утверждают.

— Но записи нет?

— Записи нет, хотя дежурная сестра Глазунова Лариса Ивановна была обязана это сделать.

— Вы слышите, гражданка Глазунова? — Борис Платонович медленно перевел взгляд на миловидную девушку в кокетливо облегающем халатике.

— Я хотела записать, когда будет заполнена медицинская карта. — Она обиженно заморгала, не чувствуя за собой никакой вины.

— Карту заполнили? — Гуров вновь переключился на зама, который то и дело вытирал платком солидную лысину.

— Поймите же наконец, что в этом не было никакого смысла!

— Почему, позвольте узнать?

— Да потому, что больной был направлен явно не по адресу! Мы сразу поняли, что это не наш больной. В травматологии не разобрались должным образом и спихнули нам.

— Теперь понятно. Вы обнаружили ошибку, разобрались как следует и перепихнули дальше. Я правильно понимаю?

— Почему? — Нарочито кроткий тон следователя не обманул тучного медика.

— Я не знаю почему, но так получается. И кому же вы его, бедного, отпасовали?

— Вам не кажется, что вы разговариваете со мной в недопустимом тоне.

— Не кажется, — с обдуманной резкостью оборвал Гуров. — Я лишь повторяю ваши слова. Или спихивают только в травматологии? Вы, значит, переправляете по принадлежности? — Он постарался поточнее передать интонационное звучание. — Если так, то прошу прощения... Короче говоря, куда направлен больной?

— В первую больницу. У них хорошая терапия и есть опытный консультант по нейрохирургии.

— Поедем туда, Борис Платонович, — сказал молчавший до тех пор Крелин. — Не будем терять времени. Ведь все ясно: больной не их, его переправили по принадлежности, а эта милая девушка, не обнаружив заполненной карты, забыла сделать запись в журнале. С кем не бывает?

— Да. — Гуров медленно и как-то не очень охотно поднялся. — Дело действительно ясное. Но мы еще вернемся сюда...

Возвратиться в обитель печали им, однако же, не пришлось. Ни радости, ни горести людские не могут длиться до бесконечности. Рано или поздно, но всему приходит срок перемен. И в этом свойстве жизни таится великое утешение. Будь иначе, она могла бы обернуться нескончаемой мукой.

В первой больнице мистический туман развеялся без следа. Все объявилось, как по щучьему велению: запись в книге, история болезни за номером девять тысяч семьсот двадцать три, амбулаторная карта и даже сопроводительные листы, которые недоверчивый Борис Платонович совершенно напрасно отнес к категории мифических. Они пребывали в первозданной целости, то есть в двух экземплярах, потому что перевозившая больного бригада, точнее, входившая в нее сестра позабыла в хлопотах оторвать положенную половину. Так и передавали человека из рук в руки вместе с бумагами (рентгенограмма черепа тоже нашлась), и никто не обратил внимания на «пустяк».

А «пустяк» этот наглухо обрубил за безвестным страдальцем концы. Распутать столь безнадежно, хотя и без всякого умысла, запутанный узел воистину мог лишь следователь, притом столь цепкий и многоопытный, да еще с помощью криминалиста из уголовного розыска.

Не склонный к проявлению сантиментов, Гуров настолько расчувствовался, что даже поцеловал руку пожилой даме, заведовавшей отделением, в котором — в это все еще было трудно поверить — находился в данную минуту больной.

— Спасибо вам за вашу доброту! — едва не прослезившись, поблагодарил он, выслушав подробный рассказ о предпринятых медицинских мерах.

— Никакой моей доброты тут нет, — отклонила она незаслуженную похвалу. — Просто самый элементарный долг.

— Но ведь без документов человек, и даже имя его неизвестно!..

— Ну и что? Медицинская помощь гарантирована у нас всем без исключения. Был бы человек, а документы найдутся.

— Вот это правильно! — восхитился Гуров. — А на него можно взглянуть хоть одним глазом?

— Вообще-то мы стараемся в реанимацию не особенно допускать, но у вас, как я понимаю, исключительный случай?

— Совершенно исключительный, — заверил Борис Платонович. — И всего на какую-нибудь секунду.

Глава четырнадцатая

«ЗОЛОТОЙ ЭЛИКСИР»

Надеясь перехватить Бариновича до начала рабочего дня, Люсин вышел из дому затемно, когда в простом геометрическом узоре спящих окон можно было насчитать лишь два-три освещенных квадратика. Служебная машина на такой случай была не предусмотрена — чином не вышел, а ехать предстояло через весь город. Сначала на метро с двумя пересадками, затем автобусом.

Записанное все на том же газетном клочке имя ничего не говорило ему, и он совершенно не представлял себе, с кем придется иметь дело. Звонить в справочную почему-то не захотелось. Да и что существенного она могла сообщить? Разве только место работы?

Люсин не знал, что у Бариновича два присутственных дня в неделю и застать его дома отнюдь не проблема. Для этого не только не требуется вставать ни свет ни заря, но вообще удобнее явиться с визитом попозже, поскольку Гордей Леонович предпочитает работать ночью, а утром поспать.

Уже рассвело, когда Люсин добрался до Теплого Стана. К счастью для него, события этого дня складывались так, что привычный распорядок в семье Бариновичей оказался подорванным на корню. Виновником переполоха был старший сын, Валя, образцовый первоклассник, ревностно переживавший золотую зарю ученичества. Получив от учительницы домашнее задание по части озеленения класса, он учинил такой разор, азартно передвигая горшки, что переполошил всю квартиру. Опрокинув мамин любимый столетник, он заодно ухитрился засыпать землей глаза младшему брату, Марику. Как потом выяснилось, разбуженный бурной деятельностью, Марик проявил некоторое неудовольствие, за что и был немедленно покаран. На его рев выскочила пятилетняя Танечка и, приняв посильное участие в завязавшейся потасовке, тоже залилась горестными слезами.

Однако юный тиран недолго праздновал торжество грубой силы. Видавшая и не такие виды хранительница домашнего очага Ирина Борисовна молниеносно воздала каждому по деяниям его. Возмутитель спокойствия был временно интернирован в ванной, последст-

вия стычки, включая перепачканные черноземом простыни, ликвидированы, а все пострадавшие получили медицинскую помощь.

Баринович вышел из опочивальни, по-совиному щурясь на свет, когда в семье вновь воцарились мир и благоволение. Лишь на лице темпераментного первенца не истаяли до конца мрачные знаки. Надменно отказавшись от утренней трапезы, он не только не добился признания своих особых, сопряженных с общественным положением прав, но был вытолкнут в школу на целый час раньше, причем без вожделенного цветка. Вместо предвкушаемого триумфа ему предстояло испить нестерпимую желчь унижения.

С мрачным видом шагнув за порог, он чуть было не налетел на незнакомого дядю, который уже тянулся к пуговке звонка. Оба были обрадованы и смущены неожиданной встречей.

— Папа дома? — поспешно отступив в сторону, несколько заискивающе спросил Люсин. — Он не спит?

— Пап! К тебе пришли! — возликовал изгнанник и, потянув гостя за пуговицу, торжествующе возвратился назад.

Ирина Борисовна не посмела ему воспрепятствовать. По неписаному правилу, всякое выяснение отношений при чужих считалось недопустимым.

— Извините за столь раннее вторжение. — Люсин с сомнением покосился на блистающие лаком янтарные полы, не зная, надо ли ему разуваться. — Могу я видеть Гордея Леоновича?

— Вы, наверное, за отзывом? Проходите, пожалуйста. — Ирина Борисовна провела его в маленькую, сплошь заставленную книжными полками комнату, где не так бросались в глаза следы утреннего беспорядка. — Присаживайтесь, он сейчас выйдет, — улыбнулась она, поспешно прибирая раздвижной диван.

Затылком она ощущала, как несносный мальчишка, нагло хрупая сахаром, заталкивает в ранец горшок с традесканцией. А ведь ему уже дважды выдавались деньги на покупку в цветочном магазине! Ничего не поделаешь, приходится терпеть.

Торопливо и уже с готовой улыбкой вошел Баринович. Отличаясь скверной памятью на лица, он на всякий случай поприветствовал Люсина, как доброго знакомого.

— Хорошо сделали, что зашли! — Гордей Леонович энергично потряс в пожатии руку и выжидательно примолк.

— Мне сообщили о вашем звонке, — коротко объяснил Люсин и нерешительно, словно что-то ему мешало, потянулся за служебным удостоверением. Этот чудаковатый человек с воспаленно припухшими веками определенно не подходил ни под какие стандарты. С удостоверением лучше было повременить.

— Я вам звонил? — удивился Баринович и тотчас, словно устыдившись своей забывчивости, закивал круглой, коротко остриженной головой. — Вообще-то звонил, надо думать.

— Я по поводу профессора Солитова, — осторожно намекнул Владимир Константинович, запоздало кляня себя за то, что явился без всякой подготовки.

— Ах, как это я сразу не догадался! — всплеснул руками Гордей Леонович. — Значит, вы от Натальи Андриановны?

— Конечно, — уверенно подтвердил потрясенный в душе Люсин, чувствуя, что вляпался, не спросясь броду, в какой-то очень круто заверченный омут. — Мы с ней неплохо знакомы, — предпочитая не кривить душой без крайней нужды, он выбрал именно такую формулировку.

— Понятно, иначе бы она не дала мне ваш телефон.

— Ну, не обязательно, — уклончиво протянул Владимир Константинович, не уставая изумляться. Внутренний облик Баринович, которого связывали с Наташей какие-то совершенно неизвестные отношения, стал еще более загадочен. Обычная квартира, примечательная разве что обилием книг, ничего не проясняла.

— Если я правильно понял Наталью Андриановну, — Баринович пропустил реплику мимо ушей, — вам может пригодиться даже самая незначительная с виду подробность. По-видимому, это действительно так, потому что нет более трудной задачи, чем воссоздание прошлого. Близкого ли, далекого — не в том суть.

— Вы совершенно точно поняли.

— Тогда будет лучше, если я попытаюсь почти дословно восстановить тот телефонный разговор. С моим знакомым. Он, кстати сказать, даже не подозревал, что с Георгием Мартыновичем могло что-то такое случиться. Как и я, впрочем. Странная вещь: человека уже нет, а о нем говорят как о живом. И все потому, что не знают. Это похоже на свет сколлапсировавшей звезды. Она безмятежно горит в ночном небе, а мы и не догадываемся о чудовищной катастрофе, которая случилась миллионы лет назад. Просто информация не успела дойти, хотя и несется со скоростью света.

— Очень образно, — оценил Люсин, мысленно сделав стойку. Ничем не выдавая своего интереса, он выслушал короткий рассказ о телефонном звонке неизвестного пока Пети, предложившего продать травник с печатью метра Макропулоса. Ценность сведений едва ли можно было завысить. Не говоря уже о том, что стало ясно, для чего Солитову спешно понадобились деньги, обозначилась еще одна неизвестная доселе нить.

— Когда вы виделись с Натальей Андриановной в последний раз? — Люсину прежде всего было необходимо прояснить общую диспозицию.

— Позавчера. Мы вместе возвращались из гостей. А наутро я уже вам звонил. — Баринович по-своему понял вопрос. — Но вас, к сожалению, не оказалось на месте... Надеюсь, мое сообщение не слишком запоздало?

— Ни в коей мере. — Люсин задумчиво покачал головой. — В самый раз. Большое спасибо, Гордей Леонович. А Наталья Андриановна молодец, что надоумила вас! Не премину высказать ей благодарность.

— А может, не надо?

— Это еще почему?

— Видите ли, — Баринович смущенно замялся. — Я далеко не уверен, что вы этим доставите ей удовольствие. Наталья Андриановна женщина исключительной деликатности. Очевидно, у нее были причины настаивать на том, чтобы я сам рассказал вам обо всем. Вернее, не причины как таковые, а психологически точное ощущение того, что подобает, а что по тем или иным причинам неприемлемо. Вы меня понимаете?

— Пожалуй, — согласился Люсин. — Вероятно, вы правы.

Баринович все острее будил его любопытство. Наивная распахнутость естественно сочеталась у него с углубленной чуткостью и широтой мысли.

— Петю этого вы хорошо знаете? — Владимир Константинович зашел с другой стороны, хоть его и покоробила примитивная обнаженность вопроса. Уж очень по-милицейски выходило, в худшем, разумеется, смысле. Тем более что имя книжника вырвалось у Гордея Леоновича определенно ненароком.

— Я бы сказал, давно, — мягко поправил Баринович. — Одно время он поставлял мне необходимые для работы книги. Это лучший знаток библиографических редкостей, какого я знаю.

— Постарайтесь понять меня правильно, — затаенно страдая, воззвал он к разуму собеседника, — мне нужны более подробные сведения: фамилия, адрес, можно телефон... Нет-нет! — предвидя реакцию, Владимир Константинович протестующе воздел руку. — Я не произношу слово «спекулянт», хоть оно и просится на язык, и вообще, даю честное слово, мне нет никакого дела до побочных занятий вашего знакомого. Он интересует меня только в связи с Георгием Мартыновичем. Исключительно!

— Понимаю вас, — наливаясь краской, опустил голову Баринович. — Но позвольте не отвечать. Я должен хорошенько обдумать.

— Я вас тоже глубоко понимаю, Гордей Леонович. Если есть внутренние препятствия, лучше вообще снять проблему. Целиком. Как говорится, замнем для ясности. — Люсин взмахом развеял воображаемый дым.

Он мог позволить себе этот красивый жест. Книжник такого класса, да еще имя названо, не долго останется неизвестным. Бариновичу, при всем его уме, и невдомек, как это поразительно просто. Времени жаль и лишних усилий, но чем не пожертвуешь ради главного.

— Ценю ваш такт, — без тени иронии Гордей Леонович приложил руку к сердцу.

— Помните у Ильфа? «Скажи мне, что ты читаешь, и я скажу, у кого ты украл эту книгу», — пошутил Люсин, задержав взгляд на истрепанных корешках. — Или это они вместе с Петровым?..

— Честно говоря, не помню, — улыбнулся Баринович. — Я давно преодолел соблазн перечитывать. На новинки и то времени не хватает. Едва успеваю следить по специальности... Когда писал поэму «Шестнадцатый век», так вообще к книгам не прикасался.

Мешает чужое, навязывая свой строй. Противоестественно застревает в зубах.

«Неужто поэт? — поразился Люсин, повторив про себя фамилию, но не встретил отклика. — Может, под псевдонимом? Он, очевидно, не сомневается, что я все про него знаю! Господи, стыдто какой! Сижу дурень-дурнем...»

— Вам иначе и нельзя, — заметил он с видом знатока. — Реконструкция времени, как вы это точно сказали...

— Я так сказал? По-моему, мы говорили с вами о воссоздании прошлого, к чему оба в той или иной степени причастны. Но реконструкция времени — это действительно хорошо!

— И какого времени! Век Парацельса! — Люсин, который при всем желании не мог припомнить к случаю никого, кроме Ивана Грозного, обрадовался тому, что великий ятрохимик вновь оказался кстати. — Боюсь, что без вашей поэмы мне в наследстве Георгия Мартыновича не разобраться.

— Поэма вам вряд ли пригодится, тем более что она еще не издана. — А так, пожалуйста, я к вашим услугам. Чем смогу — помогу.

— Тогда, если позволите, давайте начнем по порядку. Иначе мне трудно будет освоиться. Уж так я устроен.

— Пожалуйста, как вам больше нравится.

— Суть в том, Гордей Леонович, что у каждого ремесла свой набор приемов. Мне, чтобы правильно ориентироваться, необходимо проникнуть в мир интересов Георгия Мартыновича, сжиться с обстановкой, наконец, научиться читать все эти алхимические криптограммы. Ведь в его записях, извините, сам черт ногу сломит!

— Ишь чего захотели!

— Что? Слишком много на себя беру?

— Определенно, — кивнул Баринович. — Вы даже не представляете себе, как много. Этому нужно учиться всю жизнь. Причем не просто учиться. Надо еще и любить, и чувствовать прелесть, и получать удовольствие. Возможно ли разобраться в поэзии без любви? В букете изысканных вин без трепета наслаждения?

— О таких эмпиреях я даже не мечтаю, — Люсин обезоруживающе, с простоватой хитрецой ухмыльнулся. — Мне лишь бы по ходу дела разобраться. В самых общих чертах... Характер последних химических опытов, причина взрыва, галлюциногены, токсичность и тому подобное. Войдите в мое положение!

— Давайте попробуем. — Баринович пожал плечами. — Хотя боюсь, что и мне подобный орешек окажется не по зубам. Георгий Мартынович иногда нарочно зашифровывал записи.

— Зачем?

— А просто так, из любви к искусству. Вы вот говорите, что хотели бы вжиться в образ, в обстановку и все такое. А он? Ему-то это было куда важнее! Облик эпохи, ее пророческий символизм. Не только златоделы и врачеватели берегли свои записи от чужого глаза, но и такие титаны мысли, как Леонардо. Его кодекс, храня-

щийся в коллекции Хаммера, написан, например, в зеркальном отображении. Одной тайнописи, очевидно, показалось недостаточно. Величайший из гениев, судя по всему, с одинаковой ловкостью писал и слева направо, и справа налево. Расшифровщикам, прежде чем приняться за работу, пришлось обучиться такой манере письма. Насколько я знаю, Георгий Мартынович овладел герметической символикой по ходу дела. Пытаясь воссоздать рецептуру чудодейственных эликсиров, он перелопатил такую груду чернокнижной писанины, что волей-неволей стал разбираться во всевозможных тонкостях. Неудивительно, что ему порой хотелось слегка поиграть в эту увлекательную премудрость. Я его вполне понимаю.

— Значит, мне тоже предстоит окунуться во мрак средневековья, — невесело пошутил Люсин.

— Да бросьте вы! — досадливо отмахнулся Баринович. — Какой еще мрак? Совершенно нелепое, хотя и очень распространенное заблуждение, доставшееся нам в наследство от Ренессанса. Только теперь мы начинаем прозревать, как подвело нас бездумное почитание авторитетов. Покойный академик Конрад едва ли не первым попытался сорвать позорный ярлык с чела великой исторической эпохи. Вдумайтесь хорошенько, не уставал твердить Николай Иосифович, могло ли средневековье быть сплошным адом, в котором человечество пробыло тысячу лет? Право слово, абсурд. Думать так — значит, прежде всего, недооценивать самого человека, его грандиозные достижения. Нет, уважаемый, средневековье далеко не исчерпывается кострами инквизиций. Готическая архитектура, неподражаемая пластика буддийских образов, ажурные кружева и фонтаны Альгамбры, блистательные песни трубадуров, изысканный строй рыцарских романов, искрометный юмор народных фарсов — все это тоже средние века. И в этом грандиозном соборе, чьи украшенные химерами капители утопают во мгле, таинственно лучится витражное многоцветье. Алхимия! Само слово, как вздох органа, как шелест шагов в сумрачной глубине придела, где в мерцанье лампад блестит потертая бронза надгробных плит.

— Прекрасно, — вздохнул Владимир Константинович, сильно заподозрив автора «Шестнадцатого века» в самоцитировании.

— Да, прекрасно, — Баринович не обратил внимания на похвалу. — Нас вечно влечет очарование таинственного. В алхимии, куда ни шагни, всюду тайна. Да и сама она неразгаданная шарада. Бесхозное наследие пятнадцати веков.

— Пятнадцати? — удивился Люсин, почему-то считавший поиски философского камня заблуждением не столь древним.

— Если не больше, потому что мы не знаем почти ничего. Дата зарождения еретического искусства златоделания, равно как и его родина, скрыта в мареве киммерийских теней.

— Где-то я встречал это слово!

— В записях Георгия Мартыновича, надо думать? Этот термин часто употребляется в связи с великим деянием. Киммерия — страна вечного Мрака где-то на краю Океана, у врат преисподней. Но

это отнюдь не значит, что истоки алхимии мы должны искать в древнегреческих мифах, хотя к ее ореолу равно причастны и сумеречные пространства Аида, и зловещие огни Дантова ада.

— Поясните, пожалуйста, — попросил Люсин, не успевая следить за причудливым сплетением образов. Но Баринович и не подумал подать руку помощи. В минуты увлечения он слышал только себя и лишь варьировал в зависимости от посторонних реплик словесные узоры, подчиняясь полету подхватившей его волны.

— Алхимическая гидра всосала в себя и Платона, и Аристотеля, а вместе с ними — и необузданную стихийность греческой мифологии. В жаре ее гудящего горна ясное классическое наследие сплавилось с таинственными учениями Востока. Все пошло в дело: гностики с их борьбой между Светом и Мраком, библейская афористичность и отзвуки далекой Индии, измыслившей вечный круговорот бытия. Если б мы могли добраться до изначальной сути! Но лишь остывшие уголья остались у нас за спиной. Кесари и базилевсы[1] первых веков христианства безжалостно жгли еретические рукописи, а халиф Омар вообще обратил в пепел всю Александрийскую библиотеку. «Если эти книги повторяют Коран, то они бесполезны, — рассудил он, швыряя в единый костер иератические папирусы Египта и свитки манихеев. — Если противоречат слову аллаха — вредны».

— И ничего не уцелело? — Люсин невольно откликнулся на прозвучавшую в словах собеседника страстную горечь.

— От тех времен — ничего, — глухо ответил Гордей Леонович, словно все еще хранил обожженную память непосредственного свидетеля. — Позднейшие христианские легенды связывают начало алхимических исканий с премудрым Соломоном, повелителем духов, что, конечно, ничуть не просветляет дымовой завесы, в которую обратили бесценное прошлое человечества костры изуверов. Да что там алхимия! Мы даже не знаем, откуда взялось само слово «химия»!.. Арабская приставка ал, конечно, не в счет.

Глядя на огорченное, сосредоточенное лицо Бариновича, Люсин подумал о неразрешимых загадках души. Неведомо где и когда разыгравшиеся события, давным-давно превратившиеся в легенду, оказались способными вытеснить из сердца впечатления от реальной трагедии. Непостижимо, но в эту минуту Гордей Леонович едва ли помнил о Солитове, которого хорошо знал, по ком никак не мог не испытывать печали. Сам Люсин, несмотря на то что беседа на столь сложные темы требовала постоянного напряжения, ни на минуту не выпускал из поля зрения этот знакомый лишь по фотографиям образ. И отнюдь не по причине более тонкой чувствительности, а всего лишь из-за различия целевых установок. Если для Бариновича отвлечение в область привычных интересов было не только нормально, но и психологически необходимо, то для него, Люсина, постоянно тлевший очаг возбуждения полностью совме-

[1] Имеются в виду римские и византийские императоры.

щался с сугубо профессиональной сферой. Некуда было уходить от гвоздящих дум, негде было спрятаться от чужой несчастливой судьбы, которая незаметно прорастала корнями в судьбу личную. Как ни заманчиво было безраздельно последовать в гулкую пустоту готических лабиринтов, но память оставалась настороже, не отпускала. Слушая Бариновича, умно и беспечно игравшего поэтическими метафорами, он ни на минуту не забывал о том, что нужно позвонить из ближайшего автомата насчет вестей из Волжанска. Худощавое, с глубоко запавшими глазами лицо на матовой фотобумаге множилось, и его расслоившиеся контуры, набирая ускорение, улетали в тусклую пустоту. Приходилось напрягаться изо всех сил, чтобы хотя бы мысленно проследить каждый облик. Пересекались, дробясь в неведомых кристаллических гранях, отдельные плоскости, которые никак не составлялись в объемный голографический слепок.

— Вы целиком и полностью правы, Гордей Леонович, — пробормотал Люсин, спохватившись, что упустил какую-то, несомненно важную, часть рассуждений.

— Однако в беспредельной алхимической сфере нас с вами интересует не химическая начинка, сиречь рациональное зерно, а шелуха. Я подразумеваю магическую планетную суть и как следствие — чудеса философского камня.

— И связанная с этим символика, — уточнил Люсин, — знаковая система.

— Это существенно сужает рамки исследования. Алхимия начинается с трактатов Гермеса Трисмегиста, с гностической символики Александрии. Она выступает как часть астрологии, как разновидность астроминералогии и астроботаники, не в современном, конечно, смысле, и как самостоятельный раздел магии.

— Даже магии?

— А чего тут удивляться? Всякий средневековый алхимик понемножку подвизался на этом поприще, а любой шарлатан спекулировал на алхимических фокусах и гороскопных гаданиях. Народная молва вообще не делала тут никаких различий. В «Декамероне» Боккаччо вся эта братия проходит под общим именем nigromante.

— Некромант? Это который с мертвецами?

— Всех их в одну кучу! — весело махнул рукой Баринович. — Занятие, как видите, деликатное. Костром попахивало. Отсюда и скрытность алхимических текстов. В том числе и вполне невинных трактатов, повествующих о приготовлении лекарств. Впрочем, здесь следует четко различить две, а вернее, три стороны явления. Скрытность адептов философского камня проистекала не только по вполне понятным соображениям конспирации. Многие из них действительно верили в волшебную природу своих превращений. Дети своего времени, они лишь разделяли общие заблуждения и предрассудки. Надо ли говорить, что у всех народов магические упражнения были сопряжены и с неукоснительным соблюдением тайны?

Наконец, еще одна сторона секретности: самый обыкновенный обман. Напуская поболе мистического тумана, сотни ловких прощелыг вымогали у доверчивых простаков денежки. Сильные мира сего: императоры, короли, папы — тоже сплошь и рядом попадались на эту удочку. Многие из них и сами были не прочь пополнить с помощью философского камня пустующую казну.

— Очень убедительное объяснение, Гордей Леонович. Но, насколько я знаю, есть и еще один, едва ли не самый главный, аспект. Кое-кому, пусть совершенно случайно, все же удалось совершить действительно важные открытия. Например, порох. Такая штука тоже требовала конспирации.

— Вне всяких сомнений! Но химические соединения, сколь бы ценны они ни были, всего лишь вещества, лишенная духа материя. Они не причастны к чудесным свойствам магистериума и сами по себе напрочь лишены волшебного ореола. Могло ли это удовлетворить одиноких подвижников-златоделов? Едва ли. Ясность не только обесцвечивает поэтический блеск алхимических текстов, но и убивает на корню саму алхимическую идею. И все потому, что алхимия — это не только «предхимия», но еще и искусство, притом сродни волшебству, которое не поддается рациональному осмыслению. Двойственное прочтение характеризует и скрывающую подробности великого деяния зашифрованность. С одной стороны, это жреческая, не терпящая постороннего глаза скрытность, с другой — тут вы полностью правы — обычный военный или же цеховой секрет, пресловутая «тайна фирмы». И на все это накладывается такой понятный даже нам, отдаленным потомкам, страх.

— Темница, пытки, эшафот, — кивнул Люсин. — И все-таки их это не останавливало. Как, впрочем, не останавливало воров и разбойников.

— И провозвестников новых истин, и реформаторов — словом, всех тех, кого толкала на смерть не корысть, но совесть.

— Среди алхимиков тоже были такие? — меланхолично спросил Владимир Константинович и сам же ответил: — Должно быть. Люди всегда остаются людьми. В них слишком много всего перемешано... Разного.

— При всем желании алхимикам не позавидуешь. Пусть среди них было полным-полно заведомых мошенников и продувных бестий, но ведь и власть имущие гнали их, словно красного зверя! Вспомним Бетгера — это уже новые времена, — которого держал в заточении саксонский король. Не в силах купить вожделенную свободу изготовлением презренного металла, несчастный узник случайно раскрыл тайну китайского фарфора. Вот сюжет, достойный гения Шекспира!

— Я видел фильм про Бетгера. Король его так и не выпустил из темницы. Тайна фарфора оказалась дороже золота.

— Альберт Больштедский, снискавший титул «Великого в магии, еще более великого в философии и величайшего в теологии», недаром умолял собратьев быть скрытными. — Баринович взял с

полки, где хранились экземпляры написанных им книг, «Феномен средневековой культуры» и быстро нашел заложенную бумажной полоской страницу. — «...прошу тебя и заклинаю тебя именем всего сущего утаить эту книгу от невежд. — Он читал, как обычно читают поэты, с придыханием и даже несколько завывая, что определенно портило впечатление. — Тебе открою тайну, но от прочих я утаю эту тайну тайн, ибо наше благородное искусство может стать предметом и источником зависти. Глупцы глядят заискивающе и вместе с тем надменно на наше Великое деяние, потому что им самим недоступно. Они поэтому полагают, что оно невозможно. Снедаемые завистью к делателям сего, они считают тружеников нашего искусства фальшивомонетчиками. Никому не открывай секретов твоей работы! Остерегайся посторонних. Дважды говорю тебе, будь осмотрительным...»

— Создается впечатление, что сам он не верил в философский камень.

— Вполне возможно. Ведь это был один из блистательнейших умов средневековья! А какой подлинно ученый муж не слыл чернокнижником? Даже Вилим Брюс, сподвижник Петра.

— Почему вы вдруг вспомнили Брюса? — удивился Люсин. — Разве он тоже увлекался алхимией?

— Откровенно говоря, не знаю... А почему вспомнил? — Баринович озадаченно уставился в потолок. — Наверное, потому, что адъютантом при нем был Андреа Гротто, пращур нашей общей знакомой.

— До чего же причудливо переплетенье судеб! — воскликнул Люсин, вспомнив незабвенную Веру Фабиановну Чарскую, урожденную де Кальве.

— Как вам сам текст?

— Потрясающе! — одобрил Владимир Константинович, сообразив, что перевод, вероятно, выполнен самим автором. — Не знаю, смею ли я просить вас о дарственном экземпляре? — воспроизвел он подобающую случаю фразу, подслушанную однажды в гостях у Юры Березовского. — Великолепно передан аромат подлинника!

— Да, подтекст тут более чем своеобразный, — обещающе улыбнувшись, Гордей Леонович дал понять, что просьба принята к сведению. — Это вам не мрачное пророчество посвященного в высокие таинства мага и уж тем паче не ревностная забота мастера, стремящегося оградить от конкурентов источник дохода. Предостережение Альберта исполнено глубокого понимания человеческих слабостей и сочувствия сотоварищам, запутавшимся на пути исканий. Скепсис насчет великого деяния прорывается словно бы невольно... О строгом сохранении тайны предупреждали и другие выдающиеся мастера трансмутаций: Альберта из Виллановы, Николай Фламель и даже Парацельс, презревший великое деяние ради ятрохимии, оказавшейся на поверку все той же алхимией, хотя и без философского камня.

— Такое возможно?

— Не только возможно, но и закономерно. Парацельс тоже был отпрыском своего века, ознаменованного постепенным переходом от донаучных методов к научным. Решительно отказавшись от златоделия как от вздора, он продолжал верить в универсальное лекарство, искал эликсир молодости. Даже нашел его, если верить легенде, хоть и не смог воспользоваться.

— А вы лично этому верите? Хоть сколько-нибудь?

— Ни в малейшей степени. Кому только не приписывала молва подобное средство: Калиостро, Казанове, Сен-Жермену, Макропулосу — бог знает кому... Даже прорицателю Нострадамусу и Амбуазу Паре, придворному лекарю французских королей. Мифическому Христиану Розенкрейцу, наконец... Однако согласно датам, которые приводит словарь Лярусс, все эти благодетели человечества прожили вполне умеренные отрезки жизни. Отнюдь не мафусаилы... Уверяю вас.

— Выходит, поиски Солитова заранее были обречены на провал?

— Это еще почему? — решительно не согласился Баринович. — Во-первых, разрешение загадок, даже такого плана, уже вклад в науку, хотя самого Георгия Мартыновича интересовала проблема иного рода. Но как бы там ни было, а история человеческих заблуждений чем-то подобна закаменевшей навозной куче, в которой изредка встречаются жемчужные зерна. Темное суеверие, наглое шарлатанство, отголоски языческих ритуалов, наконец, самоослепление, от которого не застрахован и современный ученый, — все это, конечно, имело место. Но ведь было же и нечто иное! Драгоценные крупицы народного опыта, провеянные сквозь сита тысячелетий! Подлинные открытия, рожденные в укромном мраке лабораторных келий, куда добровольно заточали себя искатели невозможного! Вспомните хотя бы вакцинацию, которую применили против оспы задолго до того, как был открыт возбудитель болезни. Микробы вообще! А паутина? А плесень, коей наши деревенские бабки лечили загнившие раны? Сотни и сотни лет прошло, пока Флеминг додумался до препарата на основе грибка пенициллиума.

— Значит, и в этой области деятельность Солитова представляется вам вполне целенаправленной?

— Безусловно. Ведь в каждом, даже составленном заведомым шарлатаном рецепте содержались компоненты, в которых, скажем так, аккумулировались надежды той или иной эпохи. Понимаете?

— Извините, Гордей Леонович. — Люсин смущенно пожал плечами.

— Хорошо! — Баринович зашел с другой стороны. — Возьмем наши дни. Разве и мы с вами не разделяем в какой-то мере древнейших суеверий насчет алхимической панацеи? Про экстрасенсов и тибетских врачей, будто бы излечивающих от всех болезней, я уж не говорю. Просто обращаю ваше внимание: от всех! Но вспомните хотя бы женьшень, который издревле мнился панацеей. Лишь совсем недавно, уже на нашей памяти, этот загадочный корень жизни лег, наконец, на лабораторный стол. Теперь, по крайней

мере, мы хотя бы приблизительно знаем сферу его применения. Она, увы, не безгранична, как бы этого нам ни хотелось. Ни рог носорога, ни элеутерококк, чьи вытяжки включают ныне во многие рецепты, не способны сотворить чудо. Но знать их возможности необходимо. Сама история как бы нацеливает исследователя на тот или иной препарат. В иные времена самым универсальным лекарством считалась роза. Прекрасно! Она и в наши дни исправно несет свою целительную службу. Но сколько было других помощников, нам, к сожалению, неизвестных!

— Мандрагора, например? — подсказал Люсин.

— Возможно, и мандрагора, хотя наши медики не признают за ней особых достоинств.

— Она могла играть свою роль в комплексе с другими лекарствами.

— Правильно, в комплексе! Сила растительных сборов проявляется в ансамбле, где даже абсолютно ядовитые составляющие подчас совершенно меняют свое поведение. Такова, например, белладонна, которую вместе с дурманом успешно применяют против астмы, конечно, в соединении с другими травами.

— Я с удивлением узнал, что у нас есть богатые плантации на Кавказе.

— Ничего удивительного. Целебные травы испокон веков выращивали в культуре. Мы лишь возродили исконную традицию. Тот же женьшень культивируется уже не только в Приморье, но и на Северном Кавказе, даже в средней полосе.

— Признаюсь, что с первого взгляда сад Георгия Мартыновича произвел на меня жутковатое впечатление. Но теперь я понимаю, как все это необходимо.

— Уверен, что лекарственное сырье вскоре будет выращиваться в промышленных масштабах. Иначе нельзя. Казавшиеся неисчерпаемыми кладовые природы скудеют прямо на глазах... Но мы говорили о вспышках моды. Вчера это были проростки пшеницы или обессоленный рис. Сегодня — свекольно-морковный сок или отвар овса с курагой и изюмом. Смешно, конечно, возлагать слишком большие надежды, но в каждом из этих простых средств есть свое целительное начало. Поэтому тысячу раз был прав провидец Солитов, устремляя пытливый взор в далекое прошлое. Наши предки, как и мы подверженные поветриям слепой веры, были все-таки не глупее нас. Согласны?

— Бесспорно. Но и не умнее! Напоминание о «черной смерти», выкосившей три четверти Европы, заставило меня серьезно поразмыслить. Несмотря на все издержки прогресса, его победное шествие великолепно. Я, признаюсь, остро завидую нашим потомкам, что совсем не мешает мне почитать наследие предков.

— В чем-то мы стократно их превзошли — достижения цивилизации налицо, — но в чем-то стали беднее. Нерастраченный опыт поколений, бережно передававшийся от отца к сыну, — хитрая вещь! Не случайно мы так ухватились за простые средства,

поняв, что нельзя постоянно палить из пушек по воробьям. Чай с малиной, отвар липового цвета куда надежнее и, главное, безопаснее помогут справиться с обычной простудой, нежели аспирин, подавляющий производство простагландинов в организме, или того пуще — антибиотики. Вот и судите теперь, прав был или нет Георгий Мартынович, выискивая активное начало в «Чае Сен-Жермена», которым самозваный граф потчевал Людовика Пятнадцатого. Мне кажется, стопроцентно прав! Или возьмем «Золотой эликсир Калиостро», коим великий самозванец подкреплял рано увядшие силы следующего Луи, столь пылко влюбленного в свою ненаглядную Марию-Антуанетту. Про бальзам Амбуаза Паре, который действительно был гениальным врачом, я уж и не говорю.

— Я вижу, вы сильны не только по исторической части, но и в химии.

— Разве что отчасти, — с явным сомнением пояснил Баринович. — Я ведь защитил диссертацию по органической химии. Мы общались с Георгием Мартыновичем, беседовали, но каждый шел, что называется, своим путем.

— Вот уж не думал, что столько крупных ученых занято в подобной области. На стыке, так сказать, истории и точных наук.

— Какое там! — отмахнулся Гордей Леонович. — Раз, два и обчелся, хотя и существует в системе союзной академии специальный институт истории естествознания. Чтоб вам было ясно, ваш покорный слуга этой самой историей и занимается. И таких, как я, в нашей системе человек двадцать, если не тридцать. Солитов же — уникум! Но историческими разработками он занимался лишь постольку поскольку — в сугубо прикладных целях, оставаясь строгим естественником: фармакологом и химиком-биооргаником. Улавливаете различие?

— В чем-то он, наверное, был очень счастливым человеком! — вынес неожиданное заключение Люсин. — Поразительная целеустремленность и цельность!

— Нет, Георгий Мартынович не был счастлив, — медленно покачал головой Баринович. — Увлечение, страсть, упоение самим процессом исследования — все это было, но счастье... Он остро, я бы даже сказал, саморазрушительно переживал свое одиночество.

— А Аглая Степановна?

— Я почти ничего не знаю о ней. За все время мне лишь однажды удалось вырваться к нему на дачу. Мы все больше зимой встречались, когда он жил один-одинешенек у себя на квартире. Больно уж далеко было до него добираться. Я, знаете, отвык как-то надолго отлучаться из дому. Дети!

— Одного я знаю, — мимолетно улыбнулся Люсин, беспокойно ощущая ускользающую близость какой-то необыкновенно важной загадки. — Георгий Мартынович, значит, все летние месяцы проводил за городом...

— Каждый год переселялся туда с первыми весенними деньками. С первыми цветами мать-и-мачехи.

— Как странно! Я ведь толком и не знаю, как выглядит мать-и-мачеха...

— Все меньше остается ее на весенних склонах. Любка, ландыш, адонис почти исчезли из наших подмосковных лесов. Калган, корень валерьяны днем с огнем не сыщешь. Даже кувшинка пропала — украшение зачарованных вод. Дело, конечно, не в красоте, хотя и в красоте тоже. Когда из жизни исчезают пусть самые неприметные с виду былинки, она необратимо беднеет. Но тут не былинки — растения чудодейственной силы, издревле даривше нас частицей своей сокровенной мощи. И не какие-нибудь знахарские, хотя и этих жаль, потому что прекрасны и таят нераскрытое, но самые-самые аптечные, признанные официальнейшей медициной...

— Разве кувшинка тоже относится к числу зелейных? — блеснул освоенным термином Люсин. — Про связанные с ней заговоры я знаю...

— В ее цветках и корневищах обнаружена такая смесь алкалоидов, что только держись! Один нимфеин чего стоит. Солитов, кстати, получил на его основе снотворный и болеутоляющий препарат широкого действия. Вот вам еще один пример поведения растительных ансамблей. Яд кувшинки, довольно сильный и стойкий, в соединении с ядовитыми же алкалоидами зверобоя дает безвредное усыпляющее средство. Об этом знал, между прочим, Макропулос, включивший одолень-траву в свое знаменитое снадобье.

— Одолень-траву?

— А вы не догадывались? — торжествующе рассмеялся Баринович. — Это она и есть — наша кувшинка!

— Ах да, верно! — просиял Владимир Константинович, вспомнив переписанные им карточки ведьмовских зелий. — «Кто тебя не любить станет и хочешь его присушить, дай ясти корень...» Что-то в этом роде.

— Из солитовского собрания? — улыбнулся Баринович. — Кувшинка действительно входила в состав приворотных зелий.

— И помогало?

— А вы попробуйте!

— Не на ком, — не слишком весело ухмыльнулся Люсин. — Для этого надо сначала влюбиться.

— Тоже мне препятствие! На улицу выйти страшно, столько красивых женщин. По-моему, их с каждым днем все больше и больше. Вы не замечали?.. Я так влюбляюсь почти ежедневно. Ненадолго, правда, потому как вечно занят и обременен семейством. — Глаза Бариновича затуманились легкой грустью. — Старость, наверное?

— Наверняка не скажу, но что-то в этом роде, — вполне сочувственно подтвердил Люсин. — Влюбиться безответно, до сумасшествия, страдая, сходить с ума — и наконец обрести взаимность, пустив в ход приворотное зелье... По-моему, это прекрасно!

— За чем же дело стало?

— За зельем, конечно... Вы мне очень помогли, Гордей Леонович. На многое я смотрю теперь иными глазами. Некоторые прежде совершенно непонятные вещи раскрылись с самой неожиданной стороны. Поэтому попробуем возвратиться к нашим баранам.

— К драконам!.. Лично я предпочитаю драконов, коль скоро заходит речь об алхимии. Красный дракон, черный дракон... Зеленый, если угодно, змий, — Баринович заливисто рассмеялся. — Вам не приходилось напиваться до зеленого змия?

— Не приходилось, — сознался Люсин, — хотя я и ходил на БМРТ за треской и сельдью в студеные моря... В молодости. Однако ваше пожелание насчет драконов целиком принимаю. Тем более что мне действительно хочется проконсультироваться с вами относительно чертовщинки. — Он раскрыл блокнот с заготовленными вопросами. — В записях Георгия Мартыновича попадаются примечательные рисуночки: скелетики, птицы вроде ворон, истекающие каплями крови сердца. Что все это может означать? Как по-вашему? Бессознательная регистрация мрачного умонастроения? Чертики, которых мы зачем-то малюем в состоянии глубокого сосредоточения?

— Не думаю, хотя трудно судить вне всякой связи с контекстом. Скорее всего, здесь имеет место первоначальная химическая символика. Ведь латинская аббревиатура элементов и система записи реакций возникли сравнительно недавно. Вплоть до самого нового времени в этом деле царил полнейший разнобой. Разбирая алхимические рукописи, я имел возможность подробно познакомиться о их эмблематикой. Скелеты, вороны, факелы — на первый взгляд полный мистический букет. Вместо с тем иные символы легко расшифровываются. Это не что иное, как характеристики химических процессов: возгонки, разложения и так далее. В результате действия огня, к примеру, вещество обугливается, превращаясь в золу — черный скелет, летучий газ — кружащееся воронье. Вполне постигаемый условный язык.

— Потрясающе интересно! Почище Эдгара По с его «Золотым жуком»!

— Вы действительно так считаете? Мне тоже это представляется довольно увлекательным. Какие еще знаки привлекли ваше внимание?

— Бросается в глаза изобилие планетной символики. Теперь-то я понимаю, что алхимия густо переплеталась в астрологическими понятиями...

— Настолько густо, что одно подчас трудно отделить от другого. Вообще не следует забывать, что в основе средневекового мышления лежала идея всеобщей симпатической связи. «Все во всем, — как утверждает «Изумрудная скрижаль» Гермеса Трисмегиста. — Что наверху, то и внизу». Говоря иначе, полное взаимопроникающее единство макрокосма и микрокосма, творца и мира. Тронь пальцем отдельный атом, и завибрирует вся вселенная. Отсюда и магические приемы замены целого его частью. Пронзишь раскаленной иглой восковую куклу, и нет человека, которого она заменяет.

Обрезки ногтей, волос, капелька крови — все идет в дело, потому что часть всегда представляет целое.

— Поэтому так важно соблюдение мелочей? Лунные фазы, подходящее для опыта время...

— В магии нет мелочей, — решительно отверг Баринович. — Она проявляет себя через предельную полноту символических соответствий. Поэтому если жрец или знахарь собирается, например, изготовить любовный талисман, то он приступает к работе не иначе как в пятницу — день Венеры, и все его действия подчиняются планетным влияниям. Он надевает зеленый плащ — геральдический цвет ветреной богини, венок из вербены — ее любострастный знак, приносит в жертву голубя — ее птица, питает огонь ветвями сосны и мирта.

— И Георгий Мартынович...

— Со свойственной ему дотошностью помечает, какими процедурами был обставлен тот или иной опыт. Алхимики европейского средневековья свято соблюдали основные принципы халдейских и египетских звездочетов, отдавая пальму первенства планетным влияниям. Отсюда возникла настоятельная необходимость определить, какое светило царит на небосклоне в данный момент. В таблицах планетных часов, составленных, быть может, еще шумерскими жрецами, каждой планете был отведен «преимущественный час», когда именно она считалась господствующей. День получал имя той планеты, которая открывала своего рода график, управляла первым часом. Вавилонская неделя начиналась с отмеченной преимущественным влиянием Сатурна субботы, которая и поныне носит у англичан наименование дня Сатурна. Потом идут дни Солнца, Луны. Меркурия, Юпитера и уже знакомой нам пенорожденной Венеры — Афродиты. Как видите, люди и поныне, зачастую вовсе о том не подозревая, отдают регулярную дань наидревнейшим астрологическим представлениям. Для алхимиков, астрологов и колдунов прошлого они имели самодовлеющее значение. Для магии черные книги, как вы, наверное, догадываетесь, отводили преимущественно ночные часы: от полуночи до первых петухов.

— И крик петуха...

— Правильно: прогонял прочь распоясавшуюся нечисть. Впрочем, у каждого духа были свои часы дежурства, когда его дозволялось вызывать, говоря по-нашему, на дом. При всяческих превращениях, в том числе алхимических, выбирались часы Сатурна, Марса, Меркурия и Луны, для любовных заговоров — Солнца и Венеры, при волхвовании против всевозможных недругов — Сатурна и Марса. Всего я, конечно, не помню, но продолжать можно до бесконечности. Не надо упускать при этом, что волшебная власть планетных часов, как ночных, так и дневных, не являлась постоянной, изменяясь каждые сутки в зависимости от сочетания планет и созвездий.

— Поэтому всякому порядочному алхимику требовалось кумекать и в астрологии.

— Браво! — одобрил Баринович. — Все процедуры, кроме всего, были скрупулезно расписаны по фазам Луны, знакам зодиака и носили особое символическое наименование.

— Это-то я заметил. — Люсину впору было схватиться за голову. Только теперь он начинал постигать, какую непосильную ношу самонадеянно взвалил на свои плечи. Годы и годы кропотливейшего труда нужны для того, чтобы хоть приблизительно разобраться в отобранных в солитовском кабинете бумагах.

— Вижу, вы приуныли?.. Я вас, наверное, совсем заговорил?

— Что вы, Гордей Леонович! — Владимир Константинович попытался подвести хоть какие-то итоги. — Значит, если мы видим в записях знак Луны или, скажем, Венеры — кружок с крестиком, то это может означать все что угодно: саму планету, день недели, а то и вовсе отдельный час. Так?

— Если бы только! А серебро или медь не хотите? Ведь каждой планете соответствует еще и своя металлическая стихия. Той же Венере — медь, Луне — серебро, Солнцу — золото. Златоделие, например, именуют «делом Солнца». Алхимики щедро рассыпали планетные знаки. Их соотношениям подчинялась вся жизнь человека, от зачатия и до последнего часа. Так, пребывая еще во чреве матери, ребенок первый свой месяц находится под покровительством Сатурна, второй — Юпитера и так далее. В полном соответствии с той же формальной схемой младенческий период управлялся Меркурием, детство — Венерой, отрочество — Солнцем, юность — Марсом, зрелость — Юпитером, старость — Сатурном и дряхлость — Луной.

Сатурну посвящены козел и летучая мышь — излюбленные ипостаси средневекового дьявола. И это не случайно, ибо темный бог, как и его светлый близнец, изначально присутствует в герметизме. Луну мы видим в образе волшебницы и некромантки Гекаты, за которой крадется зловещая скрытная кошка. Зная об этом, а также памятуя, что знаком Сатурна обозначался свинец, мы совершенно иначе можем оценить и скрытый смысл алхимических трансмутаций. В самом деле, почему исходным материалом для изготовления золота сплошь и рядом служил свинец? Да все потому, что в алхимическом атаноре[1] должна была повториться божественная комедия. Юпитер вновь одерживал победу над дряхлым отцом. Более того, происходило таинство омоложения, серый больной металл излечивался, обретая здоровье и силу.

— Омоложение посредством пакта с дьяволом?

— Можно и так понимать. В сугубо фаустовском смысле.

— Есть и иной!

— Да, сокровенно алхимический. Красный лев, магистериум, великий эликсир, панацея жизни и прочие титулы, коими обозначается философский камень, — нечто большее, чем абсолютный катализатор. Ему приписывались куда более чудесные свойства,

[1] Герметический сосуд

сравнимые разве что с проявлением божественной мощи. Он был призван не только облагораживать или излечивать металлы, но и служить универсальным лекарством, живой водой русских сказок. Его раствор, разведенный до концентрации аурум натабиле — «золотого напитка», — обеспечивал излечение всех хворей, полное омоложение и продление жизни на любой срок.

— Но тогда...

— Именно поэтому золото входило во все лекарственные рецепты такого рода, — ответил Баринович на едва прозвучавший вопрос.

— Это безумно интересно! Может быть, впервые в жизни я жалею, что выбрал не ту профессию. В моей несчастной голове полнейший сумбур, но что-то необычайно значительное предчувствуется где-то на самом донышке. Извините, но недостает нужных слов, чтобы объяснить... Мне в самом деле очень важна была эта беседа. Если не возражаете, Гордей Леонович, то перейдем непосредственно к растениям.

— Что мне в вас нравится, так это целенаправленность. Хоть и сетуете на сумбур, а главного направления не теряете.

— Это уже от профессии...

— Ну что ж, семь бед — один ответ, давайте разбираться с растениями. Едва ли я удивлю вас, напомнив, что их культ сложился в незапамятные проязыческие времена, напоминая о себе неизжитыми игрищами вроде костров иоанновой ночи. Молодые парочки, вздымая летучие искры, весело скакали через огонь, обливались водой, бросались нагишом в озера и реки. Парни азартно стегали девок крапивой и камышом, веселые хороводы кружились вокруг празднично убранного дерева, вертелись в водокрутах цветочные венки. Потерпев поражение в борьбе с этим бесовским культом, церковь вынуждена была примириться с древним обычаем. Введя его в рамки пристойности, она ловко подменила языческого Купалу Иоанном Крестителем, освятив тем самым исконные суеверия и символизм. Наилучшее время для сбора трав приходится на иоаннову ночь...

— А в другие месяцы? — быстро отреагировал Люсин.

— На последние фазы Луны, начиная с двадцать третьего дня.

— Именно в этот срок она и отбыла к себе на Шатуру, — задумчиво пробормотал Владимир Константинович. — Простите, пожалуйста, это я так, о своем, — спохватился он. — Продолжайте, пожалуйста.

— Собственно, мы близки к завершению. В планетной «табели о рангах» травы занимали следующее место. — Баринович вновь воспользовался своим сочинением как справочником. Солнцу был посвящен подорожник, хранящий жар и силу, Венере — вербена, цветок любви и веселья... Далее, полагаю, можно не продолжать, потому что символическое значение растений не одинаково трактовалось в разные времена и в различных странах. Отсюда постоянные разночтения. Тот же цветок розы — образец совершенства — означал не только любовь, красоту, изящество, удовольствие, ра-

дость, но мог олицетворять и прямо противоположные свойства: молитву, медитацию, тайну. Для каждого растения был разработан соответствующий церемониал. Вербену, например, разрешалось собирать лишь во время сбора винограда, по-видимому, отголоски дионисовых оргий, а корень мандрагоры следовало отрывать после начертания трех концентрических кругов. В старинных рукописях она изображалась в человеческом облике. Если не соблюдались требуемые процедуры, мандрагора, якобы жалобно кричавшая, когда ее вырывали, могла покарать обидчика и уйти глубоко под землю, подобно колдовскому цветку папоротника.

— Недавно по телевизору показывали сборщиков женьшеня. Так у них тоже целый церемониал. Рыть можно только костяной лопаткой, и уж никак не железом, нельзя повредить ни единого волоконца, словом, не подступись.

— Древнейшая традиция зелейников, сохранившаяся до наших дней, — обрадованно закивал Баринович. — Таежная мистерия! Разницы почти никакой: на Востоке — женьшень, на Западе — мандрагора. Впрочем, различие есть, и весьма существенное. Женьшень действительно отличается поразительной биологической активностью.

— Что в мандрагоре содержится, вы не знаете?

— У нас ее, к сожалению, не изучают. И вообще не следует слепо полагаться на молву. В ней столько всего перемешано! Отголоски древнейших практических знаний и полнейший вздор, от которого волосы дыбом встают, курьезные выдумки и зоркие наблюдения. Взять хотя бы наперстянку, из которой приготовляется дигиталис, совершенно незаменимый при лечении заболеваний сердечной мышцы. Впервые, если не ошибаюсь, она нашла применение в Ирландии, откуда перекочевала в Англию. Потом о ней надолго забыли. В немецких травниках Иеронима Бока и Леона Фукса она хоть и упоминается, но лишь в качестве рвотного, слабительного и выводящего влагу средства. А такой авторитет, как Парацельс, вообще не признавал за наперстянкой целительных свойств. Вот и верь после этого отцу ятрохимии. Лишь в 1935 году из нее были выделены первые пурпуреагликозиды. Кто знает, может, и мандрагора одарит нас чем-то совершенно неожиданным. Вас, я вижу, она особенно интересует.

— Исключительно в связи с работой Георгия Мартыновича. Нашему ведомству эта самая мандрагора доставила-таки хлопот.

— Могу сказать одно: она, безусловно, ядовита, как, впрочем, и наперстянка, и адонис верналис, цветок умирающего и оживающего с новой весной финикийского бога.

— Где яд, там исцеление. Змея с чашей.

— Жизнь и смерть, — на свой лад откомментировал Баринович. — Замкнутый в кольцо эскулапов гад... А вы еще удивлялись посадкам Георгия Мартыновича. Чародейные травы с незапамятных времен выращивались в садах.

Услышав, как требовательно заблеял в коридоре звонок, Люсин торопливо поднялся. С благодарной и вместе с тем виноватой улыб-

кой приготовился произнести подобающие слова. Но помешал прозвучавший за дверью торжествующий вопль:

— Пятерка! Ура-а!!! — Отпрыск великого человека проскакал на одной ножке. — Папа, мама! Сюда-а!

Его восторг требовал публичного, причем самого безотлагательного, подтверждения. Первая в жизни пятерка, даже за принесенный из дому цветок, кое-чего стоит. Тот, кому это непонятно, очень немногому научился в жизни и слишком многое растерял.

— Поздравляю, — преисполненный сочувствия, Люсин торжественно пожал руку счастливо зардевшемуся отцу. — Даже подумать страшно, сколько я отнял у вас времени.

— Надеюсь, не без пользы для дела, — рассеянно кивнул Баринович, целиком обратившись в слух. Душой он уже был где-то там, в зачарованных недрах уютной кухни, где все чада и домочадцы, пораженные успехами первенца, наперебой изливали восторг: и пели ему осанну, и кадили сладостным дымом.

— Вы разрешите как-нибудь еще раз вас обеспокоить? — прощаясь, Люсин поспешил заручиться обещанием.

— Да-да, как-нибудь...

Глава пятнадцатая

НОЧЬ ИМПЕРАТОРА

Авентира II

Пробудившись от болезненного стеснения сердца, которое, будто налитое ядом, тяжело колотилось в груди, Рудольф Второй, император Священной Римской империи, австрийский эрцгерцог и чешский король, раздвинул златотканые штофные шторки и вылез из-под высоченного балдахина, украшенного императорской короной и габсбургскими орлами об одной голове. Фитилек в экранированном розовой морской раковиной затейливом ночнике едва теплился. Колченогий шут, прозванный за немыслимое уродство Росконесом[1], сопел, привалившись спиной к остывающему камину. Вид у него при этом был самый дурацкий: двурогий колпак свесился на нос, а на оттопыренной нижней губе вздулся слюнявый пузырь.

Император не удержался от слезливой улыбки. Проказник Росконес и во сне продолжал нести службу, веселя отравленное ночными страхами августейшее сердце.

Недоверчивый и подозрительный, подверженный приступам беспросветной тоски, Рудольф сторонился людей. Выпадали дни, когда он вообще затворялся во внутренних покоях и, отгородясь от двора и мира, предавался черной меланхолии. Он то истово молился, простаивая ночи напролет на коленях перед чудотворной иконой божьей матери, то в остервенении грыз ногти, пытаясь разобраться в хитросплетениях колдовских книг. Напрасно обеспокоенный гофмаршал и удрученный государственными делами казначей томились у запертых створок аудиенц-зала. Пышно разодетые алебардисты, получившие приказ никого не впускать, стояли, как изваяния, неумолимо скрестив древки. Пока Рудольф беседовал с заезжими некромантами и кабалистами или бил поклоны перед образами в золоченых рамах, государственные дела могли подождать. Зато неукоснительно соблюдались церемониал и прочие требуемые этикетом публичные процедуры. Лишь «пара нечистых», как прозвали их

[1] Росконес (roscones — *исп.*) — крендель.

охочие к насмешкам чешские паны, пользовалась высочайше дозволенной привилегией входить в личные апартаменты в любое время: астролог и шут.

Как и Росконес, которого и за человека, пожалуй, не почитали, медоточивый и по-кошачьи грациозный дон Бонавентура был выписан из Испании, где прошла Рудольфова юность. Ловко потеснив толпу подвизавшихся при дворе шарлатанов и дремучих оборванцев, он с поразительной быстротой стал первой фигурой в государстве. Его кипучая деятельность в таинственной области трансмутаций уже стоила казне столько, что никакое алхимическое золото не могло восполнить этих потерь. Даже если бы удалось обратить в чистопробный металл все запасы свинца в Пражском арсенале.

Однако, невзирая на более чем скромные успехи, он пользовался полным доверием властелина, столь неблагодарного по отношению к другим. Даже императорский духовник аббат Одорико не располагал таким безраздельным влиянием. Впрочем, обладая безошибочным чутьем, он, как никто другой, умел выбрать подходящий момент, чтобы, скромно потупясь, предстать пред августейшие очи.

В покрытой черным лаком исповедальне, где каждая жердочка была выточена из драгоценного ливанского кедра, вкрадчивый аббат с лихвой возмещал свое. Да и могло ли быть иначе, если Рудольф, воспитанный при дворе Филиппа Второго, с ранних лет был отдан на попечение иезуитов? Заметив в австрийском принце предрасположенность к мистицизму, они развили ее, доведя до опасной грани истерии. Фанатично преданный идеалам самого крайнего католицизма, слабодушный монарх все более глубоко погружался в темный омут духовидения, становясь послушной куклой в руках первого попавшегося шарлатана, особенно в тяжкую пору раскаяния, когда после очередной алхимической неудачи он впадал в глубокую депрессию и терял последние остатки воли. Призраки адского пламени и цепенящий ужас перед неумолимо приближающейся кончиной всецело овладевали его потрясенной душой.

Вот и сейчас, восстав среди ночи с тревожно колотящимся сердцем, Рудольф, вместо того чтобы спуститься в капеллу, бросился в темную галерею, где припал губами к алтарному лаку, смутно различимому в настороженной мгле. Как хотелось верить, что святая Мадонна, встречающая волхвов на пороге хлева, поможет излить тяжкое бремя в благодарных слезах. Эту алтарную композицию Рудольф ставил на первое место среди собранных им работ несравненного Мейстера Теодорика. Как он раньше не замечал этих скорбных всепрощающих очей непорочной! Как мог, равнодушно скользнув взглядом, проходить мимо... Но вопреки всему окрашенное дерево осталось безответно холодным. Что-то мешало самозабвению, не давало молиться, безысходность обступала со всех сторон.

В простенках между опорными столбами, к которым были приставлены железные истуканы с опущенным забралом, висели десятки картин, изображавших святое семейство, терзаемых великомучени-

ков, полный ангельский чин. Но ни одна из них, в сущности, ему, Рудольфу, уже не принадлежала. Он должен исчезнуть без следа, а они останутся висеть на своих крюках рядом с пустыми латами, где по стальной черни проложен золотой толедский узор. Как это и несправедливо, и дико!

Сколько собрал он бесценных полотен, подписанных именами прославленных мастеров — итальянцев, испанцев, фламандцев! Сколько денег пошвырял на ветер, комплектуя свой изысканный мюнц-кабинет, где представлены лучшие образцы монетной чеканки! И спрашивается, зачем? Чтобы все это досталось ненавистному брату Матвею, который и без того успел отобрать у него, императора, наследственные австрийские земли, Венгерское королевство, маркграфство Моравию?.. Да ведь и Матвею не дано удержать все это в своих руках. На смену ему придет новый эрцгерцог, до коего Рудольфу нет ни малейшего касательства, и разом присвоит себе все достояние: земли, селения, этот веками строившийся град, где собраны картины, статуи, золотые медали, инструменты для вычисления положений светил... Заберет и не вспомнит. Даже отзвука благодарности не ощутит, самоуверенный наглец. В чем, в чем, а в солдафонах-эрцгерцогах дом Габсбургов никогда не испытывал недостатка. И, как ни странно, становилось обидно уже за Матвея. Что-то подсказывало Рудольфу, что брат не долго будет распоряжаться его добром. Должна же быть высшая справедливость? О том же, что произойдет с ним самим, когда свершится наконец непостижимая уму перемена, и думать нельзя было без содроганий. Нетопыриные крылья, крокодильи пасти, чешуйчатые кольца огнедышащих гадов — все то, что так щедро рассыпала на холстах и досках фантазия, было лишь бледной тенью истинных ужасов. Даже представить себе нельзя леденящие кровь провалы, где стынет закрученный губительным смерчем туман. Круговращение вечности. Ничто не просвечивает сквозь мятущиеся вихри: ни клокочущая лава, ни мертвенный потусторонний огонь. Только бескрылое воображение могло подсказать наивные образы котлов с кипящей смолой, зазубренных пил, колес с расчлененными трупами и смердящих виселиц. Вещи, которые повсеместно встречаются на земле, слишком ничтожны, чтобы заполнить собою вечность. То, что скрывается, чему и названия нет, должно выглядеть неизмеримо ужаснее. И оно будет длиться всегда, без конца и начала, пока не прозвучит труба и не разверзнутся могилы и все мертвецы, сколько их лежит в земле, не восстанут, подняв крышки гробов.

Можно ли считать некромантию и чернокнижье смертным грехом? Аббат Одорико, не осуждая алхимические искания императора, уклончив в этом вопросе. Ведь и римские первосвященники держали при себе астрологов и кабалистов, пытаясь раздвинуть завесы грядущего. Важны не средства, а конечная цель. Посвятив себя священной борьбе за повсеместное торжество католической веры, Рудольф смел уповать на прощение неба. Разве Одорико не отпускал ему грехи после каждой исповеди? Но гнетущее предчув-

ствие непоправимости происходящего с ним губительного процесса не давало успокоения. Все труды, все надежды шли прахом. Невольно закрадывались сомнения насчет цели всевышнего по отношению к роду людскому.

Филипп Испанский, заменивший Рудольфу отца, с детства готовился сжигать людей. Сначала истреблял мух и бабочек, потом терзал несчастных кошек, а под конец устроил аутодафе для любимой обезьянки. Наследовав Карлу Пятому, он развернул широкую охоту за протестантами по всем подвластным провинциям. Мужчин и женщин бросали в огонь сотнями, тысячами вместе с детьми. Неужели так было угодно богу?

Рудольф хорошо помнил, как Эскуриал аплодировал французам, получив известие о бойне в ночь святого Варфоломея. Никто и думать тогда не мог, что на престол христианнейших королей взойдет вчерашний гугенот. И так было почти повсюду.

Став императором Священной Римской империи, Рудольф с прискорбием обнаружил, что и в его коронных землях полным-полно реформатов. В иных городах Венгрии, Богемии и даже самой Австрии они составляли более половины всех жителей.

Попытка малость их потеснить кончилась весьма плачевно. После упорной войны 1604—1606 годов Венгрия отвоевала политическую и религиозную свободу. Ободренные этим успехом, не замедлили восстать и терпеливые чехи, которых император по наивности считал самым законопослушным народом. Под грохот бомбард и пищалей они вынудили его скрепить своей подписью «Грамоту величества», дарующую свободу вероисповеданий.

Ни о каких праздниках с поджариванием богоотступников, что повсеместно происходили в Испании, нечего было и мечтать. Тем более что на защиту еретиков встали местные власти. Этим поспешил воспользоваться Матвей, который, заручившись поддержкой семейного совета, начал исподволь подыгрывать обнаглевшей черни, суля ей всяческие послабления. Рудольфа едва не хватил удар, когда он узнал, что ему придется уступать коронные марки в Верхней и Нижней Австрии. Дожить до того, чтобы на шестидесятом году жизни подвергнуться форменному четвертованию! И где-то в облачных кружевах уже занесен меч для завершающего удара. Сама мысль, что придется расстаться с последним, вызывала обморочное головокружение.

Как любил он этот ласковый город, спавший за плавным извивом реки! Как страшился утратить связь с затаенным молчанием его сумрачных башен! Медная прозелень куполов, как слезы, стекала на стены, и вечность плутала в узких запутанных улочках и тщетно искала свое отражение в зеркалах запруд. Хлюпая замшелыми ковшами, скрипели мельничные колеса, сбившись со счета, переливали века.

Шла на убыль короткая летняя ночь. За окнами уже мерещилась громада собора. Рудольфу, пережившему однажды шквал в Бискайском заливе, показалось, что его потерявшую мачту и

паруса каравеллу снова несет на встающий из яростной пены утес.

Неужели всевидящее око окончательно померкло для него? И ничего нельзя предотвратить, и нужно терпеть из последних сил, истекая кровью души?

Словно очнувшись после опасного лунатического танца по крышам, продрогший император запахнул отороченный соболями плащ, как наготу, ощущая свою одинокую беззащитность.

— Что же мне делать? — в отчаянии воззвал он.

И услышал ответ, который впечатался в его надломленную душу:

— Ступай за мной, дурак!

Вздрогнув, как бывало в детстве, когда ожидал неминуемого нагоняя от гувернера дона Альфонсо, император испуганно обернулся, слегка покоробленный последним словом, таким простонародным, грубым, не предусмотренным этикетом.

В сумраке лестничной арки белела богатырского вида фигура в плаще, ниспадавшем широкими складками. От скреплявшей его на плече фибулы струилось голубоватое мерцание, высвечивая бородатое лицо и схваченные обручем волнистые кудри. Сомнений быть не могло: перед ним стоял, опираясь о меч, кайзер Рудольф, чей прах вот уже четыре сотни лет покоился в фамильном склепе.

— Не веришь своим глазам, щенок? — не разжимая каменных губ, молвил суровый воитель. — Да, я тот самый, что оставил тебе в наследство коронные земли. Славно же ты ими распорядился, нечего сказать! — прикрикнул он голосом дона Альфонсо и, звякнув шпорами, скомандовал: — Марш!

Стуча зубами от суеверного ужаса, обливаясь холодным потом, Рудольф Второй чуть ли не на цыпочках поспешил за Рудольфом Первым.

Позади оставались галереи и переходы, мелькали темные зеркала. Провинившийся наследник успел заметить, что его проводник никак не отражался в стекле, а сам он, помолодев на много лет, принял забытый облик маленького кронпринца в черном испанском костюме с цепью Золотого Руна на груди. И недоставало духа хоть на мгновение остановиться, и жутко было оторваться глазами от алебастрового савана впереди. Открылись витые аркады лестницы Всадников, за ней спальня Владислава и после очередного спуска — древняя кладка романского дворца под Владиславовым залом, а дальше опять зарябили ступени, крестовые своды с лотарингским львом и звездой Вифлиема, анфилада парадных покоев в заброшенном Людвиковском крыле.

И только тут, едва отдышавшись от стремительной гонки, Рудольф Второй догадался, что перед ними раскрываются замурованные ходы. Ранее он даже не подозревал, что во дворце столько всяческих закоулков, и мог поклясться, что с трудом узнает большую часть помещений. О подземельях, где в зарешеченных нишах вперемешку с костями валялся ржавый железный хлам, он даже не подозревал.

«Куда мы так мчимся?» — спросил, вернее, подумал он, опасаясь, что разгневанный пращур ведет его прямехонько в ад.

И, словно в подтверждение ужасной догадки, далеко впереди затеплился огонек. Не успел впечатлительный Габсбург потерять сознание, как уже очутился в освещенном свечным огарком подвале, в котором узнал крипту под собором святого Витта, где покоились каменные гробы королей. Значит, напрасно заподозрил он предка в дурных намерениях. Вместо преисподней старый вояка привел в святое место, открыв тайные переходы. О том, что Рудольф Первый умер задолго до того, как была начата постройка собора, император, лишенный империи, даже не вспомнил. Ведь со смертью спадают завесы, развязываются узлы.

Саркофаги стояли на вмурованных в фундамент грубо обтесанных глыбах. На одной из них, застланной малиновым бархатом, лежала знакомая корона с державой. Единственный огонек множился в гранях драгоценных камней, и жаркие блики, перебегая по золотым обручам, дрожали в чеканных рельефах, и мертвенный жемчуг наливался теплом.

— Это мои королевские регалии! — преисполнясь гордыни, хотел воскликнуть Рудольф Второй.

— Были твои. Теперь они возвращаются к ним. — Рудольф Первый опустил могучий кулак на ближайшую крышку, и подземный колодец наполнился угрожающим гулом. — Тебе не лежать рядом, — последовал окончательный приговор.

Возражать вроде бы не приходилось. Рудольфу и в самом деле негоже делить могилу с чешскими властелинами. Хоть он и короновался на богемский престол, но его место не здесь, а рядом с другими Габсбургами в наследственных майоратах. Так повелось издревле, и не ему менять освященный веками порядок.

— Для тебя нигде не осталось места. Все переходит к Матвею: Вена, Прага, Тироль, — прощально и даже как бы с сочувствием прошептал белый рыцарь, задувая свечу.

Вместе с мраком в подземелье ворвался отравленный тлением вихрь, отдающий фитильным угаром, и погасил сознание. Уносясь в звездную бесконечность, император силился понять, что означал тот истекший восковыми слезами огарок, но не успел, ибо его бестелесная сущность растворилась в пространстве.

Дух нехотя возвратился под обветшалую кровлю, когда лейбмедик Макропулос отворил императору кровь. С помощью чудодейственных капель и бальзамических мазей августейшего больного удалось привести в сознание.

— Что со мной? — неповинующимся языком спросил Рудольф, ощущая в левой половине лица леденящую скованность. — Где я?

— Вы у себя в опочивальне, ваше величество. — Из-под полога бесшумно выдвинулся ласковый Бонавентура. — Не извольте волноваться. Господин Макропулос не находит ни малейшей причины для беспокойства. Но правда ли, досточтимый доктор?

Киприот слегка вздрогнул, но до ответа не снизошел. Положение было критическое. Теплота крови, судя по цвету и густоте, определенно превысила третью степень и приближалась к наивысшему пределу.

— Поднимите меня, я хочу сесть, — слабым голосом попросил Рудольф.

— Потерпи, куманек, — заявил о своем присутствии Росконес и пополз к кровати, тряся погремушками. — Поваляйся в свое удовольствие. Лучше лежать, чем пресмыкаться, подобно змею.

— В самом деле, ваше величество. — Бонавентура скользнул по склонившемуся над больным медику непроницаемым взглядом. — От покоя еще никому не было вреда. «Лучше сидеть, чем стоять, — учат мавританские мудрецы. — Лучше лежать, чем сидеть».

— Договаривайте до конца, сеньор. — Макропулос медленно распрямился, бережно опустив бессильно повисшую руку монарха. — «Лучше умереть, чем лежать...» Вы ведь этим хотели закончить? Я знаю эту пословицу. Состояние его величества внушает серьезные опасения. Поэтому прошу не мешать мне, господа, иначе я ни за что не отвечаю.

— Досточтимый врач заблуждается. Сатурн в третьем доме, Луна и Юпитер в доме здоровья, — не дрогнув ни единым мускулом, сообщил свой диагноз астролог. — Я только что вновь проверил гороскоп его величества. День святого Рудольфа император встретит в охотничьем костюме.

— Еще минута — и вы скажете, сколько ответвлений насчитывают рога оленя, которого подстрелит его величество на охоте, — неприязненно повел плечом лейб-медик. Напрасно он дал выход раздражению: Бонавентура все равно не сдвинется с места.

— Будь моя воля, куманек, я бы гнал их в шею обоих — и звездочета, и кровопускателя, — поспешил помочь попавшему впросак соотечественнику шут. — Но, поскольку от их совместных усилий все же есть ощутимая польза, пускай остаются... Не обращай внимания на ученых вралей. Ни черта-то они не смыслят. Ложь — искусство, которому не обучают в университетах. Вот уж если я совру, так ты лопнешь со смеху.

— Нет, это просто невыносимо! — простонал сквозь стиснутые зубы самолюбивый и вспыльчивый Макропулос.

Рудольф, к которому понемногу возвращалась подвижность, приподнял голову, но, увидев забрызганную кровью рубашку, в изнеможении откинулся на подушки.

— Чертов грек отворил тебе не ту жилу. Не иначе, собрался переметнуться на королевские бойни, где за месяц можно наворовать целое состояние. — Росконес задрал скрюченные ноги в остроносых башмаках и, отталкиваясь руками от пола, цыпленком заскакал по комнате. — Прибавь ему талер-другой, куманек. Где нам взять нового доктора? Плохой, да свой всегда лучше.

Доктор обеих медицин невольно улыбнулся. Хитрый уродец определенно не желал открытой вражды.

Обработав невидимые точки, влияющие на теплоту и сухость внутренних жидкостей организма, Макропулос дал больному снотворное и удалился с гордо поднятой головой. Все, что было в человеческих силах, он сделал. Остальное зависело от природы и провидения. Судя по состоянию, в котором пребывал император, когда его обнаружили без признаков жизни на холодном полу картинной галереи, особых надежд на долголетие питать не приходилось. Ангел смерти подал первый предупреждающий знак. Если припадок повторится, то уже к Рождеству пражские колокольни будут трезвонить в честь нового короля. Впрочем, как знать: Рудольфу везло. Далеко не всякому государю удавалось дожить до столь почтенного возраста. Во Франции, например, короли мерли, как мухи. Один от яда, которым, как потом выяснилось, была пропитана каждая страница любимой книги, другой от кинжала наемного убийцы, третьего сразила непонятная болезнь.

Послав скорохода предупредить дочь, чтоб не ждала к обеду, Макропулос вышел подышать свежим воздухом. Каждую свободную минуту следовало использовать для поддержания здоровья. Пока император не встанет, если только встанет вообще, на дальние прогулки надеяться не приходилось. Помощь могла потребоваться в любой момент. Оглянувшись на затененные мощными контрфорсами итальянские окна императорской спальни, Макропулос поглубже надвинул широкополую шляпу и не спеша направился в сторону Золотой улочки.

Уроженец далекого средиземноморского острова, где родилась из пены морской богиня красоты и любви, лейб-медик полюбил новую родину. Град, поднявшийся на высоком берегу Влтавы, нравился ему много больше, чем Лувр, Хофбург и тем паче мрачный Эскуриал. Хорош был утопающий в зелени Летний дворец, построенный в виде колдовской пентаграммы, особенно окрестные буковые леса, виноградники и совершенно очаровательные лужайки.

Макропулос ежегодно наведывался сюда в ночь Иоанна, когда листья и злаки набирают высшую степень целительной мощи. Кроме великого множества местных, здесь произрастали растения, привезенные с далекого юга. Бережно пересаженные на заботливо удобренную чьей-то доброй рукой почву, они прижились и дали обильное потомство.

Невзирая на высокий придворный чин, императорский лекарь привык во всем полагаться на собственные руки. Блуждая по залитым лунным сиянием пустырям, вследствие чего и прослыл чародеем, он пополнял запасы трав и кореньев. Здешние зелья были намного крупнее кипрских и выгодно отличались сочностью, ибо жесткое южное солнце выжигало живительное начало. Корень едкой цикуты, который Макропулос отрыл в сыром овраге за поющим фонтаном, превосходил все известные ему холодные яды, достигая седьмой степени сухости.

Одна только роза, столь необходимая для приготовления разгоняющего кровь снадобья, не произрастала в окрестных садах. Кру-

гом цвело великое множество роскошных цветов, и дикий шиповник изобильно плодился в дворцовом парке, не встречалась лишь та белая с алым оттенком бутонов «Аве Мария», чьи лепестки усиливали и закрепляли действие змеиного корня.

На Кипр, а затем и в Прованс ее привезли крестоносцы-храмовники. Заменить хотя бы отчасти провансальскую розу мог лишь чародейный камень кровавик, за которым и отправился к знакомым алхимикам императорский медик.

Пока он рылся в лотках с минералами, переходя из одной полутемной с перекошенным оконцем комнатенки в другую, дон Бонавентура начал давно задуманную интригу. Риск был минимальный. Окружив придворного врача тайными осведомителями, испанец знал о каждом его шаге. Припадок, прошлой ночью случившийся с императором, позволил без лишних слов приступить к выполнению тщательно продуманного плана.

Дождавшись, когда Рудольф, восстав ото сна, подкрепился крылышком дичи и кубком подогретого вина, Бонавентура подступил к изголовью.

— Надеюсь, государь помнит того мудреца из Юзефова, который забавлял двор волшебными фокусами? — начал он издалека, заговорив по-испански.

— Доктора Лева? — слабым голосом переспросил император, также переходя на знакомый с детства язык. — Он вызвал дорогие мне тени, и я говорил с ними. Он великий волшебник, а не какой-то там фокусник.

— Не спорю. — Астролог поспешно переменил тактику. — Во всяком случае, терпимость вашего величества позволяет благоденствовать всем этим людям. В Мадриде их давно бы сожгли на Большой площади... Однако я о другом. Лев сильно разочаровал ваших друзей, отказавшись приготовить «Золотой напиток».

— Отказался? Отнюдь! Просто честно признался, что не умеет. — Рудольф начал выказывать признаки раздражения. — Нельзя требовать от человека того, что он никак не способен совершить. Каждому свое. Я же не поручаю вам заботу о своем здоровье?

— Об этом я как раз и веду речь, ваше величество. Трудно поверить, чтобы ученый муж, сумевший построить ходячего истукана и остановить у самых границ королевства чуму, действительно не знал рецепта продления жизни.

— Тем не менее дело обстоит именно так, дон Бонавентура, и Макропулос лишний раз укрепил меня в этом мнении.

— Ах Макропулос! — Астролог превосходно знал, до каких пределов можно было дойти в споре, не опасаясь себе навредить. — Лев и Макропулос!.. Не странно ли, что они так поддерживают друг друга? Сдается мне, что по крайней мере один из них заблуждается. Возможно, искренне, потому что не хочется думать о сознательном обмане.

— Что вы имеете в виду? — насторожился мнительный император.

— Вечные светила не лгут и не утаивают истину... В отличие от людей. Ночное небо — развернутый свиток для умеющего читать иероглифы созвездий. Встреча Венеры с Юпитером в доме здоровья означает счастливую жизнь и победу над недругами.

— И как долго я, по-вашему, проживу? — с недоверчивой усмешкой спросил Рудольф, всем своим видом показывая, что не придает особого значения астрологическим толкованиям.

— Не менее двадцати четырех лет, — отчеканил Бонавентура. От его проницательного взора не укрылось затаенное напряжение, с которым суеверный монарх ожидал ответа. Тембр речи, сухое сглатывание и промелькнувшее в глазах смятение выдали не только лихорадочную надежду, но и приглушенный страх.

— Какая похвальная точность! — Рудольф не сумел скрыть облегченного вздоха. — А день собственной смерти вы тоже могли бы назвать с такой же уверенностью? — зловеще улыбнулся император. В отместку за пережитое унижение он дал волю постоянно точившей его подозрительности.

Бонавентура побледнел, ощутив болезненную слабость под ложечкой. Неожиданный вопрос сковал его разум и волю. Рудольфу, чье коварство не знало предела, ничего не стоило устроить проверку, призвав в качестве третейского судьи пражского палача.

— Для себя самого трудно вычислить правильную генитуру, — в считанные мгновения нашелся спасительный ответ. — Я умру за три дня до вашего величества. Вот все, что могу сказать по этому поводу.

Бонавентура медленно отвел непроницаемые глаза. Поле боя окончательно и бесповоротно осталось за ним. Отныне жизнь императора находилась в астральной зависимости от судьбы находчивого астролога.

— Все вы продувные бестии, — признавая свое поражение, по-немецки проворчал одураченный Габсбург. — Так что там за недоразумение с «Золотым напитком»?

— Ах это! — Бонавентура сделал вид, что только сейчас вспомнил. — В точности ничего не могу сказать, но только знаю, что Макропулос в канун дня святой Агаты побывал в гетто. Оттуда он вернулся с запечатанным глиняным кувшинчиком, который принес в свою комнату под полой плаща... Заслуживающие доверия лица намекают на известный вашему величеству сонный эликсир.

— Возможно ли это! — тихо вскрикнул Рудольф.

Благополучно достигнув кульминации, астролог облегченно прокашлялся и вытер батистовым платочком вспотевший лоб. Все сказанное им было чистейшей правдой или, по меньшей мере, ее подобием. Удивленное восклицание повелителя можно было поэтому пропустить мимо ушей. Пусть сам доискивается.

— Наверное, следует призвать Макропулоса? — спросил Рудольф, словно бы размышляя вслух. — И потребовать от него объяснений?

— Не уверен, ваше величество. — Бонавентура разыграл тягостное сомнение. — Лейб-медика могли и оклеветать. Мало ли за-

вистников при дворе? В таком случае мы напрасно обидим преданного слугу. Это — с одной стороны. А с другой — было бы неразумно открыть ему нашу, вашу, простите, осведомленность. Ведь он может и отречься. Прямо не знаю, как тут быть. — Бонавентура, казалось, пребывал в затруднении.

— А если произвести тайный обыск? — быстро нашел выход догадливый император. Уроки отцов иезуитов не прошли впустую.

— Блестящая мысль! Такое мне просто не приходило в голову, — просиял Бонавентура.

Игра была сделана.

Комнату лейб-медика осмотрели сразу после того, как двор отправился к торжественной мессе по случаю счастливого выздоровления венценосца. Макропулоса заключили под стражу сразу по окончании мессы, едва он вышел за церковный порог.

На другой день во время церемонии утреннего туалета император и звездочет обменялись мыслями, созревшими за ночь. Звучная испанская речь надежно оградила их от любопытства лакеев.

— Но вы уверены, что это именно то средство? — был первый вопрос Рудольфа.

— Вне всяких сомнений, ваше величество. Я знаю толк в подобных делах. Оно дарует сон, внешне ничем не отличимый от смерти. Он может длиться как угодно долго, в зависимости от концентрации снадобья, но не более двадцати четырех лет.

— И что же потом будет с этим, с уснувшим? — Приятно взволнованный Рудольф, отбрасывая один кружевной воротник за другим, остановился на фламандском гофрированном, широким диском охватывающем шею. Маленькая, тщательно напомаженная голова покоилась на нем, словно на блюде Иродиады.

«Дурное предзнаменование в канун Рождества святого Иоанна», — подумал Бонавентура.

— Я бы посоветовал надеть валансьенское кружево, ваше величество. Оно выгодно оттеняет ожерелье.

— Я спрашивал совсем про другое! — прикрикнул Рудольф, послушно переменив воротник. — Вы стали ужасно рассеяны в последнее время...

— Простите, государь, но у меня нет исчерпывающего ответа. Те, кто направо и налево болтают о «Золотом напитке», ничего не знают о нем, а испробовавшие молчат. Так всегда бывает с алхимическими секретами. Однако все сходятся на едином: для спящего годы укладываются в мгновения. Проспав десятилетия, он восстает, словно уснул вчера. И так может повторяться множество раз. Это ли не истинное бессмертие? Единственно возможное для человека... О вечной жизни на небе я, понятно, не говорю.

— И вам известны примеры?

— О, сколько угодно! Христиан Розенкрейц, например. В общей сложности он прожил сто тридцать лет.

— Отчего же так мало? — поморщился Рудольф, критически оглядывая завитую щипцами бородку.

— Как можно знать, государь? Наверное, не успел повторить или пресытился долголетием.

— Разве такое возможно?

— Все надоедает в конечном итоге.

— И вы можете рекомендовать мне испробовать эликсир на себе?

— Сейчас? Когда вы в расцвете сил?! — в притворном ужасе Бонавентура закрылся ладонью. — Ни в коем случае!.. Может быть, через несколько лет, если... — он намеренно не договорил.

— Но в таком случае я должен быть уверен, что не произойдет роковой ошибки, — император схватывал на лету. — Нужны какие-то гарантии, дон Бонавентура.

— Прикажите поставить опыт, ваше величество, — предложил астролог. — Ну, скажем, на приговоренном к длительному заключению преступнике или на заведомой ведьме, которую все равно ожидает костер. Мы бы могли в течение нескольких лет понаблюдать за действием эликсира.

— Это мысль! — Рудольф довольно потер руки. — Клянусь святым Яго, это мысль... Но зачем же обязательно на преступнике? Не лучше ли позволить Макропулосу искупить вину? По крайней мере, он сможет потом квалифицированно рассказать о своих ощущениях.

— Не тронь старикашку! — Непрошено выкатился откуда-то из-под стола вездесущий уродец. — Он тебе еще пригодится. Думаешь, если удалось разок провести безносую, так и сам черт не брат? Как бы не так, королек!

— Пошел прочь, дурак! — осерчал император. — Не вертись под ногами.

— Нет, куманек, еще неизвестно, кто из нас двоих настоящий дурак, — смело возразил дон Росконес, блюдя священное право шутов. Во всем габсбургском рейхе он один смел бросить в лицо императору слово правды. — Ты жестоко ошибаешься, полагая, что хвори проходят сами собой. Прежде чем куснуть исцелившую руку, вспомни, кто вытащил тебя из могилы, дурак!

— Убрать неблагодарную тварь! — взревел Рудольф, которому кровь прилила к голове.

Но подвижный уродец успел юркнуть за свисавшую до пола парчовую скатерть.

— Ку-ку! — передразнил он напоследок, показав длинный нос.

— Действительно, ваше величество, Макропулоса лучше оставить в покое. — Бонавентура всесторонне оценил ситуацию. Устами Росконеса вещала сама судьба. Как только в лекаре вновь возникнет нужда, Рудольф раскается и выместит бессильный гнев на незадачливом советчике.

— Оставить в покое? Государственного преступника?

— Он, бесспорно, виноват, но так ли уж велико его преступление? — подпустил малую толику сомнения звездный оракул.

— Он обманул доверие своего государя, — проворчал, остывая, Рудольф. — И понесет кару.

— Наказание наказанию рознь. Оно не должно причинять никаких неудобств властелину.

Бонавентура танцующей походкой пронесся по королевской уборной, многократно отражаясь в затейливо обрамленных зеркалах.

— У Макропулоса есть редкостной красоты дочь...

— Как же, как же! Из нее вырастет настоящая пожирательница сердец! — оживился Рудольф, отдавший щедрую дань амурным забавам.

— Так не послать ли этот нераспустившийся еще розан в подарок внукам? — воскликнул всевластный куртизан и хлопнул в ладоши, словно совершил удачную сделку.

— Вы хотите...

— Это самое, государь! Кровно заинтересованный Макропулос получит право безотрывно следить за последствиями своего непродуманного поступка. Уверен, что под его неусыпным бдением с девочкой ничего не случится. Я уж не говорю о том, что это свяжет лекаря почище тюремных оков. Можно будет не волноваться за течение опыта и результаты.

— Вы настоящий дьявол, Бонавентура!

На сем кончаются летописные строки и вступает в свои права легенда, порожденная стоустой молвой. Согласно наиболее распространенному варианту Елена Макропулос дожила почти до наших дней. Порхая из эпохи в эпоху, меняя возлюбленных и имена (лишь инициалы Е. М. оставались всегда неизменны), она обновлялась под действием снадобья, как саламандра в огне. Но пришел день, когда, устав от мелькания карусели, где если что и менялось, так только фасоны платьев и прически кавалеров, оседлавших размалеванных зверей, она тихо уснула в каком-то богемском замке. Завещанный наследникам глиняный сосуд так и остался невостребованным. Никто не пожелал воспользоваться дьявольским средством...

Прелестная выдумка!

В действительности же бедная девушка, восстав от могильного сна, утратила всякую способность к передвижению. Ее суставы ослабли, а сухожилия атрофировались. В считанные месяцы она постарела на те самые двадцать лет, которые провела в бездыханном оцепенении.

Рудольфу не пришлось стать свидетелем ее кошмарного пробуждения. Вскоре после объявленной охоты и августейших именин, сопровождавшихся разорительными алхимическими безумствами, его вынудили окончательно отказаться от управления. Остался всего только титул и внешние знаки почета. Богемия, как и прочие государства империи, отошла к Матвею.

В 1612 году, не прожив и нескольких месяцев после унизительного отречения, император Рудольф Второй умер, оставив после

себя уникальное собрание картин, коллекцию астрологических инструментов и мюнц-кабинет, в котором главное место занимали медали, изготовленные якобы из алхимического золота.

В мрачные годы гитлеровской оккупации, когда в Пражском граде вершил кровавое пиршество протектор Богемии и Моравии Рейнгард Гейдрих, а эмиссары Адольфа Эйхмана рыскали по всем закоулкам, часть сокровищ была расхищена.

И еще одна любопытная деталь. Гитлеровский гауляйтер и оберпалач Гейдрих, возглавлявший по совместительству службу имперской безопасности, ради шутки примерил на свой нордический череп корону чешских королей... На следующий день его прошила автоматная очередь. Случайное, но знаменательное совпадение.

Глава шестнадцатая

СОВЕЩАНИЕ У ПОЛКОВНИКА

Люсин смог увидеться с Крелиным лишь на четверть часа до совещания у начальства. О результатах волжанской эпопеи он в общих чертах уже знал, но интересовали, конечно, подробности.

— Похож, — развел руками Крелин, присаживаясь, по обыкновению, на угол стола. — И в этом все дело. Надо же так! Притом, обрати внимание, похож не столько на самого Солитова, сколько на эту его фотографию. Такое, знаешь, не часто встречается в нашей практике. В профиль — ничего общего. Выступающие надбровные дуги, смазанный подбородок и нос другой. А в фас — на тебе, пожалуйста. Будь моя воля, я бы давал в разных ракурсах.

— Ишь чего захотел — воли!.. Однако быстро вы размотали.

— А что толку?

— Ну, для этого мужика, положим, толк есть, Яша. Кстати, что с ним?

— Обычная история: диабетическая кома. Вместо того чтобы сунуть ему в рот кусочек сахару, эти... — Крелин, в ком зазря погибал гениальный мим, убедительно продемонстрировал, кого он имеет в виду. — Словом, затеяли спихобол с умирающим человеком. Если бы не городская больница — пиши пропало. Буквально с того света вытащили. Гуров уж на что тертый калач, но и его проняло. Он там чего-то пишет по своей прокурорской части. И правильно! Эта братия просто-напросто не желает выполнять самые элементарные обязанности, за которые им, кстати, исправно платят денежки. Медики, называется! Клятва Гиппократа, так их растак.

— Наши, насколько я понял, тоже не с лучшей стороны себя выказали?

— И не говори! Семья с ног сбилась, названивают по всем инстанциям, а эти голубчики сидят себе и не чешутся. Между нами говоря, они решили, что мы прибыли именно по этому поводу. Надеюсь, ты меня не осудишь, но я не особенно старался развеять

их не слишком приятные заблуждения. Пусть подумают на досуге. Перетрухали здорово!

— Не будь наивным, Яшенька! Опомнятся, и все потечет прежним руслом. Если не хуже, потому как еще пуще уверуют в полнейшую ненаказуемость. Я знаю эту породу. На ошибках они не учатся. Пиши докладную.

— Я?

— Да, ты.

— Володя! — Крелин болезненно поморщился. — Ты же знаешь, как я люблю такие игры. У меня форменная идиосинкразия к подобного рода деятельности.

— Как у всякого порядочного человека, Яша. Не более. Я тоже не испытываю особых восторгов. Но ведь кто-то должен? Иначе волжанская история превратится в один непрекрасный день в норму. Вот что страшно! А Гуров молодец. Я таких уважаю. Он действует, понимаешь? На словах мы все за обновление жизни, а как доходит до дела, превращаемся в молчаливое большинство. Стыдно, ей-богу! При всем желании одними указаниями порядок не наведешь. Нужна встречная инициатива снизу, дружочек, всех нас и тебя в частности.

— Твоя правда, Володя. — Подвижное лицо Крелина изображало нестерпимую муку. — И стыдно, и больно, но это выше меня. Ничего не могу с собой поделать. Открыто, на собрании, глаза в глаза — скажу, а написать — нет, не умею.

— А ты приподнимись над собой. Или жалеешь этих хомяков с заплывшими глазками, которым все до лампочки, кроме уютной норы?

— Какая тут может быть жалость? Что ты плетешь? Таким не место в милиции, особенно в уголовном розыске.

— Вот видишь!.. Так что готовь докладную, а не то мы вместе с Борисом Платоновичем напишем, и вот тогда тебе будет действительно стыдно.

— Хорошо, я подумаю.

— Только не слишком затягивай. — Люсин понял, что выжал из Якова Николаевича максимум возможного. — Кстати, как фамилия этого бедолаги?

— Устрашающая: Хапугин! Уж не по этой ли причине волжанский розыск, вместо того чтобы навести элементарные справки, запросил характеристику с места работы? Это было единственное, что они сделали!

— И как характеризуется?

— Вполне положительно.

— У него была записка, что он диабетик? Обычно они носят с собой на всякий случай. Некоторые, знаю, даже нашивку делают где-нибудь под сорочкой.

— Нет, ничего такого не было. Я специально спрашивал. Но сахар в кармане нашли. Очевидно, тот еще был приступ! Врасплох захватил. А ты тогда как в воду глядел, — вдруг вспомнил Кре-

лин. — Первым делом насчет диабета поинтересовался. И верно ведь! Хоть та же почечная колика ничем не лучше, но человек остается в сознании. Георгий Мартынович, помимо всего, страдал холециститом. В остром приступе он дает иногда картину, сходную с предынфарктным состоянием. И даже провоцирует инфаркт, когда больного по незнанию начинают пичкать сосудорасширяющими... Короче говоря, урок Волжанска должен пойти нам впрок.

— Сейчас Кравцов тебе выдаст «путем»!

— За какие такие грехи?

— Хотя бы за то, что обманул надежды! Начальство небось уже рапортовать готовилось, а ты подсовываешь совершенно постороннюю личность, да еще с такой фамилией. За это по головке не погладят.

— Издевайся, издевайся, придет и мой час! — затаив улыбку, пригрозил Крелин.

— Боюсь, что он уже близок. — Люсин потянулся за кителем. — Кому-кому, а мне сейчас достанется. За всех за вас... Пошли?

В кабинет Кравцова они вошли минута в минуту, когда остальные уже сидели за приставным столом, блестящим и голым, как свежезалитый каток. Все, как это теперь повелось, были в форме. Даже Борис Платонович Гуров надел по такому случаю свой прокурорский пиджак со звездочками на петлицах. Не обнаружив на столе пепельницы, он страдал от одного лишь сознания, что не придется курить.

Полковник посмотрел на электронный циферблат над дверью, дрогнул круто изломанной бровью, но ничего не сказал. Подождав, пока вновь прибывшие расселись, он с каменным лицом выдержал долгую паузу, затем, слегка прочистив горло, тихо спросил:

— Больше никого не ждем?

— Все на месте, — кратко ответил Люсин, хотя он и надеялся на то, что догадаются пригласить кого-нибудь из УБХСС. Очевидно, всюду нужно поспевать самому.

— Тогда доложите коротенько, в каком состоянии находится дело.

Владимир Константинович возвысился над столом, одернул китель и действительно очень кратко, потому что присутствующие были в основном в курсе, обрисовал положение. На эпизоде в Волжанске он вообще не остановился, упомянув лишь о причине невольного недоразумения.

— Конца, выходит, по-прежнему не видать, — не без подтекста попенял Кравцов, поигрывая остро отточенным карандашиком. — А время, между прочим, летит...

— Отработка сигнала из Волжанска проведена в рекордно короткий срок, — с напускным безразличием отметил Люсин. — И никак не в ущерб основной работе.

— Основной! — не повышая голоса, выделил интонацией полковник. — Где она, эта основная? До вчерашнего утра, полагаю, все у нас заклинилось на этом Волжанске. Да и что бы было лучше,

когда поступает такой сигнал... Значит, какие у нас имеются версии на сегодня?

— Версии прежние, — убежденно ответил Владимир Константинович, опускаясь на стул. — Ограбление, несчастный случай и, наконец, только что обозначившаяся фигура книжного спекулянта. Вполне возможен и некий смешанный вариант, потому что все три возможности причинно взаимосвязаны: звонок насчет редкого издания, посещение сберкассы, последующее ограбление или же несчастный случай где-то в дороге. Я уж не говорю о том, что преступник мог проследить Солитова вплоть до самой Москвы. Оперативный простор достаточно широкий.

— Да, одним вам, пожалуй, не управиться. Нужно подключить УБХСС, — рассудил Кравцов. — Этот книжный червяк вполне мог оказаться подсадной уткой... Какие меры приняты?

— С УБХСС мы свяжемся. Что же касается мер, то в данный момент ведется проверка постоянных и временных жителей, начато прочесывание местности. Вообще-то район считается довольно благополучным. Однако недавно там возник известный «очаг нестабильности», который серьезно затрудняет проверку. Как назло, в одиннадцати километрах от солитовской дачи выделили территорию для садово-огородного товарищества «Столичный композитор». Застройка у них сейчас в самом разгаре, так что пришлого люда более чем достаточно.

— Списки членов затребовали?

— Уже в работе. — Люсин перелистал блокнот. — Композиторов, как вы понимаете, там кот наплакал, процентов сорок. Кроме обязательных участков, отошедших по линии исполкомов, какую-то часть забрали себе работники просвещения, автобаза, чаеразвесочная фабрика и спортклуб «Вымпел». Землеустройство всяческое, дороги, коммуникации — все это просто так, по щучьему велению не делается. Садовые домики опять же, водоснабжение, транспорт. Короче говоря, всякого рода завы, замы, помы и директора представлены должным образом, в том числе ответственные работники службы общепита, очевидно, в качестве фигур наивлиятельнейших, располагающих разветвленной системой связей. Кроме пайщиков, в поле нашего зрения неизбежно попадают и различные исполнители, производители работ. Как официальные, связанные договорами, так и левые. Тут уже полный неджентльменский набор: шабашники, всевозможные жучки, халтурщики и откровенные проходимцы.

— Вы располагаете фактами или делитесь своими предположениями? — спросил Кравцов.

— Пока только предположениями, — Люсин упрямо нахмурился. — Но за фактами, уверяю, дело не станет. Я знаю, о чем говорю.

— Он прав, — поддержал Гуров. — Схема, можно сказать, типовая. Тут бы тоже не мешало заручиться помощью по линии УБХСС. На запах меда слетаются не только труженицы-пчелки, но

и навозные мухи. Воображаю, сколько рвачей клубится на стройплощадке.

— Только не отвлекайтесь от цели. Всяческими там злоупотреблениями и без вас есть кому заняться. Бухгалтерская и прочая писанина в данном конкретном случае меня не интересует. Задача ясна?

— Ясно, товарищ полковник.

— Что нового по линии НТО, Люсин?

— Здесь у нас, к сожалению, слабое место.

— Совершенно новый объект, — пояснил Крелин. — Не только для нас, вообще для науки. Профессор Солитов работал с мандрагорой памирской, лишь недавно открытой на территории нашей страны. Биохимически она практически не изучена. Предварительные анализы позволили выделить смесь алкалоидов, но говорить о каком-то галлюциногенном эффекте пока не приходится, хотя вопрос с повестки не снят.

— Ничего себе формулировочка! — усмехнулся Кравцов. — Обтекаемая. На все случаи жизни.

— Слишком мало вещества, — терпеливо объяснил криминалист. — Объект, как известно, подвергся длительной экстракции, и на нашу долю почти ничего не осталось. С трудом наскребли кое-какие крохи для хроматографии и спектрометрии.

— Поехало! — бесцеремонно прервал Кравцов. — Спектрометрия! Главное сразу ясно стало... Не можете, значит, определить?

— Нет, — односложно ответил Крелин, замыкаясь в себе.

— Так и говорите. Ваше предположение, Люсин, таким образом, по-прежнему остается в подвешенном состоянии. Галлюциногены, самоотравление и прочая фармакология лабораторией пока не подтверждаются. А раз так, то нечего и в расчет брать. Я правильно говорю?

— По идее, — неохотно признал Люсин. — Но пока химики окончательно не отказались...

— Наука, она что твой клещ: вопьется — не оторвешь. А нам время дорого. Мы не можем ждать, пока товарищ Крелин осчастливит открытием все прогрессивное человечество. В темпе действовать надо, в темпе! Заключение из поликлиники получили?

— Анамнез почти исключает возможность внезапного приступа с расстройством сознания. — Владимир Константинович сразу понял, что именно интересует начальство.

— Вот видите!

— Так сказано: почти, — осторожно возразил Люсин. — Да и сомнения насчет химии остаются, хотим мы этого или нет. Вероятности, как известно, складываются.

— Несмотря ни на что, вы настаиваете на своей версии? — непритворно удивился Кравцов.

— Во всяком случае, я бы не рискнул ее отбросить за здорово живешь.

— Даже так? Ну смотрите...

— Нужно искать того, кто таился за дверью, — с полной уверенностью заявил Гуров. — Криминальный сюжет, как правило, до ужаса прост. Здесь почти наверняка убийство.

— Не смею спорить с вами, Борис Платонович, — равнодушно пожал плечами Люсин. — В меру сил мы отрабатываем такую возможность. Иначе зачем нам с этой проверкой возиться? Может быть, вы подскажете, кого именно нужно искать или хотя бы где? Я буду крайне признателен.

— Сколько сарказма! — фыркнул Гуров. — Можно подумать, что вы сами не сознаете шаткости ваших предположений.

— На то они и предположения. Вы знаете хоть одну версию, которая бы не казалась в самом начале шаткой? Даже жалкой, беспомощной? Я лично не упомню такой.

— Действительно, на первых порах подобные построения рисуются довольно непрезентабельными, — признал Гуров. — Но ведь теперь у вас появился кончик. Тяните же поскорее! Все силы надо бросить на этого спекулянта!

— Оно, положим, верно, — уклончиво возразил Люсин. — Но ведь тоже куча несообразностей. В его поведении нет логики.

— Откуда это вытекает? — спросил Гуров.

— Начнем хотя бы с главного. Зачем участнику или, допустим, соучастнику преступления навлекать на себя лишнее внимание? Разве доктор наук Баринович за язык тянул этого самого Петю? Ничуть не бывало! Он сам ему позвонил и предложил книгу, упомянув при этом о разговоре с Солитовым. Зачем, спрашивается? Одно из двух: он либо абсолютно непричастен, либо законченный идиот.

— Не обязательно, Владимир Константинович. Он же не мог предвидеть, что вы каким-то образом выйдете на этого вашего доктора.

— Допустим. Но это ровно ничего не доказывает. Самая элементарная осторожность должна была заставить его молчать. Разве не ясно?

— Исподволь выстраивает себе алиби? — предположил несколько поколебленный Борис Платонович. — Если вдруг что не так повернется, можно будет сослаться и на такой разговор. Не таился, мол, обо всем рассказывал откровенно. Почему? А потому, что ничего не знал... Косвенное, но все же подкрепление.

— Шатко. — Кравцов недоверчиво покачал головой.

— Не спорю. Но предполагаемый преступник вполне мог рассуждать подобным манером. Я знавал таких. Использовали любую возможность сенца подстелить, чтобы, упаси боже, не ушибиться. Целые вавилонские башни выстраивали.

— Не берусь судить. — Люсин начал уставать от пустопорожнего разглагольствования. — Тем более что свои строения мы возводим пока на пустом месте.

— Первое самокритичное замечание, — отметил Кравцов. — Я, конечно, не говорю, что время потрачено впустую, но хвастать действительно нечем. Конкретных достижений пока не видать. Прошу поднажать, товарищи. Что же касается направления поиска в целом, то тут у меня особых претензий нет. Можете быть свободны.

Люсин удивленно переглянулся с Крелиным. Гроза определенно прошла стороной. Никто не ожидал столь легкой развязки.

Глава семнадцатая

ЭХО МОНСЕГЮРА

Игорь Александрович Берсенев, оставив дверь на цепочке, внимательно изучил служебное удостоверение и лишь затем впустил Люсина в квартиру. Держался он с подчеркнутой холодностью, впрочем вполне корректной, хотя на изъявления сочувствия, чего требовала элементарная вежливость, отреагировал категорическим требованием.

— Я бы попросил вас избавить мою жену от ненужных расспросов, — тихо и поэтому особо значимо указал он, сразу напомнив Владимиру Константиновичу родимое начальство. — Она еще не оправилась, и незачем терзать ей душу. Да это и бесполезно, потому что последний раз мы виделись с Георгием Мартыновичем прошлым летом и ничего существенного сообщить вам не сможем.

Люсин с молчаливым пониманием склонил голову. Ему оставалось лишь подчиниться. Настаивать на чем-то своем, будь даже в том особая необходимость, было бы не только бесполезно, но и глупо. Такой, как Берсенев, мог свободно выставить за дверь, да еще и нажаловаться. Что-что, а акценты он умел расставлять точно, без лишних слов.

Берсеневы возвратились в Москву на неделю позже, чем это предполагалось. Телеграмма, хотя и составленная в предельно осторожных выражениях, вызвала у Людмилы Георгиевны нервное потрясение, и вылет пришлось перенести. Таково изначальное свойство беды, что она почти всегда застает человека врасплох, незащищенного. Сокрушительная внезапность обрушившейся на ее плечи горестной вести более всего потрясла Людмилу Георгиевну. После бездумного счастливого забытья, в которое она позволила себе окунуться, пробуждение оказалось особенно жестоким. В первое мгновение она даже как бы обиделась на кого-то — нет, конечно, не на отца — за столь изощренное, почти преднамеренное коварство. И сразу мучительно устыдилась, жгуче переживая не вполне осознанную свою вину, которую уже некому было простить. Потом оглохшая, словно под анестезией, она ощутила, как растет и ширится в ней такая тоска, что не выплакать никакими слезами. Грудь слов-

но цементом схватило — не продохнуть. Все прежние беды и горести смыло, как пену с поверхности, и безвозвратно всосало в непроницаемый водокрут. И стало понятно, что то непроизносимое страшное, чему и в мыслях не должно было сыскаться названия, но чего Людмила тем не менее постоянно ждала, все-таки не миновало ее. Мамину смерть она пережила, как катастрофический разлом, расколовший уютный, застрахованный от всяких потерь остров. Все надежды ее и неосознанная наивная уверенность в собственной защищенности мгновенно перекинулись на отца, рисовавшегося эдаким неприступным утесом. И вот он тоже должен исчезнуть — вопреки всему Людмила еще хранила слабый росток надежды, — раствориться без остатка. Она стремилась удержать хоть что-то и не могла поспеть за отбегавшей волной, с ужасом прозревая пустоту одиночества, спрятавшуюся за тонюсенькой корочкой боли. Людмила не понимала, что с ней происходит. Еще не зная о том, получили смертельный сигнал частицы ее потрясенной памяти, таившие ускользающий в вечную мглу образ. Им не могло быть замены, и они уже отмирали незримо, катастрофически сужая пространство души. Затаившись в маминой спальне, где каждая мелочь спешила напомнить о том, что так необратимо отделялось теперь от ее существа, Людмила перебирала старые фотографии. Искала в выцветших грудах хоть какой-нибудь живительный отклик и не находила. Пыльный бархат альбомов хранил лишь бумагу, ломкую на загнутых уголках, случайно запечатлевшую узнаваемые, но уже отуманенные далью отчуждения черточки. Даже свое лицо предстало ей словно бы в постороннем обличье. Она слышала, как всхлипнул обрывком мелодии звонок в передней и забормотали приглушенные голоса, но долетевшие до ее барабанных перепонок звуки показались нереальными. Все проваливалось в небытие: образы, блики света, слова. Осторожно прошелестевшие шаги воспринимались веянием ветра.

Провожая Люсина в кабинет тестя, Игорь Александрович приостановился у затворенной комнаты, приложил палец к губам и далее проследовал уже на цыпочках. Его выверенные движения покоробили неуместной нарочитостью.

— Собственно, что вас интересует? — спросил он, притворив дверь.

— В бумагах, найденных на даче, есть непонятные места, — Люсин ограничился формальным ответом. — Хотелось бы разобраться.

— Понятно. — Игорь Александрович задумчиво облизал губы. — Документы вы нам, надеюсь, вернете?

— Само собой разумеется. После завершения следствия вы получите все до единого. По описи... Вернее, Людмила Георгиевна, как основная наследница.

— Основная наследница? Что это значит?!

— Георгий Мартынович оставил должным образом оформленное завещание, по которому дача и часть денег предназначаются Аглае Степановне Солдатенковой.

— Кому-кому? — неприятно озадаченный Берсенев деланно расхохотался. — Этой выжившей из ума фефеле? Ну учудил!.. Ничего, мы это переиграем!

— Имеете полное право. И вообще, завещание сможет войти в силу лишь по окончании следствия. Вернее, шесть месяцев спустя. Впрочем, я не знаю всех тонкостей, поскольку не имею отношения к вопросам наследования.

— Это же надо придумать такое! — Игорь Александрович все не мог успокоиться. — Не иначе как старая ведьма его окончательно околдовала! Загипнотизировала... Нельзя все-таки оставлять человека в таком возрасте без присмотра. Бедный папа!

— Георгий Мартынович отличался легкой внушаемостью?

— Еще какой! Он был ужасно доверчив. Не знаю, чем могла приворожить его подобная особа, по-моему, даже в ранней молодости она выглядела кошмарно, но он у нее только что с рук не ел. Совсем заморочила беднягу.

— Кажется, для этого были определенные основания? — осторожно осведомился Люсин. — Я слышал, что она излечила Георгия Мартыновича от какой-то тяжелой болезни? — Подавив ненужные эмоции, он попытался вызвать Берсенева на откровенность.

— Кто это вам сказал? — Игорь Александрович брезгливо поморщился. — Небось она же? Сказки для детей младшего возраста. Конечно, старикан отличался некоторой мнительностью, не без того, но тяжелая болезнь — это враки! Совершенная чушь. Так, обычные возрастные недомогания... И вообще, лично я не доверяю всем этим фитотерапевтам да гомеопатам. Сплошное шарлатанство.

— Зачем же такая крайность? По-моему, и сам Георгий Мартынович травками не пренебрегал...

— Только в силу профессионального интереса, — всплеснул руками Игорь Александрович, сделавшись вдруг необыкновенно общительным и словоохотливым. — Вы разве не знаете, что он прославил свое имя новыми химическими соединениями, извлеченными из природных объектов? Учтите, что это был сугубо научный подход, ничего общего не имеющий с... — забыв слово, он защелкал пальцами, — ну, как его?

— Знахарством, — подсказал Владимир Константинович. Он догадывался о причине происшедшей с Берсеневым перемены, и ему стало грустно. Но с чисто тактической точки зрения упоминание о завещании оказалось действенным.

— Именно! — просиял Игорь Александрович, отринув былую чопорность и изо всех сил стремясь выглядеть симпатичным. — А вот она, наша милая старушенция, самая типичная знахарка. Надеюсь, вам удалось с ней подружиться? — Он попытался замаскировать излишне пристальный взгляд добродушной улыбкой. — Хотя завоевать ее симпатии очень непросто. Мне, например, это не удалось, несмотря на все старания. Не жалует нас с Людочкой тетка Аглая, не жалует... Сами, наверное, убедились?

— Мы с ней почти и не говорили, — небрежно отмахнулся Люсин, разгадав, куда выпущен пробный шарик. — Так, по существу происшествия. Что она могла рассказать? Одни вздохи... Да и не было ее в то время на месте: к родным ездила.

— Знаем мы этих родных! — усмехнулся Берсенев. — Кстати, вам не кажется несколько странной цепь совпадений? Совершенно неожиданное завещание, последовавший за ним вскорости взрыв?

— «После этого — не значит вследствие этого», — учат мудрые латиняне. — Люсин доверительно улыбнулся. — Но странноватый оттенок действительно налицо. А какова ваша точка зрения на сей счет?

— Откуда мне знать?.. Есть, однако, старый и верный принцип: ищите, кому это выгодно... Простите, как вас по батюшке?

— Владимир Константинович.

— Да, уважаемый Владимир Константинович, не мне вас учить, но так называемая случайность далеко не столь проста, как нам иной раз видится. Копните поглубже, и обнаружится железобетонный каркас.

— Никуда не денешься — диалектика. — Люсин сделал вид, что не понял намека. — Человеку, к сожалению, не дано знать всех последствий. Жизнь ведь не шахматная партия.

— М-да, такого никто из нас не предвидел. — Берсенев твердо держался намеченной линии. — По существу, бедный Георгий Мартынович был пленником этой, простите, деревенской бабищи. Вечный труженик и книгочей, он обнаруживал полнейшую беспомощность в житейских делах. Любая мелочь могла вывести его из равновесия. Яйца «в мешочек» и то не умел сварить. Предоставленный сам себе, он очень даже свободно мог стать жертвой...

— Вы имеете в виду нечто конкретное?

— Если бы! Мы не виделись с ним больше года. Кто знает, как развивались события в течение этого, согласитесь, весьма солидного срока.

— События? — Люсин упрямо не желал подать руки помощи, хотя прекрасно видел, что лишь боязнь потерять лицо удерживает Берсенева от конкретных обвинений. — Вы подразумеваете случай с Георгием Мартыновичем?

— В известном смысле. — Страдая от тупой, типично милицейской ограниченности, как ему думалось, Игорь Александрович терял терпение. — Как вы не понимаете, что даже нелепое стечение обстоятельств может быть подготовлено всем предшествующим ходом...

— Ходом чего?

— Человеческих взаимоотношений, бытовизма, привычек! Мало ли?

— Это как раз понять не трудно, Игорь Александрович. Ваши рассуждения вполне объективны. Однако каких бы то ни было причинно обусловленных связей я, извините, не вижу. Очевидно, многого я просто не знаю.

— Я тоже. Но даже того, что известно, вполне достаточно. Взрыв, например.

— Вы не считаете его случайным?

— Не знаю, не знаю, — протянул Берсенев, давая понять, что питает по этой части глубокие подозрения. — Уж как посмотреть. Я бы на вашем месте не был столь благодушным. Мой тесть полвека почти занимается экспериментом, и никогда ничего подобного с ним не случалось.

— Это, конечно, не довод, но прислушаться не мешает.

— И я так думаю.

— Давайте рассуждать вместе, Игорь Александрович, — предложил Люсин, ничем не обнаруживая истинного своего отношения. — Взрыв, кстати довольно умеренной силы, произошел уже после ухода Георгия Мартыновича. Таковы факты. Совершенно точно установленные и документированные. Содержавшиеся в колбе летучие вещества взорвались только потому, что полностью выкипела водяная баня. По-моему, этого вполне достаточно, чтобы не абсолютизировать, скажем так, данный момент. О каком-то там благодушии, как видите, не может быть и речи. Все наши усилия сосредоточены на главном: на поисках. Вы согласны со мной?

— Ну, если так установили... — Не будучи осведомленным в деталях, Берсенев сразу почувствовал слабость первоначальных позиций и легко отступил, поскольку во всей этой неприятной истории его волновало лишь непредвиденное осложнение с наследством. Черт с ними, с деньгами, хотя и их жалко, но отказаться от такой дачи было выше его сил. Да и с какой стати? Натолкнувшись на непонятное сопротивление явно недалекого милиционера, которого на всякий случай хотел залучить в союзники, Игорь Александрович утратил всяческий интерес к совершенно бесполезному разговору. — Вам виднее. Моя единственная задача: всемерно содействовать компетентным органам, — заключил он с оттенком дешевой патетики. Все-таки беседа оказалась не столь уж бесплодной. Вопрос о даче мог разрешиться только после завершения следственной волокиты. Это Берсенев усвоил намертво. «Что ж, нет худа без добра, — улыбнулся он про себя. — Больше времени останется для маневра». Дача с участком в четверть гектара, да еще на берегу озера, «стоила обедни».

— Я очень ценю ваше содействие, — поблагодарил Владимир Константинович. — Вы не позволите осмотреть библиотеку, архив?

— Сделайте одолжение. — Берсенев широким жестом обвел просторную комнату с симпатичным эркером, обставленную резной, черного дерева, мебелью. Между застекленными двустворчатыми шкафчиками, стилизованными под готику, чудом уместился письменный стол с бронзовыми принадлежностями и легкомысленный ампирный секретерчик. На нем стояла чашка с пыльными невыразительными камешками, поддерживавшими засушенный пучок пахучей травы. Раньше эта безыскусная икебана едва бы могла привлечь внимание Люсина, но теперь он первым делом замечал цветы, даже такие непритязательные.

— Что это?

— Тимьян вроде, а может, чабер... Не помню точно. Жена для отца везла из Монсегюрской крепости вместе с каменьями.

— Она была в Монсегюре? — уважительно удивился Владимир Константинович. Судьба вновь возвращала его на пройденные пути... Святыни альбигойцев, ларец с задумчивыми грифонами по бокам, летние ночи, сгоравшие в жарких спорах с Юриком Березовским... Господи, они и не знали тогда, что это была их неповторимая молодость!

— Мы вместе совершили это небольшое путешествие, — объяснил Берсенев. — Очаровательные городки попадаются в Пиренеях. Кроме телевизионных антенн и электричества, никаких примет века. Сумели как-то законсервироваться... Наш-то обожал старину! Хлебом не корми. Особенно с чертовщинкой. Жена для него еще клубни какие-то откопала мерзейшего вида и запаха, но я их тишком повыбрасывал. Чего уж теперь...

— А я вот не был в Монсегюре, — непроизвольно пожаловался Люсин. — И никогда его не увижу.

— Не жалейте — ровным счетом ничего интересного. Крутая гора — семь потов сойдет, пока заберешься, — а на ней развалившаяся стена. Только и всего. Никакого впечатления. Моя Людмила Георгиевна чуть ночевать там не осталась. Спасибо, альпинисты какие-то выручили. Нормальному человеку туда без веревок и крючьев разных и не взобраться. И зачем, главное? Ни музея, ни ресторанчика, даже киоска с проспектами не догадались выстроить... Снаряжение у этих ребят, надо отдать справедливость, первоклассное. Спустили мою благоверную, словно ангелочка какого-нибудь.

— Альпинисты?

— Ну да!.. Или, может, спелеологи?

— Не немцы случайно?

— Немцы! — Берсенев удивленно заморгал. — Вы-то откуда знаете?

— Так, понимаете ли, умозаключение. — Люсин задумчиво склонил голову к плечу. — Наслышан кое о чем. Будьте уверены: никакие это не спелеологи и не альпинисты. Охотники за катарскими сокровищами, авантюристы. Если, конечно, не хуже.

— Думаете, бандиты? — Игорь Александрович озабоченно насторожился. — Террористы?

— Это еще не самое страшное. Ваши спасители могли оказаться эсэсовскими последышами, нацистами. У них давняя страсть к альбигойским пещерам.

— Что вы говорите! — Берсенев всплеснул руками. — А у Люды чутье! Она сразу выдала себя при знакомстве за финку. — Он был явно напуган, заново переживая случившееся. — Могла выйти история...

— Ведь это только предположение. Наверное, туда приезжают и вполне порядочные люди, действительно спортсмены... Приятно

пахнет! — Люсин вдохнул исходившую от крохотного букетика благоуханную волну. — Даже легонько голова покруживается.

— Это, наверное, отсюда. — Берсенев отомкнул один из шкафов, в котором хранились уложенные плашмя длинные и плоские ящики. — Гербарий.

— Вот оно что! — Люсин сразу узнал преследовавший его с некоторых пор непередаваемый запах, навевавший чары старинных аптек, лечебных дацанов и знахарских бань. — Лекарственные травы...

— Он сам собирал! Еще в пятидесятых годах... И ведь до сих пор благорастворяются. Чувствуете, какое амбре?

— Лишнее доказательство, что высушенные растения с каждым днем теряют свои силы. — Люсин мысленно перенесся на темный чердак, где бабка Аглая сушила свои сборы. Под всеобъемлющей властью запаха сжалось сердце. — Приходится ждать новой луны, обновлять запасы. Кропотливый, незамечаемый труд без надежды на благодарность. Сколько их, травознаев, сожгли на огне, забили оглоблями, но не умерла древняя мудрость. Дождалась своего часа. — Он, благодарно погладив полированную фанеру, выдвинул самый верхний ящик.

На листе рисовой японской бумаги, испещренной декоративными жилками, был укреплен оранжевый венчик с зеленым стеблем, листьями и волокнами корневища. Рядом чернели зрелые семена.

«Adonis vernalis», — ясно читалась тонкая каллиграфия. Жарцвет.

Справившись с описью, приклеенной на обратной стороне дверцы, Люсин скоро догадался, что гербарий составляли исключительно зелейные, в основном чародейные травы. И здесь Солитов оставался верен себе. Невольно хотелось склонить голову перед его целеустремленностью и незыблемой верой.

На нижней полке стояли пухлые папки с характерными надписями на корешках: «Эликсир Розенкрейца», «Чай Сен-Жермена», «Средство Макропулоса»...

Теперь Владимир Константинович понимал, с чем имеет дело. Вооруженный обрывками знаний, почерпнутых у Бариновича, он смело вытащил досье на откровенно алхимический «Золотой раствор». Это была самая тонкая из папок. Никелированная дужка скоросшивателя скрепляла лишь несколько наклеенных на картон фотографий, запечатлевших совершенно неведомые округлые письмена.

Люсин бережно вернул папку на место и принялся переписывать этикетки в блокнот. Дойдя до уже встречавшейся ему «Мази ведьм», он не сдержал любопытства. На сей раз досье оказалось куда более представительным. Помимо разноязычных фотокопий, в нем были машинописные страницы, вырезки из газет и журналов. Даже Булгаков, Шарль де Костер не прошли мимо бдительного ока Георгия Мартыновича. Со свойственной ему пунктуальностью соответствующие выдержки были аккуратно подколоты и снабжены обстоятельными комментариями. Из них Люсин узнал, в частности, что его любимый Костер с юношеских лет собирал древние фламан-

дские легенды, и в таком, осторожно говоря, специфическом вопросе, как полет на шабаш, считается крупным авторитетом. Именно на него ссылался американский профессор, по всему видно, отчаянный знаток черной магии, доказывая, что ручка «настоящей» летучей метлы изготовлялась именно из березы. Соответствующая статья была напечатана в еженедельнике «Новая метла»[1] и датирована 1984 годом.

Венцом беспрецедентного собрания самой дремучей ереси явилась итоговая записка, где Георгий Мартынович предпринял попытку заново воссоздать утраченный, а возможно, и вовсе никогда не существовавший рецепт. Чего только не было в этой леденящей кровь прописи! Змеиный жир и нутряное сало енотов, красавка и белена, дурман, аконит и жабья слизь. Не обошлось, конечно, без цветов кувшинки и корней мандрагоры.

Однако интереснее всего был конечный вывод исследователя.

«Гансик сказал правду, — писал Солитов своим бесподобным почерком, ссылаясь на «Тиля Уленшпигеля». — Снадобье, которым он снабдил Катлину, обладало ярко выраженной анестезией и оказывало мощное галлюцинаторное воздействие. Несчастным женщинам только казалось, что они летали на сатанинский бал, где предавались омерзительным танцам с дьяволами и варили в котлах младенцев. Но прав и Булгаков! Мазь, которую поднес Маргарите Николаевне Азазелло, действительно должна была легко всасываться, холодить кожу и отдавать болотной тиной».

Далее шли совершенно непонятные Люсину структурные формулы, где шестиугольные ячейки бензола были опутаны разветвленной паутиной всяческих радикалов.

— А здесь у нас хранятся уникумы! — В голосе Берсенева отчетливо прозвучала гордая радость. — Латинские, греческие, арабские, древнееврейские и даже коптские рукописи. Есть кусочек подлинного египетского папируса из храма Тота в Фивах. Вы даже не представляете себе, сколько все это может стоить! Там у них на ежегодных аукционах за какой-то клочок пергамента платят фантастические суммы!.. Впрочем, я не специалист, — внезапно спохватился он. — Возможно, вся эта макулатура и не имеет особой ценности. Ведь одно дело — личные письма Наполеона или чертеж Леонардо, другое — заумная и заведомо лживая белиберда. Кто на такое польстится?.. Вообще-то у них там большой интерес ко всяческому мракобесию, — добавил он для пущей объективности.

— А где травники? — спросил Люсин, никак не отреагировав на столь очевидные противоречия. — Ятрохимия, Парацельс?

— По-видимому, где-то тут. — Берсенев открыл шкаф, над которым висел гравированный портрет монаха с тонзурой и в сутане. В арке из терниев, где сплетенные колючки перемежались усатыми жучками, ящерицами и тугими бутонами роз, готическим шрифтом значилось: «Albertus Magnus».

---

[1] «New broom». Издается в Оклахоме.

Но Игорь Александрович еще недостаточно свободно ориентировался в уникальном собрании, которое уже почитал своим. В шкафу, над которым простер натруженные костистые длани Альберт Великий, стояли справочники и энциклопедии: Брокгауз и Ефрон, три издания БСЭ, «Британика», «Большой Лярусс» и уникальный словарь Дидро — Даламбера — первый свод мудрости европейской.

Интересовавшие Люсина книги хранились, как вскоре выяснилось, в секретере, ключ от которого пришлось искать в ящиках письменного стола, забитых всевозможными бумагами и канцелярской мелочью.

Бережно перелистывая раскрашенные от руки рисунки растений, Люсин пытался представить себе, как выглядел тот, Пражский травник, которому было предназначено сыграть в жизни Георгия Мартыновича роковую роль. Скорее всего, он мало чем отличался от этих пухлых растрепанных томов, оттиснутых в Варшаве и Дрездене. На одном из них виднелась издательская метка, изображавшая череп с выползающей из темной глазницы змеей. Зловещая виньетка напомнила Владимиру Константиновичу «Песнь о Вещем Олеге». В хаотическом клубке всяческих случайностей и впрямь проблескивали кованые звенья предначертаний.

Кроме зелейных сборников и алхимических раритетов вроде Раймунда Луллия, изданного знаменитым Альдом Мануцием, в секретере лежали и творения современных авторов. Сложенные отдельной стопкой, они ершились множеством закладок. Здесь были работы Лосева, Аверинцева и уже знакомая монография Бариновича. Просмотрев несколько закладок с пометками Солитова, не представлявшими особого интереса, Люсин уже собрался было задвинуть всю кипу на место, как вдруг наткнулся на голубую обложку с романтической каймой «Золотой библиотеки» фантастики и приключений. Сердце радостно встрепенулось до того, как глаза успели схватить название: «Сокровища Марии Медичи». Эту книгу, написанную Березовским по горячим следам дела, которым он, Люсин, продолжал втайне гордиться, не узнать было просто немыслимо. Давным-давно законченное и сданное в архив, оно время от времени продолжало напоминать о себе глухими отголосками и престранного свойства совпадениями. Люсин не остался безучастным к отдаленному зову и все, что значилось на закладках, добросовестно переписал в свой блокнот. В том числе и такие эмоциональные заключения, как «бред!» и «чушь!». Особое негодование почему-то вызвали у Солитова те места, где Березовский пускался в домыслы насчет жезла великого магистра мальтийского ордена.

«Жезл победителя мальтийский хранит содружество ключа...» — сами собой ожили в душе строки. «Неужели Солитов тоже интересовался загадкой ларца?»

— Наверное, это исключительно ценные книги? — как бы вскользь уронил Люсин, перелистав напоследок лечебник из Аугсбурга.

— Не чрезмерно, — покашляв в кулак, осторожно ответил Берсенев.

— Интересно, где Георгию Мартыновичу удалось раскопать подобные редкости? Наверное, он был связан с другими любителями? — Владимир Константинович извлек из маленького ящичка давно запримеченную им записную книжку и, не глядя, словно по рассеянности, перелистал истрепанные, сверху донизу исписанные страницы.

— Ничего не могу вам сказать. Большая часть библиотеки перешла к моему тестю по наследству. Вы разве не знаете, что его отец был знаменитым в свое время врачом?

— Откуда ж мне знать, Игорь Александрович?

— Я-то, грешным делом, полагал, что вам все известно, вся подноготная, так сказать...

— Если бы!.. Он случайно не поддерживал контактов с коллекционерами, может быть, букинистами?

— Понятия не имею... Людмила Георгиевна ужасно переживает. Мне бы не хотелось оставлять ее надолго одну. — Берсенев весьма прозрачно намекнул, что начинает тяготиться расспросами.

— Да-да, конечно, — заторопился Люсин. — С вашего позволения я возьму на какое-то время эту записную книжку?

Глава восемнадцатая

ЧУВСТВО ИСТОРИИ

С Юрой Березовским Люсин виделся теперь довольно редко, хотя перезванивались они почти ежедневно. Просто так, без особой надобности, для успокоения души. Оба были загружены работой, время с каждым годом неслось все быстрее, а суматошная московская жизнь не позволяла задержаться, прислушаться к себе, чтобы решительно поломать уже загодя сложившийся день и выкроить часок-другой для совершенно неделовой встречи.

Мешала, хотя Люсин и не признавался в этом себе, еще и растущая Юркина популярность. Несмотря на то что его упорно обходили литературными премиями и проявляла обидное равнодушие критика, увлеченная перебором одних и тех же имен, он пользовался завидной известностью. В отличие от многих, куда более щедро одаренных наградами и званиями коллег, многократно переиздававших свои сочинения, книги Березовского, исчезавшие с прилавков в считанные минуты, знала вся читающая публика. Это было истинное, заслуженное признание, заработанное упорным трудом. Очень уважаемые и авторитетные люди все чаще отзывались о нем как о писателе-энциклопедисте, подчеркивая всеобъемлющий и вместе с тем легкий для восприятия характер его эрудиции. Юрий и сам не заметил, как оброс кучей обязанностей, вроде бы необременительных, но в сумме своей требующих колоссальных затрат времени. Его включали в состав каких-то комиссий и всяческих советов, он заседал в обществах дружбы с народами разных стран, исправно платил членские взносы в творческие союзы, посещал престижные научные объединения. Прирожденный путешественник, он по-прежнему продолжал колесить по Союзу, отыскивая все новые, удивительно интересные уголки, часто выезжал за рубеж. Его путевые заметки широко печатались в центральных газетах, политических еженедельниках и толстых журналах. Неудивительно поэтому, что телефон Березовского, как правило, откликался частыми гудками. Бывало так, что к нему вообще не удавалось пробиться. Набрав впустую несколько раз номер, Люсин с сожалением опускал трубку, решая переждать часы «пик», но

забывал о своем намерении, отвлеченный другими заботами. Кипя весь день, как в котле, он как-то не замечал своей собственной занятости. А поскольку свободные окошки у обоих выпадали все реже, да к тому же не совпадали по фазе, встретиться было действительно трудновато.

Впрочем, когда есть искреннее желание, легко преодолеваются любые помехи. Теперь же к желанию добавлялась и настоятельная необходимость. Едва познакомившись с уничижительными выпадами Солитова в Юркин адрес, Люсин уже знал, что ему нужно сделать. И хотя едкие замечаньица по поводу мальтийского жезла не имели очевидной связи с делом, которое ему выпало вести, Владимир Константинович нутром чувствовал, что может выплыть неожиданная пожива.

Если не сами обстоятельства, то по крайней мере антураж исчезновения Георгия Мартыновича и в первую голову сама его личность были необычайны. Грести следовало со всех сторон, хватать что ни попадя, авось когда-нибудь пригодится.

Долгожданная встреча состоялась в писательском ресторане, в высоком зале с балкончиками, резными балками, фонарями из разноцветных стекол и узким витражным окном. В том самом, овеянном легендами собрании вольных каменщиков, где ныне стояли вполне заурядные столики.

Последний раз Владимир Константинович был здесь в прошлом году на полукруглой годовщине Юры, когда собралась вся старая гвардия: Володя Шалаев, Генрих Медведев, Миша Холменцов. Потом заявились уже слегка теплые Бонч, Горбунок и неистощимый на выдумки охальник Ромка. У него только что вышла роскошная книга «Камены и нимфы». Счастливый и пьяный, он бродил от стола к столу, чокаясь и рассыпая автографы.

Люсин любил этот напоминавший проходной двор ресторан, в который только по большим праздникам допускался оркестр. Невзирая на скудеющее меню и заметно изменившийся, причем далеко не в лучшую сторону, внешний вид публики, здесь все-таки было уютно. О том же, что Березовского знали все без исключения официантки, и говорить не приходится. А ведь это далеко не последнее дело для тех, кто понимает толк в прелестях быстротекущей жизни.

— Чего будем пить, старичок? — Березовский привычно потер руки. — Может, ее, проклятую, по случаю выходного?

— Я теперь бегом занимаюсь, Юрок! Преимущественно в ночное время.

— Да ведь и я уже далеко не тот, что прежде, а все-таки иногда...

— Брось трепаться, подагрик чертов.

— Ничего ты не понимаешь! — Березовский мигнул полной официантке, которая тотчас же подплыла к их уединенному, накрытому на две персоны столику. — «Дом Периньон 1929 года», конечно, уже не для меня, равно как «Иоганнисбергер» или, допустим, «бормотуха», но уж это мы себе можем позволить... Значит

так, Риточка, огурчики-помидорчики, чего-нибудь из закусочки, ему, — кивнул он на Люсина, — вырезку с грибами, а мне попросите отварить какого-нибудь судачка.

— Есть только карп, Юрий Анатольевич.

— Значит, карпа с картошечкой и ма-аленький графинчик. — Березовский ласковым кивком отпустил ее. — Что и говорить, отец-благодетель. Прежней удали нет и в помине. Но жизнь все равно прекрасна. Я недавно был в тропиках. — Он небрежно бросил салфетку на колени. — Если бы ты знал, сколько соблазнов! На каждом шагу ресторанчики, да какие! Китайские, японские, полинезийские, тайские — умопомрачение! Запеченный в земле поросенок с ананасом и папоротником, пальмовые крабы в листьях, нафаршированные креветками авокадо... Да что говорить!

— Воображаю твои танталовы муки.

— Ничего подобного. Человек ко всему привыкает. Припущенный рис, фрукты, овощи — чего еще надо? Тем более такие фрукты! Рамбутаны, личи, папайя, ежевика размером с яйцо...

— Жить можно.

— Как видишь, живу. Причем без рамбутанов. — Березовский довольно рассмеялся. — На яблоках и морковке... Итак, я слушаю, старичок. — Он внимательно наклонился, не забыв налить по полрюмочки.

— Помнишь наш ларец, Юра?

— Ну ты даешь, парень!

— Да я не в том смысле, — смутился Люсин. — Просто возникло одно обстоятельство, которое, как бы это поточнее сказать, заставляет меня вернуться к этой теме.

— Тогда начни с обстоятельства. — Березовский не замедлил продемонстрировать свое знаменитое исследовательское чутье.

— Эх, тебе бы в нашей системе работать!.. Короче говоря, твоя книжица попалась на глаза одному, прямо скажем, незаурядному человеку. И представляешь, он нашел у тебя массу ошибок, особенно по части исторической реконструкции возможных событий. Может такое быть?

— Почему нет? Ведь что такое историческая реконструкция? Мост над пропастью незнания. Логически вычисленный вариант. Всплывают новые факты, и волей-неволей приходится производить переоценку. Порой весьма радикальную... Кто он, этот твой человек?

— Пропавший без вести химик. Ничего себе формулировочка для мирного времени?

— Химик? — удивился Березовский.

— Да, доктор наук. К тому же великий любитель и знаток всяческой флоры.

— Постой, постой. — Решительно отброшенные Березовским вилка и нож звякнули о тарелку. — Что-то у нас уже было из этой оперы... Ну конечно! — Он радостно воздел руки: — Ковский! Дело с красным алмазом!

— Тут несколько иная ситуация, хотя много общего: дача, домашняя лаборатория, запертая изнутри комната. Я тебе больше скажу. — Люсин доверительно придвинулся к другу. — Они схожи даже в своих увлечениях, в психологической, если можно так выразиться, предрасположенности. Скромные подвижники науки, гениальные провидцы, не умеющие делать карьеру.

— Многообещающее начало.

— То ли еще будет! — интригующе усмехнулся Люсин. — «Мазь ведьм», «Золотой раствор», «Бальзам Амбуаза Паре», «Эликсир Калиостро»... Надеюсь, хватит?

— Не хочешь ли ты предложить мне тему для нового романа?

— Отчего нет? Как знать, быть может, что-нибудь и высветится.

— Тогда рассказывай! И без твоих милицейских штучек. Не заставляй вытягивать из тебя клещами. Если нужна самая страшная клятва, я ее охотно дам. Даже кровью готов подписаться. Ведь, судя по всему, твой несчастный клиент определенно подписал договор с дьяволом. Боюсь, вы не там его ищете. Он, надо полагать, находится в настоящий момент в аду. Играет в кости с другими чернокнижниками.

— Перестань паясничать, — спокойно заметил Люсин, дав приятелю выговориться. Он знал, что тот становится особенно многословным, когда хочет скрыть снедающее его нетерпение, и играл поэтому наверняка. Приманка была проглочена с ходу, вместе с крючком.

— Ну, давай-давай, — с азартом принялся понукать Березовский, — к чему эти длинные предисловия? Не прошло и десяти лет, как Холмс вспомнил, что у него есть Ватсон.

— Тогда тем более можно потерпеть еще десять минут.

— А зачем?

— Хотя бы для того, чтобы дать возможность собраться с мыслями. — Люсин прикинулся обиженным. — И вообще, почему я должен всякий раз приносить тебе славу на тарелочке с пресловутой каемочкой?

— Почему? — весело спросил азартно раскрасневшийся Юрий. — Объясняю по пунктам. Первое: ты не умеешь излагать на бумаге сколько-нибудь связные мысли. Второе: я тебе нужен. Возражения есть?

— Принимаю только второй пункт, причем в качестве первого и единственного, — проворчал Люсин. — А в доказательство своей правоты сам напишу детективную повесть.

— Нет, командир, так дело не пойдет. Ведь всякий труд должен быть соответствующе оплачен.

— Эх, где наша не пропадала! — залихватски крякнул Владимир Константинович. — Будь по-твоему... И знаешь почему?

— Еще бы не знать! Исключительно в силу моих непревзойденных талантов.

— Вот и не угадал, хвастунишка. Просто мне до зарезу хочется услать тебя в одну не совсем обычную командировку. Поедешь?

— Если надо — хоть завтра.

— Тогда слушай и мотай на ус. — Люсин, хитро подмигнув, принялся излагать обстоятельства дела. Начав с описания необыкновенного сада и опуская второстепенные эпизоды, он вскоре дошел до замечаний на закладках.

— Так прямо и было написано? Бред и чушь? — усомнился заметно уязвленный Березовский.

— Из песни слова не выкинешь, — мстительно ухмыльнулся рассказчик.

— И чем мотивировался столь суровый приговор?

— Насколько я мог разобраться, двумя позициями. Во-первых, он считает, что мальтийские, а заодно и альбигойские реликвии могли попасть в Россию самыми различными путями. Нет, он не отрицает твою версию. Более того, даже приводит имена наиболее видных французских аристократов, нашедших приют при дворе Екатерины, а затем Павла. В частности, виконта де Каркассона, зачисленного в Измайловский полк поручиком.

— Какая нам разница, кто именно, спасая голову от гильотины, прихватил с собой ритуальные сокровища? Корнет де Кальве, достославный предок нашей Веры Фабиановны, или твой Каркассон! Историческая логика от этого ничуть не страдает.

— Согласен, Юра, ты только не горячись. — Люсин обстоятельно переложил отменно зажаренное мясо с огненного металлического лоточка к себе на тарелку. — Это, в сущности, мелочь... Ешь свою бледную рыбину, а то остынет. — Проткнув вилкой румяную корочку, пустившую розоватый сок, он поднял недопитую рюмку. — За удачу, Юрок, за новый виток спирали! Я уже заранее радуюсь нашей совместной работе. И не только потому, что без твоей помощи рискую утонуть в исторических топях. Не это главное...

— Понимаю, старик. — Задетый за живое Березовский не притронулся к еде. — Мне тоже чертовски хочется вернуться ко всем этим куртуазно-герметическим играм. Сколько интереснейшего материала осталось еще за бортом!

— В самом деле? — вяло удивился Люсин.

— Ну, так излагай дальше. Чего замолк?

— Чем дальше, тем хуже... Боюсь аппетит тебе испортить.

— А ты не бойся. Мы не слабонервные. — Березовский развалил вилкой анемичную картофелину, лениво стывшую в масляной водице. — Поручика я приму к сведению.

— Дальше действительно начинаются осложнения. Твой оппонент, например, вообще считает, что Павел располагал лишь незначительной частью документов. Основная масса, по его мнению, осела где-то в Чехословакии, то есть в Чехии, Богемии по-тогдашнему.

— Откуда это следует?

— Откуда следует? — Люсин взглянул на друга с лукавой нежностью. Он испытывал почти позабытое чувство счастливой приподнятости, предвкушения праздника, когда нет большей радости, чем

само ожидание. Ему необыкновенно нравились и эта беседа, напрочь вырывавшая из набившей оскомину повседневности, и чинная неторопливость обеда, и то, что Юрка ни капельки не изменился. Остался все тем же нетерпеливым, мгновенно вспыхивающим ребенком, невзирая на грусть умудренности, затаившуюся в глазах. — Такое имя, как Роган, тебе что-нибудь говорит?

— Герцог-кардинал? Который оказался замешанным в скандальном деле об ожерелье? Я исследовал эту версию.

— Имеется в виду другой Роган, родственник. Он бежал от якобинского террора в Австрию и был с распростертыми объятиями принят при дворе императора Священной Римской империи. — Люсин заглянул для верности в блокнот. — Связанный кровными узами почти со всеми правящими династиями Европы, он в любой стране чувствовал себя как дома. Купив поместье где-то в Северной Чехии, этот Роган де Жомини сделал все от него зависящее, чтобы сосредоточить в своих руках фамильные реликвии. Именно ему император поручил вести матрикулы ордена Золотого Руна...

— Здорово! Один — ноль в твою пользу.

— Не в мою, Юра. Мы с тобой в одной команде.

— А этому химику можно верить?

— Дворец Роганов австрийской линии превращен ныне в музей. Его архивы, кстати почти не изученные, сохранились в целости и сохранности.

— Ничего себе. — Березовский виновато шмыгнул носом. — А я-то, кретин, дал волю фантазии...

— Ничего, все еще поправимо. Чехия, чай, не за горами?

— Положим за горами, но дело, конечно, не в том... В свете того, что ты сообщил, тайна альбигойских сокровищ выглядит несколько по-иному. Могут открыться совершенно неожиданные стороны.

— Они уже открылись, Юра. Мой химик, зовут его Георгий Мартынович Солитов, не вижу оснований скрывать, считает, что их вообще никуда не уносили. Они по сей день покоятся где-то в монсегюрских пещерах.

— Не может быть! А наш ларец?

— Мало ли... Я не готов ответить тебе. Мне это вообще не по силам. Я лишь излагаю точку зрения Георгия Мартыновича.

— И это все ты вычитал из его закладок?

— Какое там! Много ли уместится на полосках бумаги? Но твоя книга, которую он обстоятельно прокомментировал, послужила мне своеобразным ключом к его разрозненным записям. До сих пор я был совсем обалделым. Полный мрак! А так хоть стало понятно, о чем идет речь. Появилась какая-то привязка по месту и времени.

— Неужели Совершенные сумели перехитрить крестоносцев? Обвели вокруг пальца такую хитрую и жадную бестию, как Монфор? А после сбили со следа ищеек герцога Ришелье? И еще многих и многих охотников до чужого добра... Ведь семь столетий, старик!

— Тебе лучше знать. Но одно могу сказать точно: кое-кому сокровища по-прежнему не дают спокойно спать. В том числе нацистским последышам. Я верю, что существует историческая справедливость. Потомки палачей не смеют быть наследниками мучеников.

— Задал ты мне задачу, — вздохнул Березовский. — А ведь как стройно получалось: альбигойцы, розенкрейцеры, мальтийские братья и в итоге Павел Первый, православный государь, принявший регалии гроссмейстера католического ордена.

— С Павлом тоже накладка вышла, — вспомнил Люсин. — Не все было так, как ты изобразил. Мне даже роман пришлось заново перечитать.

— Сей подвиг тебе зачтется.

— Нет, правда, Юра, твоя историческая логика оказалась безупречной, в смысле расстановки политических сил. Но в остальном...

— Что в остальном? Договаривай, не стесняйся. Меня уже больше ничем не удивишь.

— Ты только не волнуйся.

— И не думаю волноваться! С чего ты взял?

— Что я, не вижу? Главное, не принимай близко к сердцу. Ведь ничего страшного не произошло. На то и наука, чтобы опровергать самое себя. Птица Феникс, которая не сгорает в огне.

— Не надо мне за науку, как говорили в Одессе. Мне что, роман переписывать? А с фильмом как быть, который снимают?

— Уже начали? — обрадовано заинтересовался Люсин.

— Киносъемочная группа на прошлой неделе в Павловск уехала. Неужели на ходу перестраиваться придется? Сценарий-то утвержден!

— Как-нибудь утрясется, Юрок, не переживай. Кино — искусство особое. Ему на историческую правду, извини, наплевать. Лишь бы интересно вышло. Такого наворочают... Наполеон с Талейраном у тебя фигурируют?

— Нет, вырезали.

— И слава богу! Тогда все в полном порядке. С Наполеоном у тебя неувязочка вышла.

— Какая?

— Небольшая, так себе, пустячок... Насчет интриги по поводу Мальты, чтоб, значит, Россию с Англией перессорить, ты целиком прав, но с гроссмейстерским жезлом слегка дал маху. Не посылал его Бонапарт нашему Павлу, Юра, не посылал. И совсем не по этому поводу встречался посол Колычев с министром Талейраном.

— Только и всего? — Березовский облегченно вздохнул. — На такую выдумку у романиста всегда есть право. Не обязательно изображать только то, что было на самом деле. Не менее достойно попытаться представить себе и то, что вполне могло быть. Тем более что мальтийский жезл действительно существует.

— Весь вопрос где?

— То есть как это где? В Павловском музее! Или у тебя намять отшибло?

— Подделка, — глядя куда-то в сторону, бросил Люсин.

— Не верю! На портрете, где император нарисован в полном мальтийском уборе, точно такой же. Один к одному. У твоего педанта-алхимика больная фантазия.

— Просто он ничего не принимает на веру.

— Неоригинальная позиция.

— Да, если все чохом отрицать. Но Георгий Мартынович первым делом стремился произвести проверку.

— Он что, исследовал жезл в лаборатории, травил кислотой? Или, может, спектры какие снимал?

— Зачем? Достаточно привести ссылку на историческое свидетельство. — Люсин вновь взял в руки блокнот. — «Идея подменить жезл принадлежит Талейрану. Приказав личному ювелиру срочно изготовить копию, он переправил ее на Мальту, где и совершил руками своего агента, входившего в состав капитула, подмену. Таким образом, ничего не подозревающие мальтийцы вручили своему августейшему патрону фальшивку. Подлинник же бесследно исчез».

— Вот это пройдоха! — восхитился Березовский.

— Возможно, он бы сумел прожить и подольше, но чего-то не сладилось. Подвел лекарь с омоложением.

— Неужели он мог довериться шарлатанам? Такой ловкач? Никогда не поверю.

— Мог не мог, а когда приспела пора, стал хвататься за соломинку. Думал самого господа бога перехитрить. Не исключено, что мальтийская афера ему понадобилась именно в связи с этим.

— Не вижу ничего общего. Совершенно разные вещи. Да и по времени не совпадают.

— Я тоже не вижу. — Люсин спрятал блокнот. — Но ведь были у Солитова основания именно так прокомментировать твой текст? Полагаю, что были.

— И это все, что ты хотел мне сказать?

— Больше я ничем не располагаю, Юра... Могу лишь добавить, что прошлой зимой Георгий Мартынович ездил лечиться в Карловы Вары. Обнаружив, что где-то поблизости есть старинная библиотека, принадлежавшая раньше какому-то монастырю, он окончательно забросил лечение и с головой зарылся в алхимические рукописи. Там, говорят, их великое множество. Домой возвратился в совершеннейшем упоении. Очевидно, что-то такое нашел, особенное...

— Уж не склоняешь ли ты меня на поездку в Чехословакию? — с запозданием прозрел Березовский.

— А что? — Люсин притворно зевнул. — Было бы вовсе недурно. Меня ведь не отпустят, Юрок. — В его голосе прозвучала затаенная просьба. — Больше того, на смех поднимут, а то и выгонят

в три шеи. Непосредственно к делу это никак но относится, да и что я могу найти в этих замках и монастырях? Вот ты — это да! Ты все можешь. Историк, писатель — тебе и книги в руки. Поезжай, ей-богу, не пожалеешь!

— Как будто бы это так просто...

— А чего сложного-то? Возьми творческую командировку, а мы со своей стороны тебе поможем. Попросим у чешских товарищей допуск в архивы.

— Со стороны все просто выглядит. На творческие командировки тоже свой план есть.

— Тогда поезжай по приглашению. Тоже можно устроить. А уж оформят тебя, не сомневайся, в два счета. Это я беру на себя.

— И я вновь смогу заниматься альбигойскими тайнами? Роганами, Ришелье, Калиостро? Рыцарскими играми Павла?

— Чем захочешь! Разве не замечательно?

— Тебе-то в этом какой интерес?

— Во-первых, общечеловеческий. Прикоснувшись случайно к самой таинственной загадке истории, хочется, согласись, узнать все до конца... Шутки в сторону, Юра. Если тебе удастся узнать, что именно выискал Георгий Мартынович на полках монастырской библиотеки, я буду бесконечно признателен. Возможно, мне это хоть в чем-то, да поможет. А на нет и суда нет. Наверняка сгодится для твоей очередной книги.

— Изыди, бес-соблазнитель. Обещал преподнести на тарелочке новый роман, а по всему выходит, что придется переделывать старый. Перспективки!

— Значит, отказываешься?

— Разумеется, соглашаюсь! — При мысли о груде неотложнейших дел, которые все-таки придется отставить, Березовскому стало грустно. — М-да, ничего не скажешь, слаб человек! В Праге, я читал, ремонтируют старинный отель, прозванный «Домом Фауста». Погляжу хоть на дыру, через которую лукавый уволок доверчивого студента, прельстившегося на талеры...

Глава девятнадцатая

ЖЕЗЛ ВЕЛИКИХ МАГИСТРОВ

Авентира III

Поход Бонапарта в Египет преследовал несколько целей. Находившийся под властью турецкого султана, Египет был избран в качестве передового форпоста для дальнейшего захвата английских колоний. Новые рынки для товаров французских мануфактур были совсем нелишними. Республика, порядком поиздержавшаяся на победоносных войнах, испытывала острый денежный дефицит. Смешно сказать, но для завоевания Востока Бонапарт получил всего пять дивизий, пятьдесят пять военных кораблей и необходимое количество транспорта для перевозки войск, артиллерии и провианта.

Египетская экспедиция начиналась для него под счастливой звездой. Французской эскадре удалось незаметно выйти из Тулона и, обманув бдительность крейсировавших вдоль всего побережья кораблей контр-адмирала Нельсона, вырваться на открытый простор.

Одна удача ведет за собой другую. Когда стало ясно, что преследования ожидать не приходится, избалованный победами первый консул решился на маленькую авантюру.

— Почему бы по пути в Александрию нам не сделать небольшой крюк и не положить в карман Мальту? — спросил он вице-адмирала Брюэса, почтительно постучавшегося в каюту главнокомандующего.

Брюэс знал, что такая операция наряду с множеством других на всякий случай планировалась в генеральном штабе. Однако к предложению, которое в устах Наполеона было равнозначно приказу, отнесся с осторожностью.

— Боюсь, осада с моря может слишком затянуться, мой генерал, и если подоспеют англичане...

— Не говорите мне про англичан! — Бонапарт нетерпеливо отбросил упавшую на лоб прядь. — Сначала ввяжемся, а там посмотрим по обстоятельствам... Давайте выйдем на воздух.

Привыкшему к походным шатрам полководцу было тесно в адмиральской каюте. Он любил размышлять на ходу. Здесь же нельзя

было сделать ни шагу, чтобы не споткнуться о какой-нибудь пуфик. Прихотливо выгнутые комодики из розового дерева, ковры, фламандские гобелены — к чему эта будуарная роскошь на боевом корабле? Даже читать и то было затруднительно — рассеивалось внимание. Давили низкие золоченые потолки, глаза слепило мелькание света, раздробленного в зеркалах, на бумагах и картах дрожали радужные пятна.

Почтительно посторонившись, Брюэс с прижатой локтем треуголкой поднялся по трапу.

Эскадра шла развернутым строем на всех парусах.

— Горизонт чист, — доложил адмирал, складывая блеснувшую латунью трубу.

Наполеон удовлетворенно кивнул и заложил руку за борт сюртука.

Море было спокойным, словно версальские пруды. Легкий попутный ветер гудел в крыльях флагманского брига бодрящей струной. Всхлипы чаек, кружащих над кильватерной пеной, шелест и всплески взрезаемого форштевнем отвала, сверкание соляной пудры на кнехтах и кабестанах рождали чувство вдохновенного нетерпения.

Брюэс едва поспевал за Наполеоном, который вымерял доски от бизани до грота.

— Мальта — крепкий орешек, — напомнил адмирал, улучив подходящий момент. — Турки крепко обломали на нем клыки.

— Когда это было? — дерзко усмехнулся Наполеон. — Когда это было, я вас спрашиваю, мой друг? Мы создали совершенно новую армию, навязали миру невиданную стратегию боя, и он рушится в обломках и дыме у нас под ногами!

— Понимаю, мой генерал, однако специфика морских сражений...

— Вы правы, — холодно остановил его первый консул. — Перемены не должны ограничиться полевым театром, пора заняться морем. Уверяю вас, что я займусь этим, закончив египетскую кампанию. У меня будут новый военный флот и, конечно, адмиралы, с которыми я найду общий язык.

— Вам достаточно приказать — и я тотчас велю проложить курс на Мальту, — дрогнув подбородком, ответил Брюэс. — Просто я считал своим долгом предостеречь...

— Прекрасно, прекрасно, адмирал, я своевременно оповещу вас о принятом решении.

Наполеон отдавал себе отчет в сопряженных с осадой трудностях. Они усугублялись еще и тем, что штурм мальтийской крепости, если до этого дойдет, должен осуществиться малыми силами и с минимальным для французов уроном, иначе под угрозой окажется главное — предстоящий поход. Кроме всего, вознесенный революцией артиллерийский капитан помнил о преподанном туркам уроке и прочих победах мальтийского рыцарского флота.

Но, вопреки пересудам иных недальновидных современников, Мальта отнюдь не явилась для него случайной прихотью, минутным

капризом. Рыцари держали в руках ключи ко всем средиземноморским коммуникациям. В случае успешного овладения североафриканским плацдармом, Мальтийские острова могли стать одним из главных оплотов будущей мировой империи. Наконец, никак нельзя было сбросить со счетов и чисто политические факторы.

Феодальные реликты, в виде суверенного военно-монашеского ордена, бросали вызов новому миропорядку, который устанавливался повсюду под грохот орудий и свист пуль. Римскому папе, коий уже был напуган до смерти, следовало и вовсе обрубить когтистую лапу. Религия не должна вмешиваться в политику, тем более такими активными средствами, как армия и флот. Как говорится, богу богово, а кесарю кесарево.

Существовал и еще один аспект, притом крайне серьезный. Зная об интересе, проявленном русским императором к мальтийским делам, и предпринятых в этой связи дипломатических акциях, Наполеон лелеял надежду разбить англо-русский комплот.

Для успешного проведения в жизнь намеченного им и Талейраном порядка действий требовалось перво-наперво заполучить Мальту. Этого было вполне достаточно, чтобы дать крюк в несколько сотен морских миль. Только Нельсон мог разрушить далекоидущие и тесно увязанные друг с другом планы первого консула. По счастью, он проглядел проскочившие в утреннем тумане парусники.

Получив соответствующее указание, Брюэс дал капитану «Орьяна» новый курс и распорядился просигналить на другие суда.

Тринадцать линейных кораблей и четыре фрегата послушно уклонились к западу. Остальные продолжали держаться прежнего румба.

Располагая небольшим войском, Наполеон не мог, конечно, не думать о поражении, которое потерпела куда более крупная армия блистательной Порты. Но недаром в ответ на напоминание он коротко бросил: «Когда это было?» Ветры грядущего века бились в складках трехцветных знамен, а мальтийский крест уже давно принадлежал истории. Его место было среди музейного хлама.

И в самом деле, семь столетий — слишком долгий срок, чтобы не состариться, не проржаветь, не превратиться в окаменевший реликт.

Когда на святую землю, отвоеванную у неверных, хлынул поток паломников, завоеватели столкнулись с трудной задачей. Истощенные, шатающиеся от усталости и болезней пилигримы сотнями умирали в преддверии святынь, которые грезились им на тернистом пути в Палестину. Чтобы как-то облегчить участь страждущих, несколько французских рыцарей основали странноприимный дом. Так было положено начало религиозной конгрегации, члены которой обязались посвятить себя уходу за бедными и больными и дали обет бедности и воздержания. Одевшись в темное грубошерстное платье и поддерживая дух в теле лишь хлебом и водой, они разо-

слали по всему христианскому миру сборщиков милостыни, которую складывали в приюте для больных. Единственным их отличием был белый крест, завещанный братьям основателем ордена — рыцарем по имени Герард. По крайней мере, об этом рассказывает легенда «Странноприимного дома иерусалимского госпиталя», или госпиталя святого Иоанна. О больнице, дававшей одновременный приют двум тысячам занедуживших искателей благодати, шла молва по всему Востоку. Рассказывают, что ее тайно, переодевшись нищим, навестил сам султан Саладин, чтобы своими глазами увидеть этот дворец милосердия.

Подобное идиллическое существование продолжалось, по-видимому, недолго, потому что госпитальеры вернулись к рыцарским забавам, а за больными стали ходить специально нанятые послушники. Прежний аскетический наряд был заменен черным костюмом сеньора и красным плащом. Провизор — наставник общины — стал именоваться магистром, а затем и великим магистром. При магистре Раймунде де Пюи основанный французскими рыцарями орден стал «вселенским», как сама церковь, разделенным на восемь (универсальное число направлений пространства) «языков», представлявших главные государства феодальной Европы.

Название госпитальеров святого Иоанна рыцари, однако, сохранили, равно как и черную мантию с вышитым белым шелком восьмиконечным крестом — символом целомудрия и восьми рыцарских добродетелей. Орденская печать изображала больного на ложе с таким же крестом в головах и светильником в ногах. «Бедные — вот наши единственные господа, — уверяли госпитальеры. — Помощь бедным — вот наша единственная забота». Это ничуть не мешало ордену, быстро обретшему военный характер, совершать кровопролитные набеги на мусульман и враждовать с другими крестоносцами. За внешним смирением таилась гордыня. Стать госпитальером мог лишь рыцарь самого благородного происхождения, в крайнем случае побочный сын владетельного князя. Вступая в обитель, новый посвященный вносил в орденскую казну две тысячи турских су. Во всех завоеванных крестоносцами землях госпитальерам предоставлялось преимущественное право строить замки и укрепленные дома за городскими стенами. Они воздвигали свои форпосты в Антиохии и Триполи, возле Тивериадского озера и на границах с Египтом. Один только Маркибский замок вмещал тысячный гарнизон, а припасы были заготовлены на пять лет непрерывной осады. Замок включал в себя не только церковь и жилища ремесленников-оружейников, но и целую деревню с пашнями и садами. Орден скопил несметные богатства, и не было в Европе такого герцогства или графства, где бы не нашлось имения, принадлежавшего иоаннитам. В тринадцатом веке в их владении было почти двадцать тысяч рыцарских вотчин. До сих пор на карте Франции можно найти массу деревень с названием Сен-Жан. Все это бывшие приорства и командорства. Ничего не осталось, а имя живет.

Когда были потеряны последние надежды удержать святую землю, рыцари переселились на Кипр, где создали сильное централизованное государство с лучшим по тем временам флотом. Не прошло, однако, и двадцати лет, как оно, по причине внутренних распрей, распалось, и госпитальеры вынуждены были переселиться на остров Родос, после чего их стали называть родосскими братьями. Турки, ставшие в пятнадцатом столетии властителями Средиземноморья, атаковали остров, и вновь рыцари, оставшись без крова, отправились по миру в поисках приюта. Они побывали на Крите, попробовали бросить якорь в Мессине, Втербо, пока наконец не осели на Мальте. Получив из рук императора Карла Пятого Мальту вместе с прилегающими островками Гоцо и Комино, братство трансформировалось в мальтийский орден святого Иоанна Иерусалимского.

Оно по-прежнему оставалось своего рода духовно-рыцарским суверенным государством во главе с гроссмейстером, которого титуловали «ваше преимущественное величество», но стали иными цели и политические амбиции. О призрении страждущих, о гробе господнем не было больше речи. Рыцари, объявив себя форпостом христианства против Турецкой империи, обязались защищать Средиземное море от султана и корсаров Магриба. Сражались они самоотверженно, оказав бесценные услуги и Карлу, и Филиппу Второму. Орден достиг апогея славы, победоносно выдержав четырехмесячную осаду турков и заставив уйти восвояси их многочисленный флот. Рыцарским гарнизоном в десять тысяч человек командовал гроссмейстер Жан-Паризо де Ла-Валетта, чье имя было присвоено затем столице островного государства. Как это часто случается, высший взлет явился началом падения. Железная дисциплина ослабла, вспыхнули межнациональные распри, рыцари, погрязнув в пороках, начали обогащаться за счет местного населения. На фоне всеобщего разложения, коррупции и упадка проявилась полнейшая неспособность гроссмейстеров справиться с положением. «Преимущественные величества» теряли реальную власть, чем ловко воспользовались иезуиты и святейшая инквизиция.

По мере ослабления Порты деятельность ордена приобретала более мирный, можно сказать, «цивильный» характер. Восстание задавленного рыцарством местного населения — потомков арабов и финикийцев — вынудило великого магистра принца Рогана провести хотя бы минимальные реформы. Были сделаны попытки реорганизовать государственное управление, судопроизводство, наладить экономику, что, в свою очередь, побудило шире взглянуть на окружающий мир и попытаться найти поддержку.

Естественным союзником мальтийских воителей оказалась Россия...

Возведенные еще Ла-Валетта укрепления хорошо были видны с моря. Весь город, построенный из белого, чуть теплого в утренних лучах камня, вырисовывался с поразительной четкостью. Окружен-

ный стеной с округлыми выступами фортов, он был защищен по всем правилам инженерного искусства и господствовал сразу над двумя бухтами. Но по другую сторону стен его военный характер никак не ощущался. Домики из ракушечника, что так тесно лепились друг к другу, дышали мудрым покоем. Сменялись поколения, а кров оставался неизменным и вечным, как имя рода. Улицами здесь были лестницы, круто сбегавшие к морю. Глухие стены обвивали старые лозы, и низки рыбы сушились под каждым окном, неуловимо напоминая Корсику.

Не отрываясь от трубы, Бонапарт долго рассматривал монументальный дворец великих магистров, затем, скользя по черепичным крышам, эркерам и балкончикам, нацелился на сверкающий купол кафедрального собора Сен-Жан. Такого великолепия не знала его нищая, прозябающая в полудиком оцепенении родина. Спроектированный Франческо Лапарелли, учеником гениального Микеланджело, город наполнял душу щемящей грустью, очаровывал. Многочисленные мраморные распятия, обрамленные подковами колоннад, делали его похожим на некрополь. Очевидно, это как-то отвечало суровому, аскетическому духу ордена.

Рыцари в багряных одеяниях стояли на стенах с оружием в руках.

— Жаль портить такую красоту, — сказал первый консул, хлестнув по колену перчаткой. — Предупредительный залп!

Унизанный тремя ярусами орудийных жерл борт заволокло дымом. Стоявшие на стенах увидели белые облачка разрывов. Затем докатился дробный, лающий грохот.

— Иисус-Мария! — перекрестился бальи Турин-Фризари. — Неужели они собираются нас атаковать?

— Почему бы нет? — стараясь быть спокойным, пожал плечами богатый адвокат Мускат, как и все, облаченный в боевой огненный плащ с белоснежным крестом. — Разве вы не видите, что это французы? Они уже захапали пол-Европы и не остановятся, пока не проглотят весь мир. Как думаете, мы сумеем защититься?

Великий магистр Гомпеш, наблюдавший за действиями неприятельской эскадры с дворцового балкона, молитвенно возвел очи. Менее всего он был готов к войне. Дерзкий рейд застал его, а вместе с ним и весь капитул совершенно врасплох.

— Нам следует как-то ответить, бальи Феррата? — Он с робостью взглянул на стоявшего рядом флотоводца.

— Весь вопрос — как, ваше преимущественное величество. Пока мы сумеем мобилизоваться для отражения атаки, здесь не останется камня на камне. Вы только посмотрите, сколько пушек! Да нас разнесут на мелкие части!

— И все же артиллерия должна прореагировать. — Гомпеш чувствовал устремленные на него взгляды.

— Но только холостыми, заклинаю вас, только холостыми! — взмолился Феррата. — Ведь они тоже пока воздерживаются от бомб.

По знаку Гомпеша форты рявкнули нестройным залпом.

— Шрапнелью, — приказал Наполеон, — и тремя снарядами по дворцу.

Комендоры кинулись забивать заряды. Тугая волна от разорвавшихся на дворцовой площади ядер ударила в окна. Посыпались стекла, хрустальные подвески с люстр, куски расписной штукатурки. Залы наполнились едкой гарью.

Феррата поспешно увел великого магистра во внутренние покои. Пока Гомпеш прочищал горло и тер глаза, следующим залпом, продырявившим крышу испанского дворца «Кастилья и Леон», разворотило фонтан Нептуна.

— Нет, это невозможно, — слабым голосом пожаловался великий магистр. — Заставьте их прекратить эту варварскую бомбардировку.

— Каким способом? — развел руками Феррата. — Наши ответные меры лишь распалили их ярость. Я не удивлюсь, если они расколошматят Сен-Жан!

— О! — Гомпеш схватился за сердце и опустился на кушетку.

— Вы изволили что-то сказать? — чутко подставил ухо Феррата.

Но великий магистр лишь слабо пошевелил пальцами.

— Необходимо созвать капитул. — По-своему понял его бальи и срочно куда-то заторопился.

Поскольку крепость больше не отвечала на огонь, Наполеон приказал войти в гавань. Пока суда совершали сложные маневры, в зале, украшенном поясным портретом великого магистра Дель-Монте, собрался капитул. Всего пять человек: бальи Турин-Фризари, бальи Феррата, командор Буаредон де Ненсус, адвокат Мускат и советник Бонаньи. В последнюю минуту подошел рыцарь Филиппе Амата, испанский агент при ордене.

— Где великий магистр? — спросил он, удивленно оглядывая пустующие кресла по обе стороны длинного, покрытого красно-белой геральдической скатертью стола.

— Ему нездоровится, — поспешно ответил Феррата. — Пострадал при обстреле... Однако не будем терять времени. Его у нас просто-напросто нет. Кто пришел, тот пришел, и слава богу... Бальи Турин-Фризари, благоволите открыть собрание.

За всю семивековую историю ордена это была самая короткая встреча. Капитул достиг единогласия еще до того, как французские корабли вошли в бухту, защищенную волнорезом из каменных валунов.

— Они капитулировали, Брюэс, — удовлетворенно кивнул Наполеон, когда алое полотнище на крепостном флагштоке медленно поползло вниз.

Катер первого консула и следующий за ним адмиральский направились к главному причалу. Гавань и лестница, ведущая к гроссмейстерскому дворцу, были оцеплены стражей. За плащами и

широкополыми шляпами рыцарей толпились горожане и местные рыбаки. Над ковром, где должна была состояться встреча сторон, спешно натягивали шелковый тент.

В лазурной, пронизанной танцующими лучами воде лениво покачивались похожие на гондолы лодки. Их длинные задранные кверху носы пробуждали смутную память о неведомых людях моря, канувших в вечную бездну. Под размеренные взмахи гребцов приближалась набережная, охваченная нагромождением стен и башен. Вознесенные над крышами колокольни с крестами, фигуры святых в узких нишах, врезанных в скошенные углы, и лестницы, лестницы, зажатые с обеих сторон фасадами. Выщербленные, стертые до блеска ступени знали ловких кормщиков Карфагена и тяжелую поступь римских солдат. Здесь побывали вестготы, нубийцы, арабы. За три тысячи лет до Христа курился жертвенный дым над циклопическими блоками Ходжар Квима. И вот теперь мистический остров, грезящий об удивительных временах Атлантиды, покорно распростерся у ног грядущего властителя мира.

Это была сладостная минута, прелюдия к Александрии, интродукция к симфонической мистерии пирамид. Бонапарт принял осыпанную бриллиантами шпагу и тут же любезно возвратил ее грузному усачу Турин-Фризари. Гомпеш в сдаче острова не участвовал. Пытался, насколько возможно, сохранить лицо. Да разве сохранишь? Великие магистры не сдаются. Великие магистры умирают и спят в свинцовых гробах под резными плитами Сен-Жана, не ведая, что сапоги чужеземцев топчут их овеянные славой гербы.

В беседе с Гомпешом Наполеон проявил себя на редкость покладистым человеком. Пообещав подобрать какое-нибудь герцогство в Германии с доходом не менее шестисот тысяч ливров, он от имени Директории гарантировал великому магистру сохранение за ним всех орденских отличий и привилегий. Не поскупился первый консул и на словесные заверения в адрес прочих высокопоставленных рыцарей. Как показали последующие события, все это были пустые обещания.

Едва Наполеон отбыл к себе на корабль, дабы продолжить поход в страну фараонов, Гомпешу подсказали, что в нынешних обстоятельствах его дальнейшее пребывание на Мальте не слишком желательно.

Великий магистр перебрался в Триест, поближе к обещанному герцогству. Посоветовавшись с достойными доверия людьми, он пришел к заключению, что корона светского государя ему, пожалуй, не светит, и спешно собрался в Рим отстаивать свое «преимущественное величество».

Только у папы были на этот счет другие идеи. На зеленом столе дипломатии делались миллионные ставки на дальнейшее вовлечение России в мальтийскую канитель. Поэтому его святейшество не только не признал за Гомпешом права на гроссмейстер-

ский жезл, но даже видеть не пожелал оскандалившегося «героя». Римскому первосвященнику, а еще пуще Наполеону позарез был нужен вакантный престол. Подготовка к низложению Гомпеша шла, таким образом, полным ходом. Заодно предполагалось разжаловать и членов капитула, виновных в сдаче острова без боя. Последним обстоятельством больше всего возмущались во Франции, где, казалось бы, должны были приветствовать бескровное разрешение операции. Однако наиболее рьяными ревнителями рыцарской чести выказали себя байли и командоры российских приорств, сплошь тайные иезуиты. В Петербурге распространялись петиции о лишении рыцарского достоинства всех без исключения членов ордена, которые находились на Мальте в черный для нее день.

Гомпеш остался в Риме как частное лицо, предавшись одиноким воспоминаниям о былом величии. Единственной его отрадой стала Чекина, пышнотелая вдова сборщика податей. Устроившись при опальном магистре на роль домоправительницы, она помыкала им, как хотела. Но все ж ей льстила послушливая привязанность всегда печального господина. В угоду ему она даже заучила несколько мальтийских слов. Для итальянки это было, право, нетрудно. Но ни с чем не сообразное «пожалуйста» оказалось выше ее сил.

Пока вопрос о наследнике Гомпеша оставался в подвешенном состоянии, события на Мальте шли своим чередом. За генералами последовали обходительные сюринтенданты, и началось повальное ограбление острова. Матросы с флагмана «Орьян» и фрегата «Артемис» с утра до вечера перетаскивали в трюмы набитые золотом бочки и погребцы. Вместе с монетой, отчеканенной еще во времена крестовых походов, в корабельные трюмы перекочевали украшенные античными геммами вазы, тяжеловесные кубки, парадные уборы неведомых восточных царей.

Подвалы мальтийского казначейства опустели на добрую половину. Ретивые эмиссары Директории могли бы вынести все подчистую, да только не в интересах Наполеона было подорвать орден, что называется, на корню. Феодальный реликт был необходим первому консулу как ставка в азартной партии, где он надеялся сорвать крупный политический куш. Только по этой причине не подверглись расхищению реликвии, хранившиеся в подземельях Сен-Жана. Единственным исключением явился золотой, богато инкрустированный скипетр, который по собственному почину прихватил морской лейтенант. Так благодаря самой чистой воды уголовщине чуть было не пресеклась линия великих магистров боевого мальтийского ордена, потому что без передачи венца и скипетра, причем с глазу на глаз, интронизация преемника не могла считаться законной.

Вместе с прочими бесценными диковинами из тамплиерского наследства мальтийский жезл очутился на красавице «Артемис», названной в честь мстительной богини-девственницы.

Впереди была высадка в заливе Марабу, вступление в Александрию, а затем Абукир, где Нельсон взял долгожданный реванш, отправив на дно почти все наполеоновские корабли.

Без флота колониальная экспедиция была обречена на провал.

Чумные пески, схоронившие крестоносцев, ждали италийских ветеранов. Говорили старые шейхи, прислушиваясь к заунывному стону пустыни: «Это песок кличет ветер, ветер призывает бурю, буря несет смерть».

Глава двадцатая

БОБЫ ПРАВОСУДИЯ

В засаленной, распадающейся на отдельные листки записной книжке, скрепленной для верности аптечной резинкой, Люсин насчитал шестнадцать Петров. Первый в его списке стоял Петр Александрович Берсенев, судя по всему, брат Игоря Александровича, последний — Петя Чадрис. Единственный, кто так прямо и значился: Петя. Рядом с именем было записано два телефонных номера.

Для чопорного, даже наедине с собой, Георгия Мартыновича подобное амикошонство казалось настолько несообразным, что Люсин и не подумал усомниться в точности попадания. По всему выходило, что удалось выйти на того самого книжника Петю — не удостоенного отчества спекулянта и выжигу, с кем вынужден был поддерживать отношения профессор Солитов. Ничего не поделаешь, коли для дела необходимо. Здесь выбирать не приходится.

Мысленно поздравив себя с выходом на цель, причем с первого же захода, Владимир Константинович позвонил в справочную. И тут всем его далеко идущим надеждам пришел бесславный конец. Петр Григорьевич Чадрис оказался не только человеком довольно-таки пожилым, но и весьма заслуженным. Доктор медицинских наук, профессор, автор великого множества печатных работ, он вот уже сорок лет заведовал отделением природотерапии в Институте курортологии. На крайний случай он мог быть лишь овцой, которую стриг книжник Петя, но никак не им самим.

И все же после недолгого размышления Люсин решил нанести ему короткий визит. Пренебречь единственным уменьшительным именем во всей записной книжке было бы попросту глупо. Теперь оно расшифровывалось почти однозначно: старый друг, возможно, даже друг детства, самый-самый. Побеседовать с ним по душам, безусловно, стоило.

Чадрис, которому Владимир Константинович позвонил на работу, о случившемся уже знал и сразу же согласился на встречу.

Институт, высоко приподнятый над улицей на массивном гранитном цоколе, поразил Люсина своей демократичной доступностью.

Больные, большей частью страдающие ожирением, беспрепятственно слонялись вокруг дома, ловя лучи остывающего осеннего солнца. Свободно, без всяких пропусков и паролей, входили и выходили торопливые посетители — многие, очевидно, лечились амбулаторно, и даже перед окошком регистратуры практически не было очереди.

Обойдя просторный сумрачный вестибюль, где изрядно попахивало парным скипидарным духом и грязями, Люсин нашел нужную лестницу и, не став дожидаться лифта, взбежал на третий этаж.

Петр Григорьевич оказался румяным жизнерадостным бодрячком, исключительно доброжелательным и не по годам энергичным. К потере друга он отнесся с мудрой сдержанностью медика, давно примирившегося с неизбежностью вселенского уничтожения.

— Жаль, — едва поздоровавшись с Люсиным, он покорно развел руками. — Это был великий ум! У него в запасе оставалось еще семь-восемь лет неплохой жизни. Невосполнимая потеря для науки.

— Разве нам дано знать, сколько отпущено судьбой?

— Судьбой? — Чадрис снисходительно рассмеялся. — Не понимаю, о чем вы. Есть генотип, опирающийся на заложенную в клетках программу, и весь комплекс недугов, унаследованных, а также благоприобретенных в силу случайных причин. То, что вы называете судьбой, на самом деле является лишь грамотно составленной медицинской картой. За полвека как-нибудь можно научиться ее читать.

— И так вы можете сказать о любом? — с недоверчивым интересом спросил Люсин. — О ком угодно?

— С большей или меньшей степенью вероятности.

— Обо мне, например? Сколько я еще проживу? — полушутя-полусерьезно осведомился Владимир Константинович.

— Что я, оракул? Или господь бог? Я бы сказал, если бы изучил вас так же хорошо, как и Юру: вашу психику, организм, биохимию... Впрочем, нет. Я бы вам ничего не сказал. Человеку незачем знать все до конца. В незнании, как и в иллюзиях, есть известная охранительная функция. Я уж не говорю о том, что могу ошибиться. Мы еще очень неглубоко проникли в тайную мудрость человеческого естества.

— Невольно радуешься такому незнанию. — Люсин вздохнул. — Что-то ждет нас всех впереди...

«Юра, — подумал он с невольной печалью. — Для него Георгий Мартынович был просто Юрой... Как для меня Березовский. Они беседовали за стаканом чая о смысле и сущности жизни, обменивались сокровенными мыслями, и Юра любил Петю, и Петя любил Юру, что ничуть не мешало ему рассматривать кости друга на рентгеновском снимке, колдовать над формулой его крови, знать каждый камешек в почках и желчном пузыре.

Вроде бы все нормально, а на поверку дико, непостижимо. Знать почти до года, что исчислены сроки, какие бы они ни были, и не думать об этом за шахматами, или, скажем, в сауне, вдыхая смоляной жар. Все же удивительное создание человек!»

— Скажите, Петр Григорьевич, как смотрит врач вашего класса на самого себя? — непроизвольно отвлекаясь от главной цели, спросил Люсин.

— Интересный вопрос! — оценил Чадрис. — Думаю, что никак. Нельзя в один и тот же момент сочетать в мозгу опыт врача и доверчивость пациента. Пациент обычно побеждает. «Если лекарь заболеет, он зовет к себе другого».

— Вы лечили Георгия Мартыновича?

— Я наблюдал его... Да, скажем так. И помогал ему лечиться у других.

— Короче говоря, давали компетентные советы?

— Не только. Время от времени он принимал у нас оздоровительные процедуры: йодобромные ванны, бассейн с морской водой, специальный массаж. Должен сказать, что это не только было ему показано, но и в значительной мере отвечало его научным представлениям и, не побоюсь сказать, душевному складу. Он был решительным противником синтетических препаратов. Только физиотерапия и, само собой, травы. Как же он в них разбирался! Здесь наши роли менялись. Здесь уже он становился для меня наставником и терапевтом.

— А как вы с точки зрения современной медицины расцениваете такой подход? Переориентировку на траволечение, отказ от чистой химии и прочее?

— Исключительно положительно! Наш институт, должен отметить, традиционно делает упор на лечебное воздействие естественными факторами: движением, активными средствами природной среды, в частности минеральными водами, даже ландшафтом, оказывающим необыкновенно целительное влияние на весь организм. Это не означает, конечно, что мы полностью отвергаем медикаментозную терапию или хирургическое вмешательство. Ни в коей мере! Однако относимся с осторожностью, как к крайним средствам.

— Парацельс считал, что в природе припасено все, что нужно для исцеления, — Люсин пустил в ход излюбленный козырь.

— К сожалению, мы все дальше отрываемся от естественной среды обитания, не будучи подготовленными к этому эволюционно, — согласно кивнул Чадрис и, как опытный лектор, поспешил пояснить: — Успешно осваивая прежде совершенно необитаемые области, например космос, мы вовсе не перестаем быть той самой прямоходящей обезьяной, которой вздумалось сойти с дерева. В эволюционном смысле, разумеется... Ускоренные темпы и ритмы современной жизни не соответствуют биологическим реакциям, развитым в процессе длительного совершенствования. От этого никуда не денешься. Врачи всего мира с особым интересом исследуют так называемую предболезнь — период, предшествующий появлению клинических признаков. А ведь еще древнеримский врач Гален говорил о переходной стадии между здоровьем и недугом. Великий Авиценна разделял состояния организма на целых шесть

градаций: здоровье до предела; здоровье, но не до предела; не здоровое и не больное; хорошо и быстро воспринимающее здоровье; больное легко и, наконец, больное уже до предела. Знаменательно, что наука последних лет получает все больше подтверждений прозорливости гениального мыслителя. Врачу думать следует, а не заниматься писаниной... Однако я совсем заболтался! Почему вы меня ни о чем не спрашиваете?

— Слушаю, Петр Григорьевич, и, как говорится, мотаю на ус. С огромной признательностью.

— Но, я полагаю, вы явились ко мне вовсе не для того, чтобы выслушивать все это? Вы, наверное, хотели что-то спросить про Юру?.. Про Георгия Мартыновича?

— Вопрос — всегда насилие. Меня слишком многое волнует, чтобы поступать столь примитивно. Да и вы, Петр Григорьевич, совсем иного заслуживаете. Право слово! Ваши, как вы сами сказали, рассуждения позволили мне составить о Георгии Мартыновиче куда более глубокое впечатление, чем любые целенаправленные вопросы. Когда заходит речь об ученом, то важно понять не только то, как он действовал, но и как мыслил. Я ведь не случайно вас на тему о химических лекарствах навел. О том, что профессор Солитов отдавал предпочтение фитотерапии, мы хорошо знаем. Сейчас интересно иное: насколько укладывалось это его отношение в современные рамки? Ведь где, как не в столкновении с реальностью, источник самых острых конфликтов?

— Понятно, — Чадрис задумчиво поскреб идеально выбритый подбородок. — Я занят! — прикрикнул он на сунувшуюся было в кабинет женщину в белом халате.

— Вы обещали посмотреть мою больную, Петр Григорьевич, — пролепетала она, медленно исчезая.

— Обождите в приемной! — последовало категоричное распоряжение. — Лина! — позвал он секретаршу, стучавшую на машинке. — Заполните документы на девочку. Будем ее госпитализировать!

Властность и быстрота удивительно сочетались с изначально присущей Чадрису доброжелательностью, которой так и светилось его розовое, изборожденное морщинами лицо. — Так на чем мы остановились?

— На лекарствах, Петр Григорьевич, и, естественно, на болезнях. С сегодняшней точки зрения.

— Сегодня правота Солитова не вызовет сомнений ни у одного здравомыслящего врача. Именно сегодня, потому что кое-кто еще совсем недавно относился к его деятельности как к далеко не безвредному чудачеству. И это вполне закономерно. До недавних пор медики вообще имели весьма скудные представления о механизмах выздоровления. Врачебная помощь, в сущности, ограничивалась прописыванием общепринятых, на данный период времени, лекарств. Именно по этой причине появление новых средств знаменовало как бы новую эру в медицине. Все мы помним эру широкого применения сульфаниламидов, антибиотиков, гормонов и так далее.

— Меня, например, сульфидином спасли, — вспомнил Люсин. — В войну это было, в эвакуацию. Сам я, конечно, не помню — два года было, но мать рассказывала. Она на толкучке порошки выменяла за пальто и бутылку водки. Все боялась, что обманут. Но я выжил.

— Тысячи, сотни тысяч жизней спасли. — Некрасивое лицо Чадриса нежданно предстало щемяще трогательным. — Но помнятся почему-то те, кому не сумел помочь, потому что кончилась последняя ампула морфина и нет больше ни лекарств, ни перевязочного материала.

— Вы были на фронте, Петр Григорьевич?

— От звонка до звонка. Начальником эвакогоспиталя... Из песни слова не выкинешь. Сульфаниламиды, а затем и антибиотики сыграли великую роль. Одно слово: эра! Беда в том, что уж слишком она затянулась. Модные средства, которые бездумно пускались в ход против любых болезней, неизбежно вытесняли другие лекарства и методы лечения, за что многим больным пришлось тяжело расплачиваться. Химиотерапия, например, невзирая на вполне заслуженные успехи, существенно ограничила поиски и применение растительных средств. Между тем препараты зеленой аптеки куда менее токсичны и, главное, биологически более приспособлены к нашему организму. Такова современная точка зрения, хотя еще Павлов и Боткин учили нас идти вместе с природой. Короче говоря, ни о каком конфликте Солитова с современными воззрениями не может идти и речи, хотя завистники — у кого их теперь нет? — и пытались наклеить на него обидный ярлык: колдуна, например, алхимика.

— Вы давно знаете Георгия Мартыновича?

— Да лет шестьдесят! В одном дворе жили, в одной школе учились. Но сблизились много позже, уже в студенческие годы. Я на шесть лет старше Георгия Мартыновича.

— Петр Григорьевич, насколько я понимаю, Солитов занимался не только непосредственно лекарствами, но и анестетиками. Почему?

— Во-первых, обезболивающие средства — это те же лекарства. Болевой шок столь же губителен, как и всякий другой. Но не это главное. Мы рассматриваем боль в качестве своеобразного проявления защитных реакций организма, как сигнал бедствия, возвещающий о неполадках в той или иной части тела. Боль в сердце — это крик сердца о помощи. На Востоке говорят, что боль зовет лекаря. Исследования показали, что при болях усиливается выделение адреналина, увеличивается содержание сахара в крови и так далее. Все это может рассматриваться как признак, свидетельствующий о мобилизации защитно-приспособительных реакций. К сожалению, боль слепа. Мозг давно получил сигнал о неполадках, а она все продолжает терзать. Это — с одной стороны. С другой — зачастую боль молчит, несмотря на то что в организме ширится очаг смертельного пожара. Она не замечает, например, катастрофического размножения раковых клеток, а когда опомнится и подаст сигнал,

будет уже поздно что-либо изменить: метастазы. Даже на камни в желчном пузыре она не реагирует должным образом. Можно прожить целую жизнь, не зная, что у тебя все так и забито камнями. Приступы обычно начинаются лишь в тех случаях, когда камень попадает в желчевыводящие протоки и закупоривает их.

— Как у Солитова?

— Да, как у Юры. Он был одержим идеей сделать боль не только управляемой, но и зрячей.

— Такое возможно?

— Он, во всяком случае, надеялся. В последнее время были сделаны серьезные успехи в познании не только природы боли, но и сущности обезболивания. Оказывается, нервная система при сильных болях сама выделяет мощные анестетики. Они получили условное название «эндерфины». Солитов пытался выделить аналогичные химические структуры в растениях. Нечто подобное ему удалось обнаружить в так называемых «бобах правосудия». Знаете про такие?

— Первый раз слышу, Петр Григорьевич.

— Я тоже знаю о них лишь понаслышке. Где-то в Африке колдуны дают отведать такие бобы подозреваемым в совершении преступления. Невиновные после этого остаются живы, виновные погибают. Очевидно, срабатывает сложная психосоматическая система.

— Может, просто вера? Заклятие колдуна убивает лишь того, кто верит в него.

— Совершенно верно. Но здесь дело обстоит много сложнее. Бобы действительно содержат очень сильный токсин. Поэтому в данном случае правильнее будет сказать, что слово колдуна или, ваша правда, вера в его магическую мощь способна не только убивать, но и вырабатывать в организме противоядие. Невиновный человек не испытывает страха и остается в живых. Вероятно, это связано с функцией симпатического отдела вегетативной нервной системы и его медиаторов адреналина и норадреналина. Другим средством, могущим нейтрализовать токсин «бобов правосудия», оказалось знаменитое кураре — яд, которым обитатели джунглей намазывают свои стрелы.

— Про кураре я знаю, — улыбнулся Люсин. — И не только из приключенческих книг.

— Принятый внутрь, он совершенно безопасен, но, попав в кровь, приводит к немедленной остановке дыхания. На основе кураре и экстракта «бобов правосудия» Юра надеялся получить новый класс эндерфинов... Годы, которые он не дожил, дорого обойдутся больным. — Чадрис разволновался и незаметно для себя повысил голос. — Вам не кажется странным, что из-за какого-то злобного недоумка жизни многих людей пресекутся до срока? Между тем это так. Все взаимосвязано в экологической системе Земли. То, что не успел закончить Солитов, будет в конце концов сделано другими. Но потерянные годы — да что годы! — дни и даже часы обернутся лишним страданием, а для кого-то... Словом, вы понимаете. Убийца

вызвал цепную реакцию смерти. Да-да, Юру убили! — выкрикнул он, багровея. — Ваше предположение насчет какого-то самоотравления я категорически отметаю! С исследователем, причем экспериментатором, который все привык делать своими руками, ничего подобного случиться не может.

— Мы уже говорили об этом по телефону, Петр Григорьевич.

— Вы не согласились тогда со мной!

— Я не могу позволить себе отбросить даже самую ничтожную вероятность. Любая версия должна быть отработана.

— Острый приступ, причем с потерей сознания, со стороны внутренних органов практически исключается. Утверждаю это как врач.

— Ваше мнение для нас крайне существенно, — поддакнул Люсин. — А как насчет сердца, Петр Григорьевич? Или, к примеру, инсульт?

— А молния вас не волнует, молодой человек? Ведь в принципе все может случиться, даже метеорит на голову упасть... Надеюсь, вы запросили больницы, морги?

— Всесоюзный розыск, Петр Григорьевич! — простонал Люсин. — Все случаи безымянных захоронений — и те на учете... И хоть бы намек на след! Вот уже третий день местность вокруг дачи прочесываем.

— Значит, плохо ищете! Такой человек, как Солитов, не мог исчезнуть бесследно. Такие, как он, защищаются до конца. Юра был рыцарем без страха и упрека.

— Мне глубоко импонирует такая позиция, — согласно кивнул Владимир Константинович. — Но бывают случаи, когда разумнее уступить грубой силе. Деньги — всего лишь деньги, а жизнь невозвратима. Не только жизнь Георгия Мартыновича, принадлежавшая всем нам, но самая незаметная, самая скромная, любая...

— Меньше всего его волновали деньги! — вскипел Чадрис. — Зарубите это себе на носу!.. На первом плане всегда стояло человеческое достоинство, которое он самоотверженно отстаивал от любых посягательств. На моих глазах Юра вступился за старика, над которым изгалялась шайка молодых гогочущих хулиганов.

— И чем кончилось происшествие?

— Они осмелились поднять на нас руку, мерзавцы! — хмуро процедил Чадрис, как-то сникнув. — Хоть бы кто заступился! Так нет, все спешили обойти сторонкой, словно это их не касается...

— Знакомая ситуация. — Люсину было о чем призадуматься. Рассказ Чадриса осветил характер Георгия Мартыновича с совершенно неожиданной стороны.

— И, к сожалению, очень типичная. Раньше молодые люди вели себя иначе.

— Не обольщайтесь насчет прошлого, Петр Григорьевич! Не про вас сказано, но еще при фараонах ворчливые старики жаловались на молодежь, пророча близкий конец света. И что же? Слава богу, живем.

— Вам, конечно, виднее. — Чадрис нетерпеливо взглянул на дверь.

— Я слишком злоупотребляю вашим временем? — чутко отреагировал Люсин.

— Мне нужно посмотреть больного. Вы не обождете в приемной?

— Уже ухожу. — Люсин поспешно поднялся. — Только один вопрос напоследок.

— Где один, там и другой, я уж знаю. Вы все-таки подождите, — не допускающим возражения тоном распорядился Петр Григорьевич, склоняясь к рукомойнику. — Разговор у нас крайне серьезный.

Посторонившись, пропуская худосочную, заметно припадавшую на левую ногу девочку, которую подталкивала впереди раздраженная долгим ожиданием врачиха, Люсин закрыл за собой дверь и подсел к секретарше.

— Будете лечиться у нас? — поинтересовалась она, не отрывая глаз от сотрясаемой дрожью каретки.

— Я, Линочка, не по этой части, как ни жаль.

— Что вы! Наоборот, хорошо.

— Тоже верно, хотя, сказывают, к вам со всего Союза стремятся попасть.

— Еще бы! Некоторые по году ждут очереди... А кто вам сказал, как меня зовут?

— Прочел в ваших глазках, — мельком улыбнулся Люсин, невольно прислушиваясь к голосам за обшарпанной дерматиновой обивкой. — Тушь «Макс-фактор», тени «Ланком», звать Лина...

— Скажите пожалуйста! — заинтересованно засмеялась она, с треском выхватывая перепечатанный лист.

Намечавшийся флирт был оборван в самом зародыше зычной командой Чадриса:

— Немедленно сделайте повторные снимки и полный биохимический анализ!

Далее события развивались по принципу пущенной обратным ходом киноленты. Люсин вскочил, предупредительно уступил дорогу и занял прежнее место. Петр Григорьевич, вымыв после осмотра руки, оторвался от раковины.

— Остеохондрит, артроз, — ответил он на безмолвный вопрос. Одиннадцать лет ребенку... На чем мы остановились?

— Вы случайно не вели с Георгием Мартыновичем совместных исследований?

— Вели и продолжаем вести.

— В какой области, если не секрет?

— Гуморальной защиты. Это от слова «гумор» — жидкость, чтоб вам было понятнее. — Тщательно вытерев каждый палец вафельным полотенцем, Чадрис занял свое кресло. — Дело в том, что в сыворотке крови, слюне и других жидких фракциях обнаружены особые физиологически активные вещества, способные уничтожать микробы и нейтрализовывать токсины. Типичным примером может

служить лизоцим, которым особенно богата слюна. Отсюда и широко распространенное в животном мире обыкновение зализывать раны. Вы не обращали внимание?

— Я сам всегда зализываю царапины!

— И правильно делаете, потому что лизоцим прекрасно дезинфицирует поврежденные ткани... Впрочем, я вам советую пользоваться бактерицидным пластырем. Помимо лизоцима, в слюне может оказаться и болезнетворная флора. — Чадрис замолк, потеряв первоначальную нить, и беспомощно огляделся. — О чем мы говорили?

— О гуморальной защите, — пришел на помощь Люсин.

— Именно! — обрадовался профессор, вновь обретая доброжелательную безмятежность. — Несколько лет назад удалось получить кристаллический лизоцим, который повсеместно внедряется в терапевтическую практику.

— Солитов? — высказал предположение Люсин.

— Нет, его, к сожалению, опередили зарубежные коллеги. Но Юре, Георгию Мартыновичу, посчастливилось обнаружить природные кладовые лизоцима. Оказалось, что его очень много в различных овощах, фруктах и даже цветах. Нет нужды напоминать, что в естественной смеси он действует куда более благотворно, нежели в синтетической. Во всяком случае, мы отдаем предпочтение натуральным продуктам.

— Уверен, что ваши больные с вами вполне солидарны.

— Надеюсь. — Чадрис приосанился с невинным, удивительно трогательным самодовольством. — Иначе какой из меня медик? Искусство врача заключается не только в знании медицинской науки. Главное — это уметь воздействовать на эмоциональную сферу пациента, заставить ее активно работать на выздоровление. Кстати, именно этим и славились всякие знахари и чудотворцы, житиями которых в часы досуга так увлекался Георгий Мартынович.

— Сам он умел?

— Откуда? Да и зачем ему? Разве он врач? Он был по-настоящему серьезным ученым, исследователем.

— А вы, Петр Григорьевич, можете повлиять на эмоциональную сферу? — Люсин сглотнул наполнявшую рот слюну.

— Выделяется? — с довольным видом отметил Чадрис. — Поди, есть захотелось? Что бы вы сейчас охотнее всего испробовали?

— Не знаю. — Люсин смущенно засопел. — Почему-то капуста представилась, белокочанная, сочная... Трещит на изломе и сочится слезой. Ну конечно, вы упомянули ее в связи с лизоцимом!

— То-то и оно! — торжествующе встрепенулся Чадрис. — Авиценна учил, что главным в лечении является внушение, далее следует лекарство и уж в самую последнюю очередь — нож. Когда-нибудь мы научимся управлять течением болезни одним лишь внушением.

— Вы действительно верите в это?

— Конечно, хотя и предстоит проделать долгий-предолгий путь, прежде чем сокровенная мечта человека станет явью... Своим студентам я всегда привожу крылатое изречение английского врача Сиденхема, жившего в семнадцатом веке: «Прибытие паяца в город значит для здоровья его жителей гораздо больше, чем десятки нагруженных лекарствами мулов». Замечательно сказано! Врачу совсем не обязательно превращаться в клоуна, но и роль мула ему не очень к лицу. А вот овладеть элементарными основами словесного внушения, безусловно, стоит. И еще нужно вновь обучиться искусству терпеливо выслушивать пациента, что так великолепно умели наши сельские эскулапы. Тогда, уверяю вас, количество больничных листов резко пойдет на убыль и люди перестанут метаться от одного экстрасенса к другому... На сем позвольте с вами проститься, уважаемый товарищ майор. — Величественным жестом Петр Григорьевич протянул через стол руку. — И прошу вас держать меня в курсе! Более того, я даже категорически на этом настаиваю!

Несмотря на то что его самым явным образом вытурили, Люсин ушел совершенно очарованным.

Глава двадцать первая

ОБИТЕЛЬ ПРЕМОНСТРАНЦЕВ

К удивлению Березовского, приготовившегося ехать чуть ли не на край света, на дорогу от Праги до Теплы ушло не многим более двух часов. Он и опомниться не успел, как солидная черная «татра», любезно предоставленная милицейским начальством, вырулив на площадь старинного городка, замерла возле столба со статуей богородицы-покровительницы. Бронзовый, почерневший от патины лик скорбной мадонны осенял нимб, в котором горели пять золотых звездочек.

Посетив в первый же день Пражскую национальную библиотеку, разместившуюся в Климентинуме — бывшем коллегиуме иезуитов, Юрий Анатольевич сумел собрать предварительные сведения как о самом городке, так и об одноименном монастыре, что скрывался сейчас за голубовато-радужной дымкой, сквозь которую смутно прорисовывался дальний еловый лес. Распахнувшаяся перспектива напоминала своей непривычной выпуклостью картины в средневековых атласах. Просвеченная мутными струями света, она рисовалась занавесом, готовым в любую минуту взметнуться над зачарованной сценой, погруженной в вековые сны.

Ожидая смотрительницу музея, за которой отправился сопровождавший его капитан Соучек, Березовский повернулся в сторону ратуши и от нечего делать пересек горбатую мостовую. Судя по остаткам вала, где-то совсем близко возвышались деревянные ворота крепости, построенной для защиты западных границ Чехии и названной Бургус Тепла.

Удобно расположенный на скрещении важных торговых путей, неказистый бург оказался как нельзя более кстати. Он не только охранял от вторжения неприятеля богатые Ходские земли, но и давал приют многочисленным купеческим караванам, везущим товары из южных и западных портов христианской Европы. В лихие феодальные времена находилось достаточно охотников поозоровать на большой дороге. Наемники-рейтеры, готовые перекинуться на любую сторону за лишний серебряный талер, разбойники-бароны, свившие вороньи гнезда в каменных башнях,

господствующих над окрестными далями, и просто грабители, сбивавшиеся под сенью дубрав в многочисленные, добротно оснащенные шайки. Добыча, порой попадавшая в их хищные когти, с лихвой вознаграждала неправедные труды. Тончайшие ткани из Аквитании, венецианское стекло, кипрские вина и удивительные мечи из Дамаска, которые не только рубили всякую иную сталь, но и были настолько гибки, что поясом застегивались поверх кольчуги, ценились тем дороже, чем далее их приходилось везти. За приют и защиту иноземные купцы платили сполна, не торгуясь.

Неудивительно поэтому, что на том самом месте, где возвышались некогда бревенчатые замшелые стены, вырос уютный чистенький городок, получивший от императора соответствующие таможенные полномочия. Для того чтобы обрести полный городской статус, оставалось добиться права самостоятельно вершить суд и, конечно же, получить пивоваренную привилегию. Без погребка, в котором члены магистрата могли бы усладить душу хмельным напитком, сваренным по местному рецепту, никакая ратуша не смела даже претендовать на герб. Особенно в чешских землях, где подмастерью, рассчитывавшему на мастерский титул, требовалось сварить такое пиво, чтобы политая им дубовая скамья намертво приклеивалась к кожаным штанам пирующих экзаменаторов.

Нужно ли говорить, что прославленная бойкой торговлей Тепла поспешила выстроить заводик, чье сытное благоухание долетало до самых отдаленных дворов, и обзавелась собственным палачом, лихо рубившим руки доморощенному ворью. Окончательным закреплением своих суверенных прав город был обязан монастырю ордена премонстранцев, построенному в конце двенадцатого века. Основателем обители латинские хроники называют чешского шляхтича Грознату из рода Сезимов. Согласно легенде «Жизнеописание брата Грознаты», записанной в стенах монастыря, благородный сеньор совершил свое богоугодное деяние во искупление тяжкого греха. Дав однажды обет надеть плащ госпитальера, пан Грозната от участия в походе уклонился. По какой причине и при каких обстоятельствах это произошло, установить теперь вряд ли возможно. То ли он заболел и вернулся с полдороги, то ли вообще остался дома, предоставив сражаться за гроб господень другим не менее знатным юношам.

За нарушение обета папа Целестин Третий наложил на рыцаря епитимью и обязал его построить обитель в честь богородицы, чьи инициалы A. M. D. доблестные крестоносцы писали на иссеченных сарацинскими саблями щитах. Монастырь, построенный к 1193 году, украсил собой возвышенное лесистое плоскогорье и скоро оброс хозяйственными помещениями и всяческими пристройками. Первый его настоятель — Ян — собрал вокруг себя монахов из первого в Чехии братства премонстранцев, что осело на Страгове. Позднее Грозната и сам, вложив в ножны меч воина-пограничника, принял иноческий обет. К такому решению склонил его на аудиенции в

Риме новый понтифик Иннокентий Третий. Вместе с волосами Грознаты, срезанными ножницами монастырского цирюльника, к премонстранскому братству отошли все земли, переданные в ленное право Грознате за верную службу богемским князьям. Неудивительно поэтому, что столь богатый и знатный сеньор, искупивший к тому же свои прегрешения, удостоился сана настоятеля.

Объезжая как-то монастырские владения близ древнего города Хеба, он попал в руки разбойников-рыцарей, которые, рискуя вечной жизнью, потребовали с монахов огромный выкуп. Грозната, если верить легенде, отверг предложение и, щадя монастырскую казну, предпочел принять голодную смерть в башне безвестного замка, затерянного в пограничных лесах.

За многочисленные заслуги и мученический венец неудавшийся госпитальер был причислен к лику блаженных. Новый аббат, не постояв за ценой, выкупил и похоронил бренное тело отца-основателя в монастырском костеле Благовещения богородицы. Заложенный еще при Грознате и завершенный в 1232 году, он дожил до наших дней, невзирая на бурную историю и многочисленные перестройки. В ясную погоду его шпили и выкрашенная в традиционный для этих мест желтый цвет колокольня различимы за многие-многие километры.

Не найдя смотрительницу, которая еще с утра отправилась в монастырь, чтобы протопить для советского гостя читальный зал, Соучек привел с собой работника, в чьем ведении находились вопросы культуры.

— Добрый день, товарищ, — поздоровался он по-русски и назвал себя: — Йозеф Гаек. Вы уже бывали в наших краях?

— Я впервые в Чехословакии.

— Может, желаете ознакомиться с городскими архивами?

— Разве что после монастырской библиотеки, — просительно улыбнулся Юрий Анатольевич. — Если время останется.

— Соудруг Березовский — списовател[1], — шепнул Гаеку капитан Соучек и перечислил названия переведенных на чешский язык книг.

— Ах так! — Гаек всем своим видом показал, что польщен знакомством со знаменитостью и предупредительно распахнул дверцу машины.

— О ваших книжных сокровищах идет добрая слава, — счел нужным ответить на радушие Березовский. — Можно лишь удивляться, как вам удалось сохранить столько ценнейших памятников.

— Очень приятно это слышать, хотя, если сказать честно, по-настоящему руки до них так и не дошли. Не хватает квалифицированных кадров. Несмотря на все передряги, у нас сохранилось великое множество всяческих дворцов, замков и монастырей. Требуются значительные средства, чтобы поддерживать все это в приличном состоянии.

---

[1] Писатель *(чешск.)*.

— Тепла особенно хороша, — с полной убежденностью заметил Березовский.

— Вы еще не видели остальных! Карлштейн, Кривоклят, Конопиште, Фридлант... Но в известном смысле Тепла действительно стоит особняком. Войны и прочие бедствия как-то обошли городок стороной... Вплоть до конца 1951 года здесь находился действующий монастырь, поэтому почти все сохранилось, как было. О нас мало кто знает. Музей работает лишь в летний сезон. В другое время посетителей практически не бывает. Дорога тоже оставляет желать лучшего...

Как бы в подтверждение этих слов «татра» съехала на мощеный, основательно разъезженный тракт, и ее немилосердно затрясло на выбоинах. По обеим сторонам чернели лохматые ветлы. На прутьях, торчащих из их жилистых, узловатых сплетений, трепетали последние листья. Судя по всему, над открытой ветрам возвышенностью пронесся ураган. То там, то здесь виднелись участки поваленного леса. Вывороченные с корнем деревья трагически простирали усохшие сучья в белесое небо. Сквозь частокол придорожных стволов мелькали накренившиеся телеграфные столбы, растрепанные стога посреди пустующего поля, хаотические нагромождения серого камня.

Березовский живо представил себе разболтанную колымагу, раздираемую молниями ночь и одинокую фигурку в капюшоне, склонившуюся перед дорожным распятием. Секут согбенную спину струи дождя, тоскливо завывает ветер, дрожит каждой жилкой усталая заезженная лошадка, заслышав в промежутках между громовыми раскатами волчий вой.

После сверхсовременных автострад, с их продуманными развязками, подробными указателями и всевозможными табло, после мотелей и автоматизированных бензоколонок этот отрезок пути казался почти нереальным. Тем легче было вообразить соответствующие обстановке сценки: траурную процессию в скорбный день всех святых; приезд архиепископа с пышной свитой; спешащего укрыться в просвещенной обители ученого беглеца. Все это, несомненно, могло пригодиться в дальнейшем, и Березовский, не обращая внимания на тряску, принялся делать заметки для памяти.

Видя такую его занятость, спутники хранили молчание.

Наконец на горизонте показались грязно-желтые стены, окруженные различного рода пристройками, и бедные хутора, разбросанные вдоль унылой дороги. Вмурованные в основание кладки необработанные валуны придавали строениям суровую основательность и мощь. Это был вызов, брошенный силам природы, чьи буйные игры причинили столь ощутимый урон окрестным лесам, упорное противостояние любым переменам, дававшим знать о себе самыми скупыми приметами, вроде гаража или телевизионной антенны. Начиная с округлых нефов романской базилики, достроенной в готическом стиле, кончая колодезным срубом или пузатым амбаром, — все здесь поражало своей первозданностью и аскетиче-

ской скукой. О красоте и легкости премонстранцы даже не помышляли. Зарешеченные оконца, каменные мешки дворов, приплюснутые воротные башни. Какие богатства хранили эти хмурые бастионы, какие тайны оберегали?

Машина въехала в распахнутые ворота из скрепленных железными скобами брусьев и остановилась перед крыльцом аббатства. Встретить гостей выбежала круглощекая женщина в летнем распахнутом плащике. Засмеялась, запричитала обрадовано, словно приглашая в собственный дом.

— Мария Коваржикова, — представил Гаек. — Самый опытный и заслуженный наш работник.

Коснувшись губами ее холодной, слегка шершавой и по-крестьянски крепкой руки, Березовский поднялся по гранитным ступеням. Скорее сердцем, нежели слухом, впитывал он ласковое, удивительно милое журчание чешской речи, смутно улавливая вещую изначальность славянских корней.

Осмотр начался с костела, в котором еще продолжался ремонт. Высотная роспись и витражи были частично закрыты лесами. Пахло сырой известкой и плесенью. Включив освещение, смотрительница провела Березовского между рядами скамеек. Застигнутый врасплох, древний собор предстал словно бы вывернутым наизнанку. В шокирующем соседстве со стройматериалами священные символы утратили свою запредельную устремленность. Особенно жалко выглядели раскрашенные фигуры святых, неуловимо напоминавшие манекены в занавешенной витрине универмага.

— Интерьер церкви оформлен в стиле барокко в середине восемнадцатого века, — с пафосом опытного экскурсовода объяснила пани Коваржикова. — Скульптор Платцер украсил ее новыми деревянными фигурами святых, а монументальные стрельчатые своды заполнил фресками карловарский художник Долгопф. К сожалению, из-за реставрационных работ их нельзя видеть во всей красе...

Пропуская мимо ушей ненужные подробности, Юрий Анатольевич с любопытством взирал на контрасты, за которыми виделась беспощадная сшибка эпох. Каменные рыцари, сложив на груди ладони, спали вечным сном среди бочек с цементом. Над ситом для просеивания песка скорбно склонился архиепископ в раздвоенной митре. В затейливых вырезах темных исповедален бесстыдно белела приглаженная электрорубанком древесина. Словно сама жизнь дерзко напоминала о себе скипидарным духом стружки. Торжествуя над елеем и воском, над ладаном, въевшимся в потертую бронзу надгробных плит, она благоухала щекочущим запахом новостройки, вечной свежестью обновления.

— В росписи боковых нефов и алтарей приняли участие местные живописцы, — следовал заведенным порядком рассказ. — В художественное украшение костела внесли свой вклад и наши ремесленники. Решетки выкованы хебскими и иланскими кузнецами, скамьи на клиросе и две исповедальни сделаны резчиком Пистлом. Оба органа собраны знаменитым Гартнером... Прошу сюда, пан

списователь, — пригласила Коваржикова, отмыкая гремящий замок. — Эта дверь ведет непосредственно в аббатство, построенное в конце прошлого века итальянским зодчим Доменико Пинчетти. Здесь, в самой парадной части монастыря, размещались великолепные по убранству покои.

— Библиотека на втором этаже, — Гаек указал на мраморные балясины винтовой лестницы.

Миновав анфиладу нарядно убранных комнат, в одной из которых останавливался даже какой-то папа, Березовский, не без волнения, вступил в книгохранилище.

Изобильно изукрашенный барочной лепниной зал купался в струях света, бьющего из высоченных окон. Солнце, все же пробившееся к исходу дня сквозь облачную завесу, играя на позолоте бесчисленных завитков, больно сверкало в зеркале наборного паркета. Фрески на потолке, выполненные преимущественно в голубых тонах, казалось, придавали освещению яркость небесной лазури. Парящие в облаках ангелы и уходящие в беспредельность колоннады с лестницами сообщали помещению дополнительную высоту. Разделенное двумя ярусами круговых галерей, оно и без того занимало целых три этажа. На самом верху книги сберегались в отдельных резных шкафах черного дерева, установленных в глубоких нишах. Рельефно обрамленные коринфскими полуколоннами и украшенные мраморными бюстами знаменитых мужей шкафы походили на маленькие палаццо. Нижние этажи выглядели немного проще. Их как бы объединял сомкнутый строй застекленных полок, декорированных вычурными украшениями из розовых и красных пород. В оконных простенках под портретами настоятелей в серо-голубых рясах располагались изящные, отделанные лазуритом консоли с глобусами и астрономическими инструментами минувших эпох.

— Все выдающиеся аббаты монастыря, — сообщила Коваржикова, — покровительствовали искусству. Разумные идеи просвещения, просочившиеся сквозь монастырские, стены, подвигли часть капитула на изучение естественных наук. Так было укомплектовано богатое собрание по всем отраслям знаний: от алхимии и астрологии до математики и медицины. Некоторые каноники ставили различные опыты и прославились учеными трудами, подобно Грегору Менделю, открывшему законы генетики. Следствием подобных начинаний явилось основание бальнеологического курорта, где лечение минеральными водами удачно сочеталось с торфяными припарками и фитотерапией.

— Интересно, — торопливо записывая, кивнул Березовский. Теперь он боялся пропустить даже слово и, напряженно следя за пояснениями экскурсовода, то и дело оборачивался за помощью к Гаеку, взявшему на себя роль переводчика. — Получается, что в монастыре были специально оборудованные лаборатории?

— Судя по всему, недостатка в оборудовании монахи никак не ощущали, пан списователь. — Полное лицо Коваржиковой расплы-

лось в добродушной улыбке. — Мы даже планируем открыть специальную выставку. Особый расцвет подобных исканий приходится на эпоху Рудольфа Второго. Многие из тех, кто, спасаясь от преследований инквизиции, покинули свою родину, нашли приют в этих стенах. Беглецов, которым покровительствовал сам император, не только спасли от костра, но и дали им возможность продолжить свои исследования.

— Прямо в кельях? — удивился Березовский.

— Зачем? Подобного непотребства не позволял строгий премонстранский устав. Здание монастыря, как вы, возможно, успели заметить, окружают многочисленные хозяйственные пристройки. Там и размещались лаборатории. Остатки горна и мехи, которые приводились в движение падающей водой, сохранились до наших дней.

— И я смогу все это увидеть?!

— Пожалуйста, нет ничего проще... При монастыре работали пивоваренный завод, мельница и кузнечный мех. Про всевозможные амбары, конюшни, каретные сараи и хлева даже говорить не приходится. Имелась, конечно, и специальная аптека, которая славилась далеко за пределами Чехии. Некоторыми из ее рецептов по сей день пользуются. Больные, приезжавшие со всех концов света, давали монастырю самый большой доход. Потому-то и хватало средств на приобретение картин, книг, редких статуй и научных приборов. Строительные работы не прекращались вплоть до гитлеровского нашествия. Уже на моей памяти к аббатству было пристроено самостоятельное крыло для размещения художественных и литературных собраний. Монастырь окружают сады с оранжереей, английский парк. Рядом с госпиталем, при котором была богадельня, находился особый садик с лекарственными растениями. Была здесь и своя почта, откуда сушеные травы рассылались по всему миру.

— Расскажите немного про библиотеку, — попросил Березовский.

— Наиболее интересной частью монастыря, доступной для широкой общественности, безусловно, является библиотека, — пани Коваржикова с готовностью выдала заученный текст. — Она была построена в начале века в стиле старинных барочных залов. Потолок украшают фрески художника Кратнера. Книгохранилище насчитывает восемьдесят тысяч томов. В это число входит ценнейшие оригиналы рукописей. Самая древняя датируется девятым веком. Это известный памятник западноевропейской литературы — древневерхнегерманский вариант молитвы святому Иимраму. К числу уникумов относятся также списки «Жизнеописание брата Грознаты» и так называемый «Тепланский кодекс» конца четырнадцатого века. С точки зрения книжного искусства наше собрание славится своими травниками и требниками в богатом художественном оформлении. Они выполнены во второй половине пятнадцатого века по заказу аббата Гусмана.

— А где хранятся герметические сочинения? — не сдержал нетерпения Березовский.

— Прошу за мной. — Коваржикова повела к лестнице. — Здесь представлены наиболее редкие первопечатные издания. Многие из них были приобретены сразу после выхода в свет. Помимо религиозных сочинений, библиотека содержит многочисленную литературу по разным отраслям науки шестнадцатого — двадцатого веков: от Коперника до Эйнштейна. Что же касается лженаучных работ оккультного характера, — последовал знак перейти к следующему шкафу, — то мы выделили их в специальный раздел. Тут вы найдете астрологические атласы и алхимические трактаты.

— Как много! — восхитился Березовский, любуясь лоском кожаных корешков. — И все это можно взять в руки?

— Пожалуйста, — улыбнулась Коваржикова, отмыкая певучий замок. — Если желаете ознакомиться подробнее, я провожу вас в читальный зал. Нужно лишь заполнить требование на интересующую вас книгу. Таков порядок.

— Наверняка тут есть книги, которых не касалась рука исследователя! — Юрий Анатольевич принялся азартно перебирать тома. — Например, эта? — Он выхватил весьма громоздкую «Книгу духов» с магическими чертежами и формулами, написанными тайным колдовским шрифтом. — Неужели в святых стенах католического монастыря скрывались черная магия и самое махровое дьяволопоклонство? Какая прелесть!

— Хотите полистать? — Коваржикова выдвинула скрытый в деревянных панелях пюпитр.

— Обязательно! — кивнул Березовский, не отрывая глаз от мохнатых химер с перепончатыми нетопырими крыльями. Фантазия анонимного заклинателя демонов поражала не столько своей необузданностью — ему было далеко до Босха, — сколько наивностью. — Мне нельзя поселиться где-нибудь поблизости? — Березовский умоляюще взглянул на Гаека, напрочь позабыв об основной цели своего визита. — Ведь только для того, чтобы просто перелистать эти груды, понадобится не меньше недели!

— Что-нибудь придумаем, — скрывая улыбку, пообещал Гаек, переглянувшись с капитаном Соучеком.

— Можно я уже сегодня что-нибудь возьму? — не в силах расстаться с книгами, спросил Березовский.

— Пройдемте в читальный зал, — напомнила Коваржикова. — Там есть полная картотека. Пока вы будете выбирать, я заполню на вас читательский формуляр.

— Формуляр? — завороженный близостью непомерных сокровищ, бедный историк несколько ошалело взглянул на смотрительницу. — Ах, да, пани Коваржикова, конечно! — вспомнил он, пробуждаясь от временного умопомрачения. — Вы ведь на каждого читателя должны завести формуляр! Так?

— Так, — она в свою очередь удивленно захлопала глазами. — Разве в Советском Союзе другой порядок?

— Нет-нет, тот же самый! — прижимая к груди увесистый фолиант, страдальчески поморщился Березовский. — Я совсем о дру-

гом, пани Коваржикова. У меня очень важный вопрос. Собственно, ради этого я и приехал, но тут у вас такие соблазны, что, извините, совсем из головы вылетело... Дело в том, что я бы хотел ознакомиться с книгами, которые в прошлом году...

— Соудруг интересуется одним читателем, — перевел недоумевающей пани Коваржиковой капитан Соучек, решительно опустив все остальное.

— Совершенно верно, — Березовский поспешно достал из бумажника фотографии. — Солитов Георгий Мартынович...

— Пан профессор? — сразу узнала Коваржикова и, видимо заподозрив что-то не слишком приятное, вопрошающе посмотрела на капитана. — Неужели такой солидный и воспитанный...

— Что вы, что вы! — замахал руками Березовский. — С ним случилось большое несчастье.

— Как жалко! — сочувственно отозвалась сердобольная смотрительница. — Мы все его полюбили.

— Очень, очень жалко, — подтвердил Юрий Анатольевич. — Профессор был исключительно одаренным исследователем. Именно поэтому меня просили просмотреть материалы, с которыми он работал здесь у вас. Это совершенно необходимо для того, чтобы с максимальной полнотой освоить его богатое творческое наследие... У вас сохраняются формуляры временных читателей, пани Коваржикова, или же только постоянных?

— Все мы временные на этой земле, пан списовател, — философски заметила она, возвращая фотографию. — И почему судьба так несправедлива? Какой образованный, какой обходительный человек! Настоящий, с прежних еще времен, интеллигент. А как трудился?! Не успеет солнышко взойти, а он уже тут как тут. Поставит на стол термос с горячим чаем, положит свои бутерброды на подоконник — и за книги. Прямо в пальто, только шапку снимет из черного каракуля. У нас уже теперь холодно, а зимой — не приведи господь. А он ничего, знай себе работает дотемна. Иной раз я даже запирала его, когда отлучиться требовалось. Вернусь, бывало, под вечер, а он сидит, бедненький, над пюпитром скорчился, пишет. Как только терпели подобного пациента в Карловых Варах? Режим не соблюдает, водичку не пьет, о процедурах и говорить не приходится. А ведь врачи там строгие...

— Наверное, он был очень счастлив, — задумчиво вздохнул Березовский. — Жил, как хотел.

— И к чему это привело, позвольте узнать? — не согласилась пани Коваржикова. — Нет уж, если приехал лечиться, то будь добр — лечись. После карловарской водички люди обновленными уезжают. Попил бы, как предписывалось, из первого, седьмого и двенадцатого источников, глядишь, и опять бы приехал. Куда торопился, спрашивается? Всех книг все равно не перечитаешь...

— У вас прекрасная память. — Березовский не стал уточнять обстоятельств. — Даже номера источников запомнили.

— Еще бы не запомнить. Первый такой на моей памяти и последний. Ведь одно дело — командировка, другое — лечение в санатории. Путевка, как-никак, денег стоит... Я уж увещевала его, сколько могла, стыдила даже, а он ни в какую, только смеется: «Не для кого мне себя беречь, пани». Милый, милый человек был, ничего не скажу. — Спускаясь по винтовой лесенке в читальню, Коваржикова смахнула слезу.

Пока она разыскивала формуляр Солитова, Юрий Анатольевич изучал картотеку, то и дело выдвигая легкие и удобные металлические ящички. Обнаружив немало любопытного, он тем не менее первым делом заполнил требование на «Книгу духов», с которой так и не смог расстаться. Расшифровать ее не было никакой возможности, но неторопливо, со вкусом полистать хотелось безмерно. Одно лишь прикосновение к этим страницам, чудом избежавшим костра, говорило его писательскому воображению много больше, чем все монографии по медиевистике, вместе взятые.

Перечень проработанных Солитовым рукописей, наверняка превосходивший своей толщиной курортную книжку, поразил Юрия Анатольевича в самое сердце. Любую из отмеченных здесь книг он готов был переписать на свой формуляр. Для этого даже не требовалось прибегать к картотеке, потому что все необходимые шифры значились в особой графе.

— Будем брать в означенном здесь порядке, пани Коваржикова. — Принял он единственно возможное решение, торопливо переписывая названия на бланки. — Ограничимся на первый случай десятью.

— И вы надеетесь прочитать их за какие-нибудь два-три часа? — удивилась смотрительница, приглашая занять любой столик.

— Только просмотреть, с вашего позволения. На предмет микрофильмирования или снятия ксерокопии, если понадобится. Мне отпущены на сей счет необходимые средства.

— Вот соответствующее разрешение, — капитан Соучек протянул смотрительнице официальное письмо с печатью.

— Не требуется никаких разрешений. — Она соединила бланки скрепкой. — Пан списователь может скопировать все, что ему потребуется.

— Желаю успешно поработать! — козырнул на прощание Соучек. — Мы заедем за вами ровно в шесть. Ужинать будем в городе, в погребке «Белая туфля».

Вскоре перед Березовским лежала внушительная стопка. Здесь были первопечатные травники и рукописные кодексы в четверть листа, звездные атласы, переплетенные в толстенную, отшлифованную сотнями рук кожу, и оттиснутые накануне первой мировой войны подозрительные брошюрки с описанием всевозможных чудодейственных средств. Явно шарлатанские прописи от венерических болезней и запоров соседствовали с таинственными эликсирами вечной молодости. Верный своему принципу все проверять, Солитов

не оставлял без внимания даже столь очевидный вздор. На Юрия Анатольевича, который не знал о профессоре практически ничего, подобная неразборчивость произвела не слишком выгодное впечатление.

Просматривая на скорую руку книгу за книгой, он наткнулся на небольшую тетрадь, сшитую из разнокалиберных обрезков пергамента. Она была написана на старонемецком языке угловатой готической скорописью и содержала подробный перечень алхимических упражнений, продолжавшихся целых семнадцать лет. Имя автора — брат Мельхиор — и заголовок: «Опыты по составлению, дистилляции и отстаиванию «Золотого раствора», проделанные со всем тщанием, прилежанием и набожностью, а также согласно благословению преподобного отца-настоятеля Амвросия фон Герстенбаха и в полном соответствии с постулатами Луллиева искусства» — настолько отвечали стилю эпохи, что Березовский решительно отодвинул в сторону всю кипу и взялся за немецко-русский словарь.

Поначалу текст порядком его разочаровал. С чисто немецкой пунктуальностью одно за другим следовали длиннющие перечисления ингредиентов, развешенных на граны и унции, и не менее подробные описания процедур: дробления, истирания в порошок, смешивания, растворения и далее в том же духе.

Не баловали разнообразием и названия разделов, каждый из которых обнимал законченную, но, увы, бесплодную серию опытов.

Однако две, обнаруженные при более тщательном осмотре, особенности тронули Березовского чрезвычайно. Прежде всего, его взволновал неряшливо и явно торопливо выдранный лист, соответствующий опыту за номером 87. Кому и для чего понадобилось такое, оставалось только гадать. Это было тем более увлекательно, что никаких видимых запретов на выдумку не существовало. Разве не мог, например, брат Мельхиор чисто случайно натолкнуться на какое-то действительно важное открытие? Или повредиться в уме, не выдержав многолетнего заточения в алхимическом склепе? За ним, наверное, постоянно наблюдали чужие глаза, лабораторию тайно обыскивали, следили за каждой записью...

Но еще более подстегивала фантазию выпавшая из тетради закладка, вернее, маленький квадратик плотной старинной бумаги с написанным на нем женским именем Leonora. Ничего более, только одно это имя, начертанное торопливым пером. Крик души, прорвавшийся сквозь немоту монастырских ночей. Последнее прости без утоления и надежды...

Надпись была выполнена теми же чернилами, чуточку порыжевшими от времени, приготовленными, по тогдашнему обыкновению, из дубового орешка. Почерк тоже показался Березовскому схожим с записями в тетради, хотя в написании букв и отсутствовала характерная угловатая заостренность.

— Здесь не хватает одного листа. — Он показал пани Коваржиковой оборванный краешек.

— Так-так, — кивнула она. — Профессор тоже обратил на это внимание. Он очень разволновался по этому поводу. Все пытался выяснить, кто и зачем мог сделать такую пакость. Даже в городской архив ездил справляться. Чудак, право... Страницу с одинаковым успехом мог ли вырвать и в прошлом году, и триста лет назад.

— Но зачем?

— Откуда мне знать?

— У нас это называется — ищи ветра в поле.

— Да, теперь уже ничего не узнаешь, — вздохнула Коваржикова, едва ли поняв без помощи Гаека обращенные к ней слова.

— А что это? — Березовский показал ей закладку.

— Первый раз вижу.

— Не подарите мне на память?

— На память, на память, — закивала она. — Простая бумажка...

— Очень даже не простая, пани Коваржикова. Это, если хотите, билет на машину времени, — он заговорщически понизил голос. — Секретный пароль! Вы только прислушайтесь, как звучит: «Leonora...»

Глава двадцать вторая

СВЯТЕЙШИЙ ПИРАТ

Авентира IV

Над Италией благоухала весна, насыщенная неотвязным ароматом глициний. Ствол и ветки иудина дерева в епископском саду усыпали фиолетовые и пурпурные наросты. Словно вся кровь мира выступила из недр окаменевшей земли.

— Жестокое, проклятое время, — пробормотал мессер Мельхиор, узнав о появлении еще одного лжепапы. — И подлое, — добавил он, отгораживаясь книжным пюпитром от манящего сияния за окном.

Бесцельно скорбеть о людских пороках. В мире, где безраздельно правит смерть, немыслима подлинная справедливость. Скелет с пустым черепом да острой косой — вот единственный победитель. Так есть, и так было, и так пребудет во все времена.

Доброго католика Мельхиора фон Блаузее привело в Италию пламенное желание постичь истинное предназначение рода человеческого, ввергнутого с рождения в круговорот скорбей. В пятнадцать лет, получив благословение батюшки и рекомендательное письмо местного священника, он покинул родной Хеб, старинный славянский городок на западной границе Богемского королевства, и пешком отправился в Париж. Привлеченный славой Сорбонны, Мельхиор намеревался в краткий срок одолеть премудрости семи свободных искусств и подготовиться к сдаче магистерского экзамена. Однако ему не суждено было получить украшенный тяжелыми печатями свиток. Сожжение ведьм, которым встретила философа гостеприимная столица Франции, произвело на его нежную чувствительную душу столь тягостное впечатление, что он поспешил примкнуть к процессии богомольцев, направляющихся в Рим.

Диплом магистра наук и доктора теологии[1] потерял в его глазах всякую ценность. Хотя нравы на далекой родине были ничуть не мягче, Мельхиора потрясло лицезрение объятых пламенем женщин.

[1] Обычная в то время ученая степень.

Среди тридцати шести преданных казни колдуний было несколько совсем еще юных, почти девочек. Созданное всевышним промыслом здание мира мыслилось совершенным, а принесенная на Голгофе искупительная жертва наполняла все сиянием вечной жизни. Столь вопиющая жестокость пятнала белоснежные одежды матери-церкви, обратив в разъедающий яд даже кристальную влагу схоластических истин. Чтобы жить дальше, следовало поскорее забыть о зверствах.

Посетив святыни Вечного города, неутомимый искатель перекочевал в Болонью, где и обрел временное успокоение в стенах древнейшего университета Европы. Это были самые счастливые годы для молодого чужеземца. Проявленное им прилежание, равно как и глубокий критический ум, счастливо соединенный с благочестием, не остались без внимания. Тем более что Мельхиор, обнаружив редкие способности к языкам, снискал известность утонченного знатока древних манускриптов, считавшихся еретическими и именно поэтому вызывавших жгучий интерес. Расшифровав несколько темных, нарочито запутанных сочинений, приписываемых Гермесу Трисмегисту, он удостоился аудиенции сангроского кардинала, который без долгих разговоров пригласил его к себе на службу.

Этой встрече суждено было сыграть в судьбе Мельхиора фон Блаузее поистине роковую роль.

Прослышав, что где-то в Ночере хранится список с секретного спагерического сочинения, кардинал, будучи охоч до всего запретного и таинственного, спешно снарядил своего нового секретаря в поездку. Вместе с инструкциями ему вручили туго набитый золотыми флоринами кошель и длинное послание к епископу Ночеры. Несмотря на то что даже папы не брезговали алхимическими изысканиями, дело это было чрезвычайно тонкое и даже рискованное. Мельхиор, однако, чувствовал себя на седьмом небе. Впервые в жизни ему предоставлялась возможность попутешествовать не на своих двоих, а в крытом возке, запряженном мулами.

Епископ встретил посланца, как родного. Поселил у себя во дворце, приставил расторопных слуг и вообще окружил заботой и лаской. Вскоре искомый список был обнаружен, и Мельхиор незамедлительно приступил к его расшифровке. Работал он со вкусом, не торопясь. Следовало соблюдать осмотрительность, ведь бредущего в алхимических потемках на каждом шагу подстерегают ловушки.

Вначале Мельхиор попытался овладеть условными значками алхимиков, выражавшими подчас самые разнообразные понятия. Трудность состояла не только в том, что одним и тем же символом обозначались, допустим, Солнце и золото, железо и Марс. Это-то лежало на поверхности. Поднаторев в расшифровке, здесь можно было не бояться ошибки. Куда труднее оказалось постичь другие сопоставления. Так, например, одинаковыми рогатыми и перечеркнутыми кружками изображались каменная соль и созвездие Тельца, дух и спирт. Как тут разобраться, что к чему? С другой стороны, возгонка ртути представлялась сразу в двух вариантах.

Пришлось потратить, не жалея свечей, не одну ночь, прежде чем начали понемногу спадать покровы с таинств. После многомесячного бдения Мельхиор знал спагерическую знаковую систему почти наизусть. Но он понимал, что одного этого еще недостаточно. Требовалось большее: научиться мыслить спагерическими иероглифами, чтобы высвободилась в сознании волшебная суть, запечатанная в них, как в герметических сосудах. Даже гуляя с вощеной табличкой по саду, он совершенствовал память, чертя и стирая чернокнижные письмена.

В совершенстве овладев словарем и грамматикой языка-шифра, Мельхиор фон Блаузее принялся за чтение рукописи, озаглавленной «Дорога дорог». В ней содержался верный рецепт изготовления философского камня. Она была составлена в виде письма Альберта из Виллановы папе Бенедикту Одиннадцатому.

«Почтенный отец! — обращался к своему тюремщику брошенный в тесную одиночку ученый. — Приблизь с благоговением ухо и знай: ртуть есть семенная жидкость всех металлов... И вот доказательство. Всякое вещество состоит из элементов, на которые его можно разложить. Возьму неопровержимый и легко понимаемый пример. С помощью теплоты лед легко расплывается в воду, значит, он из воды. Металлы растворяются в ртути, значит, ртуть есть первичный материал всех металлов...»

Размышляя над смыслом этих фраз, Мельхиор задумчиво бродил по дорожкам, вдыхая пряный аромат белоснежных лилий. Незаметно для себя он забрел в самую глухую часть сада и оказался возле решетки.

В этой смиренной обители ордена святого Доминика укрылись от мира девять молодых монахинь, отданных на попечение Леоноры дельи Альбериге, девятнадцатилетней аббатисе. Все они, не исключая и саму Леонору, дочь герцога, приняли постриг исключительно под давлением семьи и томились в монастырских стенах, куда их привезли семилетними девочками.

Скуку неизменного распорядка с его литургиями и литаниями не могла скрасить даже повсеместно распространившаяся свобода нравов. Роскошь, окружавшая «христовых невест», принадлежавших к самым знатным фамилиям, не могла долго противостоять беспросветной тоске и одолевавшему плоть зову. Напротив, изысканные яства и заморские вина, подаваемые к трапезе, лишний раз развязывали воображение, заставляя с болезненным интересом прислушиваться к искушающим нашептываниям товарок по заточению.

Не способствовали строгому выполнению обета и наряды девиц, выгодно подчеркивающие их природное очарование и стать. Не составляло тайны, что почти у каждой был высокопоставленный покровитель — граф или герцог, а то и церковный прелат. Свидания устраивались легко. Посещение обители было не только разрешено неписаными правилами, но и считалось хорошим тоном.

В дни карнавала, который в иных местах растягивался чуть ли не на полгода, залы для общих молитв превращались в маскарад-

ные чертоги. Вереницы смеющихся гостей с хохотом проносились по аскетическим дортуарам. Чем фривольнее была маска, тем больший успех выпадал на долю ее обладателя. Не желая ни в чем отставать от своих веселых гостей, предприимчивые монашки, случалось, даже решались примерить мужское платье. И это тоже сходило с рук. Своим откровенным презрением к пережиткам раннехристианской морали итальянские монастыри резко отличалась от орденских заведений во Франции и немецких землях. Распущенность, по-своему бытовавшая и там, тщательно скрывалась за внешним подчеркнуто ханжеским благолепием.

Вот почему Мельхиор сперва даже не понял, с кем он имеет дело, когда его рассеянно блуждающий взор нежданно остановился на смуглой мордашке, мелькнувшей в зарослях деревьев.

При виде остолбеневшего богослова с восковой табличкой в руках незнакомка смело выступила из тени и, словно давая разглядеть себя со всех сторон, повернулась бочком. На ней было узко облегающее короткое платьице из тончайшей шерсти и кокетливая шапочка, перевитая ниткой крупного жемчуга. У корсажа белели тугие бутоны роз. Лишь на левом плече виднелся вышитый крестик, изобличая аббатису доминиканского ордена. Уставной головной накидки не было и в помине, и это почему-то больше всего смутило бедного богослова. Лишь дьявол мог принять столь обольстительный и греховно кощунственный облик. Мельхиор, как завороженный, сделал шаг и приблизился к самой решетке.

— Вам угодно о чем-то спросить меня, домине доктор? — Перебирая граненые четки, она озарилась дерзкой улыбкой.

— Нет, монна[1], — пробормотал он, преодолевая смущение.

— А я видела вас однажды в церкви святого Рокко.

— В самом деле? — почему-то обрадовался Мельхиор. Увлеченный своими учеными занятиями, он беззастенчиво пропускал службы, выходя только к терции[2]. Теперь он припоминал, что тогда на празднике Марии матери божьей пел хор христовых невест. — В черно-белом облачении вы выглядели совершенно иначе.

— Хуже или лучше? — В лукавом смущении потупилась аббатиса и, сломав ветку цветущей акации, бросила ее через пики ограды.

Мельхиор замешкался с ответом и, припав на колено, словно принимая присягу, поднял цветущий символ вечной жизни и чистоты.

С той встречи для них началась любовь — невозможная, непозволительная, преступная. Для дочери герцога и тирана[3] это было лишь средство избавиться от смертельной скуки, очередной забавой, которую легко оборвать и забыть. А безземельный рыцарь, сбежавший от нищеты на чужбину, и впрямь вплотную приблизил-

---

[1] Моя госпожа *(ит.)*, сокращенное от «mia donna».

[2] Утреннее богослужение.

[3] Правитель города в средневековой Италии.

ся к смерти, стал бессловесной игрушкой своей легкомысленной донны. Алхимические бредни пришлось оставить. Забросив расшифровку «Дороги дорог» ради владычицы мечтаний и дум, Мельхиор рисковал лишиться благоволения кардинала. Его выручила только заваруха в римской курии. Высокопреосвященному князю церкви было теперь не до спагерического искусства. Впервые после семидесятишестилетнего перерыва в Ватикане собирался чрезвычайный конклав. Среди кардиналов, собравшихся на выборы наместника святого Петра, итальянцы составляли жалкое меньшинство. Основной тон задавали французы, жаждавшие поскорее вернуться в Авиньон, дабы вновь предаться привычным излишествам и лени. Однако полного единства в их стане никогда не было. Северяне, стремясь протащить на престол своего человека, интриговали против южан, а южане готовы были стакнуться с кем угодно, чтобы только не пропустить бретонского или нормандского варвара.

Обстановку накаляли крики римского плебса, осадившего дворец, где согласно обычаю были замурованы кардиналы-выборщики. Вновь обрести свободу они могли, только огласив имя нового главы христианства. Да и то сомнительно, потому что собравшаяся под окнами двадцатитысячная толпа не на шутку грозила расправой.

— Римлянина, римлянина, римлянина! — скандировали разгоряченные вином патриоты. — Папа должен быть римлянином! Если этого не будет, мы перебьем всех!

Чтобы как-то успокоить орущую чернь и выиграть время, папские регалии силком надели на брыкавшегося что было мочи кардинала Теомбалдески и выперли его на балкон.

— Папа не я! — бился он в исступлении, страшась неминуемой расплаты. — Они вас обманули! Я не хотел!..

Но его визги потонули в густом торжествующем гомоне, жутком, ни на что не похожем реве охваченной истерией толпы.

Кардиналам не осталось ничего другого, как увенчать тиарой первого попавшегося итальянца. Разумеется, в порядке временной меры, чтобы поскорее вырваться из этого проклятого города. В Авиньоне они надеялись все переиграть.

По обыкновению политиканов невысокого пошиба, заботящихся только о собственной выгоде, выборщики одну за другой отвергли все мало-мальски достойные кандидатуры и остановились на самой ничтожной — на «серой лошадке», от которой ожидали полного послушания. Сошлись на том, что папой всего на несколько дней станет Бартоломео Приньяно, архиепископ Бари, не имеющий даже кардинальской шапки.

— Когда все уляжется, ты отречешься от престола, — инструктировал его ведавший делами двора кардинал-камерленго. — А в награду мы сделаем тебя полноправным кардиналом.

Бартоломео с готовностью согласился и был коронован трехвенечной тиарой под именем Урбана Шестого. Уже на другой день после торжественной церемонии участники конклава поняли, что жестоко просчитались. Ни о каком отречении новый понтифик да-

же не помышлял, а в ответ на деликатное напоминание сотворил непристойный жест.

— Идиото! — во всеуслышание обозвал он кардинала Орсини, знатнейшего из знатных. — Да и все вы, в сущности, дураки. Нужна мне ваша красная шапка, как же! Да у меня их теперь полные сундуки.

Первейшим его шагом на новом поприще стала раздача кардинальского сана наиболее преданным архиепископам. Обеспечив себе столь простым маневром большинство, он заявил, что останется здесь, в Италии, где за него стоит горой вся римская чернь.

Выказав себя человеком твердым и властным, к тому же искусным законником, новый папа заявил, что запретит симонию[1], приносившую кардиналам сказочные барыши.

Война, таким образом, была объявлена не на живот, а на смерть. «Серая лошадка» обернулась свирепым алчущим волком.

Обескураженные кардиналы объявили избрание Урбана не имеющим силы, навязанным извне, но тут же, опровергая собственное заявление, постановили направить в Рим делегацию с беспрецедентным посланием.

«Мы согласны, чтобы ты продолжал управлять церковью, — говорилось в нем узурпатору святейшего престола. — Но мы решили назначить опекуна, дабы он помогал тебе в отправлении должности, которую ты не способен занимать в силу самой природы своего естества, равно как и грубости».

Папа встретил делегатов уже знакомым простонародным жестом. Это и послужило формальным поводом к началу военных действий.

В Англии, Наваррском королевстве и пограничной с ним Гаскони стали спешно формироваться отряды наемников, а во всех провинциях и городах Апеннинского полуострова началась жестокая резня. Одна сторона стоила другой.

Кардиналы, объявившие преданного анафеме Урбана самозванцем, избрали новым наместником божьим Роберта Женевского, законченного бандита. По наущению Урбана римские погромщики принялись убивать всех иностранцев, которых считали сторонниками кардиналов-бунтарей. Методы борьбы и соответственно зверства по отношению к мирному населению были схожи до неразличимости. И там, и тут резали, грабили и жгли во имя святейшего отца христианства.

За Урбана горой стояли города в Италии и Германии, его поддерживали Англия, Венгрия и Польша. На стороне Роберта, ставшего Климентом Седьмым, были Франция. Шотландия, Испания, Савойя и Неаполитанское королевство.

В эту разорительную внутрицерковную битву была вовлечена вся клерикальная Европа, включая подвижников веры, еще при жизни причисленных к лику святых.

---

[1] Торговля церковными должностями.

У простого народа созревала крамольная мысль, что у антихриста две ипостаси. Во всяком случае, оба папских двора достигли крайнего предела разложения. Свидетельства всеобщего распада были настолько очевидны, что не составляли тайны ни для вождей, ни для их кровавых сатрапов. Все наиболее гнусные и жуткие формы террора, все самое недостойное и отвратительное, что только таится в смрадных пучинах взбаламученного моря житейского, было поднято на поверхность и пущено в дело. Что в Риме, что в Авиньоне отъявленные подонки поднимались на верхние этажи власти и тут же принимались творить всевозможные гнусности.

Урбан первым понял, какого типа подручный требуется ему в такой войне, и обратился к предводителю пиратов Балдазаре Косса.

Четыре года его трехмачтовые корабли с косыми, на разбойничий манер, парусами свирепствовали в средиземноморских водах. Косса грабил всех без разбора: мусульман и христиан, включая соотечественников — итальянцев и осевших на Родосе последних госпитальеров. Только суда, плававшие под флагом Прованса, могли беспрепятственно действовать в изрезанной укромными бухтами берберийской акватории, где большей частью охотился удалой Балдазаре. Причина была достаточно уважительная: на службе прованского герцога стоял единоутробный братец — Гаспар, такой же пират.

Имя Балдазаре гремело от Александрии до Геркулесовых Столпов. Никто не мог быть спокоен за свою жизнь. Вчера пираты ворвались в испанскую крепость, сегодня их видели в Сардинии или на Мальте, завтра они могли атаковать Неаполь или высадиться на мавританском побережье, где прятали награбленное добро корсары-магометане.

После каждого похода Косса исправно возвращался домой, к доброй морщинистой маме — тучной, но подвижной и экспансивной, как все итальянки.

— Это тебе, — скупо ронял он, вручая какую-нибудь заморскую диковину, и почтительно целовал руку.

Последняя операция была особенно удачной. Захватив две боевые галеры родосских братьев, как стали с недавнего времени именоваться госпитальеры, Косса привез к себе на Искию несметные сокровища: тяжеловесные золотые сервизы, украшенные драгоценностями одежды, редкостное оружие, и конечно, мешки со звонкой монетой. Дукаты, динары, цехины, реалы, торнези, константинаты — все перемешалось при пересыпке.

Выточенную из цельного смарагда чашу, оправленную в золото, он преподнес мамочке.

— Куда столько всего? — всплеснула она руками, втайне любуясь рослым красавцем сыном, который не знал поражений и привык первенствовать во всем. — В нашем палаццо уже не осталось свободного места. Скоро ты весь остров завалишь золотом. Зачем так много? А эти толпы несчастных пленных? Они измучены и еле держатся на ногах. Мне даже негде их разместить. Неужели их

нельзя было распродать по дороге? Про женщин я уж и не говорю, Балдазаре. До них ты всегда был жаден. Но ведь должен же быть предел! Пора, давно пора остановиться на какой-то одной. Неужели ты еще не перебесился? Опомнись, сыночек. Твои безумства не кончатся добром. Ты должен остепениться и начать совершенно новую жизнь. Если ни одна из юных красоток, которых я устала кормить, не смогла надолго удержать тебя в своих объятиях, то самое время вспомнить о боге. Из нашего рода вышло столько знаменитых служителей церкви! Почему бы тебе не стать одним из них? Тогда бы я могла умереть спокойно.

Это наставление, как и все предыдущие, Балдазаре выслушал вполуха. Но, как явствует из последующих событий, материнские молитвы были услышаны.

Не прошло и месяца с того дня, когда был захвачен госпитальерский приз, как пиратского главаря пригласили к его святейшеству.

Косса облачился в самое скромное платье, надел плащ из тонкой романьолы[1] и отправился в папский дворец.

— Мне говорили о тебе как об отважном, решительном человеке, — с места в карьер начал Урбан, внимательно оглядев великолепно сложенного кондотьера с необыкновенно одухотворенным лицом, обветренным и загорелым до черноты.

— Тебе правильно говорили.

— Ты знаешь, что мои войска потерпели поражение? Неблагодарный Карл Дураццо, которого я своими руками посадил на неаполитанский трон, переметнулся к антихристу и открыто выступил против меня.

— Я избавлю тебя от этого врага, — уверенно пообещал Косса.

— Но для успешного ведения военных действий требуются немалые средства, а моя казна опустошена. Пришлось даже перелить церковные блюда и дароносицы.

— Я дам тебе денег и соберу твое рассеянное войско в единый кулак.

— Тебя послало мне само провидение! — Урбан выразил свое удовлетворение скупой улыбкой. — Мне говорили, что ты знаком с теологией. Это верно?

— Сказать, что я знаком с теологией, равносильно предположению, что я разбираюсь в морском деле. — Балдазаре надменно вскинул подбородок. — Я не просто знаком. Я теолог, святой отец, и хорошо знаю каноны. Ведь недаром же мне пришлось пять лет корпеть в Болонье. По всем предметам я шел в числе первых и лишь волей случая не получил диплома.

— Значит, так тому и быть, — заключил папа, строя далеко идущие планы.

— Аминь, — отозвался Косса.

Верный излюбленному тактическому приему захватить противника врасплох, новый главнокомандующий обрушился на разроз-

[1] Сукно, вырабатываемое в горах Романьи.

ненные отряды Карла, отбил одиннадцать катапульт и погнал отступающих к морю.

Папа тут же посвятил едва отмывшегося от крови победителя в священнический сан и поручил ему возглавить следствие над опальными кардиналами, которых подозревал в пособничестве врагу. Князей церкви вместе с их наиболее доверенными приближенными перевезли в Ночеру и разместили в подземной тюрьме.

Косса взял себе в подручные самых отчаянных головорезов из числа соратников по пиратским баталиям. Он не ошибся в выборе. Сменив абордажные крючья на тиски и клещи, они выказали себя прирожденными мастерами пыточных дел. Закованных в цепи епископов доставили из подземной тюрьмы в следственную камеру, где уже все было готово для пытки: пропущенные через блоки веревки, раздвижные доски с клиньями, «испанские сапоги». Даже желоба для стока крови в углублении каменного пола были отмыты загодя. Сам Косса в качестве осененного благодатью чрезвычайного следователя, поднаторевшего к тому же в теологических ухищрениях, занял кресло на помосте.

Побывав на заре юности в застенках святейшей инквизиции, куда попал по подозрению в чародействе, он знал, как нужно вести допрос. Справедливости ради следует сказать, что его задержали тогда совершенно случайно. Просто «псы господни» застали Балдазаре в доме одной молодой колдуньи, и не его вина, что пришлось заколоть в завязавшейся схватке двоих или даже троих агентов. Других грехов перед церковью он за собой не знал. Не веруя ни в бога, ни в дьявола, Косса и к черной магии относился вполне равнодушно. Но опыт — сквозь толстые стены он слышал крики пытаемых, которые сознавались в немыслимых преступлениях, — не пропал даром. Советы его святейшества пали на вполне подготовленную почву.

— Тебе не следует разъяснять существо обвинений, — отечески настаивал Урбан новоиспеченного инквизитора. — Спрашивать надо лишь в самой общей форме: «Ты признаешься в злодейских деяниях? Кто помогал тебе творить богопротивные мерзости?» На такие вопросы отвечают обычно слезами отчаяния и воплями протеста. А это достаточный повод для применения пытки.

И пошла работа. Оказавшись в руках вчерашних морских разбойников, чьи лихие шрамы не смогла прикрыть даже сутана, изнеженные князья церкви упорствовали совсем недолго. И то потому, что не знали, на свою беду, в чем именно следует сознаваться.

— Прекратите! — вопил терзаемый болью епископ Акуилы. — Я не могу понять, чего вы от меня требуете. Скажите же, ради всего святого, и я тут же возьму на себя любые грехи.

Но вспотевшие от напряжения палачи не отвечали, туже затягивая костедробильный винт. А папа в это время бродил с молитвенником под окнами и распевал во весь голос псалмы, чтобы не дремали его заплечных дел мастера, не ослабляли усилий и душили крамолу в зародыше, не поддаваясь жалости.

Вместе с другими прелатами угодил в заточение и кардинал сангроский. Едва он был доставлен в Ночеру, как поступил донос на Мельхиора фон Блаузее, и незадачливый секретарь очутился в крепостном подземелье. На счастье, а может и на горе, Косса признал в нем своего однокашника по Болонскому университету.

— Ты-то как здесь оказался?

— Неисповедимы пути господни, — с трудом шевеля разбитыми губами, пробормотал Мельхиор. Но пуще любой телесной боли его терзала тоска. Только исступленная, отчаянная надежда еще раз увидеться с Леонорой не позволяла ему размозжить себе голову о первую же ступень.

— Очень даже исповедимы, — ухмыльнулся Балдазаре, критически оглядев былого соперника по схоластическим диспутам, который, следует отдать ему должное, чаще других выходил победителем. — На каждую решительную перемену есть своя причина, и только наша собственная недальновидность не позволяет нам разглядеть конечную связь, — разъяснил он и тут же распорядился насчет сотоварища: — Поместите отдельно!

Благодаря этой случайной встрече секретарь кардинала был избавлен от пыток. Его даже ни разу не вызвали на допрос. Зато самому кардиналу пришлось испить полную чашу страданий.

— Да, вы тысячу раз правы! Я действительно совершил тягчайшее преступление, — хрипя, он выплевывал кровяные сгустки. — Но не против Урбана, а ради него. Как и Роберт-антихрист, я зверски пытал своих собратьев по сану, добиваясь от них признаний в несовершенных грехах. И вот воздаяние за преданность! Горе мне, окаянному, горе...

Не сострадая жертвам и не испытывая особого удовольствия от лицезрения их мук, Косса старался как можно точнее исполнить повеление папы. Для развлечений существовали совсем иные объекты. Например, аббатиса Леонора, которую он вместе с другими приглянувшимися ему «христовыми невестами» не замедлил переселить поближе к крепости.

Вакханалию пыток, весть о которых дошла до самых отдаленных приходов, пришлось прервать ввиду появления неприятельских разъездов. Карл Дураццо, неаполитанский король, собрав новую армию, стягивал вокруг Ночеры кольцо осады. На военном совете было решено как можно скорее покинуть крепость.

— Это тебе, — сказал Косса, спустившись в промозглую дыру, где без света и свежего воздуха томился Мельхиор фон Блаузее. — Просили передать. — И он бросил ему четки из причудливо ограненных камней.

— Она помнит обо мне! — воспламенился безземельный рыцарь, ощупью прочитав вырезанные на гранях буквы. — Она жива?

— Для тебя — нет, а так что ей сделается... Готовься в дорогу, школяр. Арестованных забираем с собой. Вот все, что́ я могу для тебя сделать. — Косса протянул рукояткой вперед остро отточенный стилет. — Постарайся сохранить голову.

— Зачем мне жить? — горько усмехнулся Мельхиор, сразу же помыслив о самоубийстве.

— Умереть ты всегда успеешь...

— Когда нет справедливости, жизнь становится в тягость.

— Ну, как знаешь...

Из крепости выступили под покровом ночи и, обманув сторожевые посты, двинулись по дороге в Салерно.

Карл, разгадавший этот хитроумный маневр, не велел преследовать отступавших, мечтая лишь об одном: чтобы изувер в облике папы поскорее покинул его владения. А догнать было так легко, потому что истерзанные узники едва тащились, спотыкаясь чуть ли не на каждом шагу.

Епископа Акуилы, который не мог держаться в седле, Балдазаре пришлось зарубить. Впрочем, он лишь выполнял полученный приказ и, дабы поскорее избавить бедолагу от мук, постарался прикончить его с одного удара.

Вблизи Барлетты беглецов ожидал генуэзский корабль. Едва носильщики перенесли на борт последний вьюк, капитан распорядился поднять паруса. Только теперь, когда все опасности остались позади, папа вспомнил про ненавистных кардиналов и велел зашить их в воловьи кожи.

Еще не совсем скрылись из глаз каменистые берега Адриатики и пропыленные сосны на них, как мешки полетели за борт.

Обо всем предупрежденный заранее, Мельхиор ухитрился вспороть шов — и вынырнул на поверхность. В последнем теологическом споре насчет причин и следствий верх одержал Балдазаре. Определенно он видел намного дальше...

Добравшись до берега, Мельхиор нашел приют в хижине пастуха. Прошлое умерло для него, и он не пожелал возвратиться на пепелище. Покинув при первой возможности Италию, добрался до родных мест и попросил убежища в монастыре премонстранцев.

Приняв постриг, он целиком посвятил себя спагерическим изысканиям. На подготовку к великому деянию ушло семь лет, но опыт не оправдал ожиданий.

В поисках ошибки Мельхиор задумчиво перебирал чудесные четки, где каждое седьмое зерно было вырезано из золотистого тигрового глаза. Граненые бусины намекали на зашифрованный рецепт «Дела Солнца». Иногда перебор граней складывался в буквенную последовательность, которая отзывалась глухим воспоминанием.

— Абра... абрака... — шептал он, стиснув пылающие виски, но ничего не получалось. — Алкоголь, баня, роса, амальгама, кристалл, антимониум...

И когда мозг окончательно отказывался служить, а пальцы уже не могли удержать тростниковую палочку, полубезумный инок хватал первый попавшийся клочок, выводил на нем имя и начинал всматриваться в него, словно в зеркало, шевеля губами, растрепав поседевшие космы.

Что виделось ему, что мерещилось в редеющей мгле? Какие образы вставали, какие пробуждались воспоминания?..

Когда в Теплу пришла весть, что пират Балдазаре Косса стал папой Иоанном XXIII, Мельхиор тихо засмеялся и, выхватив стилет, стал поражать одолевавших его духов.

Иоанн XXIII, скончавшийся 22 декабря 1419 года, был посмертно вычеркнут из списка пап. Только в 1958 году, через пятьсот с лишним лет, это имя и порядковый номер вновь повторились в перечне наместников святого Петра, когда римскую курию возглавил кардинал Ронкалли. За столь долгий срок все, за ничтожным исключением, успели забыть, что такой папа уже появлялся однажды на грешной земле. На его памятнике, изваянном гениальным Донателло, значится:

«Здесь покоится прах Балдазаре Коссы, бывшего папы Иоанна XXIII».

Почему «бывшего», возникает невольный вопрос. Разве можно в столь неподобающей форме отзываться о главе римско-католической церкви? Оказывается, можно, ибо в 1415 году на Констанцском соборе он был низложен и обречен забвению.

Глава двадцать третья

РЕЧНОЙ ТРАМВАЙ

Не застав Наталью Андриановну в институте, Люсин не без колебаний решился позвонить ей домой.

— Не уделите мне часик? — попросил с обезоруживающей откровенностью. — Сугубо лично...

Она согласилась, затаив удивление, и, недолго думая, назначила встречу на пристани у Киевского вокзала, неподалеку от дома.

Люсин узнал ее лишь в самый последний момент, когда она, легко перебежав через дорогу, нерешительно замедлила шаг. Лишь после того как Наталья Андриановна протянула ему руку, он позволил себе улыбнуться. Владимир Константинович никак не ожидал, что память сыграет с ним столь злокозненную шутку. Высокая женщина в коротком, перетянутом пояском плащике предстала невозвратимо чужой и как-то совершенно иначе, нежели запомнилась. Не испытав тайно лелеемой радости и не находя подходящих от нахлынувшего волнения слов, Люсин увлек ее к лестнице, спускавшейся к причалу.

Бело-голубые речные трамвайчики еще курсировали по реке, но пассажиров собиралось совсем немного. Темная вода дышала знобкой осенней сыростью. Косые волны от винтов лениво качали желтые листья, загоняя их вместе с окурками и прочим плавучим сором под дощатый настил. Легчайшая дымка висела над городом, смягчая сверкание окон, воспламененных вечерней зарей. В глянцевых переливах дрожали искаженные отражения домов. Пустынная набережная, перемигивание светофоров, холодный сумрак одетых гранитом опор.

— Покатаемся на пароходике? — неожиданно для самого себя предложил Владимир Константинович, страдая от неловкости и беспричинной тоски.

— Вы странный человек. — Подняв воротник. Наталья Андриановна зябко передернула плечиками. — Какой пронизывающий ветер!

— Дрожь вселенского одиночества, — грустно усмехнулся Люсин. — Так назвал осень один мой очень хороший друг. Она особенно

остро переживается в городе, где природа зажата прямолинейностью камня.

— Он поэт, ваш друг?

— Что-то в этом роде. Да и какое это имеет значение? Главное, что он прав. Даже небо не свободно от города. — Люсин кивнул на белые клубы, застывшие над высокими трубами ТЭЦ. — Одурманенное дымом, оно безъязыко корчится в паутине проводов... Я еще помню, когда по Бородинскому мосту ходили трамваи. Кажется, тридцать первый и сорок второй. А тридцатый делал круг возле Киевского, высекая искры и требовательно звеня. Мы с ребятами вскакивали на ходу и мчались, стоя на подножках, навстречу обманчивым осенним ветрам.

— Обманчивым?

— Они всегда обещают несбыточное... Я и сам не помню, в какую шальную минуту перескочил с трамвая на борт рыболовецкого траулера.

— Так вот отчего вас вдруг потянуло совершить эту прогулку!

— Ну как, рискнем? — Не дожидаясь ответа, Люсин просунул деньги в окошко кассы. — До конца и обратно, пожалуйста.

— Вам в какую сторону? — спросила кассирша.

— Безразлично. Дайте, куда подальше.

В полном одиночестве они прошли через турникет. На верхней палубе цепенела старуха с лохматым псом, а несколько поодаль самозабвенно обнималась парочка.

— Здесь слишком ветрено. — Наталья Андриановна капризно наморщила носик. — А внизу душно и пахнет бензином.

— Соляркой, — непроизвольно поправил Люсин.

— Тем хуже. Не переношу угара.

— Если память мне не изменяет, на корме должно быть укромное местечко. И воздух свежий, и от ветра защищено. Все сто двенадцать удовольствий. — Сойдя на две ступеньки, он подал ей руку. — Почему вы решили, что я странный человек, Наталья Андриановна?

— Не знаю. — Она медленно покачала головой, покорно спускаясь по узкому трапу. — Согласитесь, что все сегодня немного странно. И вообще мы явно не о том говорим. Ведь вам нужно о чем-то спросить меня? Верно?

— Еще не знаю, — ушел от прямого ответа Люсин, сильно подозревая, что выглядит в ее глазах чуть ли не идиотом.

— Если у вас действительно есть ко мне дело, мы могли бы увидеться в более подходящей обстановке. — Наталья Андриановна без особого удовольствия опустилась на влажную скамью.

— Например? Я бы скорее утопился, чем рискнул пригласить вас в уголовный розыск.

— Кафедра вас уже не устраивает?

— Не хочу лишний раз мелькать перед вашими сослуживцами. Да и комплекс вины, если быть до конца честным, мешает. Ведь

дальше этой проклятой сберкассы мы не продвинулись ни на шаг... Погонят меня к чертовой бабушке — и будут правы.

— Ой-е-ой, какой ужас! Вне милиции вы, конечно, своей жизни не представляете? — заметила она подчеркнуто иронично. — Суровый ветер романтики дует в ваше лицо. Вы прирожденный сыщик — и все такое...

— Зачем вы так, Наталья Андриановна? — Люсин почувствовал себя задетым. — Я ведь вам как на духу признался...

— Как на духу? — Она словно прислушалась к тайному значению слова. — Но я никудышный исповедник, Владимир Константинович. Я жестока и рациональна до мозга костей... Поэтому говорите поскорее, в чем суть.

— А если ни в чем? Если я осмелился побеспокоить вас просто так? Это что, преступление?

— Вы серьезно? — Наташа взглянула на него с веселым удивлением.

— Поверьте, что мне не до шуток, — мрачно потупился Люсин. Усталый, издерганный неудачами, он позволил себе поддаться минутному настроению и не знал теперь, как выбраться из опасной зоны, куда его столь неожиданно занесло. — Я не виноват, что подвернулась эта посудина.

— Разве я вас в чем-нибудь обвиняю? — Откровенно потешаясь, она словно бы поощряла Люсина на дальнейшие излияния.

— В самом деле, куда мне было вас повести? — Уловив перемену в ее настроении, он немного приободрился и обрел спасительный юмор. — В киношку? Для этого я слишком стар. В театр? Но где взять приличные билеты, если я не располагаю ни временем, ни знакомствами? Что же остается, милая моя Наталья Андриановна? Ресторан? — В притворном ужасе он закрыл лицо. — Об этом даже подумать страшно, ведь вы можете как-то не так понять...

— Отвечу откровенностью на откровенность. — Удивительно похорошев, Наталья Андриановна едва отдышалась от беззвучного смеха. — Я обожаю кино и могу спокойно прожить без театра. Не помню, когда и была там в последний раз. Поэтому предлагаю сойти в ближайшем порту и поискать чего-нибудь поинтереснее. — Расстегнув плащ, она вытащила свою электронную висюльку. — Что же касается ресторана, то, как говорят англичане, why no? Не вижу криминала. Но это так, на будущее, потому что сегодня у меня нет настроения.

— Вы изумительны, Наталья Андриановна! — восхищенно признал Люсин. — И если вы позволите мне звать вас просто по имени, то я поверю, что чудесное слово «будущее» имеет ко мне хоть какое-то отношение.

— Охотно. — Она кивнула с видом королевы, приветившей мимоходом пажа. — А теперь выкладывайте, что у вас на уме, — потребовала совершенно будничным тоном.

— Ей-богу, никакой задней мысли.

— Так не бывает в наше время.

— Но поверьте...

— Верю.

— Но вы даже не знаете...

— Знаю! — Она определенно не желала слышать никаких оправданий. — И умею ценить искренность порывов и откровенность чувств. Однако не станете же вы утверждать, что вызвали меня на свидание исключительно в галантных целях.

— Не стану, — вынужденно откликнулся Люсин, отворачивая лицо.

— Да воздастся вам за чистосердечие!

— Но мне действительно очень хотелось увидеть вас, — признался он с непонятной обидой. — И это самое главное...

— Понимаю, — ободряюще кивнула она. — Теперь давайте второстепенное.

— Прямо допрос какой-то! — пожаловался Люсин. — Что за несносная аналитика?.. Если вы так уж добиваетесь правды, то, признаюсь, предлог для встречи у меня заготовлен. На всякий случай.

— Вот и прекрасно.

— Но я хочу, чтобы вы знали: это всего лишь предлог. Я бы не рискнул потревожить вас из-за подобной мелочи... Вам не очень холодно, Наташа?

— Нет, ничего. — Она выжидательно нахмурилась. — Не люблю околичностей.

— Что такое Абраксакс, Наталья Андриановна? — спросил Люсин, словно позабыв о дарованной ему привилегии на более интимное обращение. — А заодно и абракадабра?

— Вы нашли его! — Она испуганно вздрогнула. — Я так и знала...

— Простите? — выжидательно прищурился Люсин. — Вы это о чем? — Он осторожно коснулся ее затянутой в шелковую перчатку руки.

— Не нужно, — с гримасой досады отстранилась Наталья Андриановна. — У меня достаточно крепкие нервы, и я не упаду в обморок... Где он?

— Ей-богу, ничего не пойму! — Люсин умоляюще прижал руки к груди. — Объясните, пожалуйста, в чем дело.

— Вы меня спрашиваете? — Ее испуг сменился растерянностью. — Но разве вы не нашли... Георгия Мартыновича.

— Да с чего вы взяли! — Уязвленный до глубины души, Люсин едва сдерживался. — Разве я стал бы скрывать? Тем более обманывать, плести хитроумные выкрутасы? Мило же я выгляжу в ваших глазах, Наталья Андриановна.

— Простите. — Уголки ее ярких, изящно очерченных губ виновато дрогнули. — Я сама не ведаю, что несу. Но откуда тогда вы узнали про браслет? Ну конечно, — облегченно вздохнула Гротто, — как я сразу не догадалась! Вам рассказал кто-то из наших?

— Час от часу не легче! Какой еще браслет? Никто и ничего мне не рассказывал. С чего вы взяли?

— Тогда почему вас заинтересовало слово «Абраксакс»?

— Да все оттуда же: из его записей и набросков. Даже рисунок нашел со змеями. Не понимаю, почему это вас так удивило...

— Не сердитесь, — примирительно промолвила Наталья Андриановна. — У меня и в мыслях не было вас обидеть. Просто я страшно испугалась. Вроде бы давно готова к самому худшему, и надежды никакой нет, но стоило вам вспомнить про этого Абраксакса, сердце так и оборвалось... Сейчас все объясню, — заторопилась она. — Дело в том, что это слово было вырезано на камне, который я подарила шефу на его шестидесятилетие. Теперь понимаете?

— По крайней мере, начинаю понимать, — прояснел взором Владимир Константинович. — Вы меня тоже простите за невольный эмоциональный всплеск...

— Меня это ничуть не задело. Даже совсем наоборот. Вы совершенно правильно возмутились. Но не будем сводить мелочные счеты. Инцидент исчерпан и вычеркнут из памяти. Договорились?

— Вы слишком великодушны, Наташа. — Люсину так нравилось повторять ее имя. — Я стараюсь прояснить все до конца, любую мелочь. Отсюда и возник этот чертов Абраксакс. А тут еще впервые за много недель выдался свободный вечер... Странный вечерок, вы совершенно правы, и это душераздирающее буйство заката, и задувающий с оста ветер. Словом, под настроение...

— Вы как будто извиняетесь.

— Так оно и есть, — с проникновенной грустью подтвердил он. — Мне необыкновенно приятно быть с вами. Но у жизни есть дурацкая особенность. То, что еще минуту назад представлялось нам почти пустяком, вдруг неожиданно вырастает и становится исключительно важным. Предлог — вы просто вынудили меня признаться, что я его... почти выдумал, — сделался чуть ли не самоцелью. — Боясь, что будет превратно понят, Люсин умоляюще заглянул ей в глаза. — Расскажите, ну пожалуйста, про этот ваш камешек, Наташа?

— Да-да, конечно. — Мимолетным касанием пальцев она как бы заверила, что все поняла, уловив даже недосказанное. — Это может оказаться очень нужным для вас, потому что Георгий Мартынович никогда не расставался с подарком. Я, надо признать, здорово угодила ему. Дала повод немного позабавиться. Он сам набросал эскиз алхимического змея, а потом уговорил одного знакомого ювелира изготовить браслет из сплава семи металлов и вставить туда камень.

— Семь металлов древнего мира? Семь планетных стихий?

— Вы, я вижу, сильно продвинулись вперед, — одобрительно кивнула Гротто. — Сплав получился серебристо-зеленоватым, не похожим ни на один из металлов.

— Опишите подробнее камень.

— Карнеол-печатка в форме эллипса, притом необыкновенно яркого багряно-огненного оттенка. Он достался мне от бабушки. В

самом центре на длинной оси надпись по-гречески: «Абраксакс». Я уже точно не помню, что она означает. Кажется, имя какого-то восточного божества. В древности это слово считалось магическим. Георгий Мартынович как-то объяснял, что перемножение численных значений составляющих его букв дает триста шестьдесят пять — число дней солнечного года. Ему нравилось думать, что печатка была изготовлена во втором или третьем веке александрийскими гностиками.

— А на самом деле?

— Кто его знает...

— Наверное, это большая ценность?

— Только для тех, кто понимает.

— А как она попала в вашу семью?

— Понятия не имею.

— Как, вы сказали, называется этот камень?

— Карнеол, — скрывая улыбку, напомнила Наталья Андриановна. — Однако вы проявили явно повышенный интерес. Прямотаки стойку сделали, извините за выражение, — добавила она укоризненно. — Неужели вам могут хоть как-то пригодиться все эти подробности?

— Никогда нельзя знать заранее. Вы, надеюсь, помните байку про то, как ловят львов в Сахаре?

— Первый раз слышу.

— Для того чтобы поймать льва, нужна самая малость: перебрать по крупинке песок. Не всегда выходит, но я стремлюсь руководствоваться тем же принципом: отсеиваю все постороннее.

— Долгонько же вам придется дожидаться результата!

— Я и говорю, что мои дела далеко не блестящи... Ну что, поищем подходящее кино? — вспомнил вдруг Люсин, когда теплоходик, врубив на полную мощность музыку, начал подруливать к пристани возле Театра эстрады. — Здесь за углом «Ударник» — шедевр конструктивизма.

— Может, лучше в другой раз? Пропало желание...

— А он будет — этот другой раз, вечно многообещающий и желанный?

— Не знаю. — Наталья Андриановна приподнялась, одернув плащ, и, словно бы нехотя, прошла через пустой салон к трапу. — Мне кажется, что вам не следовало задавать такой вопрос, — бросила она, не повернув головы.

— Вы правы, — удрученно откликнулся он. — Язык мой — враг мой. Не обращайте внимания. Как жаль, что все хорошее так быстро кончается... Это я о нашем путешествии, Наташа.

Она не ответила, и Люсин умолк, запоздало догадываясь, что слова иногда разъединяют вернее любого безмолвия.

Глава двадцать четвертая

ТРАВНИК МАКРОПУЛОСА

Утро началось для Люсина со стрессовых ситуаций. Не успел он получить от начальства очередное многозначительное напоминание о том, что всякому терпению есть предел, как поступила добрая весть: нашелся долгожданный Петя! Застопорившийся было маховик вновь готовился набрать обороты, и это внушало оптимизм. Однако за неизбежными хлопотами и лавиной телефонных звонков освежающее дуновение радости вскоре растаяло, а вместе с ним притупилось и едкое чувство обиды. В итоге все пришло к общему знаменателю, и вторую половину дня Владимир Константинович провел сравнительно спокойно, хотя и ощущал себя время от времени несправедливо задетым. И это прежде всего мешало ему самозабвенно погрузиться в запутанные лабиринты чужой души.

Жизненный путь Петра Васильевича Корнилова, известного среди московских книжных жучков под кличкой Петя-Кадык, не был отмечен особо патологическими эпизодами. По крайней мере, в масштабах уголовного розыска. Ухватиться было, в сущности, не за что, хотя общий фон рисовался вполне определенно: задержания по подозрению в спекуляции, предупреждение насчет тунеядства плюс ко всему неоднократное знакомство с медвытрезвителями различных районов Москвы. Детально изучив справку, полученную из отделения милиции, Люсин вынес твердое убеждение в том, что сорокашестилетний Петя практически никогда не занимался общественно полезным трудом. Покончив после девятого класса с образованием, он трудоустраивался великое множество раз, но нигде не задерживался дольше пяти месяцев. На иных предприятиях, вроде СМУ № 31, где подвизался в должности моториста водооткачивающей установки, его трудовой стаж вообще исчислялся двумя неделями. Судя по всему, Петя упорно искал свое особое место в жизни и последние пять лет в обескураживающем перечне его мытарств явно указывали на то, что скиталец обрел долгожданный покой под сенью Литфонда. Должность литературного секретаря члена Союза писателей Неликбезова явилась как бы зенитом его карьеры. Во

всяком случае, по сравнению с предыдущей ступенькой (упаковщик почтовых посылок) это был несомненный взлет.

Поскольку фамилия Неликбезова не всколыхнула в натренированном мозгу Владимира Константиновича даже ничтожной волосинки, он заподозрил липу и позвонил в Союз писателей знакомому консультанту, с которым неоднократно встречался у Березовских. К великому его удивлению, консультант действительно обнаружил искомое лицо в справочнике.

— Автор «Пролетки», — сообщил он дополнительные сведения с торжеством в голосе. — Была, знаете ли, песня такая в предвоенный период... А вообще у нас есть забавная игра. Откроешь на любой странице, и если найдешь среди дюжины хоть одно маломальски знакомое имя, то выиграл.

— Будем считать, что на сей раз победа определенно за вами, — пошутил Люсин. — Отпразднуем это дело, как только Юра вернется из Чехословакии.

Ощущал он себя при этом не слишком уверенно. Хоть консультант и посоветовал не относиться серьезно к вырождающемуся институту литсекретарей, следовало признать, что Петя-Кадык обеспечил себя надежным прикрытием. Если создатель «Пролетки» тоже окажется любителем половить рыбку в мутной воде, придется серьезно повозиться. Что-что, а статус писателя котируется достаточно высоко и дает большую степень свободы. В том числе и по части добывания книг. Скажет, например, товарищ Неликбезов, что поручил своему помощнику достать совершенно необходимый для его творческой работы травник — и все, и концы в воду. О каком-то там обыске и заикаться нечего. Никто не позволит. Впрочем, особенно волноваться пока не стоило. Со слов Березовского Люсин знал, что иные писатели даже в лицо не видели своих литсекретарей. Уступая просьбам друзей и знакомых, жаждущих пристроить на какое-то время подающего надежды недоросля, они ставили необходимую подпись и умывали руки. Не столько воображаемые осложнения, сколько логические противоречия не позволяли Люсину наметить основные вехи предстоящей беседы. Подлинное занятие Кадыка явно не соответствовало примитивному стилю его существования. Невольно соткавшийся в воображении образ запьянцовского недоучки определенно не вязался с репутацией тонкого, хотя и хищного, знатока книги. А ведь именно таким слыл Петя среди весьма уважаемых людей. В числе его постоянных клиентов были, наверное, не только Солитов и Баринович. Люсин не сомневался, что в лице Корнилова ему встретился довольно редкий тип подпольного букиниста-профессионала, чувствующего себя в книжном море, как рыба в воде. А это подразумевало определенный уровень образования, интеллекта, культуры, словом, весьма тонкой материи, которой, судя по справке, скрупулезно составленной участковым, Кадык был лишен почти начисто. Оставалось лишь предположить, что это самородок, который, несмотря на разрушительное пристрастие к праздности и пьяным дебошам, до

всего дошел своим умом. По крайней мере, научился читать хотя бы названия латинских, старогерманских и прочих редкостных изданий.

Промучившись допоздна, но так и не заполнив заготовленную на такой случай повестку, Владимир Константинович позвонил Гурову.

— С книжником вроде все в порядке, Борис Платонович, — сообщил он с несколько наигранной беззаботностью. — Хочешь взглянуть на субчика?

— С превеликим удовольствием! Как говорится, на безрыбье и рак рыба. Сам на него вышел или соседи подсобили?

— Не без их участия, — дипломатично заметил Люсин, — хотя помощь УБХСС практически не понадобилась — все решила записная книжка.

— Поздравляю, Константиныч! Это уже ощутимый успех.

— Посмотрим, куда он нас выведет.

— Не имеет значения. Без отработки этого звена все равно не обойтись.

— Может, возьмешь на себя? — предложил Люсин. — А я посижу в сторонке, послушаю, понаблюдаю...

— Тебя что-нибудь смущает? — насторожился Гуров.

— И сам толком не знаю. Уверенности как-то в себе не нахожу, понимаешь? Неясен мне этот тип — и все тут. Наверное, испортить боюсь, Борис Платонович. Вдруг здесь нечто большее, чем просто звено?

— Будь по-твоему. Вызови его на следующий вторник часам к десяти. Я подойду. Психологически так будет эффектнее. Ты прав, тут тебе и угрозыск, и прокуратура, но все корректно: по повестке и без драматических сцен.

— Так ведь и повода нет для драматизма. В конце концов, что мы против него имеем? Спекулирует книжками?

— Это еще доказать надо.

— Вот и я про то! Да и не наша это забота. Во всяком случае, не моя... Я рад, что ты меня правильно понял, Борис Платонович. Все нужные материалы я тебе подошлю.

— Сам зайти не сможешь?

— Почему не смогу? Зайду, если надо.

— Ну и ладушки. Попробуем разработать сценарий.

Сценарий они с грехом пополам наметили, но Петя с первых же слов дал понять, что писано было явно не про него. Начав с того, что явился с опозданием на целый час, когда его почти перестали ждать, он сразу же захватил инициативу.

— Кто тут Гуров? — вызывающе осведомился он, помахивая повесткой.

— С вашего позволения, это я, следователь горпрокуратуры, — коротко представился Борис Платонович.

— А этот товарищ? — не удостоив Люсина взглядом, Петя как-то боком дернулся в его сторону.

— Моя фамилия Люсин, старший оперуполномоченный. — Владимир Константинович с любопытством взглянул на явно нескладную фигуру в коротких брючках и затрапезной курточке, надетой поверх застиранной ковбойской рубахи. На дурно выбритом лице виднелись запекшиеся царапины, костистый выступ, словно взломавший изнутри тонкую шею, оправдывая прозвище, назойливо бросался в глаза. — Садитесь, пожалуйста.

— Куда, хотел бы я знать? — Петя вновь дернулся и, запустив ногти в спутанную проволоку волос, медленно закачался, восстанавливая утраченное равновесие. — Единственный стул, насколько я понимаю, занят угрозыском, хотя вызывала меня прокуратура. Правильно? — Он обнажил в ухмылке крупные, прокуренные до черноты зубы.

— Вы совершенно правы, — Люсин осветился ответной улыбкой и, водрузив свой стул посреди комнаты, пересел на диванчик. — Можете не обращать на меня никакого внимания.

— Ага! — Петя Корнилов плотоядно осклабился и решительно хлопнул по столу, припечатав повестку. — За каким чертом я вам понадобился? — деловито осведомился он, продвигаясь вместе со стулом.

Слегка шокированный следователь потянулся за сигаретой.

— Мне тоже дайте! — потребовал Петя, но тут же отшатнулся с гримасой крайнего отвращения. — «Дымок»?! Вы, случайно, не в такси работали, если потребляете такую дрянь? — Поковырявшись в кармане, он вытащил согнутую «беломорину» и, осыпая табаком колени, прикусил мундштук. Затем, не дав Борису Платоновичу опомниться, завладел коробком и, ломая спички, зажег папиросу, корча в дыму совершенно немыслимые рожи.

Люсин с радостным изумлением следил из своего уголка за этой бесподобной клоунадой. Петя-Кадык превзошел все его ожидания. Если он и играл заранее приготовленную роль, то делал это талантливо, более того, виртуозно.

— Не стоит поминать черта, Петр Васильевич, — ласково посоветовал Гуров, перестраиваясь на ходу. — Мы пригласили вас в качестве свидетеля. Согласно закону вы обязаны ответить на все интересующие следствие вопросы. Причем ответить правдиво, ибо за дачу ложных показаний свидетель может быть привлечен к уголовной ответственности. Я обязан предупредить вас об этом. Таково требование закона.

— Ничего не понимаю! — Зажмурясь, Петя покрутил головой. — Бред какой-то.

— Ваша фамилия, имя, отчество, год и место рождения. — Не обращая внимания на реплику, Гуров заправил в пишущую машинку бланк протокола, плавным движением подвинул микрофон, включил запись.

— А то вы не знаете, кто я есть!

— Знаю, но существуют формальности, которые нам с вами, хотим мы этого или нет, придется выполнить.

Корнилов для вида слегка погримасничал, но в конце концов подчинился.

— Ваш паспорт, пожалуйста.

— Не верите никак!

— Просто хочу списать данные.

— Ну и ну! Порядочки!

— Можно подумать, что вы такой уж новичок, — укорил Борис Платонович, ловко передвигая каретку. — Невинный агнец... Не создавайте лишних трудностей ни нам, ни себе, Петр Васильевич... Подпишите, пожалуйста, здесь, что предупреждены об ответственности за дачу ложных показаний. — Разгладив слегка свернувшийся лист, он показал нужное место.

— Только этого мне не хватало! Ничего подписывать не буду. Судите, если можете! — Демонстративно ухватившись за локти, Петя принялся ковырять спичкой в зубах.

— За отказ от свидетельских показаний я действительно могу передать ваше дело в суд, — холодно разъяснил Гуров. — Надеюсь, вам, как и мне, ни к чему подобная канитель?

— Мое дело?! — взвился Корнилов. — Это оскорбление! Нет у вас на меня никакого дела!

— Вы совершенно правы, Петр Васильевич, нет... Но оно появится, если вы и далее станете отказываться от выполнения своих обязанностей. Мы в прокуратуре приучены чтить букву закона.

— Я никому ничем не обязан.

— Ошибаетесь. У каждого из нас есть равные обязанности перед обществом.

— И права тоже!

— Совершенно справедливо: и права. Обвиняемому, например, закон дозволяет уклониться от дачи показаний, свидетелю — нет... Надеюсь, вы не сделаете из этого неверный вывод, что положение обвиняемого предпочтительнее?

— Что вы все плетете свои юридические кренделя? — Петя без спросу выхватил сигарету, раскурил, закашлялся и затушил в пепельнице. — Ведь вы даже не удосужились объяснить мне причину вызова! Сразу какие-то требования, угрозы... Чего вы добиваетесь?

— Как? — удивленно заморгал Гуров, медленно снимая очки. — Неужели я допустил подобную промашку? Вы вправе жаловаться, Петр Васильевич, честное слово, вправе... Это не оправдание, но я просто-напросто забыл. Впрочем, я был уверен, что вы знаете...

— Ничего я не знаю и знать не желаю. Оставьте меня в покое раз и навсегда. Это единственное, чего я хочу!

— Вы хорошо знали Георгия Мартыновича Солитова? — успокоительно кивая, осведомился Гуров.

— Ну, знаю, и что с того? — не проявляя признаков волнения, поморщился Петя. — От меня вам чего надо?

— Правдивых показаний, не более, — отрезал, замкнувшись, Борис Платонович. — Ставлю вас в известность, что профессор Со-

литов при невыясненных обстоятельствах пропал без вести и вы были последним или одним из последних, с кем он общался в тот день.

— Быть того не может, — отмахнулся с явным облегчением Петя Корнилов. — Мы не виделись с ним месяцев пять-шесть.

— Можно занести ваш ответ в протокол?

— Хоть в газете пропечатайте.

— Подписывать будете? — Гуров услужливо пододвинул ручку.

— Вот напасть на мою бедную голову! Ну, давайте, давайте, раз вам так хочется. — Петя поставил размашистую закорючку. — Мне ведь правды бояться нечего. Я перед законом чист.

— Вот и ладненько... Надеюсь, далее у нас с вами все пойдет как по маслу. Значит, когда вы видели Георгия Мартыновича в последний раз?

— Весной вроде...

— Поточнее нельзя? В марте? В апреле? Весна, напомню кстати, была ранняя.

— В апреле, кажется. Лужи уже подсыхали.

— У вас во дворе?

— У меня, у него — какая разница?

— Разницы никакой, — согласился Борис Платонович, неторопливо возвращая назад листки перекидного календаря. — Но для освежения памяти мы с вами попробуем возвратиться в недавнее прошлое... Значит, лужи уже подсыхали, мальчишки гоняли мяч, а девочки прыгали через веревочку... Или, может, чертили на асфальте классы?

— Ну-ну, — покровительственно усмехнулся Корнилов. — Поглядим, что у вас получится.

— Без вашей помощи у меня ничего не получится, Петр Васильевич... Вы когда были у Солитова? Вечером? Днем?

— Ближе к вечеру.

— На даче?

— Зачем на даче? В Москве.

— И по какому, позвольте полюбопытствовать, поводу?

— Одна, но пламенная страсть, гражданин следователь. Книги.

— Надо полагать, привезли Георгию Мартыновичу какую-нибудь редкость?

— Ничего я ему не привозил. И вообще, за кого вы меня принимаете? Книги — мое хобби. Я коллекционер, а не торговец. Иногда, конечно, продаю кое-что, но больше меняюсь со знакомыми библиофилами. Имею право?

— Экий вы, голубчик, чувствительный. — Гуров неторопливо снял очки и, подышав на стекла, протер их кусочком замши. — У меня и в мыслях не было покушаться на ваши права. Обменивайтесь себе на здоровье. Речь ведь идет лишь о воссоздании обстановки. Разве мы с вами не договорились?.. О чем вы беседовали с профессором, не припомните?

— Допустим, об Альбрехте Дюрере. Вас это устраивает? О факсимильном альбоме.

— Вполне... А от Солитова куда направились?

— Думаете, я помню? — Петя негодующе пожал плечами. — Надо полагать, прошелся по ближайшим букинистическим и вернулся домой... А может, в кафе поужинал. Это в детстве один день на другой непохожим казался. Нынче время летит, мешая события и лица. Все как в мясорубку проваливается.

— Своеобразное сравнение, Петр Васильевич, ничего не скажешь... Однако предположим, что в тот вечер вы вернулись домой, даже после ужина в ресторане... Что по телевизору показывали, не обратили внимание?

— Я уже забыл, когда врубал ящик в последний раз. Каждый день одно и то же.

— Позвольте мне вмешаться в вашу беседу. — Люсии слегка привстал с дивана. — Если я не ошибаюсь, профессор Солитов переехал на дачу в последних числах марта, двадцать седьмого, коли быть абсолютно точным. Как вы полагаете, Петр Васильевич, почему он оказался в тот день в Москве?

— А я знаю? Он же в институте работает, на кафедре. Мало ли какие могли быть дела... Вспомнил! — Петя торжествующе рассмеялся. — У них на другой день субботник намечался! Так что Георгий Мартынович загодя прибыли.

— Вот мы и установили с вами точную дату. — Борис Платонович вернул календарь на прежнее место. — У них, как вы изволили выразиться, намечался субботник. Как и все советские люди, Георгий Мартынович готовился встретить праздник труда... Больше вы с ним не виделись?

— Нет.

— И не звонили?

— И не звонил.

— Боюсь, что на сей раз память вас основательно подвела. Мы располагаем сведениями, что вы все-таки говорили с ним по телефону после той встречи. По крайней мере, один такой разговор имел место 16 августа.

— Интересное кино! — Петя закинул ногу на ногу, обнажив спущенный носок, к которому пристали какие-то колючие семена. — У них, видите ли, сведения есть, а я вот почему-то не помню. Поглядим, что вы мне шьете...

— Были за городом недавно, Петр Васильевич? — благодушно поинтересовался Люсин.

— Так-так... Похоже, я нахожусь под колпаком. Мои телефонные разговоры подслушивают, за мной следят — и все такое прочее. На каком, хотелось бы знать, основании? С чьей, позволительно спросить, санкции?

— У вас мания преследования, Корнилов! — Люсин порывисто поднялся и, пройдя к окну, слегка прислонился к широкому подоконнику. — Кому вы нужны? Просто я совершенно случайно обратил внимание на облепившие вас колючки... Однако должен предупредить, что вам действительно грозят серь-

езные неприятности, если вы не перестанете валять дурака. Имейте в виду, что профессор Солитов пропал без вести сразу же после вашего звонка. Вам придется напрячь свои мозговые извилины и сообщить нам, где вы были в тот день и что делали, минута за минутой. Надеюсь, с августом дело пойдет легче, чем с более отдаленным апрелем... Извините, пожалуйста, Борис Платонович.

— О чем вы говорите, Владимир Константинович! — улыбнулся Гуров. — Вполне существенное замечание... Так как насчет 16 августа, Петр Васильевич?

— А как насчет 31 июня, инспектор? — Петя хмуро покосился на Люсина. — Вы, например, можете вспомнить, как провели этот день?

— Похоже, вы не вняли добрым советам, Корнилов. Кстати, для вашего сведения, в июне всего тридцать дней.

— Ну и бог с ними, мне без разницы. Меня в создавшейся ситуации интересует совсем другое: как обстоят нынче дела с социалистической законностью? С презумпцией невинности? Это все отменяется или что?

— Не путайте невиновность с невинностью, Корнилов. Это смешно. — Люсин, словно бы потеряв всякий интерес к разговору, отвернулся к окну.

— Действительно, Петр Васильевич, по части юриспруденции у вас в голове полнейший хаос, — как бы вскользь заметил Борис Платонович. — Ваша ссылка на нарушение социалистической законности абсолютно беспочвенна. В чем вы усматриваете такое нарушение?

— Когда тебя обвиняют неведомо в чем, когда шьют дело...

— Стоп-стоп! — Гуров предупредительно постучал по столу. — Не увлекайтесь. Вы находитесь здесь лишь в качестве свидетеля, о чем были своевременно предупреждены и дали соответствующую подписку. Насчет обвинений не было сказано ни слова.

— Пока, — уточнил Люсин, вглядываясь в беспросветное небо над крышами. — Хотелось бы напомнить, что профессор Солитов имел при себе крупную сумму денег.

— И что с того? — Корнилов вскочил, резко отбросив стул. — Я его ограбил? Убил? Вы это хотите доказать? Это?!

— Сядьте, — не оборачиваясь, бросил Владимир Константинович. — И постарайтесь усвоить, что подобными заявлениями вы сами свидетельствуете против себя. Да простит меня Борис Платонович, но я питаю на ваш счет серьезные сомнения, Корнилов. И дело не только в вашем поведении.

— Да-да, — подхватил Гуров. — Ваши реакции не всегда, как бы это поточнее сказать, адекватны.

— Это — с одной стороны. — Люсин словно бы отстаивал свою, несколько отличную от Бориса Платоновича точку зрения. — А с другой, думается, будет правильнее, если мы скажем свидетелю, что знаем, ради чего он пригласил в тот день профессора Солитова.

— Интересно, — выдавил из себя Корнилов, пряча слегка задрожавшие руки.

— Я думаю, Владимир Константинович, что будет лучше, если Петр Васильевич расскажет сам, — вкрадчиво заметил Гуров.

— Конечно, это был бы наилучший вариант. По крайней мере, мы получили бы подтверждение искренности свидетеля. Но он почему-то предпочитает запутываться в своем голословном отрицании все глубже и глубже. В чем дело, Корнилов? — Владимир Константинович отошел от окна и присел на краешек стола. — Чего вы, собственно, боитесь? Ваши букинистические игры, можете поверить на слово, никого не волнуют. Речь идет о жизни человека, и какого человека! Поймите же наконец.

— То есть как это о жизни? — Петя Корнилов испуганно заморгал. Похоже было, что он только сейчас полностью уяснил создавшуюся ситуацию. — Разве Георгий Мартынович?..

— А вы как думали? — Люсин вновь устроился на диване. — Ведь больше двух месяцев минуло. Человек снял со сберкнижки деньги и вдруг исчез среди бела дня.

— И никаких следов?

— Почему никаких? — Люсин украдкой переглянулся с Гуровым. — На вас, полагаете, мы по наитию вышли?

— Я-то тут с какой радости?

— Вот это нам и предстоит сейчас уточнить. Спокойно, доказательно, объективно. — Владимир Константинович почувствовал, что добился перелома. — Поставьте себя на мое место, Корнилов.

— Ну!

— Тогда вы должны понять, что в ваших интересах всемерно помогать следствию.

— Мне кажется, что Петр Васильевич уже уяснил определенную деликатность своего положения. — Гуров сочувственно кивнул Пете. — Продолжим, если не возражаете? — И положил пальцы на клавиши «Рейнметалла». — Итак, без лишних слов, на какую приманку вы выманили в то утро Георгия Мартыновича?

— Ну и шуточки у вас: «приманка», «выманил»... Официально заявляю, что я стал жертвой рокового совпадения.

— Шутка, согласен, не слишком уместная, но на вопрос, пожалуйста, ответьте.

— Во-первых, я позвонил ему не утром, а вечером, накануне, а во-вторых, сформулируйте свой вопрос по-человечески, без хитроумных уловок.

— Будь по-вашему, — с готовностью согласился Гуров. — О чем вы говорили с профессором Солитовым по телефону вечером 15 августа сего года?

— Я сказал, что мне случайно попалась любопытная книга. Георгий Мартынович заинтересовался и пообещал заглянуть на другой день, но почему-то не приехал. Больше ничего сообщить по этому вопросу не могу.

— Какая именно книга? — требовательно спросил Люсии.

— Это имеет значение?.. Хорошо, я скажу. Речь шла о богемском травнике семнадцатого века из библиотеки императора Рудольфа.

— Откуда это известно, что из библиотеки императора?

— На титуле была печать.

— К вам она каким путем попала?

— Совершенно случайно. Умер один старый коллекционер, и дебилы наследники распродали все его книги, причем по частям, идиоты.

— «Один коллекционер» — это нас не устраивает, — словно позабыв про магнитофон, Люсин неторопливо раскрыл блокнот. — Имя, фамилия, адрес, что за наследники. Все это придется вам написать в виде отдельной записки.

— Зачем вам это? — с опаской осведомился Петя.

— С одной-единственной целью: проверить каждое ваше слово.

— Спасибо за откровенность.

— Книга все еще находится у вас?

— Н-нет, к сожалению, такие вещи долго не задерживаются.

— Ладно, к этому вопросу мы еще вернемся. Сколько вы запросили за свое сокровище?

— Конкретно о сумме речь не шла, — уклончиво пробормотал Петя. — Разве что грубо ориентировочно... Я уже точно не помню.

— Хватит ссылаться на забывчивость! — Люсин слегка повысил голос. — Имейте в виду, что нам известно, сколько денег снял Георгий Мартынович со сберкнижки. Не упускайте свой шанс, Корнилов. Докажите, что вам еще можно верить.

— Ну да, а после вы станете лепить мне спекуляцию.

— Владимир Константинович, кажется, уже дал вам разъяснения на сей счет, — осторожно вмешался Гуров. — Я со своей стороны, как говорят, не для протокола, могу лишь заметить, что на суде, если до этого дойдет, вы будете вправе отказаться от своих показаний. Но я почему-то уверен, что мы с вами поладим без всякого суда... Итак, сколько вы запросили за книгу?

— Полторы, — после долгого размышления ответил Корнилов.

— Тысячи? — на всякий случай уточнил Борис Платонович.

— Кстати, куда вы звонили в тот вечер Солитову: на дачу или же на квартиру? — спросил Люсин.

— На дачу.

— А собственно, почему профессор, пожилой, уважаемый всеми человек, должен был обязательно ехать к вам? Не проще ли было вам самому отправиться к нему на Синедь?

— Не знаю, право. — Петя взглянул на Люсина с некоторой растерянностью. — Уж так вышло. Да и не с руки мне было перетьться на край света с таким талмудом. Мало ли что...

— Ладно, это я так, замечание по ходу. — Владимир Константинович демонстративно закрыл блокнот. — Лично мне почти все ясно. Еще раз простите за вмешательство, Борис Платонович.

— Собственно, мы приблизились к финишу. — Гуров довольно потянулся в предвкушении предстоящего отдыха. — Остается уточнить, Петр Васильевич, где и как вы провели интересующий всех нас день 16 августа?

— Короче говоря, если я не ошибаюсь, вас интересует мое алиби?

— Вы не ошибаетесь.

— К великому сожалению, у меня его нет. Весь день я провел дома. Сначала ждал профессора, потом занялся составлением одного библиографического списка и провозился до ночи. Живу я одиноко, и никто не может свидетельствовать в мою пользу.

— Ничего страшного, — успокоительно заметил Гуров. — В такого рода делах вообще не бывает полного алиби. Ведь в принципе вы могли позвонить Солитову и не по собственной воле, а, скажем, выполняя чье-то поручение. Это первый вариант. Возможен и второй. Вы могли рассказать об условленной встрече другому лицу, причем без всякой задней мысли. В этом случае вы не несете ответственности за неблаговидные действия этого лица, при условии, конечно, что назовете его нам. Я ничего не утверждаю, а лишь выдвигаю вполне естественные предположения.

— Одним словом, куда не кинь, всюду клин, и мне хана?

— По-моему, вы превратно истолковали мое разъяснение. Мы ничего от вас не скрываем, ни я, ни Владимир Константинович. Игра идет, что называется, в открытую. Такое доверие надо ценить, Петр Васильевич. — Гуров протянул Корнилову отпечатанный протокол. — Пожалуйста, прочитайте и, если согласны, подпишите свои показания.

— А что потом?

— Потом? — Борис Платонович недоуменно пожал плечами. — Потом вы напишите, у кого купили и кому продали книгу. Я тут же отмечу вашу повестку, и мы разойдемся, к обоюдному удовольствию. Если понадобится, вызовем еще. Об ответственности за дачу ложных показаний вы знаете. Подписали? Значит, все правильно? Ну, и расчудесно... А теперь пройдите в приемную. Там вам дадут перо и листик бумаги.

— И что ты о нем думаешь? — спросил Люсин, закрыв за Корниловым дверь.

— Дрянцо-человечек, но к делу, по-моему, не причастен.

— Мне тоже так кажется, хотя чего-то он явно не договаривает.

— Боится, что всплывут живописные подробности книжных гешефтов. Это очевидно.

— Не только, Борис Платонович, тут что-то еще есть... Я бы понаблюдал за ним недельку-другую.

Глава двадцать пятая

ЛЮБОВНИЦА АРАМИСА

Березовский просыпался теперь по утрам с давно забытым ощущением жадного и радостного нетерпения. Так бывало в далеком детстве, когда каждый новый день манил продолжением увлекательной и вечно новой игры.

Он жил в самом доподлинном замке-дворце, среди теней, в которых узнавал черты им же самим выдуманных героев. Заманчиво было выискивать в тусклой дымке старинных зеркал персонажей грядущих романов, которые, скорее всего, останутся промелькнувшим видением. Разбирая собранные в библиотеке письма и документы, Юрий Анатольевич с веселым удивлением следил за конкурентной борьбой, которую вели безмолвные тени. В счастливые мгновения полного сосредоточения ему начинало казаться, что сам он почти не причастен к мелькающим в воображении сценам.

Алхимика Мельхиора, теряющего рассудок под колокольный звон, сменяла очаровательная негодяйка-маркиза, которой в роковую минуту предательства давал пинка безымянный пока пражский студент, повстречавший в переулках Юзефова глиняного истукана. В сокровищницах, которые открывались перед Березовским, словно по волшебству, хранился материал для книг, которые можно было бы сочинять до скончания века. От подобной перспективы становилось как-то не по себе.

С рассветом он отправлялся к форелевому ручью, где за каких-нибудь полчасика выхватывал несколько радужно сверкающих крапчатых рыбин. Форель не брала приманку в прозрачной воде, поэтому перед каждым забросом приходилось бросать в стремнину лопату-другую песку, заботливо припасенного здешним егерем. Именно ему и сдавал Юрий Анатольевич ежедневный улов, боясь нарушить навязанный врачами режим. Но те дни, тогда он позволял себе немного полакомиться, оставляли в памяти неувядаемый след. В этом мнилось что-то влекуще запретное. Нечто подобное переживал, наверное, крестьянский парень, украдкой пробравшийся в охотничьи угодья сеньора. По феодальному праву за самовольную ловлю форели можно было угодить в колодки.

Отдохнув за чашкой чаю на веранде ресторанчика, где так упоительно пахло сосновой доской, Березовский возвращался в свою комнату. Там уже вовсю пылали в камине дрова, а в фаянсовом кувшине для умывания ждала свежая колодезная вода. Лишь электрическая лампа — ему так хотелось почитать вечерком при свече — мешала полному слиянию с этими стенами и потолками, где, многократно отражаясь, еще не совсем замерло эхо минувших дней.

К двенадцати, когда открывались ворота музея, Юрий Анатольевич спускался во внутренний двор. Сплошь оплетенная лозами стена, легкие портики и гербы на фронтоне палаццо всякий раз напоминали ему об Аквитании. Смутно мерещившийся строителям замка идеал нашел здесь предельно полное воплощение, несмотря на эклектическое смешение стилей и вопиющее небрежение элементарными законами архитектуры. Победа духа всегда достигается ломкой форм.

Поднимаясь по скрипучей винтовой лестнице и отыскивая в причудливых резных узорах знакомые элементы пятиугольника, Березовский лишний раз убеждался в том, что кто-то постарался взрастить на чужбине альбигойскую розу. Прожив несколько упоительных дней в доме, где таинственно скрещивались мировые линии эпох и судеб, он успел изучить и бывших его хозяев. Он постигал их характеры и вкусы по писанным живописной кистью портретам, по любовным письмам, что хранились в фамильных шкатулках, по мелочам интимного быта и книгам, в которых с точностью до крейцера записывались расходы. Но чего-то постоянно недоставало. Словно минувшее и впрямь было запечатано тайным знаком на камне и дереве, понятным лишь посвященному.

Последние обитатели замка, владевшие родовым поместьем вплоть до 1945 года, оставили после себя великое множество фотографий, рассованных по пухлым альбомам, переплетенным в сафьян, а то и вовсе без разбору сваленных в ящики столов.

Перебирая визитные карточки с коронками титулованных особ, поздравительные открытки и послания соболезнования с черной каймой, Юрий Анатольевич все чаще думал о том, насколько случаен или, напротив, исторически закономерен был выбор пэра Франции, решившегося навсегда поселиться в чужой, доселе ему неизвестной стране.

Шарль Аллен Габриель, принц де Роган, сбежавший от якобинского террора в коронные владения кайзера Леопольда Второго, выстроил свою новую резиденцию в Северной Богемии, неподалеку от старинного города Турнова. Место было выбрано со знанием дела. Наивно полагая, что все красоты земли сосредоточены только во Франции, принц испытал приятное разочарование. Изобилующие дичью густые леса, окаймляющие причудливые нагромождения скал, произвели на него неизгладимое впечатление. Видно, недаром прозывались турновские окрестности «Чешским раем». Еще с тринадцатого века, когда под впечатлением крестовых походов вся

рыцарская Европа пришла в движение, этот исконно славянский край начали прибирать к рукам немецкие феодалы.

Шарль Роган попал, таким образом, не в дикое поле, чего он втайне опасался, а на давным-давно обжитые места, с многовековыми традициями культуры. Здесь все было привычно для слуха и зрения. Господа в атласных камзолах и париках разгуливали среди прямоугольно подстриженных деревьев, болтали по-французски, ездили в удобных каретах с лакеями на запятках, проигрывали состояния, понимали толк в хорошей охоте. Одно казалось непостижимым: странное пристрастие к пиву, хотя не ощущалось недостатка ни в шампанских, ни в бургундских винах. На худой конец могло сгодиться венгерские, особенно из виноградников Бадачони. Женщины — кто может сравниться с француженками? — тоже оставляли желать лучшего. Не тот темперамент.

Пустить сразу корни принц поостерегся: все выжидал, как развернутся события на милой родине. Брошенные в корзину головы Людовика и Марии Антуанетты так и стояли у него перед глазами, равно как и окровавленный нож гильотины. Ведь это была его родная кровь! Связанный родственными узами чуть ли не со всеми царствующими династиями Европы, он все еще лелеял надежду на реставрацию Бурбонов. Но императорский венец, который корсиканский разбойник чуть ли не вырвал из рук его святейшества, лишил беглеца последних упований, а битва под Аустерлицем — ведь это так близко! — повергла прямо-таки в ужас. Троны шатались под задами коронованных родичей, и Франция была потеряна навсегда.

Следовало поскорее на что-то решаться. Выбор напрашивался сам собой. Если в Россию, где деньги валялись чуть ли не под ногами, бежали преимущественно обедневшие аристократы, сумевшие унести в придачу к голове лишь смену белья, то скуповатый Хофбург облюбовали люди достаточно состоятельные. Принц Шарль — теперь его все чаще именовали Карлом, — которому удалось тайно вывезти из страны большую часть фамильных сокровищ, знал, где вернее укрыться от бурь истории. Потомок кардиналов, герцогов и великих магистров, более знатный, чем злосчастный французский король, он решил присягнуть венским Габсбургам, рьяным блюстителям незыблемости феодальных устоев и самого махрового католицизма.

Кто-то из рогановских предков сказанул однажды в припадке непомерной гордыни: «Королем я быть не могу, герцогом — не желаю, я — Роган!»

Как человек трезвомыслящий и достаточно умный, принц здраво смотрел на свое незавидное положение эмигранта. Получив 27 ноября 1808 года княжеский диплом из рук кайзера, который был всего лишь австрийским эрцгерцогом и королем какой-то Богемии, он рассыпался в верноподданнических заверениях. Отныне и навсегда княжеская фамилия Роган-Жомини унд Рошфор была внесена в «Распорядок рангов» императорско-королевского двора.

Бывший пэр Франции переборол себя и примирился с участью второразрядного фюрста[1]. Ведь в этом «Распорядке рангов» на самом переднем месте стояли князья, такие, как герцог Аремберг, Лобковицы или Салм-Салмы, чьи даты введения относились к шестнадцатому, семнадцатому векам. Вместе со столпами империи Ойерспергами и Шварценбергами они составляли элиту, отмеченную литерой «А». Хоть и зачисленные в тот же разряд, Роганы-Жомини все ж должны были довольствоваться его низшей подгруппой немедиатизированных и коренных князей. Тот факт, что в ней находились фамилии, правившие некогда Польшей, — Понятовские, Кинские, — служил для Рогана слабым утешением. Ему они не ровня. Его род вошел в анналы истории еще в одиннадцатом веке. Много раньше самих Габсбургов!

Но стоит ли сетовать на судьбу, если гроссмейстер суверенного ордена Иоанна попал в тот же самый разряд? И это не кто-нибудь, а глава первого в христианском мире духовно-рыцарского ордена, основанного самоотверженными французскими паладинами. Когда-то надменные освободители гроба господня кичливо именовались «преимущественными величествами». Ныне и для магистра-иоаннита нашлось подобающее по немецкому ранжиру местечко. Шарль не без удовольствия прочитал сделанную мельчайшим, но безукоризненно каллиграфическим почерком приписку: «Ранг кардинала...» Вот тебе и «преимущественное величество»! Впрочем, красная митра куда дороже королевской короны, если та падает вместе с головой. Воистину невзгоды ближних помогают нам переносить собственные.

Когда свершилась долгожданная реставрация, фюрст Карл фон Роган был уже слишком в летах, чтобы вновь пускаться во все тяжкие. Да и «Сто дней» Бонапарта его достаточно остерегли, и вообще режим короля Шарля Десятого не казался ему прочным.

В 1820 году Роган купил превосходное поместье Сыхров близ Турнова и, расчетливо перестроив усадьбу, зажил в сельском уединении. Его честолюбие было в какой-то мере удовлетворено пожалованием высочайшего ордена Золотого Руна, проценты на выгодно вложенные капиталы росли, и можно было посвятить остаток лет охоте и геральдическим изысканиям.

Княжеские конюхи холили норовистых скакунов, егеря подкармливали кабаньи выводки и оленей, науськивали на подранков еще неуклюжих борзых щенков. Последние знатоки соколиной охоты вывозили в луга птиц, нетерпеливо когтящих рукавицу. Пока надстраивалось восточное крыло, благодаря чему замок приобрел некоторые черты классицизма, местные садовники завершили переделку парка. Вопреки первоначальному намерению владельца сделать все, как в Версале, возобладал более естественный английский стиль. Князь, которому всегда было чуждо тупое упрямство, примирился

[1] Князь *(нем.)*.

и выписал из разных стран образцы редкостной флоры. Как ни странно, но многие из них прижились, обогатив парковый ансамбль роскошеством форм и красок.

Когда все эти, в общем, приятные хлопоты пребывали в самом зародыше, во Франции произошло прозорливо угаданное Роганом потрясение. Бурбоны, которые, как известно, «ничего не забыли и ничему не научились», были окончательно и бесповоротно изгнаны, и кузен Шарль, потеряв трон, с такими трудами добытый для него монархами-победителями, поспешил укрыться все под тем же габсбургским крылом, в радушной и милой Богемии. Ему суждено было стать первым именитым гостем в реконструированном замке Сыхров. В память об этом историческом событии лучшая зала была украшена королевскими лилиями и знаменами дома Бурбонов, которые в отличие от габсбургских «апостолических величеств» звались «христианнейшими королями».

Через год после визита августейшего тезки, изгнанного своим народом, Шарль де Роган почил в бозе на семьдесят первом году жизни, не успев завершить составление развернутых списков кавалеров Золотого Руна. Поэтому в отличие от более знаменитых предков, среди которых были прославленные писатели, военачальники, дипломаты, он не оставил после себя ничего. Его обошла стороной не только подлинная слава Генриха Второго Рогана, победоносного полководца, хитроумного политика и одаренного литератора, но даже скандальная известность герцога-кардинала Людовика, замешанного в громком деле о бриллиантовом ожерелье — афере, по сей день до конца не разгаданной, чьими героями были граф Калиостро, прожженная авантюристка де ла Мотт, Мария-Антуанетта и король Франции. Надо признать, что эта дурно пахнущая история порядком подстегнула набиравший силу революционный процесс и в конце концов привела Людовика Шестнадцатого на гильотину.

Как знать, быть может, родоначальник новой, австрийской ветви Роганов вытащил не худший билетик. По крайней мере, его наследник на целых десять лет перекрыл рекорд отца, оставившего с носом всех прежних Роганов. Не изведав тяжелых болезней и сердечных ран, князь Камил счастливо избег военных походов и поединков. Лишенный честолюбивых комплексов, он умел наслаждаться дарами судьбы и, не пренебрегая светскими увеселениями, целиком посвятил себя рачительному хозяйствованию.

Самым грандиозным его предприятием явилась коренная переделка замка, продолжавшаяся без малого тридцать лет. Именно при нем поместье обрело нынешние свои очертания. Камил совершил почти невозможное. Несмотря на средневековый колорит и всякого рода мрачные аксессуары, дворец стал выглядеть необыкновенно роскошно и, главное, был исключительно удобен для житья. Резные лестничные пролеты, потолочные балки, стрельчатые витражные окна и соответствующим образом декорированная мебель самым естественным образом сочетались с нарядными фаянсовыми калори-

ферами, китайскими и мейссенскими вазами, витыми люстрами, сверкающими позолотой и хрусталем. Всюду свет, много воздуха, музыки и цветов. Особенно солнечной и просторной казалась комната с роялем, в которой гостил по приглашению хозяйского управляющего композитор Дворжак.

Лишь одно помещение было выдержано в подчеркнуто сумрачных тонах. В исторической зале, где принц Шарль принимал свергнутого монарха, наследник не разрешил передвинуть ни единого стула. Переделке подвергся только потолок, украсившийся глубокими готическими кессонами, да были заменены на новые штофные обои и витражи. Благодаря столь легкой косметической операции по соседству с королевскими лилиями появился увенчанный княжеской короной щит Роганов, разделенный вертикально на два поля: на левом, червленом, красовались девять золотых ромбов, справа же пестрел непорочный мех горностая. Под знаком этого милого зверька прославил себя в какой-то давным-давно позабытой баталии один юный виконт, чье геральдическое наследие благодаря династическому браку стало непременным достоянием дома Роганов. Как бы там ни было, но ромбы и горностаевы хвостики назойливо лезли в глаза повсюду. Их сложный орнамент угадывался в драгоценном наборном паркете, в оконных переплетах, карнизах, книжных шкафах. Сам виконт был изображен на одном из витражных портретов, украшающих столовую. В тяжелом доспехе и верхом на коне, также защищенном железом. На других окнах красовались другие всадники-предки, кто в берете, кто в шляпе с пером, а кто в плаще с мальтийским крестом. Специальная надпись, выполненная готическим шрифтом, увековечивала их славные деяния. Судя по всему, скандал, случившийся с герцогом-кардиналом Луи, явился досадным исключением. Роганы более поздних эпох были увековечены на живописных полотнах, развешенных вдоль лестницы и во внутренних покоях, не предназначенных для чужих глаз. Порой их несколько унылый строй чередовался с портретами августейших кузенов вроде «короля-солнца» Луи Четырнадцатого или Филиппа Пятого Анжу. Родственные представительницы прекрасного пола сгруппировались в спальне княгини, удачно дополнив капризные извивы рококо и багетное сияние, обрамлявшее тонкие пейзажи Франческо Кановы. Дамы не столь значительные нашли успокоение в так называемом дамском салоне, заставленном легкомысленными козетками и всевозможными пуфами, где общество наслаждалось иногда игрой заезжего скрипача-виртуоза. Королевские любовницы и матери кардиналов, жены академиков и маршалов Франции, они, как и при жизни, продолжали смотреться в бездонный омут венецианских зеркал.

Невзрачное сумеречное стекло, с помощью которого кудесник Лев показал императору Рудольфу тени его родителей, молодой князь никогда не выставлял на глаза. Купленное Шарлем в Вене за триста серебряных гульденов, оно пылилось в потаенной каморке, куда нельзя было войти, не зная секрета. Лишь для единственной

женщины было сделано исключение — для прекрасной Шевретты — герцогини де Роган де Шеврез.

Ловкая политическая интриганка и заговорщица, посмевшая бросить вызов всесильному кардиналу Ришелье, взирала на худосочные выродившиеся поколения со снисходительной улыбкой. Подруга Анны Австрийской, столь пылко воспетой Дюма-отцом, и возлюбленная таинственного мушкетера, ставшего потом генералом иезуитского ордена, она умела прощать людские слабости. Кстати, это тоже было фамильной чертой.

Когда из зарубежной командировки вернулся директор музея доктор Индржих Врана, для Березовского не осталось в Сыхрове никаких тайн. За исключением мальтийского жезла, что, естественно, особенно волновало, и магических зеркал кабалиста Лева. Поскольку никто из персонала ничего об этих предметах не слыхал, Юрий Анатольевич с нетерпением дожидался приезда Враны, широко известного своими многочисленными публикациями о всякого рода музейных редкостях.

Директорский кабинет находился в покоях, которые еще в начале века занимал комиссар сыхровских имений и друг гениального Дворжака Антон Гебль. Переступив высокий порог, Березовский испытал некоторое разочарование, обнаружив сугубо современную деловую обстановку с телефонами, цветным телевизором и баром, искусно замаскированным среди книжных полок.

Доктор Врана оказался симпатичным пожилым человеком в строгом черном костюме, который очень шел к его румяному лицу и совершенно серебряным волосам.

— Как у вас говорят, за знакомство по маленькой, — предложил он на вполне сносном русском языке. — Что вы желаете: коньяк или рум?

— Троху рум просим, — улыбнулся Березовский, исчерпав запас чешских слов. — Если, конечно, за этим не последуют пиво, сливянка, «контушовка» и «черт».

— Швейк? У нас есть специалисты, знающие его наизусть, до последняя... писмена, до буквы.

— Когда-то я тоже помнил целые страницы. Настольная книга.

— Но сами вы пишете в другом стиле.

— Вы читали? — Березовский приятно удивился.

— Я читал, и мне понравилось. Я понимаю, что вас привело в Сыхров... Ваше здоровье. — Врана наполнил узкие рюмочки темным, как кофе, ромом местного производства.

— За вас, за ваш замечательный музей. — Юрий Анатольевич вежливо пригубил. — Я жил здесь, как в сказке. Не хочется уезжать.

— Оставайтесь еще, мы славно поработаем вместе.

— Рад бы, да дела ждут. Еще пару деньков и...

— В Турнове уже были, местные достопримечательности видели?

— Еще бы! Эти замки над Изерой прямо с ума меня свели.

— О, чего-чего, а всяких замков и крепостей у нас в стране хватает! Около тридцати тысяч.

— И каждый град набит историческими сокровищами.

— Не каждый, но музеев, вы правы, много. У нас давний опыт музейного дела.

— Кстати, о замках. Это не ваши предки владели Врановом?

— Мой отец был потомственным настройщиком органов. Таких специалистов, каким был мой покойный отец, теперь нет... Мои коллеги сообщили мне, что у вас есть какие-то вопросы насчет Роганов?

— Всего два, но боюсь, что они не из легких.

— Тогда, пожалуйста.

— Прежде всего, мне бы хотелось узнать насчет зеркала Лева. В книге расходов я нашел запись, что оно было куплено...

— Да, за триста гульденов, я знаю. Еще живы старики, которые видели его, но сам я не видел. В годы нацистской оккупации за ним специально из Праги приезжали эсэсовцы. По личному заданию Эйхмана. С тех пор его никто не видел и никто не знает, где оно теперь.

— Жаль.

— Много исчезло невосполнимых ценностей в те страшные годы. Но о мученически погибших людях я сожалею больше, чем о вещах.

— И что говорят об этом зеркале очевидцы?

— Я однажды беседовал с Роганом на эту тему. Он сказал, что это было зеркало с секретом. С одной стороны сквозь него было видно, если смотреть в темноту. Это и позволяло делать всякие фокусы.

— Вы знали Рогана? Последнего владельца?

— Он остался работать у нас в качестве экскурсовода. — Врана усмехнулся и помотал головой. — «Раньше вся эта роскошь принадлежала паразитам, — было его излюбленной присказкой, — теперь это ваше»... Уговоры на него не действовали. Характер!

— И чем все кончилось?

— А ничем. Дали доработать до пенсии.

— Других наследников не осталось?

— Где-то живут побочные потомки. В Брно, я знаю, работает на почтамте такой Зденек Роган, но это уже настоящий чех. Тем паче жена его — пани Роганова. Совсем по-нашему звучит, правда?

— Волшебная сказка с современной концовкой, — меланхолично заметил Юрий Анатольевич. — Так и должно быть. Однако в истории с мальтийским жезлом я, честно говоря, предпочел бы более романтическую развязку... Это вторая моя проблема, соудруг Врана. В вашем замечательном музее я знаменитого скипетра не нашел. Разве что на портрете великого магистра Рене де Рогана.

— Ну и как, согласуется он с вашими описаниями?

— Не очень, что меня не так уж сильно волнует. Хуже другое — он существенно отличается от павловского оригинала.

— Жезл, который находится сейчас в Павловске, был сделан в 1798 году в Риме по специальному заказу графа Литта.

— Где же подлинник?

— Говорят, что был здесь, у нас.

— Говорят? — с ноткой недоумения переспросил Березовский.

— Именно. К сожалению, никто не потрудился должным образом оформить показания немногих живых свидетелей. Сейчас эта история настолько обросла легендой, что уже не отличить правду от выдумки. Согласно наиболее распространенной версии жезл достался нацистскому протектору Гейдриху. Только такой ценой Рогану удалось спасти от верной смерти шестнадцать заложников.

— И он пошел на это!

— Как говорят, не колеблясь... Кое-кто считает, что среди арестованных находилась женщина, которую он безумно любил. Последняя любовь! Это очень много значит в жизни мужчины, но вам этого пока не понять.

— А куда жезл девался потом?

— Тут начинается цепь всевозможных россказней. Принято считать, что вдова кровавого палача продала реликвию американцам. Не исключено, что она действительно находится в частной коллекции какого-нибудь миллиардера. Очень может быть.

— Но мне не удалось обнаружить даже сколько-нибудь примечательных документов.

— Кое-какие документы сохранились. Я их вам покажу. Но вообще-то вы совершенно правы. Мальтийский диплом, письма и прочие важные документы исчезли вместе с жезлом.

— Неужели не осталось никаких следов? — Березовский не сдержал горестного восклицания. — Хотя бы карточки в каталоге?

— О каком каталоге может идти речь, если тут находилось приватное владение? Музей создали уже после войны, при народной власти.

— Конечно-конечно, я совершенно забыл... Значит, ничего-ничего не сохранилось?

— Легенда — это уже нечто. У вас в романе, например, жезл служит ключом к ларцу с альбигойскими реликвиями. Недурно придумано. Но ведь возможен и другой вариант?

— Какой, если не секрет? — Березовский нетерпеливо подался вперед.

— В том-то и дело, что секрет! — доктор Врана удовлетворенно потер руки. — Есть сведения, что в анналах ордена, хранящихся в его суверенных владениях в Риме, содержится упоминание о рецепте какого-то сильнодействующего снадобья, передаваемом от гроссмейстера к гроссмейстеру. Этот рецепт, должным образом зашифрованный, хранился в потайном отделении жезла. Добраться до него мог только посвященный в тайну.

— Подобные игры были в стиле эпохи! — заинтересованно покачал головой Березовский. — А что за рецепт, не знаете?

— Точно не знаю. Но смею предполагать, что речь могла идти о чем-то вроде продления жизни.

— Именно поэтому Литта и решился подменить жезл! Но это значит, что он не желал долгого правления Павла?

— Очень возможно. Боюсь, что эту загадку нам уже никогда не разрешить.

— Однако я знаю человека, который дальше других продвинулся в этом направлении. Я даже держал в руках рукописи, которые разыскал в библиотеке монастыря Тепла.

— Вы имеете в виду профессора Солитова? — обрадовался Врана. — Обаятельная личность! Он гостил у нас этой зимой и всех совершенно очаровал.

Юрий Анатольевич ничего не сказал в ответ, но первоначально показавшаяся дикой мысль о том, что Солитов мог решиться на отчаянный опыт, все настойчивее ласкала его воображение.

Заснуть на самом взлете жизни с надеждой проснуться через двадцать четыре года! Чем долее он думал, тем больший смысл находил во всем этом.

Глава двадцать шестая

ТАЙНЫ ЗАМКА ТИФФОЖ

Авентира V

Мечом, изготовленным по всем канонам магического искусства, Корнелиус из города Брюгге очертил широкий круг. Описав внутри него окружность немного поменьше, он расположил по странам света четыре имени бога-отца, чередуя их спасительным знаком тулузского креста.

Тот же символ был выгравирован и на эфесе меча рядом с могучим заклинанием TEVDLS[1]. Мало того, для защиты от недобрых влияний на груди и запястьях теурга висели кожаные мешочки с зашитыми в них охранительными пентаклями, изготовленными по чертежам кабалистов Кордовы.

Корнелиус был человеком набожным и называл свое опасное ремесло «белым», ибо ни разу имя нечистого духа не осквернило его уст. Уповая на помощь одних только ангелов небесных, он возмечтал в эту трижды благословенную ночь святого Жана добиться желаемого: узнать, где зарыты сокровища, увезенные из Тампля сто одиннадцать лет назад. К этому Корнелиуса давно склонял благородный рыцарь де Ре, приютивший гонимого нуждой и страхом костра ученого в своем роскошном дворце.

Корнелиус вписал во внутренний круг пентаграмму, расставил по вершинам ее масляные плошки и зажег фитили. Пять огоньков озарили опушку леса, мириадами искр вспыхнули сонные травы, залитые обильной росой. Привлеченные неодолимой силой, слетались на свет ночные бабочки. Примолкший было лягушачий хор с новой силой принялся выводить урчащие рулады. Мигали сдуваемые теплым ветерком светлячки. Бесшумные совы кружили над камышовыми зарослями. Всякая тварь на свой лад славила всевышнего. Близился вожделенный час.

Ровно в полночь, когда раскрываются тайны земли, Корнелиус надеялся обнаружить тайное место и отблагодарить своего доброго

[1] Ter veri dei laus — слава трижды истинного бога (лат. аббревиатура).

барона за крышу над головой, огонь в очаге и котелок с бараньей похлебкой.

Войдя в самый центр звезды, он поднял над головой меч и уже собрался было произнести заклинание, как небеса полыхнули ослепительной вспышкой, за которой последовал оглушительный раскат грома и почти в ту же минуту хлынул ливень, погасивший огни. Корнелиус счел это недобрым знамением. Очевидно, золото грешников-тамплиеров стерегли злые демоны. Своими действиями он мог вызвать их из царства теней, витающих над провалами ада.

Так оно и случилось.

В ту же ночь, когда из распоротого молниями небесного чрева хлестали ледяные потоки, в ворота замка Тиффож постучался промокший до нитки путник. Стуча зубами от холода, он смиренно просил о ночлеге.

На сей раз злой дух, принужденный являть себя лишь в человеческом облике, избрал жалкую оболочку бродячего некроманта. Он так прямо и отрекомендовал себя мажордому и был впущен, потому что таких, как он, радушно привечали в замках сьера де Ре.

В отличие от твердого в вере Корнелиуса редкий астролог, а уж тем более алхимик не попробовал себя на сомнительном поприще черной магии. И немудрено. Дабы не только чтобы прожить, но зачастую и выжить, герметическим мастерам постоянно приходилось демонстрировать свою мощь. Эликсир Розенкрейца и порох были уделом избранных, остальным оставались мошеннические проделки с золотом да наводящие ужас манипуляции с расчлененными трупами.

Именно к числу подобных алхимиков-некромантов, добывающих свой попахивающий костром хлеб с помощью шарлатанских трюков, принадлежал итальянец Франческо Прелати, всюду и везде хваставший своим домашним, ручным можно сказать, демоном по кличке Баррон. Часто попадавшийся на воровстве и разных мошеннических проделках, он удивительным образом всякий раз выходил сухим из воды. Ради денег изворотливый итальянец мог пойти не только на обман, но и на более тяжкие преступления. Этого человека и приютил маршал Франции Жиль де Лаваль барон де Ре. Приютил на свою беду и в назидание потомству, ибо разыгравшиеся вскоре события не имели себе равных за всю прошлую и последующую историю инквизиции и ведовства.

Что же касается простака Корнелиуса, то коварный конкурент выжил его из замка уже на другую неделю. «Белое» колдовство не могло угнаться за «черным» ни по части добывания золота, ни в заманчивых видах на долголетие. К тому же удаления фламандца потребовал лично Баррон, которого он, по словам Прелати, раздражал своими невежественными заклинаниями. В отместку Корнелиус пустил слух, что по наущению наглого некроманта барон де Ре погубил молодую жену, а за ней и следующую. Так родилась клеветническая легенда.

На самом же деле тот, кого прозвали впоследствии Синей бородой, не убивал своих жен. У него вообще была лишь одна верная подруга жизни — Екатерина де Туар, которую он нежно любил, хотя и не упускал случая прижать где-нибудь в укромном углу молоденькую крестьянку. Здоровяк рыцарь действительно носил бороду, причем большую и золотисто-русую, которую домашний цирюльник бережно расчесывал по утрам черепаховым гребнем. Судьба ничем не обделила Жиля де Ре. Его родовитые предки Краоны и Монморанси оставили ему славнейший во Франции герб и тучные нивы, расположенные в самых плодородных, изобилующих виноградом и дичью частях Бретани. Потеряв в одиннадцатилетнем возрасте отца, он оказался на попечении слабодушного, во всем ему потакавшего деда и зажил вольготной, ничем и никем не ограниченной жизнью. Выпестованный лучшими учителями, молодой сеньор изучил древние языки, разбирался в искусствах, умел наслаждаться тонкой беседой, изысканными яствами, благородными упражнениями в охоте с линялым[1] соколом и фехтовании. Он знал толк и в лошадях, и в добром вине, и в старинном оружии. Страстный библиофил, Жиль де Ре тратил баснословные суммы на приобретение редких книг, которые тут же переплетались в дорогие шагреневые переплеты, украшенные фамильным крестом на золотом поле. Славный герб и необыкновенно славный юноша — книгочей, которого ожидал маршальский жезл. Он получил его в день коронации Карла Седьмого, которому отвоевал трон, сражаясь бок о бок с самой Девой, призванной благим небом спасти Францию от англичан. Ничтожный, неблагодарный королек бросил Жанну на произвол судьбы. Жиль попытался было отбить ее у пособников врага, но опоздал, обманутый предателем, указавшим не ту дорогу. Он подступил со своим войском к Руану, когда все было кончено.

— Я не верю в то, что ее сожгли! — сказал он, узнав о казни. — Она бессмертна.

Очевидно, у него были основания так говорить. Уже находясь при дворе, ему довелось встретиться с мадемуазель д'Армуаз, в которой он признал свою Жанну. Разочаровавшись в придворных забавах, ничего не дававших ни уму, ни сердцу, Ре удалился в свои поместья, где с головой окунулся в алхимические трактаты. Не прошло и нескольких лет, как этот антипод благороднейшего Дон-Кихота стал законченным безумцем. Возжаждав волшебной власти над миром, он с присущей ему необузданностью промотал приданое жены и принялся расточать наследственные богатства. Театральные представления с роскошными костюмами и декорациями, пиры и охоты, на которые съезжалось все окрестное дворянство, словно призваны были затмить своим великолепием королевские празднества. Но затмили они лишь и без того помрачненное воображение бретонского барона. Злые языки обвиня-

[1] Особо ценимый годовалый сокол.

ли Ре в противоестественном влечении к мальчикам, которые якобы стали таинственным образом пропадать то здесь, то там. Поползли мрачные слухи о том, что в боттеге[1], которую он оборудовал для заезжего чернокнижника, изготовляются снадобья из человеческой крови. Как бы там ни было, но маршал действительно изменился. Он сделался нетерпимым и вспыльчивым. К безумным прожектам и экстравагантным выходкам добавились бесконечные тяжбы, которые вконец опустошили фамильные сундуки. И если раньше пристрастие к герметическим сочинениям лишь тешило воображение тщеславного барона, то теперь мечта о философском камне обрела характерные черты болезненной мании. Grand oeuvre[2] представлялось ему единственным средством, способным не только поправить подорванное хозяйство, но и обрести наконец сверхчеловеческое могущество.

Но, к собственному немалому огорчению, Жиль не ощущал в себе призвания к алхимическим подвигам. Он был слишком хорошо образован, чтобы не сознавать свою полнейшую непригодность к постижению таинств. Слова Фламеля о «двух змеях, которые взаимно убивают одна другую и задыхаются в собственном яде» заставляли учащенно биться доверчивое сердце, но ничего не говорили уму. Выход, однако, скоро нашелся, ибо на рынке чудес предложение всегда опережает спрос.

Познав о причудах знатного барона, в его замке проложили тропу всякие некроманты-кудесники, стремившиеся перещеголять друг друга заманчивыми фокусами и обещаниями.

Башни Тиффожа спешно стали переоборудоваться под лаборатории. Усердно раздуваемое мехами, хищно запылало пламя в алхимических горнах. Над замком, о котором из-за пропадающих мальчиков и без того шла худая слава, заклубился вонючий устрашающий дым.

В разгар таких лихорадочных исканий сие родовое поместье почтил посещением августейший гость — дофин Людовик, нагрянувший в сопровождения многочисленной свиты. Чтобы как следует принять именитого гостя, Жилю пришлось вновь обратиться за ссудой к ростовщикам. Впрочем, это его не слишком озаботило, потому что великое деяние обещало с лихвой покрыть любые долги. Жаль было лишь гасить печи, где созревало несметное богатство. Но ничего не поделаешь: тайные грехи, которые все труднее становилось скрывать, научили Ре осторожности. Вход в лабораторию спешно замуровали, а пролаз-алхимиков разместили по вассальным мызам.

Тряхнув стариной, прожженный гуляка пустился во все тяжкие. Едва проводив ублаготворенного принца и его алчную свору, он велел распечатать заветную дверь и вернуть разжиревших на дармовых хлебах шарлатанов.

---

[1] Кабинет врача вместе с аптекой.

[2] Великое деяние *(фр.)*.

Видимо, именно в этот период и произошло первое столкновение между мессером Прелати и хозяином замка, потребовавшим показать наконец знаменитого Баррона. Изворотливый и наглый итальянец, два года водивший доверчивого барона за нос, предпочел не обострять отношения.

— Сию минуточку, ваша милость. — Приложив палец к губам, он на цыпочках отправился разведать обстановку. Затворившись у себя в башне и промучив Жиля долгим ожиданием, возвратился с победной улыбкой на лукавых устах, чтобы поздравить сеньора с успехом. Оказывается, упрямый Баррон в конце концов смилостивился и завалил помещение грудами червонного золота. Ре пришел в совершенный восторг и выразил намерение полюбоваться долгожданным сокровищем хотя бы через щелку. Против ожидания Прелани не стал отговариваться и повел сгоравшего от любопытства хозяина в келью, увешанную скелетами и чучелами крокодилов. Но, едва приоткрыв дверь, он тут же захлопнул ее с испуганным криком:

— Козни дьявола! Козни дьявола!

С трудом оправившись от потрясения, некромант сообщил, что произошла какая-то непредвиденная ошибка: золотую кучу стережет жуткого вида зеленый змей.

— Ах, змей! — вскричал отважный рыцарь, вообразивший себя святым Георгием. — Сейчас мы ему покажем!

Вооружившись мечом и распятием, в котором, согласно преданию, хранилась частица подлинного голгофского креста, он вознамерился взглянуть на чудовище и забрать богатство. Последнее было совсем нелишним, ибо почти все земли уже находились в закладе.

— Остановись, несчастный! — Прелати упал на колени, вновь обнаружив испуг, на сей раз непритворный. — Заклинаю тебя именем, которое не смею произнести! — Он молитвенно сложил ладони и загородил собою дверь. Сражаться с демоном, да еще силой креста господнего, было, по его словам, последней глупостью. Ре, воспитанному лучшими риторами и схоластами Франции, подобный довод показался достаточно веским, и он согласился вернуть семейную реликвию обратно в капеллу.

Этим промедлением и воспользовался злокозненный Баррон, обратив золото в какой-то красный, весьма подозрительный порошок. Пришлось, разумеется при посредстве Прелати, вступить с демоном в длительные переговоры. Сеньор Тиффожа был согласен на все. Собственноручно составив формальный договор, в котором уступал свою бессмертную душу за всеведение, богатство и могущество, он покорно скрепил его кровью. Казалось бы, чего больше? Но коварный василиск настаивал на все новых и новых доказательствах преданности. Сначала это был совершенный пустяк: курица, которую требовалось принести на алтарь по всем правилам сатанизма. Затем враг человеческий потребовал, устами Прелати, свое излюбленное блюдо — неокрещенного младенца.

Вольному барону, безраздельному властителю жизни и смерти своих крестьян, и такое оказалось под силу. Истребив в угоду извращенным страстям сто сорок отроков — так впоследствии значилось в документах процесса, — Ре мог позволить себе потешить дьявола этой единственной жертвой. Знал ли он, что на весах церковного суда она перетянет все остальные, вместе с бессчетными сотнями, приписанными молвой? Не мог не знать, ибо повсюду свирепствовала инквизиция, да не допускал и мысли о каком бы то ни было суде над собой.

Убийства на почве распутства или по иным, не связанным с отправлением культа мотивам были вне компетенции епископа, а светского суда барон де Ре мог не опасаться. В своих землях он был полновластным хозяином. Жаль только, что они были заложены, вернее, проданы с правом выкупа бретонскому герцогу Жану Пятому и его людям — канцлеру и епископу нантскому Малеструа, казначею Жофруа Феррону. У Жиля просто недостало воображения сопоставить столь важное обстоятельство с крохотной жертвой, принесенной на сатанинский алтарь. Зато заимодавцы сразу связали концы с концами. Благо сам Ре дал им заманчивую возможность предотвратить нежелательный выкуп и навечно закрепить за своим гербом доходнейшие поместья.

Нужно было лишь дождаться удобного случая, чтобы вытащить на белый свет всю дьявольскую подноготную: маниакальные изуверства, черную магию, некромантию, сатанизм. Неукротимый барон сам привел в действие приготовленную для него мышеловку. Поссорившись с братом герцогского казначея Феррона, поселившимся в одном из отданных под заклад замков, Жиль собрал под свое знамя с полсотни вооруженных вассалов и пошел войной на собственные владения. Не посчитавшись с духовным саном недруга, которого обнаружил коленопреклоненным у алтаря, Ре выволок его из капеллы, велел заковать в цепи и отправил в подземную тюрьму. Скорый на расправу, барон даже не задумался над тем, на кого поднял руку. Ему и в голову не пришло, что его владения сосредоточены, по сути, в одних руках, ибо канцлер и казначей могли быть подставными лицами в финансовых операциях своего феодального сеньора.

Пока епископ разрабатывал дело об оскорблении церкви и исподволь вел расследование ритуального жертвоприношения, герцог потребовал немедленно освободить пленника и очистить отданный в залог замок, грозя наложить крупную пеню. Окончательно утратив ощущение реальности, Жиль не только отказался подчиниться приказу, но даже набросился на герцогского посланника с кулаками. В ответ на столь недвусмысленное оскорбление герцог незамедлительно осадил Тиффож и принудил буяна к сдаче.

Казначеев братец вернулся на прежнее место и принялся составлять жалобу, столь необходимую в задуманной нантским епископом интриге. Отрезвев от пережитого унижения, Жиль де Ре пораскинул мозгами и решил помириться с герцогом. Предвари-

тельно посоветовавшись с Прелати и получив на то благосклонное согласие домашнего демона, он отправился в Нант. Хитроумный герцог принял раскаявшегося грешника с нарочитым благодушием, что явилось в глазах безумца лишним доказательством могущества Баррона. Вернувшись домой, Ре с удвоенным рвением принялся за алхимические проказы. В полную силу заработали мехи, небо над Тиффожем вновь заволокло разноцветными дымами. Под их зловещей завесой опять поползли слухи о том, что хозяин принялся за старое и губит на потребу дьяволу невинных детей. Светские и духовные власти узнали о том с поразительной быстротой. Герцог, однако, только что примирившийся со строптивым вассалом, предпочел временно остаться в тени, предоставив действовать епископу.

Публично обвинив Ре в ереси и непотребстве, Малеструа потребовал созыва церковного суда, на котором представил восемь свидетелей. В основном это были женщины, чьи дети исчезли самым таинственным образом. Никакими доказательствами против Жиля свидетели не располагали, но заслуженная им мрачная известность заставляла предполагать самое худшее. Епископ, конечно, сознавал легковесность подобных обвинений, но, придав огласке совершенные или якобы совершенные бароном де Ре злодеяния, он надеялся на то, что объявятся и развяжут языки действительные очевидцы творимых в Тиффоже мерзостей. Однако вопреки ожиданиям таких оказалось всего двое, причем их показания были ничуть не лучше прежних. Прямых улик против маршала-колдуна не было, и добыть их без помощи «доктора Ой-ой» не представлялось возможным. Однако отдать пэра Франции в объятия палача было не так-то просто. Путь к дыбе лежал через судебную процедуру.

13 сентября 1440 года епископ Малеструа направил Ре судебный вызов, в котором скрупулезно перечислялись все его действительные и мнимые грехи. Маршал явился на суд с гордо поднятой головой, в полной уверенности в том, что сумеет приструнить не в меру резвых обвинителей. Не сомневаясь в конечном успехе, епископ решил действовать напролом и отдал приказ взять под стражу всех приспешников и слуг хозяина замка, а землю вокруг перекопать. Последнее было проще сказать, нежели сделать, но сама весть о том, что ищут останки убиенных детей, произвела на людей сильное впечатление. В виновности Жиля уже никто не сомневался. Дело принимало для него дурной оборот. Вместо того чтобы заявить через адвоката о своей неподсудности нантскому епископу, маршал Франции попался в ловко расставленную ловушку и в пылу полемики дал согласие прибыть через десять дней на специально назначенное разбирательство, в котором, кроме Малеструа и прокурора, должен был принять участие вице-инквизитор Жан Блонен.

Обвинение не теряло времени зря. Пока самоуверенный барон ожидал назначенного дня, слухи о том, что виновность его уже доказана, распространились по всей Бретани. В резиденцию епископа приходили осмелевшие крестьяне и ремесленники, требуя покарать душегуба. Жиля обложили по всем правилам волчьей охоты.

Все новые безутешные матери громогласно обвиняли его в убийстве пропавших без вести сыновей. Добровольных свидетелей собралось так много, что судьи никак не укладывались в ими же отведенный срок. Пришлось отодвинуть сессию на 8 октября. Это ничуть не огорчило Малеструа, который прекрасно понимал, что каждый лишний день теперь льет воду на его мельницу.

Судебное заседание началось при шумном скоплении негодующих толп. Рыдания и вопли безутешных родителей перекрывались проклятиями в адрес злодея и благословениями, обращенными к его обвинителям. И некому было обратить внимание суда на одно досадное упущение: ни в одном из показаний не прозвучало конкретное имя исчезнувшего ребенка, словно безутешные матери начисто позабыли, как звали их незабвенных детей! На фоне общей экзальтации остался совершенно незамеченным и даже не вошел в протокол и запоздалый протест Жиля, сославшегося на неподсудность. Поздно! Божьему суду подвластны не только владетельные сеньоры, но даже венценосные короли, а судьям в Нанте удалось создать атмосферу именно божьего суда, довести наэлектризованность до высшего предела и свести на нет любые возражения. Жиль де Ре был обречен, хотя понял это лишь в объятиях палача, который с садистским сладострастием принялся выворачивать ему суставы.

Но пока до крайностей не дошло, он держался с присущей ему самоуверенностью и презрительным молчанием отвечал на обращенные к нему вопросы. Однако это не лишило прокурора уверенности, когда он перечислял инкриминируемые обвиняемому деяния, тщательно распределенные по сорока девяти пунктам. Здесь было богохульство и колдовство, оскорбление святынь и священнического сана, сношение с дьяволом и злокозненная ересь. Зато о детоубийстве, которому придавали такое значение до начала процесса, упоминалось теперь как-то вскользь, причем в самом конце обвинительного акта, где перечислялись порочные черты обвиняемого, склонного к противоестественным влечениям, пьянству и кутежам. Получалось, что Жиля де Ре судили совсем не за то, в чем он действительно был как будто виновен. Сто сорок детских жизней легли в одну строку с винопитием!

Напрасно Жиль обзывал судей лжецами и злодеями, напрасно вновь и вновь твердил о своей неподсудности. Вице-инквизитор, перед которым за долгие годы прошли толпы ни в чем, в отличие от сеньора Тиффожа, не повинных людей, видел и не таких героев, и все они в конечном итоге получали свое. Он вообще не обращал внимания на возражения и протесты.

Когда после утомительного для всех перечисления обвинительных пунктов подсудимого спросили, признает ли он себя виновным, а тот разразился в ответ негодующей тирадой, епископ благосклонно кивнул и торжественно произнес формулу, отлучающую прислужника дьявола от церкви.

Жиль сначала не поверил своим ушам, а затем, придя в неистовство, принялся кричать, что не признает юрисдикции церков-

ного суда, ибо вменяемые ему злодеяния являются уголовными, и он требует свидания с королевским прокурором. Перемолотый инквизиционными жерновами, он даже не заметил, что как раз об уголовщине, которая камнем лежала у него на сердце, почти не было речи. Судьи хорошо знали свое дело, введя разбирательство в привычное инквизиционное русло. Они решительно отвергли протест Жиля де Ре как неосновательный и дали ему сорок восемь часов, чтобы приготовиться к защите. Разобрав пункты обвинения, прокурор вынес соответствующее заключение о подсудности. Бесчинства в капелле, оскорбление святыни и противоестественные наклонности подлежали суду епископа; все остальное: ересь, алхимия, вызывание дьявола и служение ему — проходило по ведомству инквизиции. Насчет погубленных детей уже никто и не заикался. Да и рыдающие матери куда-то вдруг подевались, и негодующие толпы больше не осаждали тюрьму. Напротив, народ как будто даже сочувствовал попавшему в беду барону, которого знали за доброго и отзывчивого господина.

Когда слушание дела возобновилось, перед судьями предстал совсем другой человек. Стеная и плача, вчерашний надменный пэр рухнул на колени, умоляя снять отлучение. Он покорился суду и просил прощения за проявленную строптивость, изъявляя готовность произнести требуемую присягу. Добровольно признаваясь в совершенных убийствах — сто сорок! — он демонстративно шел навстречу церковному трибуналу. Писец зарегистрировал показание, но суд на нем своего высокого внимания не задержал. Жилю было предложено объясниться по пунктам, относящимся к служению дьяволу.

На какой-то миг в нем пробудился прежний гонор:

— Пусть меня сожгут живым, если кто-нибудь докажет, что я призывал дьявола, заключал с ним договор или приносил ему жертвы!

Инквизитор распорядился огласить показания свидетелей, полученные на закрытом допросе, куда не был допущен даже сам обвиняемый.

Само собой разумеется, показания были составлены по всей форме и полностью уличали Жиля в дьяволопоклонстве. Особенно впечатляюще выглядели обличения приближенных слуг, не поскупившихся на сочные подробности. Судя по очевидным даже для инквизиционного суда нелепостям, бедняги явно переусердствовали в очернении своего господина. Впрочем, главное место на процессе отводилось не показаниям челяди, а признаниям одиозного некроманта Прелати и ведьмы Меффрэ, которая якобы поставляла сеньору младенцев для инфернальных экспериментов. Прелати, в частности, представил суду почти протокольную запись проделанных им вместе с обвиняемым магических действий. Можно лишь удивляться тому, что подобный некромант и чернокнижник, сумевший к тому же обзавестись персональным демоном, вышел из когтей инквизиции живым и здоровым. Судьи не хотели отплатить

черной неблагодарностью человеку, который помог им сокрушить основного врага. Как только был оглашен приговор по делу сеньора Тиффожа, столь неосмотрительно заложившего свои владения, как Прелати, а вместе с ним и Меффрэ были выпущены на свободу.

На Жиля показания свидетелей произвели гнетущее впечатление. Он окончательно пал духом и не стал отказываться от возведенных на него чудовищных обвинений. Даже Баррона, которого так и не удостоился лицезреть, принял на себя поверженный титан.

Казалось бы, суд, а вместе с ним и пребывающий за кулисами герцог могли трубить победу. Подсудимый целиком и полностью изобличен, и нет препятствий для вынесения ему смертного приговора. Но инквизиционный суд — особый суд. При разборе дел, связанных с пособничеством сатане, у судей всегда остается подозрение, что обвиняемый признался не до конца, что он еще таит в себе нечто исключительно важное, предвкушая скорую смерть как долгожданное избавление.

Именно о таком случае говорится в «Молоте ведьм»[1], в разделе, красноречиво озаглавленном «Двадцать второй вопрос о том, каков третий способ произнесения приговора, в частности, против лица, о котором идет худая молва и которое подлежит допросу под пытками».

Этот раздел настолько подходит к делу Жиля де Ре и с такой полнотой вскрывает чудовищно извращенное мышление инквизиторов, что заслуживает пристального внимания.

«Случается, что обвиняемый не может быть уличен ввиду отсутствия или собственного признания, или очевидности преступления, или доказательности показаний свидетелей, или вескости улик. Возложить на него клятвенное отречение от ереси не представляется возможным. Но показания обвиняемого противоречивы... При таких обстоятельствах возможно решиться на допрос обвиняемого под пытками. Сообразно с этим решением произносится приговор, который и объявляется обвиняемому. При этом указывается, что приговор скоро будет приведен в исполнение. Однако судья не должен с этим торопиться... Если все остальные средства воздействия остались бесплодными, то следует приступить к допросу, применяя умеренные пытки без кровопролития. Но судья знает, что цель пыток зачастую не бывает достигнута. Одни из пытаемых обладают столь слабым характером, что они подтверждают все, что им говорят, и даже ложные сведения подтверждаются ими. Другие же столь упорны, что они, несмотря ни на какие пытки, ни в чем не хотят сознаться. Те, которые уже раньше были пытаемы, выносят пытки лучше, так как они (при поднятии на дыбах) тотчас же вытягивают руки, а потом подгибают их. Хотя есть среди подобных

[1] Законченная в 1487 году инквизитором Генрихом Институрисом в содружестве с Якобом Шпренгером, эта самая мрачная книга средневековья вобрала в себя весь предшествующий опыт инквизиционных судов.

пытаемых и такие, которые оказываются менее выносливыми. Есть и такие, которые с помощью чар выдерживают стойко все пытки. Во время пыток они представляются как бы нечувствительными. Они скорее умрут, чем сознаются. Ввиду этого при пытках надо действовать с величайшим умением и обращать очень много внимания на свойства пытаемого... Если пытка не принудила обвиняемого к признаниям, то судья тут же назначает продолжение пытки на второй или на третий день».

Руководствуясь инструкциями вроде тех, что так подробно разработал потом Институрис, подгоняемые садистским усердием судьи предложили отдать Жиля де Ре палачам. Напрасно выжатый, как губка, утративший волю человек заверял их в своей готовности признать любые обвинения и принести покаяние. Они не верили или, вернее, делали вид, что не верят в его искренность.

— Разве я не возвел на себя таких преступлений, которых хватило бы, чтобы осудить на смерть две тысячи человек! — воскликнул в отчаянии Жиль. Рыдая и прося молиться за упокой своей пропащей души, проследовал он к виселице. Над городом плыли молитвенные песнопения и похоронный звон.

Когда согласно приговору мертвое уже тело швырнули в огонь, прежде столь усердно проклинавшие грешника горожане пролили сочувственную слезу.

Растрогался и герцог, заметно округливший свой майорат. Еще не закончилось расследование, как он поспешил передать владения барона Ре своему сыну, хотя у Жиля был младший брат Рене, которому король разрешил произвести раздел до того, как родовые имения оказались в закладе. Напрасно некоторые историки, а вслед за ними и романисты утверждают, что Жиль де Ре пал жертвой не столько жадности соседей, сколько алчности и вероломства друзей. Жизнь не мозаика, ее нельзя разъять на четко ограниченные фрагменты. Все в ней переплетено в тугие узлы, которые опасно рубить мечом. Ведь после не разберешься в обрывках нитей.

Глава двадцать седьмая

ОЗЕРО СИНЕДЬ

Тело Солитова было обнаружено в частоколе ржавых труб, служивших некогда опорами для лодочной пристани. После реконструкции шлюзовой системы прокатный пункт передвинули в другое место, в результате чего на торчащих над водой железных концах появилась доска, предупреждающая пловцов об опасности. Это было сделано скорее для очистки совести, потому что едва ли кому-нибудь взбрело бы на ум здесь искупаться. Деревянная лесенка, которая раньше выводила прямо к мосткам, была давным-давно разобрана, и спуститься с отвесной кручи стало куда как затруднительно. В довершение всего подводные течения, особенно усиливающиеся с сезонным подъемом шлюзов, сгоняли в этот застойный заливчик всякий мусор. На общем индиговом фоне здешняя вода выделялась расплывчатым бурым пятном. Лишь в самом начале лета, и то если стояла сухая погода, муть немного рассеивалась.

Трудно сказать, что заставило водолазов еще раз как следует пошарить в этом далеко небезопасном местечке, где в сваях запутался топляк, а на илистом дне валялись битые бутылки, искалеченная детская коляска и покореженные части автомобильного кузова. Длительное пребывание в воде сделало свое дело.

— Опознать будет трудненько, — поспешно закуривая, заметил Гуров.

— Сделаем это с помощью рентгена, — возразил Люсин. — Думаю, этого будет вполне достаточно. А вообще-то я не сомневаюсь, что это он... И плащ его, судя по описанию.

— Конечно, он, — уверенно кивнул Гуров. — Кто же еще? Ведь других сигналов как будто не поступало?

— Тот еще натюрморт! Нарочно не придумаешь. — Присоединился к остальным Крелин, закончив работу. — Дайте закурить! — попросил он, пряча за спиной руки.

— Вы же вроде бросить хотели? — Гуров сунул ему в рот зажженную сигарету.

— Человек должен быть хозяином своего слова, а не рабом. — Крелин несколько раз с торопливой жадностью затянулся и выплюнул окурок.

— Он сам или?.. — спросил Гуров.

— Всяко возможно. — Крелин с сомнением дернул щекой. — Ни денег, ни сберкнижки, во всяком случае, нет. К тому же одна пуговица вырвана чуть ли не с мясом, хотя это еще ни о чем не говорит. Поживем — увидим.

— А что врач? — Гуров кивнул на лысого толстяка, по-детски присевшего на корточки возле тела.

— Так он и скажет до экспертизы! Как же! Если человек попал в воду живым, то в легких должны обнаружиться микроводоросли. Но свалиться тоже можно по-разному. Одно дело — случайно поскользнулся и упал, и совсем другое...

— Ладно! — раздраженно оборвал Люсин. — Нечего переливать из пустого в порожнее. Что дальше будем делать, Борис Платонович? Криминалисты и медик, я вижу, свою задачу выполнили.

— За Солдатенковой надо бы послать.

— Здесь, в такой обстановке?.. Не слишком ли для нее?

— В морге, полагаете, будет выглядеть лучше? — Гуров с сомнением пожевал губами, но, взглянув на угрюмо-сосредоточенное лицо Люсина, махнул рукой. — Ладно, пусть увозят...

— В карманах больше ничего? — Люсин обернулся к Крелину.

— Насколько можно судить, ничего, кроме ключей и мелочи. Господи! — Всеми помыслами уйдя в осмотр, где любая соринка могла впоследствии сыграть первостепенную роль, криминалист только теперь обрел способность нормально мыслить. — Ключи!

— А браслет куда-то подевался, — пробормотал Владимир Константинович, думая о своем.

— Какой браслет?

— Неважно... А ключики мы проверим. Причем незамедлительно.

Санитары задвинули носилки в машину, затарахтели моторы, а в студеном прозрачном воздухе разлился запах отработанного бензина.

Озеро блестело под безоблачным небом невозмутимой синевой летних дней, хотя леса вокруг, тронутые последними пламенеющими мазками, сквозили пустотой. Изредка посверкивающий то здесь, то там гребешок пены лишь подчеркивал безмятежную чистоту горизонта. Природа не замечала неуклонно стягивающейся петли, и не было у нее памяти о человеке...

Сад ведьмовских зелий, куда вошли Люсин с Крелиным, отворив жалобно скрипнувшую калитку, являл печальное зрелище. Травы на куртинах и грядках увяли, давно облетевшие розы топорщились колючими прутьями, и лишь чертополох в глухом углу стойко противостоял иссушающим ночным заморозкам. В слегка подрагивающей паутине запутались семена, живо напомнившие Люсину спущенный носок Пети-Кадыка. Сумрачный дом больше,

чем когда бы то ни было раньше, напоминал запечатанный склеп. Окна были скрыты за тяжелыми черными ставнями, дверь заперта, и никто не откликнулся на стук.

— Может, отлучилась куда? — подумал вслух Крелин.

— А ставни?

— Значит, уехала ненадолго.

— Откуда это видно, что ненадолго?

— Так, подумалось почему-то...

— Делать нечего. — Люсин подкинул на ладони ключи. — Придется сходить за понятыми.

— Не терпится попробовать? — понимающе улыбнулся Крелин.

— Не только это.

— Можно пригласить тех, что были тогда.

— Так мы и сделаем. Особенно того старичка в очках, закрученных проволочкой. Уж он-то должен знать, куда запропастилась Аглая Степановна.

— Ты чего, огорчился? Небось надеялся, что опять угостят вкусной похлебочкой?

— Тебе, я вижу, весело, а мне, представь, не очень.

— Мировая скорбь? Я тебя уже предупреждал однажды, что нельзя поддаваться настроению. Если бы все полицейские и врачи переживали каждую смерть так трагически, то в мире давным-давно не осталось бы ни врачей, ни полиции. Не укорачивай себе жизнь, Люсин. Да что там жизнь? Раньше или позже, как говорится, все там будем. Болезнь — вот чего надо по-настоящему опасаться. Побереги нервы, Володя. С них все и начинается. Медицинский факт.

— Вовсе не в том дело. — Люсин надулся, словно застигнутый на месте преступления дошкольник, и отвел глаза. — Просто мне немного не по себе. Может, погода, может, давление подскочило.

— Знаю я эту погоду! Постарайся усвоить одно: на нас, в первую очередь я подразумеваю тебя, нет и тени моральной ответственности. Ты понял? Солитов был убит, то есть я полагаю, что он был убит, задолго до того, как тебе поручили дело. Так какого, прости меня, черта? Делай свою работу и радуйся жизни, которая нам тоже дана не на век... Сколько ему было? Я позабыл.

— Семьдесят три.

— Нам бы с тобой дожить! Ей-богу, Володя, ты мне ужасно не нравишься. Так нельзя. При нашей службе смерть нужно воспринимать с минимальной затратой эмоций. Иначе попадешь в реанимацию или, хуже того, — в психбольницу.

— Так ведь смотря чью смерть! Ты представить себе не можешь, что это был за человек. Даже ты! За эти месяцы он, как бы тебе объяснить, стал для меня очень близким, живым, что ли. Да, я упорно искал все это время его труп и вроде бы даже знал, что найду, но в глубине души на чудо надеялся. Готов был ухватиться за любую соломинку. Так бывает, ты сам это знаешь. Мы ведь не заблуждаемся насчет собственного конца, все распрекрасно знаем, даже разряд, по которому похоронят. И все же...

— И все же? — вопросительно повторил Крелин, облизав пересохшие губы.

— Всегда рады поверить, что с нами, как бы это точнее выразиться, все случится немножко не так.

— А как, ты случайно не знаешь?

— Брось иронизировать. Ведь ты прекрасно понимаешь, что именно я пытаюсь сказать.

— Допустим, но какое это отношение имеет к...

— О, самое прямое! Когда Юрка позвонил среди ночи из неведомого мне Турнова и принялся молоть несусветную чушь про какой-то там эликсир Розенкрейца, про сон на двадцать четыре года и вообще... я в первую секунду чуть не запрыгал от счастья. Не то чтобы поверил всей этой ахинее — ты ведь знаешь, чего способен нагородить Березовский, когда его несет над землей, — но на какое-то мгновение заколебался. Чем черт не шутит! А вдруг?.. И вот теперь уже не может быть никаких «вдруг». Только что я распрощался с прекрасным человеком, чей образ собрал по крупицам, к которому привык и прикипел сердцем. Не знаю, понятно ли я говорю? Юрка бы понял. Ведь он писатель и, наверное, давно догадался, что нет лучшего материала для лепки, чем собственное воображение.

— С такими воплощениями легче расставаться, Володя. Они не оставляют после себя трупов.

— Похоже, ты все-таки усек, — кивнул Люсин, присаживаясь у крыльца. — А сейчас не сочти за труд — приведи понятых. А я пока посижу, погреюсь на последнем солнышке. Устал чего-то, ноги не держат.

Когда Крелин привел живущего по соседству старичка Караулкина и юную почтальоншу Таню, Люсин, превозмогая охватившую его дремотную слабость, отомкнул оба замка, демонстративно распахнул и, словно прощаясь, медленно притворил обитую искусственной кожей дверь.

— Что и требовалось доказать, товарищи, — заметил он с наигранной беспечностью. — Ключи принадлежали Солитову.

Понятые, осведомленные Крелиным насчет тонкостей предстоящей процедуры, понимающе закивали.

— Жалко Георгия Мартыновича. — Караулкин прослезился. — Редкого душевного совершенства был человек! Да будет земля ему пухом. А вам спасибо, хоть похоронят теперь достойно. Рядом с хозяйкой, с Анной Васильевной. Я знаю могилку, могу показать, если надо.

— А Аглая Степановна разве не знает? — усилием воли Люсин прогнал дремоту. — Кстати, где она сейчас?

— Степановна? Уехала от нас, голубушка, совсем уехала.

— Так скоропалительно? Ни с того ни с сего?

— Значит, была причина, — насупился старичок Караулкин. — Тут Игорь Александрович на днях приезжал, беседу имел с ней серьезную. Только нас это не касается, товарищ начальник, ни с какой стороны. Последнее дело — соваться в семейные дела.

— Но ведь Солитов завещал дом именно ей!

— Эх, легко сказать... Скоро улита едет! Не стала Степановна ждать суда. Собрала свой чемодан деревянный, понавязала узлов и отбыла в родимые края. Тянет нас, стариков, к отчим могилкам. Только, боюсь, что не больно ей там обрадуются.

— Адрес не оставила?

— Писать обещалась. Как, значит, обоснуется, так и сообщит. Травку свою раздала по соседям. Каждому наказала, как и чего пить. Мне тоже оставила. Против давления и от радикулита.

— А не сказала вам, на чем они порешили с Игорем Александровичем? — без особой надежды спросил Люсин.

— Сказала, не сказала — какая разница? Уехала — вот что важно. А куда уехала? В белый свет! Лично у меня большого доверия к ее сродственникам нету. Хоть она и прикопила кое-чего на черный день, но человеку, кроме корки хлеба, внимание требуется, ласка. Сильно сомневаюсь я на сей счет. Ужиться с ней трудненько будет. Охо-хо! Недаром, знать, ведьмой кличут. Только какая она ведьма? Праведница!

— И когда она уехала?

— Третьего дня, аккурат через неделю после наезда Игоря. Он и ко мне заходил, за домом просил приглядывать, за участком. Сами они с Люсей, с Людмилой Георгиевной, значит, обратно за рубеж собираются, к месту службы. Пока, говорит, пусть все как есть остается, а там они решат, что делать, когда окончательно возвернутся. Я так понял, что в нынешнем виде садик его решительно не устраивает. И то правда: на кой ему эти дикие сорняки? Может, фруктовых деревьев побольше насадит? Кто его знает, чего он там себе думает... Люсю бы надо предупредить, что отца-то нашли.

Решив, что не стоит заходить в покинутый дом, Владимир Константинович присел на ступеньку, набросал коротенький протокол и, дав понятым подписаться, торопливо поднялся. Ему захотелось как можно скорее уехать отсюда, чтобы не видеть ни этого уподобившегося заброшенному погосту вертограда, ни возвышающегося над ним траурного мавзолея с плотно пригнанными слепыми ставнями.

— Может, дадите знать, когда Георгия Мартыновича хоронить будут? — семеня вслед, попросил Караулкин.

— Обязательно, — пообещал Люсин, обернувшись на ходу. — А с Людмилой Георгиевной я сам свяжусь, вы не беспокойтесь.

Глава двадцать восьмая

ТЕМНАЯ НАБЕРЕЖНАЯ

Вечер выдался на редкость безветренный. После мимолетного дождика, ласкового, как в мае, стало еще теплее и явственно запахло робким цветением.

Преображенные дождем улицы были прекрасны. Призывно и нежно вспыхивали в их таинственных мокрых глубинах разноцветные огни, дрожали и множились золотистые змейки.

Не зная, чем себя занять, Люсин вышел на улицу. Оставаться в четырех стенах было невмочь. Еще издали примечая каждую телефонную будку, он влился в подхвативший его поток и, безотчетно ускорив шаг, понесся по направлению к Садовому кольцу. Остановился лишь на Смоленской площади, возле киоска с пепси-колой. Щекочущая пена приятно охладила гортань, но он оставил бутылочку недопитой. Мешало волнение, беспокойно теснившее грудь.

Потерпев поражение в борьбе с самим собой, а может быть, одержав победу, решился наконец позвонить Наташе.

— Простите, но это я, — торопливо выпалил он, точно боялся, что она сразу же повесит трубку. — Больше вам не придется пугаться меня, ожидая плохого. Оно случилось, Наташа, и, как мне ни горько, я хочу, чтобы вы узнали все от меня. — И умолк, слыша, как отдается дыхание в настороженной пустоте. Слова были продуманные и заряженные внутренней энергией.

— Где вы сейчас? — отчетливо прозвучал ее голос, соединив разделенные бездной материки.

— В двух шагах от вашего дома.

— Тогда заходите. Сейчас я объясню вам, как нас скорее найти.

— Может, лучше на улице? Если вы, конечно, не против!

— Ладно, — с вялым безразличием согласилась она.

— Тогда жду вас на том же месте! — задохнулся он от невыразимого облегчения. — Я буду там через две с половиной минуты.

— Надо же, какая точность...

Обменявшись молчаливым рукопожатием, они, не сговариваясь, направились в сторону Ленинских гор. Люсину казалось, что с ним уже однажды было такое: темная набережная, тени встречных про-

хожих, одиноко сгущающиеся у фонарных столбов, плавное течение без всяких переходов и поворотов. Люсин молчал, благодарно ощущая, как тает горечь одиночества. Ему даже казалось, что слова могут лишь помешать столь неожиданно установившемуся совершенно удивительному общению душ, которое если и бывает между людьми, то только во сне.

— Расскажите, как это случилось, — мягко напомнила Наташа, напрочь развеяв иллюзию.

— Да-да, — вздрогнув, очнулся Люсин и, опуская натуралистические детали, коротко изложил основные события вчерашнего дня.

Наташа выслушала, ни разу не перебив. Незаметно сжившись с гнетущим ожиданием беды, она, в сущности, не узнала теперь ничего нового. Запоздавшая на два с лишним месяца весть оказалась даже в чем-то успокоительной для переболевшего сердца. В ней была та определенность, перед которой в конце концов смиряется человеческий разум.

— Ужасно, — уронила под конец Наталья Андриановна, коря себя за бесчувственность. — Как вы считаете, когда можно будет организовать похороны? — Ей стоило усилия переключиться на мысль о предстоящих хлопотах. — Нужно же как следует подготовиться.

— Если позволите, мы решим организационные вопросы с вашим начальством. С Людмилой Георгиевной я уже говорил. — Собравшись с духом, он взял ее под руку.

— Но вам-то зачем? — искренне удивилась Наташа.

— По ряду причин. Так уж получилось, что Георгий Мартынович стал мне не безразличен, — Люсин ответил ей виноватой улыбкой. — И Степановна — тоже, — добавил он как бы вскользь, умалчивая об остальном. — Я обязательно дам ей знать о дне похорон.

— Спасибо. — Наташа на мгновение прижала к себе бережно поддерживающую ее руку. — Как непрочно все в этом мире! Ушел человек, и в одночасье начинает распадаться с такими трудами сложенное им строение. Цепная реакция падающих на голову кирпичей. Наша кафедра уже совсем не та, что прежде. А ведь это только начало! У Георгия Мартыновича есть... была, словом, осталась древнекитайская «Книга перемен». Там говорится, что перемены являются основным законом жизни природы, общества и человека. Нравится нам это или не очень, но приходится принимать миропорядок таким, каков он есть. Ничего не поделаешь.

— Ничего, — глухо повторил Люсин.

— Поговорим о чем-нибудь еще. — Наташа осторожно высвободилась и подошла к парапету.

От реки несло сыростью и немножечко тиной. По железнодорожному мосту грохотал бесконечный товарный состав. Над Лужниками клубился туман.

— Боюсь, что от меня будет мало толку. — Люсин свесился над непроглядной водой. — Я ведь прекрасно знаю, что мое поведение самоубийственно, но ничего не могу с собой поделать.

— Не понимаю, о чем вы.

— Мне казалось, что вы все понимаете.

— Нет, я сознательно разучилась понимать недосказанное. Так спокойнее. Чувствуешь себя более уверенной, защищенной.

— Вы давно разошлись с мужем?.. Ничего, что я об этом спрашиваю?

— Двенадцать лет.

— А Теме уже четырнадцать?

— Скоро будет. Ждет не дождется. Готовится вступить в комсомол. Хочет поскорее сделаться взрослым, глупышка.

— Взрослому легче. В детстве все переживается гораздо острее. Любая безделица. О мировых вопросах я уж и не говорю. Байрон, Лермонтов, Леопарди! Мне казалось, что они писали специально ради меня, что лишь я, единственный, сумел постичь безмерную глубину людского страдания.

— А кто такой Леопарди?

— Как, вы не знаете Леопарди? Значит, вас никогда не мучила мировая скорбь. Очевидно, это удел мужчин.

— Причем болезненно переживающих свое раннее созревание.

— Это вы о великих?

— Нет, о таких, как вы, перескочивших на палубу с подножки трамвая.

— Запомнили, однако. — Люсин был благодарен ей даже за этот пустяк. Но Наталья Андриановна инстинктивно отвечала иронией на каждое проявление чувства.

— Лучше сформулируем так: не забыли, — непринужденно парировала она. — Надеюсь, в мореходке основательно повыбили из вас байронизм?

— Скорее, напротив, загнали вглубь.

— По крайней мере, вы научились драить медяшку, чистить картошку и мыть на кухне полы.

— В камбузе. — Люсин напустил на себя обиженный вид. — Не терзайте слух моряка, гражданочка.

— Вот таким вы мне нравитесь гораздо больше.

— Отныне я всегда буду только таким.

— Скоро надоест.

— Придется обучиться секрету вечной новизны. С кем вы предпочитаете иметь дело сегодня?

— Оставайтесь лучше самим собой. — Наташа видела, что внешняя непринужденность дается ему с немалым трудом. Ей и самой было куда как муторно. Намереваясь вежливо распрощаться и повернуть к дому, она тем не менее почему-то медлила, через силу поддерживая готовую увянуть беседу.

— Боюсь, что в качестве сыщика я покажусь вам уж совершенно неинтересным, — сказал Люсин. Его губы дрогнули в мимолетной, чуточку горькой улыбке. — Как жаль, что вы так скоро добрались до истинной сущности. На сем реквизит исчерпывается. Небогатый, приходится признать, реквизит...

— Зачем вы так? — Наташа ощутила себя слегка уязвленной, но тут же устыдилась и, доверительно приблизив лицо, спросила с участием: — Вам, наверное, очень трудно?

— Не то слово, — почти вынужденно признался Владимир Константинович. — Нет ни малейшего намека на личность убийцы, хоть на какие-нибудь его приметы. Даже крохотной песчинки с места преступления, за которую можно было бы зацепиться! На таких условиях мне еще не приходилось начинать дело. Лавров ждать, увы, никак не приходится.

Стремясь поделиться тревогами и сомнениями, которые слишком долго носил в себе, Люсин ударился в воспоминания. Но едва он начал рассказывать о зверском убийстве одной старой актрисы, как что-то заставило его остановиться на полуслове. Не только то давнее дело, связанное с кражей бриллиантов и оставшееся нераскрытым, но и нынешние терзания растворились в жарком, внезапно накатившем забытьи. Ему словно было даровано ощутить невозвратимое очарование текущего мига. Не прошлое, с его перепутанными воспоминаниями, не туманные и, как правило, несбыточные надежды на будущее, но лишь это неуловимое, вечно ускользающее мгновение обладало самодовлеющей ценностью.

Совершилось неподвластное времени преображение. Покинул свой пост и куда-то к чертовой матери запропастился стерегущий каждое слово внутренний страж. Если и не впервые в жизни, то впервые за много-много лет Люсин перестал видеть и слышать себя со стороны. Поле его зрения, только что обнимавшее чуть ли не весь противоположный берег, сузилось почти до точки, а вернее всего, возвысясь над трехмерностью пространства, обрело какую-то иную, высшую геометрию.

«Наташа!» — хотел он позвать, но губы не повиновались.

Аромат ее духов, тонкий и скрытный, властно перехватил дыхание. Темной влагой блеснули глаза и уверенные губы. Как лунатик, он потянулся к подсвеченному хрупкой фосфорической голубизной неузнаваемому лицу.

— Я думала, что ты никогда не решишься, — шепнула она.

По всей Москве надрывались телефоны, передавая из уст в уста скорбную весть. Прикидки насчет оставленного Георгием Мартыновичем наследства, которые не переставали делаться чуть ли не с первых дней, получили теперь полное правомочие. Сослуживцев, естественно, больше всего интересовал вопрос, кого сделают заведующим кафедрой. Уже назывались кандидатуры, создавались и рушились непрочные коалиции, распространялись самые невероятные слухи. Как и во все времена, люди вели себя так ожесточенно и мелочно, словно в запасе у них была как минимум еще одна жизнь. С сочувственной улыбкой всеведения взирала извечная победительница живого на суетное мельтешение и мелочные свары...

Набережную, где у чугунной ограды неподвижно застыли двое, заливала беспокойным сиянием выкатившаяся в зенит, безупречно полная луна. Они так боялись своей любви, так суеверно ей не верили и так доверчиво тянулись друг к другу. На весах провидения их неутоленная жажда была способна перевесить все взятые вместе препятствия, реальные и измышленные страхом.

Но они не знали об этом и были готовы расстаться.

Глава двадцать девятая

ИЕЗУИТСКИЕ КОЗНИ

Авентира VI

Причудливый путь избирают знамения.

На Санкт-Петербургском монетном дворе отштамповали новую партию серебряных рублевиков. Дело, казалось бы, вполне обыденное. Однако на размышления, притом самого серьезного толка, наводил реверс. «Не нам, не нам, а имени твоему», — недвусмысленно возвещала чеканка. Священное слово, конечно, везде и всюду останется таковым, но, беря тамплиерский девиз, молодой государь возлагал на себя роковое бремя. Его готические фантазии и ставшие повсеместной притчей во языцех романтические склонности грозили далеко завести издерганную произволом Россию, которой обрыдли как чужеземцы-временщики, так и окруженные фаворитами бабы, въезжавшие в тронную залу на штыках гвардии.

Лучшие люди страны связывали с именем Павла надежды на просвещенное правление и всяческие реформы. Вместо этого начинался мрачнейшего свойства рыцарский балаган, маскарад, от которого изрядно попахивало католической контрреформацией. Все теперь выстраивалось в единую линию: вояж по Европе, совершенный под именем графа Норда, встречи с мартинистами, иллюминатами и прочими искателями чудес, беспокоившая еще покойницу Екатерину возня вольных каменщиков. И каменщики, проникшие во дворец в обличье учителей, и их соперники — иезуиты зорко следили за созреванием наследника, чьи прекраснодушные порывы к грядущему переустройству мира теперь, после якобинского террора, могли вызвать лишь грустную улыбку. И хотя впоследствии Павел, с присущим ему шараханием из крайности в крайность, резко отшатнулся от всякого рода секретных лож, вырастивших бунтовщиков и цареубийц, тяга к запредельной мечте, очевидно, осталась. Иначе никак нельзя было объяснить таинственное эхо, долетевшее из тьмы веков. Но стоит ли сожалеть о невольных промахах юности?

Особливо о тех, что имели место в то достопамятное путешествие, когда карету с графской короной на дверце трясло по разбитым

дорогам. «Графиня Норд», будущая государыня Мария Федоровна, целиком и полностью разделяла искания и надежды супруга. Да и могло ли быть иначе? Урожденная София-Доротея-Августа-Луиза, воспитанная отцом, герцогом Вюртембергским, в лучшем духе немецких семейств, она всем своим видом являла образец послушания. В ее девичьем альбоме красовалось аккуратно переписанное стихотворение: «Нехорошо по многим причинам, чтобы женщина приобретала слишком обширные познания. Воспитывать в добрых нравах детей, вести хозяйство, наблюдать за прислугой, блюсти в расходах бережливость — вот в чем должно состоять ее учение и философия». Не ей, нареченной Софией-Мудростью, было уберечь цесаревича от ошибок. А их было допущено предостаточно, в том числе и сугубо дипломатических. В Стокгольме он позировал придворному живописцу, будучи облаченным в запон-передник мастера обряда «строгого послушания», в Сикстинской капелле Ватикана доверчиво раскрыл сердце римскому папе. А сколько вертелось вокруг него всякого рода шарлатанов, которые на поверку оказывались либо шпионами, либо отъявленными мошенниками? Духовидцы, делатели золота, адепты животного магнетизма — все они прямо из кожи вон лезли, добиваясь внимания путешествующей четы. Все жило, все дышало тогда ощущением невероятного, предчувствием удивительных перемен. А чем закончилось? Окровавленной корзиной, куда полетели головы Людовика и Марии-Антуанетты, милых, сердечных людей, окруживших гостей из далекой империи изысканной предупредительностью и утонченным европейским комфортом.

Безумным заблуждением было начинать царствование под тамплиерским девизом. Павел не мог не знать о страшных словах гроссмейстера Жака де Моле, проклявшего род французских королей до тринадцатого колена. Именно так оценила выпуск новой монеты роялистская эмиграция. Зато русское общество даже не всколыхнулось. Эка невидаль: серебро! Генерал-прокурор Куракин, прозванный завистниками «алмазным князем», счет вел только на золото, притом десятками тысяч, а Кутайсов, возведенный в графское достоинство турчонок, чистивший царевы сапоги, вообще не был силен в грамоте. Кому было судить? Безбородко, сорвавшему миллионный куш и княжеское звание с титулом «светлость»? Полицмейстеру Буксгеведену?

Те, кто единственно имели высокое право на суд, безмолвствовали в неведении. Закрепощенных мужиков, которым Павел в бытность цесаревичем намеревался якобы даровать свободу, мало трогали благородные порывы и рыцарские мечты царя. Для крестьянина рубль — целое состояние. Многие из них даже в глаза его не видели. Однако чутким к малейшим указаниям на изменение политического курса дипломатам и всякого рода секретным агентам новенькие серебряные кружочки послужили важным знаком. Слухи насчет иезуитов, якобы набиравших все больше влияние, сразу обрели недвусмысленное подтверждение. Сами иезуиты, обычно крайне осторожные и скрытные, даже не сочли нужным их опровергнуть.

Граф Литта, папский нунций при русском дворе, за каждый новехонький рублевик заплатил полновесным золотом. Они были поспешно отправлены с фельдъегерем в Ватикан. Но прежде чем престарелый Пий Шестой сумел по достоинству оценить нумизматическую новинку, все нужные выводы сделал «черный папа» — генерал иезуитского ордена.

Под натиском победных наполеоновских армий шатались не только троны. Первыми дуновение грядущего века ощутили иезуиты, которых ветер революции погнал, как перекати-поле, из страны в страну. Падали полосатые пограничные шлагбаумы, заколачивались окна монастырей, отмеченных эмблемой пылающего сердца. Европа брезгливо стряхивала с себя липкую паутину наушничества, доносов и злостных интриг, чьи поразительные хитросплетения часто лежали за гранью здравого смысла. Но возведенное еще Игнатием Лойолой величественное строение не могло быть разрушено в результате нескольких подземных толчков, пусть даже большой силы. Слишком глубок и прочен оказался фундамент невидимого храма. Генерал внял знамению. Именно сейчас, когда в политике первого консула, обнаружившего явное стремление к авторитарной власти, проявились благоприятные тенденции, судьба давала «Обществу Иисуса» новый шанс поправить дела. В нынешних условиях русский монарх мог пойти значительно дальше Екатерины, приютившей вместе с обломками роялистской знати тайных миссионеров. Любой ценой следовало окружить Павла своими людьми и, искусно играя на тайных струнах его мятущейся души, осторожно повернуть русскую политику в нужную сторону.

«Латинская», как ее называли, партия, представленная при дворе Илинским, Потоцким, Чарторижским и Радзивиллом, приложила все старания, чтобы изобразить римскую иерархию в качестве наилучшего олицетворения монархического принципа.

На первых порах эти откровенно иезуитские происки остались без ответа. Воспитанник московского митрополита Платона, Павел стойко придерживался православия. Он исправно говел во все четыре поста, исповедовался и причащался. Паркет перед иконостасом в спаленке Гатчинского дворца был вдоль и поперек исполосован его коленами.

Впрочем, прагматично настроенные политики отнюдь не намеревались отвратить всероссийского самодержца от православия. Речь могла идти лишь о некоторой перестановке акцентов.

О том, что такое вполне достижимо, свидетельствовала хотя бы упомянутая встреча в Ватикане. Из доверительной беседы с римским первосвященником Павел вынес самое отрадное впечатление, которое не могло не сказаться на его отношении к католичеству вообще. Не составляло секрета и то, что представитель латинской церкви в России — архиепископ Сестренцевич — пользовался особым расположением наследника. Став императором, Павел недвусмысленно дал понять, что эти его привязанности, не в пример прочим, отличаются завидным постоянством. Осыпанный знаками монаршего

благоволения, Сестренцевич был возведен в митрополиты. Наконец, можно было сделать определенную ставку и на сочувствие к изгнанной французской династии. Роялистская эмиграция составляла внушительную силу еще при Екатерине, хотя государыня не терпела вмешательства в свои внутренние дела. По крайней мере явного, потому что тайное шло полным ходом. Ставка делалась на грядущие поколения. Нахлынувшие в Россию эмигранты-иезуиты обосновались в домах знати, сделавшись наставниками юношества.

И все же положение ордена было довольно неопределенным. Император не высказывал по отношению к нему ни расположения, ни неприязни.

Внешне словно бы соперничая с иезуитами, а на самом деле дуя в одну дуду, не уставали домогаться монарших милостей и мальтийские рыцари, также осевшие в России при матушке Екатерине. Великая мастерица отыскивать нужных именно в данную минуту союзников, царица вошла в тайные переговоры с тогдашним великим магистром Роганом и заручилась его поддержкой против общего врага — Оттоманской империи. С началом активных военных действий на суше и на морях принц де Роган направил рыцарский флот на соединение с русской эскадрой.

Лишь под давлением Людовика Пятнадцатого, пригрозившего конфисковать орденское имущество на всех подвластных Франции территориях, великий магистр был вынужден отказаться от активных акций. Зато он передал русскому правительству все карты и планы, которые были заготовлены для восточных походов.

Питая к ордену политические симпатии, Екатерина передала их сыну, чьей настольной книгой стало сочинение аббата Ферто, повествующее о славной истории первейшего в христианском мире военно-духовного братства.

Воспитанный на восторженном поклонении перед рыцарской верностью и честью, Павел, такой непостоянный в своих пристрастиях, до конца жизни остался верен этой романтической страсти.

Не успел он взойти на престол, как байли мальтийского ордена граф Литта, брат обосновавшегося в Петербурге папского нунция, поспешил нанести поздравительный визит. В Северной Пальмире граф чувствовал себя как дома, ибо уже состоял ранее на русской службе, удостоившись контр-адмиральского чина. При дворе к нему обращались по-свойски: Юлий Помпеевич. За полную неспособность к морскому делу, а также незнание русского языка, что, конечно, затрудняло успешное командование галерным флотом, его пришлось уволить в отставку.

Однако то было в прошлое царствование.

Ныне наступали совсем иные времена.

Посол мальтийского ордена Джулио Помпео Литта имел торжественный въезд в Петербург 27 ноября 1797 года[1] от Калинкиных ворот. Кортеж состоял из четырех придворных карет и тридцати

[1] По старому стилю.

шести экипажей прочего сорта, забитых нахлынувшими в Россию мальтийцами. Литта успел уже освоиться с морозами, от которых было отвык, поскольку провел несколько недель в Гатчине, где имел встречи с государем. Обсуждались финансовые дела великого приорства Волынского, учрежденного при Екатерине.

В черной мантии с белым восьмиконечным крестом мужественный паладин выглядел необычайно импозантно. Рядом с ним на парчовых подушках сидели первые сановники империи. Все были преисполнены сознанием исключительной важности переживаемого момента.

Момент и впрямь был весьма деликатный. Католический орден — весть о том разнеслась повсеместно — искал защиты у православного государя, готовясь вступить чуть ли не в вассальную зависимость. Даже иностранные послы, не говоря уже о русских попах и вельможах старого закала, отказывались верить своим глазам.

Дребезжащие по гранитным мостовым экипажи везли правнуков мучеников-тамплиеров, которым наследовали волю судеб.

«Не нам, не нам...» А кому?

Многое из того, что представляется неожиданным, внезапным и даже таинственным, проистекает из подспудных течений исторического процесса, питаемых сугубо прагматическими ключами.

Тяготение Павла к мальтийцам, помимо личной склонности государя к готическим ритуалам, тоже во многом было продиктовано политическими причинами. Французская революция, изгнавшая орден из страны, вновь сделала его естественным союзником самодержавия. На сей раз против врагов внутренних. Иерархическая дисциплина феодального братства и его очевидный консерватизм не могли не привлечь монарха, мечтавшего о рыцарской верности подданных.

Действия Павла теряют мистичность и становятся до предела понятными лишь в общеполитическом контексте.

Конвент конфискует мальтийские владения во Франции? Царь, защищая возвышенные идеи рыцарства от якобинства, тотчас же подписывает Конвенцию об учреждении в России ордена Иоанна, в которой, в частности, «подтверждает и ратифицирует за себя и преемников своих на вечные времена, во всем пространстве и торжественнейшим образом заведение помянутого ордена в своих владениях».

Великому приорству Волынскому государственная казна предоставила годовой доход в размере трехсот тысяч злотых. С чисто иезуитской сметкой мальтийцы поспешили воспользоваться благоприятной конъюнктурой. Павлу был поднесен странноватый для России титул «протектора религии мальтийских рыцарей», и православный государь с готовностью принял его. На состоявшейся в Зимнем дворце церемонии Литта приблизился к подножию трона и поднес дары, хранившиеся доселе в сокровищнице: крест знаменитого гроссмейстера Ла-Валетта и мощи святого Иоанна.

После этого Павел, уже в качестве протектора, сам возложил ордена на принца Конде, посвященного в великие приоры, на Куракина с Безбородко, нареченных почетными байли, и на командо-

ров: Чарторижского, Радзивилла, Сен-При и прочих — либо роялистских эмигрантов, либо польских магнатов.

Обойденные придворные завидовали и начинали интриговать. Глухо роптало духовенство.

Братья Литта спешили развить успех. По своим каналам, а также через русского посла в Риме Лизакевича им удалось, склонить Пия Седьмого к беспрецедентному решению. Под давлением обстоятельств новый папа соглашался передать славнейших из католических орденов гроссмейстеру иного вероисповедания. Право, католик Буонапарте пугал его куда больше, чем Павел Романов.

Когда все было надлежащим образом согласовано, в гостеприимно распахнутые ворота Гатчинского дворца въехала нарочито запыленная карета с гербом мальтийского приорства. Та же печать дальних странствий лежала на сопровождающих ее экипажах и всадниках. Лошади выглядели измученными. По крайней мере, им надлежало казаться таковыми.

Преклонив у подъезда колени, печальные кавалеры в черных иоаннитских плащах смиренно обратились к вышедшему навстречу шталмейстеру.

— Кто живет в этом замке? — спросил Юлий Помпеевич, разыгрывая этакого странствующего рыцаря, увидевшего среди раскаленных песков чью-то зубчатую башню.

— Его величество Павел, самодержец всея Руси и защитник религии мальтийских рыцарей, — последовал бесстрастный ответ.

— Благоволите, мессер, передать, что мы повергаем к стопам его величества нашу смиренную просьбу о приюте.

— Пустить их! — последовал приказ, когда просьба была передана через флигель-адъютанта.

«Владелец замка», превосходно осведомленный обо всех тонкостях ритуала, повелел препроводить депутацию в парадные покои и благосклонно выслушал несусветную чушь, которую нес Юлий Помпеевич.

— Вы видите перед собой скромных рыцарей святого Иоанна Иерусалимского, сир, — томно играя очами, распространялся Литта. — Странствуя по Аравийской пустыне и увидя замок, мы узнали, кто тут живет...

Эта речь и вся сцена, словно заимствованная из рыцарского романа, закончились официальным предложением.

Приятно взволнованный император, всласть поигравший в молодости в эзотерические тайны, растрогался и принял поднесенный ему почти опереточный титул.

— Русский Дон-Кихот! — воскликнул Наполеон, узнав, кто стал великим магистром.

Поддержав гонимых, буквально подвешенных в воздухе рыцарей, Павел и вправду продемонстрировал классический донкихотский комплекс. Благородно, трогательно, но ведь и смешно.

Есть основания полагать, что меткое замечание первого консула явилось реакцией на весть отнюдь не неожиданную, а, напротив,

страстно лелеемую. Более того, операция с Мальтой была частью интриги, задуманной Талейраном лишь для того, чтобы поссорить Россию с Англией. Высадившись на острове, Наполеон едва ли надеялся удержать его надолго. Англичане, чей перевес на море был очевиден, вскоре отвоевали Мальту, бросив тем самым вызов новоиспеченному гроссмейстеру. Антифранцузская коалиция в итоге окончательно распалась.

Непомерная плата за средневековые побрякушки: мальтийскую корону, жезл, орденскую печать и рыцарский меч! Действо коронования тем не менее было совершено с подобающей пышностью в тронной зале Зимнего дворца, где собрались Сенат, Синод и вся придворная камарилья. Мальтийский крест осенил двуглавого имперского орла, а к длинному перечню царских званий, заканчивающемуся словами «и прочая», добавился еще один титул.

Бывший дворец графа Воронцова на Садовой, где разместился капитул, переименовали в замок, на Каменном острове построили странноприимный дом с церковью Иоанна Крестителя, где всеми цветами радуги заблистали торжественные одеяния католического духовенства. Не было выше и лестнее знака, чем мальтийский крестик. Зато лишение звания мальтийского кавалера означало полнейшую опалу. Юлий Помпеевич стал ближайшим советником царя. Он получил чин вице-адмирала, хотя мог похвастаться лишь проигранным сражением на море, и командорство в десять тысяч рублей ежегодного дохода, а главное — стал наместником великого магистра. В таком звании он мог оказывать серьезное влияние на ход государственных дел.

Скользим мы бездны на краю,
В которую стремглав свалимся... —

с чуткостью художника отреагировал Державин, уловив дух тревожного ожидания роковой развязки. Он, кстати, присутствовал на «мальтийской» коронации, о коей сложил и поднес к стопам самодержца надлежащую оду.

Тлетворный воздух занемогшей в гнетущем ожидании столицы дышал истерией. Вместе с торжественной мессой, вместе с одеждами эпохи крестовых походов и паладинами, бодро месящими чухонскую грязь, распространился магический флюид.

В изысканном Павловске, на туманных полянах бессонного парка, взвились вдруг девять мальтийских костров! Исконное чародейство Европы вырвалось на просторы колдовской иоанновой ночи.

Ах, эти томительные часы летнего солнцестояния, эти огни великого шабаша, зажженные, однако, не ради ведьм. Павел, которому оставалось менее двух лет жизни, предчувствуя, как сожмется роковое кольцо заговоров, вдруг истово поверил, что ритуальное пламя защитит от измены и злонамеренных умыслов. Он слепо бил наотмашь, сражался с духами, не отличая преданности от измены, и верил, верил в огни, на которых крестоносцы сжигали во дни оны свои окровавленные бинты.

Нет необходимости вспоминать о последних его годах. После смерти «от апоплексического удара... в висок», как остроумно была препарирована официальная версия, существование ордена в России стало бесперспективным. Александр Первый наотрез отказался от мальтийских регалий, оставив за собой лишь титул протектора, а в 1817 году орден и вовсе объявили несуществующим в пределах Российской империи.

Не в пример рыцарям, затеявшим шумный карнавал, иезуиты действовали в глубоком молчании. Руководствуясь девизом «Поспешай медленно!» — они неуклонно шли к цели. Конспиративное братство, привыкшее мыслить в масштабах эпох, продолжало терпеливо плести свои сети. Долгожданный случай приблизиться к престолу вскоре представился.

Подверженный разносторонним влияниям и легко внушаемый император вдруг обнаружил намерение возвратиться после коронации не прямой дорогой, а через Белоруссию. В Орше, приняв парад семеновцев и преображенцев, Павел, как всегда неожиданно, решил осмотреть местные достопримечательности. Ему подсунули иезуитский коллегиум.

Архиепископ Сестренцевич едва успел выскочить из кареты и, сбросив на руки служки плащ, кинулся вдогонку. Выказав себя отменным бегуном, он удостоился чести первым встретить государя у ворот, осененных лучезарным треугольником небесных властей. Саркастически улыбнувшись, Павел дал знак отметить ревностное усердие служителя церкви в походном журнале.

Бедный Сестренцевич! Он почитал себя на вершине успеха, не подозревая, что этот день 8 мая[1] 1797 года станет началом его падения. Римско-католический прелат решительно не устраивал иезуитскую верхушку, ибо заботился лишь о собственных нуждах, пренебрегая вселенскими.

Незаинтересованно скользнув по мощенному гранитом двору и унылым стенам коллегиума, прорезанным реденькими оконцами, Павел направился к церкви. На почтительном отдалении следовали великие князья Александр и Константин.

— Кто такие? — неожиданно спросил Павел, указуя на монахов в отличном от прочих одеянии.

— Бернардины, ваше величество, — почтительно доложил провинциал и ректор коллегии Вихерт.

— Бернардины? — русский государь обнаружил неожиданную осведомленность по части католических орденов. — Но у них совсем другие цвета!

Иезуитские начальники выказали мгновенную растерянность.

— Совершенно справедливо, ваше величество, — на выручку поспешил отец Грубер. — Так, причем совершенно неправильно, прозывают францисканцев, потому что первая основанная здесь церковь носила имя святого Бернарда. — Дав исчерпывающее объ-

[1] По старому стилю.

яснение, он, словно испытывая необоримую робость, спрятался за спинами старших братьев.

— Кто таков? — обернулся за разъяснением Павел, изучающе оглядев сутулого монаха с грубым тяжеловесным лицом.

— Отец Грубер, государь, — сказал Сестренцевич, выдвигая тем самым на авансцену своего будущего врага.

Имя запомнилось и, когда пришел срок, это малозначительное обстоятельство сыграло назначенную роль.

Не прошло и двух лет, как Гавриил Грубер, тайно двигавший всеми пружинами своего ордена, объявился в столице. Уроженец Вены, он вступил в «Общество Иисуса» пятнадцатилетним отроком, посвятив себя религии, философии и изучению мертвых языков. Затем он успешно штудировал в Лейбахе механику и гидравлику, а также, как некогда Фауст, занимался исправлением русел и осушкой болот. Когда в Австрии было обнародовано бреве папы Климента Четырнадцатого о роспуске ордена, Грубер, сколько мог, сохранял верность обету. Узнав, что русская государыня предоставила приют рассеянным по миру мытарям, Грубер переселился в Полоцк. Пустив корни в тамошнем коллегиуме, он вскоре зарекомендовал себя замечательным педагогом. Читая положенные по штату механику и архитектуру, он не пренебрегал и физикой, обогатив тамошний физический кабинет приборами собственного изготовления. Не было, в сущности, такой дисциплины, которой Грубер не отдал щедрую дань. Математика, история, химия — его эрудиция не знала пределов. Обогатив прежний лингвистический багаж, он добавил к французскому и родному немецкому итальянский, польский, а затем легко выучил и русский язык.

По примеру знаменитых мужей Возрождения, Грубер выказал дарования и в сфере искусств. Церковная музыка, а также перспективная живопись, где его успехи были блистательны, снискали ему благодарных ценителей и учеников. Если добавить сюда незаурядные гастрономические познания, особенно по части приготовления шоколада, всегда составлявшего гордость иезуитских коллегиумов, то в мире не останется области, не охваченной этим достойным мужем.

Невольно вспоминался Сен-Жермен, метеором промчавшийся в грозовом небе предреволюционной Европы.

Но все способности и таланты Гавриила Грубера были подчинены единственной цели — возрождению ордена. До мозга костей преданный его основополагающим заветам, он почти буквально следовал лозунгу «Цель оправдывает средства». Скончавшийся вскоре после высочайшего представления генеральный викарий Ленкевич и заступивший на его место Франциск Каро буквально раболепствовали перед этим гениальным фанатиком, замыслившим перевернуть мир.

Впрочем, истинных своих целей Грубер, ставший своего рода неофициальным генералом братства, не открывал никому. В Петербурге, где его хорошо знали в ученых кругах, он появился под весьма благовидным предлогом ознакомить членов императорской академии с успехами их скромных коллег из белорусских губерний.

На выставке, которая с большой помпой была развернута в академических залах, были представлены всевозможные насосы, ножницы для стрижки сукна и скульптуры религиозного содержания, изваянные питомцами коллегиумов.

Но это была лишь ширма. Все свои незаурядные дарования, равно как и поразительное упорство, отец Грубер сфокусировал в одну точку. Любой ценой он должен приблизиться к императору, завоевать его доверие. После свидания в Орше ни о чем ином он просто не мог думать. К его услугам была тайная помощь собратьев и миллионы одного сомнительного негоцианта, завоевавшего доверие царя весьма немудреным манером. Это был некто Мануччи, то ли итальянец, то ли поляк, чей отец сделал себе состояние на службе у Потемкина. Узнав, что Павлу ненавистно все, что хоть как-то связано с именем князя Таврического, Мануччи передал ему секретную переписку батюшки. Обнаружив пикантные места, оскорбительные для памяти светлейшего, Павел пришел в восторг.

Безродный купец продавал отца, самодержец мстил нелюбимой матери — какая, в сущности, разница?

Во всяком случае, на деньги Мануччи иезуитский агент мог покупать высокопоставленных осведомителей. Его жгуче интересовали любые новости, так или иначе касавшиеся венценосных особ. Понемногу прикапливая сведения, Грубер терпеливо ждал подходящего случая приблизиться к императору. И такой случай не замедлил представиться. Судьба сама поспешает навстречу тому, кто по-настоящему умеет ждать. Грубер умел.

Когда до него дошла весть о том, что царица страдает неутолимой зубной болью, он решил действовать точно и размеренно, как пружина часового механизма.

Досконально вызнав подробности — придворные врачи, испробовав все доступные им средства, признали свое бессилие, — Грубер начал исподволь подсылать всяческих кликуш и мошенников. Исстрадавшаяся царица готова была ухватиться за любую соломинку. Она покорно позволила заговаривать себе зубы. Самое сомнительное лекарство, любой бредовый совет воспринимались с готовностью и надеждой. Личность целителя и его происхождение во внимание больше не принимались. Было не до того.

Издерганный стонами и жалобами, Павел, обычно подозрительный и строптивый, примирился с постоянными нарушениями регламента. Возвышенные фантазии увлекали его к сияющим вершинам, а жалкая жизненная проза приковывала к земле. В пропахшей настойками будуар Марии Федоровны не хотелось даже входить. Сразу портилось настроение. Как не ко времени были эти свалившиеся на голову хлопоты! Государь переживал период необычайной активности и подъема. Это отражалось на всех сторонах замкнутого дворцового мирка, заставлявшего глухо откликаться бескрайние полуночные пространства великой империи. Количество дел, обращающихся в тот год в тайной канцелярии, раз в десять превзошло высший екатерининский показатель. Указов издавалось до двадцати

пяти в месяц. И ведь за каждой бумагой стояли люди, иногда многие сотни людей, судеб, перетасовка истрепанной дворцовой колоды, когда одни фигуры падают на пол рубашкой вверх, а другие возносятся на ключевые места пасьянса.

Закатилась звезда канцлера Безбородко, зато в большую силу вошел Растопчин. Опале подвергся целый конногвардейский полк. Командир и шесть старших офицеров за «безрассудные их поступки во время маневров» были посажены под арест, а сам полк отправлен в Царское Село. Поскольку, перемежая команды ругательствами, царь несколько раз выкрикнул любимое слово «Сибирь», случилось досадное недоразумение. Приготовившиеся к дальней дороге конногвардейцы только на месте узнали, где им назначено отбывать ссылку. Есть все же разница между царскосельскими казармами и сибирским острогом. Недаром недремлющие острословы-крамольники тут же сочинили злой анекдот: «Полк, в Сибирь шагом марш!»

Перестановка отдельных карт внушала обманчивую иллюзию отрадных спасительных перемен, ничего, в сущности, не меняя.

В конце концов расставшись не без боли и слез с Катей Нелидовой, многолетней пассией, Павел избрал другую даму сердца, окружив ее рыцарским почитанием. Ни в чем не зная меры, он был поистине трогателен в восторженном преклонении перед новой владычицей своих грез. К тому же все происходило на фоне мальтийских приключений, в наэлектризованной атмосфере оживших легенд, когда невозможное представляется достижимым, и захватывает дух от сладкой мечты, и вдохновенно кружится голова.

Почти каждый день двор выезжал на строительную площадку, где на месте снесенного Летнего дворца вырастали могучие стены Михайловского замка. Он был спланирован по образцу средневекового в соответствии с собственноручными набросками Павла. Строительство протекало с соблюдением древних рыцарских церемоний. Во внимание принималось решительно все: состав связующего, фазы Луны и, конечно, цвет. Поцеловав перчатку Анны Лопухиной-Гагариной, Павел продемонстрировал свой фетиш художнику. Задание дано. Дело остается за малым. Смешав в бочонках нужные краски, маляры в точности воспроизвели малейшие капризы оттенка. И как нарочно, в разгар всех этих увлечений досадная зубная канитель!

Прошение Грубера, адресованное на имя царицы, пришлось как нельзя более кстати. Предлагая себя в качестве дантиста, ученый иезуит действовал наверняка. Дуры-ворожеи умастили ему дорогу.

Мария Федоровна незамедлительно показала каллиграфически написанное письмо Павлу.

«Это какой же Грубер? — призадумался император. — Надо на него посмотреть. Знакомая фамилия».

На следующей неделе иезуит получил предписание явиться в Зимний дворец.

— Вы действительно беретесь излечить заболевание? — строго спросил Павел, разочарованный неудачами прежних целителей. — Разве когда-нибудь прежде вы занимались медициной?

— Наш древний орден владеет множеством старинных рецептов, — бестрепетно ответил патер. — С божьей помощью я надеюсь прекратить течение болезни. Для этого мне придется некоторое время пробыть во дворце, чтобы иметь возможность своевременно оказать необходимую помощь. Поэтому покорнейше осмелюсь просить ваше величество позволить мне поместиться где-нибудь поблизости от кабинета государыни.

— Быть посему, — согласился Павел. — Но имейте в виду, что я лично буду наблюдать за ходом лечения!.. Пусть в кабинете поставят для меня канапе и ширмы, — отдал он распоряжение присутствовавшему при разговоре Кутайсову.

Эликсиры, срочно затребованные Грубером из монастырских аптек, вскоре привели к желаемым результатам. Царица перестала стонать по ночам, а первоначальная настороженность Павла сменилась полнейшим доверием. Он готов был осыпать самозваного лекаря всяческими милостями и уже собрался возложить на него орден Андрея Первозванного, но проницательный иезуит с горделивым смирением уклонился.

— Устав нашего общества не позволяет нам носить какие-либо знаки светских отличий. Если мы и служим монархам, а также подданным их, то единственно к вящей славе господней.

Павел пришел в восторг. Подобное бескорыстие не часто встречается при дворе, где погоне за богатством и почестями подчинены все думы и помыслы.

С той минуты двери царского кабинета были открыты для Грубера. Ему разрешено было входить без доклада. Привилегия почти немыслимая!

— К вящей славе господней, — шутливо приветствовал иезуитским девизом нового лейб-медика царь.

Их встречи становились все более частыми, беседы — продолжительными и откровенными. Выходя за рамки медицины и как-то привязанных к ней восточных таинств, Грубер осторожно касался вопросов политики. При помощи нунция Литты он вовлек императора в ватиканские интриги и даже заручился обещанием содействовать формальному возобновлению ордена.

Явившись однажды к утреннему приему, Грубер застал государя за чашкой шоколада.

— А я только что вспоминал вас! — посетовал Павел. — Мой кондитер совершенно не умеет варить шоколад. Сколько я ни требую, никак не могу добиться, чтобы сделали как следует. Самый вкусный напиток мне довелось отведать в одном из ваших монастырей, где мы случайно остановились, путешествуя по Италии.

— Это действительно наша тайна, государь, вроде ликера братьев бенедиктинцев. Мне известен самый лучший испанский рецепт. Если вашему величеству будет угодно, я берусь приготовить по-своему.

Влияние Грубера, перескочившего из лейб-медиков в государевы шоколадники, росло со сказочной быстротой. Никогда и ничего не

прося для себя лично, он шутя потеснил и Лопухина, папеньку фаворитки, и самого Кутайсова, постоянно готового схватить любой кусок.

Скоропалительная переменчивость к явлениям и лицам не могла не сказаться и на внешней политике, пересмотр которой наметился к концу уходящего в Лету восемнадцатого столетия. Грубер чутко уловил едва заметные изменения в отношении Павла к Наполеону и постарался незаметно подстегнуть этот желательный для иезуитов процесс.

Когда-то камер-фрейлина Нелидова упрекнула наследника за решительный поворот во взглядах на просвещение и просветителей.

— Вы вправе сердиться на меня, Катя, все это правда, — с грустью признал Павел. — Но правда также и то, что с течением времени человек становится слабее и снисходительнее. Вспомните Людовика Шестнадцатого! Он начал уступать и кончил эшафотом.

Зная о стойком отвращении Павла к революционной Франции, едва ли можно было вообразить, что он не только пойдет на союз со вчерашними цареубийцами, но и решится изгнать из пределов империи Людовика Восемнадцатого со всем его семейством. Однако такое произошло.

Симпатии Павла качнулись в сторону первого консула, чей военный гений снискал восхищение даже в стане врагов. Тем более что Наполеон выгодно проявил себя и на поприще государственного устройства, укротив разбушевавшуюся чернь, а вместе с ней и революционную стихию.

К тому же глупость и легкомыслие Бурбонов, пригретых матушкой Екатериной, довели Павла до крайней степени раздражения. Русская знать, достаточно натерпевшаяся от засилья немцев, с трудом сносила французскую спесь. Тем более что в свите двора — в изгнании, как нарочно, подобрались почти одни вертопрахи, ловцы чинов и богатых невест. Отличаясь крайней невоздержанностью, они частенько болтали лишнее, что сейчас же становилось известно Павлу. Это был не тот человек, чтобы долго сносить подковырки.

В Париже вскоре стало известно о назревающем перевороте симпатий и чувств. Возможности возникали обширнейшие. Проинформированный Талейраном, Наполеон сразу же сделал ставку на Грубера, в кратчайшие сроки ставшего одним из наиболее доверенных лиц русского императора. В своих письмах к скромному труженику науки первый консул заклинает его во имя конечного торжества религии сделать все возможное для установления доброго согласия между Францией и Россией.

Когда таковое стало свершившимся фактом и петербургские газеты, как по команде, начали взахлеб расхваливать все французское и поносить все английское, Грубер, пользуясь правом входить без доклада, проскользнул в императорский кабинет.

— Что нового? — спросил Павел, неохотно отрываясь от письма Лизакевича, сообщавшего о согласии папы посетить Петербург. — О чем говорят в городе?

— Смеются над последним указом вашего величества, — с присущей ему смелостью ответил Грубер, намекая на передачу церкви святой Екатерины иезуитскому духовенству.

Стрела угодила точно по назначению. Смех подданных вернее всего мог привести импульсивного монарха в состояние, близкое к невменяемости.

— Кто посмел?! — вскрикнул он, багровея.

— Извольте, ваше величество, — иезуит преспокойно развернул заранее заготовленный список, в котором перечислялось двадцать семь имен. Среди других неугодных ордену представителей духовенства был назван и митрополит Сестренцевич.

— Арестовать! — распорядился Павел, едва пробежав глазами. — Выслать! — И велел срочно сыскать фон дер Палена.

Приказ петербургский генерал-губернатор, понятное дело, выполнил, но, зная крутой нрав самодержца, не стал допытываться, кого сажать, а кого лишь препроводить в родовые имения. Просто взял и выслал из столицы всех скопом — одних раньше, других, более именитых, позднее.

Среди лиц, внесенных Грубером в список, был скромный ювелирных дел мастер Янкелевич из Белостока. Вся его вина состояла лишь в том, что он изготовил по приложенному к заказу рисунку золотую разъемную палочку с крестом и всякими финтифлюшками. Заказчик на расходы не поскупился, хоть и пожелал остаться анонимным, на что имел полное право.

Белостокскому кустарю было невдомек, что его палочка, похожая на указку для чтения свитка, в качестве священной регалии фигурировала на мальтийской коронации самого царя.

Шоколадник пережил своего государя и уже под конец жизни достиг той вершины, к которой стремился. При Александре папа специальным бреве восстановил орден, и Гавриил Грубер был избран его генералом. Он погиб в 1805 году в Петербурге при пожаре, охватившем коллегиум.

Глава тридцатая

ГНОСТИЧЕСКАЯ ГЕММА

Директора гастронома Вячеслава Кузьмича Протасова арестовали в ту самую минуту, когда он небрежным движением бросил в ящик рабочего стола сберкнижку на предъявителя. Обозначенная в ней довольно крупная сумма, хотя в масштабах Протасова ее скорее можно было счесть пустяковой, была его долей за реализацию дефицитных деликатесов: осетровой икры, лососины и прочих вкусных вещей, не столь уж часто появляющихся даже в столах заказов.

Все случилось настолько скоропалительно, что Вячеслав Кузьмич не сразу сообразил, откуда и, главное, для какой такой надобности возникли у него в кабинете трое энергичных молодых людей. Один из них, не говоря ни слова, воспрепятствовал попытке захлопнуть злополучный ящик, другой столь же бесцеремонно сдавил Вячеславу Кузьмичу руки, а третий, еще шире распахнув дверь, поторопил понятых. Мелькнувшая в глубине приемной зареванная мордашка секретарши оказалась для Протасова новым чувствительным ударом. Операция, судя по всему, была тщательно подготовлена и рассчитана на полную внезапность. Когда же выяснилось, причем очень скоро, что номер счета, а заодно и сберкассы, где он был открыт, записан на заранее припасенном листочке, отпала последняя надежда. И все же свыкнуться с тем, что с ним, избранником судьбы, вознесенным над прочими смертными, перед которым заискивали иные могущественные начальники, может приключиться такое, оказалось далеко не просто.

За четверть века он не только убедился в полнейшей безнаказанности, усвоив железные законы корпоративной взаимовыручки, но чуть ли не уверовал в общественную необходимость тайных махинаций, которыми занимался большую часть жизни. Начав с рядового продавца, он прошел все ступеньки служебной лестницы, добравшись до ответственного поста замначальника торга. И всюду ему приходилось прибегать к действиям, прямо подпадавшим под соответствующие статьи Уголовного кодекса. Когда же три года назад случилось досадное недоразумение и какие-то безответственные, явно склонные к авантюрам субъекты попытались дать этим статьям должное применение, Вячеслава Кузьмича, а с ним вместе

и подчиненных ему директоров магазинов, достаточно ловко вывели из-под огня. Враждебной стороне не помогли даже наскоки в печати. Протасов лишний раз смог убедиться в могуществе системы. Пронизанная питательными сосудами самых разносторонних и очень далеко простирающихся связей, она вознаграждала за преданность более чем по-царски. Ведь такого образа жизни и такой непотопляемости при всем желании не мог бы гарантировать даже самый снисходительный конституционный монарх.

Когда же несколько слабонервных дурачков, схваченных за руку на самом примитивном воровстве, начали топить друг друга и называть такие имена, что даже следователям становилось не по себе, кое-кем пришлось, конечно, пожертвовать, кое-кого переместить на менее заметные должности. Разумеется, временно. Все, кому положено, знали, что, едва минет непосредственная угроза, положение восстановится. Так происходило почти всегда, и не было основания опасаться, что на сей раз сложится как-то иначе.

По крайней мере, Вячеслав Кузьмич ничуть не испугался, когда ему по причине упомянутого недоразумения пришлось оставить торг и, вновь возвратясь на круги своя, взять гастроном. Стоило запастись терпением. Протасову не пришлось пожертвовать ничем, даже самой малостью. Он по-прежнему крупно играл на бегах и просаживал сумасшедшие деньги в пульку. Не ради выигрыша или там щекочущего нервы азарта. Исключительно для препровождения времени. Так было принято в их кругу. Вячеслав Кузьмич умел и брать, и давать, хотя не одобрял любителей крайностей. Ему одинаково претили дешевка вроде полетов к морю на один день и купеческий шик, когда под банкет откупался целый ресторан. Именно на таком и сгорали. Оргии в финских банях, скупка валюты, погоня за каратами — на это он взирал с легкой брезгливостью. С подлинно достойным мыслящей личности жизненным стандартом вся эта кичливая блажь не имела ничего общего. Иное дело мерседес с радиотелефоном и престижным номером или добротная, современно обставленная квартира, где под японским телевизором стояли видеомагнитофон с соответствующим набором кассет и последней модели стереофоническая система с беспроволочным управлением. Без этих милых удобств Протасову было бы не так интересно жить. Скрашивая существование, они были неотъемлемой составной частью общей атмосферы. Подобно фирменной одежде, смирновской водке или сигаретам «Данхилл». Любой из этих мелочей можно было безболезненно пожертвовать, но все вместе они составляли именно тот продуманный микромир, тот тщательно отмеренный уровень, ради поддержания которого столь неустанно трудился на своей ниве Вячеслав Кузьмич. И странное дело: при этом он отнюдь не пренебрегал такими вещами, как грошовая — опять же в его исчислении — премия или благодарность в приказе. Даже, напротив, яростно сражался за десятирублевую прибавку к зарплате, за лишний день, причисленный к отпуску. Во имя сохранения целого нельзя было пожертвовать ни единой пылинкой. В противном случае мог возникнуть чреватый опасностью

дисбаланс. Ведь одно не только дополняло, но как бы легализовало другое. Протасов не без основания считал себя цельным человеком. Он жил открыто, не тая нажитого. И любые служебные привилегии, сколь бы мизерны они ни были, входили в общий ценз. Билет на торжественный вечер актива, оттиснутый, судя по затейливой сеточке, не иначе как на Гознаке, столь же приятно тешил самолюбие, как и золоченая зажигалка на пьезокристаллах. На чужое Вячеслав Кузьмич никогда не посягал, но все так или иначе относящееся к собственной личности, что полагалось ему официально и полуофициально, умел отстоять. Многое, впрочем, совершалось почти автоматически и не стоило ему ни единой копейки. Даже энергию не нужно было расходовать. Не приходилось, например, выцарапывать путевку в Дом творчества, приглашение на премьеру, дефицитную книгу. Напротив, все это чуть ли не навязывалось в обмен на праздничные заказы и прочие виды услуг, служа лишним доказательством общественной незыблемости.

Доступный и снисходительный, Протасов привык видеть вокруг заискивающие улыбки и почти искренне считал себя всеобщим благодетелем.

И, несмотря на то что через его руки прошли сотни и сотни тысяч, в сущности, краденых денег, он вполне искренне относил себя к числу честных тружеников, к людям благонамеренным и достойным. Он научился вести себя так, что месяцами не вспоминал о действительном происхождении исправно прибывающих казначейских билетов. Единственное, что заботило его в этой связи, была извечная проблема аккумуляции капитала.

Потратить его разумным образом было не на что, сберкасса, по понятным соображениям, исключалась, скупка золота и прочих активов — тоже. Дальнейшее накопление в столь неестественных условиях представлялось бессмысленным, но игра, в которую так легко и бездумно дал вовлечь себя Вячеслав Кузьмич, обратного хода не предусматривала. Приходилось дуть до горы, хотя забота об уже имеющихся тайниках и без того порядком отравляла существование.

Начав было скупать картины, он вскоре поостыл, так как ничего в живописи не смыслил, да и свободных стен в квартире для подобного предприятия явно недоставало. К тому же признанные шедевры появлялись в продаже достаточно редко, а в перспективность доморощенных авангардистов Протасов не верил. Платить же четырехзначные суммы за надпись: «Неизвестный художник» — он побаивался. Не лучше обстояли и его упражнения со старинными часами и бронзой. Наполнив дом позолоченными уродцами в стиле «второго рококо», Вячеслав Кузьмич признал свое поражение и на этом фронте.

Даже для того чтобы только суметь увидеть стоящую вещицу, требовался особый талант. По крайней мере, знания. Ни супруга Протасова, Мария Васильевна, ни он сам вместе со своими приятельницами этим свойством никак не обладали. Прежняя, с кото-

рой Протасову удалось сохранить чисто дружеские отношения, — еще туда-сюда, а уж новая — косметичка Альбинка — была абсолютной пустышкой. Все, сколько ни дай, могла выбросить на цветные камни. При этом ни бельмеса в них не смыслила. С ума сходила по фианитам и авантюрину, который называла почему-то «коварство и любовь», и, уж конечно, не могла отличить природный самоцвет от выращенного.

Нет, кто-кто, а одноклеточная Альбинка была ему не помощница.

Оставалось испробовать себя на букинистическом фронте. Особой мудрости, как почему-то казалось Вячеславу Кузьмичу, это дело не требовало, а цены на книги росли год от года, быстрее даже, чем на золото. Уважая во всем основательность, он приобрел четыре застекленных полированных шкафа, разжился недоступными простому любителю ценниками и горячо взялся за дело. Вскоре новоявленного библиофила знали чуть ли не во всех букинистических магазинах Москвы. Его стиль отличался смелостью и простотой. Короче говоря, Протасов предпочитал брать что подороже. Ему безумно импонировали толстые дореволюционные тома с золотым обрезом, благородно потертая кожа и узорное тиснение. Хватая все, что попадалось под руки, он обзавелся помпезными собраниями Пушкина, Байрона, Шиллера, торжественно водрузил на полки Элизе Реклю, «Мужчину и женщину», «Всемирную историю», «Живописную Россию».

Это было не столь уж и глупо, хотя подлинные редкости, конечно же, прошли мимо его совершенно дилетантского ока. Войдя во вкус, Вячеслав Кузьмич вскоре решился расширить ассортимент закупок и стал, невзирая на иностранные названия (языками он не владел), чохом приобретать альбомы по искусству. Это дело понравилось ему даже пуще прежнего. Книги хоть и стоили триста, а то и четыреста рублей, зато выглядели как новенькие. С ними промаха никак не предвиделось. Сверкая глянцем суперов, пахучие и гладкие, словно пачки обандероленных ассигнаций, они ласкали глаз завидным товарным видом.

Но и на этой стадии директор щедрого гастрономического оазиса даже не подозревал, что существуют издания, стоимость которых превосходит самые смелые устремления. И немудрено. В закупочных ценниках они не упоминались, а на прилавках если и возникали, то, по-видимому, не чаще чем раз в десять лет. Таким образом, Протасов хоть и сумел обзавестись в рекордно короткие сроки роскошной, невзирая на некоторую односторонность, библиотекой, но главной своей проблемы никак не решил. К моменту ареста в его тайниках хранилось еще столько хрустящих вещественных доказательств, что ни на какое снисхождение суда рассчитывать не приходилось. Если, конечно, сумеют их отыскать.

Вся обстановка ареста произвела на Вячеслава Кузьмича удручающее впечатление. Однако его вера во всемогущество корпорации и личную, чуть ли не от бога данную неуязвимость существенного урона не понесла. «Выручат, не дадут пропасть, не позволят, —

вертелось в голове, когда его, словно напоказ, вели под руки к машине. — Не мне одному полная катушка грозит, за мной такое потянется!.. Даже подумать страшно. На это никто не пойдет. Значит, все отрицать, ни в чем не признаваться».

О том, что почти в одно время с ним были арестованы многие из тех, кому адресовались теперь его упования, он, конечно, не знал. Не знал и об обыске, хотя такое не столь уж и трудно было вообразить, у себя на квартире. Вячеслав Кузьмич еще находился в кабинете, когда белая как полотно Мария Васильевна впустила в прихожую людей в форме. Больше того, в тот же заранее назначенный час были обысканы и квартиры обеих приятельниц Протасова, «пассий», как именовала их Мария Васильевна.

И то обстоятельство, что в отличие от жены, сохранившей пристрастие к старомодным выражениям, сам Протасов предпочитал более невинное слово «подруга», ничего здесь не меняло. Для тех, кто долго и тщательно готовили операцию, эта часть жизни Вячеслава Кузьмича не составляла тайны, как, впрочем, и для самой Марии Васильевны. Она вполне достаточно знала и про первую «подругу» Стеллу Борисовну, прежде заведовавшую столом заказов, и про новейшую Альбинку. Первая была моложе обожаемого супруга на восемнадцать лет, вторая — на все тридцать. Но приходилось делать вид, что ничего особенного не происходит.

У следствия были все основания подозревать, что директор гастронома захочет припрятать у своих «подруг» кое-что, как говорится, на черный день. Тем более что обе не раз участвовали в разного рода развлекательных мероприятиях и хорошо знали клиентуру Протасова. Едва ли, например, можно было посчитать простым совпадением, что Стелла Борисовна уволилась с работы за какой-нибудь месяц до падения замначальника торга. Причем по собственному желанию! Понимающие люди лишь обменивались на сей счет многозначительными улыбками. Кто-то ловко упрятал концы, а умница Стелла получила вскоре новое, не менее хлебное местечко.

Речь, однако, далее пойдет не о ней, а о более молодой и счастливой сопернице, сумевшей околдовать вероломного Вячеслава Кузьмича. Так распорядилась судьба, слепо разбросав свои покрытые кабалистическими знаками карты. В шкатулке, где Альбина хранила всевозможные браслеты и кольца, была найдена гемма, похожая на солитовскую, подробно описанную в ориентировке. На вопрос следователя, каким путем к ней попала столь необычная вещица, она назвала некоего Алексея, с которым познакомилась в конце лета. Знакомство завязалось на веселой пирушке, которую Протасов устроил по случаю постройки садового домика в товариществе «Московский композитор».

В том, что, по сути, совершенно посторонний человек мог сделать ей такой подарок, сама Альбина не находила ничего странного. Признав не без наигранного смущения, что, действительно, случайное знакомство очень скоро вылилось в более тесные отношения, она не смогла, а может, и не захотела дать об Алексее более подробные

сведения. Поскольку ожидаемого тайника с деньгами не обнаружилось, а других претензий к Альбине не было, ее оставили в покое.

На другой день гемма вместе с протоколом об изъятии уже лежала у Люсина в сейфе.

— Я пригласил вас для очень серьезного разговора, Альбина Викторовна. Надеюсь, вы не откажетесь нам помочь? — начал несколько издалека Владимир Константинович, исподволь разглядывая сидевшую перед ним женщину. Ее смуглое, тонко очерченное личико олицетворяло полнейшую безмятежность. Лишь бисеринки пота на лбу и чуточку оттененной пушком верхней губе свидетельствовали о некотором напряжении.

— Пожалуйста. — Она поправила затейливую прическу, заставив легонько звякнуть крупные серьги с серебристыми висюльками.

— Вот и превосходно! — приветливо просиял Люсин и энергично потер руки. Он и в самом деле находился в приподнятом настроении, потому что в деле, которое рисовалось абсолютно безнадежным, неожиданно обозначился перспективный след. — Меня, Альбина Викторовна, интересует все, что связано с этим камешком. — Лучась доброжелательностью, он убрал бумажную салфетку, скрывавшую гемму. — Узнаете, надеюсь?

— Конечно, — Альбина закинула ногу на ногу. — Все, что могла, я уже рассказала товарищам, которые... которые у меня были.

— У нас несколько разные задачи, так что не сочтите за труд повторить.

— Как вам будет угодно. — Альбина с видом оскорбленной добродетели вскинула голову. — Вас, конечно, интересуют интимные подробности?

— Все без исключения, вплоть до самых мельчайших!

— Не знаю даже, с чего начать... Может, вам лучше спрашивать?

— Можно, если вам так больше нравится. — Люсин привстал захлопнуть форточку, откуда била морозная тугая струя. — Начнем с пикничка. Кстати, какого числа это было?

— Двадцать шестого августа. Я этот день очень даже хорошо запомнила.

— Почему, не скажете?

— С самого утра голова разболелась. Я вообще и ехать сперва не хотела, но Протасов уговорил: «Будешь хозяйкой! Единственная леди!» — передразнила Альбина. — Он это умеет! — В ее голосе промелькнуло накипевшее раздражение. — Ну, делать нечего, пришлось собираться. Набили полный багажник: коньяк «Наполеон», ящик чешского пива, шампанское... Любил пыль людям в глаза пустить!

— Эка вы о нем в прошедшем времени.

— А для меня он и есть в прошедшем! — Альбина негодующе повысила голос. Исполненная праведного гнева, она как-то сразу подурнела, ее казавшиеся одухотворенными черты опростились, огрубели. — Да я представить себе не могла, что он ворует у государства!

— В самом деле? — Люсин снисходительно улыбнулся. — А мерседес цвета белой ночи, заморские вина, широкие кутежи? Вы полагали, что все это с неба падало?

— Мало ли. — Дрогнув плечиком, она опасливо сбавила тон. — Все же начальник. Может, им положено так...

— Не положено. — Не переставая улыбаться, Люсин медленно покачал головой. — Очень жаль, что вас вовремя не насторожили дорогостоящие подарки, финская сантехника, мебельные гарнитуры...

— Лично я никаких подарков от него не видала! — незамедлительно отреагировала Альбина. — Он все больше пустяками отделывался: ну там духи на Восьмое марта, цветочки... Что же касается украшений, то я сама себе все покупала. И мебель тоже моя! Вы не думайте, я вполне достаточно получаю. Некоторые клиенты даже очень благодарят за обслуживание. И на зарплату не жалуюсь.

— Конечно, конечно, — не стал спорить Владимир Константинович. — Мы знаем, Альбина Викторовна, что вы женщина самостоятельная. Лично я на ваши драгоценности нисколько не покушаюсь.

— Скажете тоже, драгоценности! Пара колечек — смотреть не на что. Вы небось и не видали настоящих-то драгоценностей, которые у людей бывают.

— О, вот тут вы коренным образом заблуждаетесь, милая Альбина Викторовна. Именно мы и знаем настоящий толк в таких делах, уж поверьте на слово... Однако не будем отвлекаться от темы. Итак, утречком двадцать шестого августа вы с Вячеславом Кузьмичем выехали на дачу. На том самом мерседесе, если не ошибаюсь?

— Очень ему надо! Чтобы сидеть и зубами щелкать, когда другие поддают?.. Николай Аверкиевич, шофер его, на своей «Волге» заехал.

— У Протасова есть еще и частный шофер? — на всякий случай решил уточнить Люсин. — Очевидно, для подобного рода оказий?

— Я же говорю: вы не видели, как люди живут! Взять хоть Гурама Васильевича с Комсомольского проспекта. Наш Славик ему и в подметки не годится. Он, когда дочь замуж выдавал, целый рейс закупил для гостей. Только свои в самолете были. — При воспоминании о золотых денечках Альбина невольно вздохнула. — Его что, тоже вчера арестовали? — поинтересовалась она с тревожным любопытством.

— Вполне может быть, — Люсин незаинтересованно пожал плечами. — Кто еще сел с вами в машину?

— Больше никого не было. Остальные своим ходом прибыли.

— Перечислите, пожалуйста, всех.

— Ну, Зуйков Геннадий Андреевич, который, значит, строил, еще районный архитектор Петров, потом шабашники, двое их было... И все, и больше, кажется, никого... Ах нет, еще композитор зашел — Витя Фролов. Он уже с утра был теплый...

— А этот ваш Алексей?

— Так ему и приезжать не надо было! — Альбина удивленно заморгала подмазанными ресницами. — Он чуть не все лето в доме прожил заместо сторожа.

— И откуда же он такой взялся?

— Мало ли их увивалось всяких вокруг Протасова!

— И в самом деле... Только сдается, он немножечко из другого теста. Вам не кажется? Мне так определенно нравится этот сторож, направо и налево раздаривающий античные геммы! У него их что, куры не клюют?

— Я-то почем знаю?.. Она правда такая старинная?

— Правда, Альбина Викторовна. Полторы тысячи лет.

— Дорогая, должно быть, вещица! — Альбина не могла отвести взгляда от геммы. — Мне ее вернут, как считаете?.. Когда все закончится?

— Сомневаюсь, Альбина Викторовна. — Люсин устремил на нее долгий испытующий взгляд. — Судите сами: камешек, которым вас столь щедро одарил, по сути, первый встречный, имеет самое непосредственное отношение к убийству.

— Вы шутите! — Альбина испуганно вскрикнула.

— Ничуть. Такими вещами вообще не шутят. Гемма принадлежала человеку, который был убит и ограблен поблизости от места вашей веселой пирушки. Она была вправлена в браслет, но кто-то — не исключено, что убийца, — счел нужным ее выковырять. Зачем? Надеюсь, у нас будет возможность задать такой вопрос непосредственному виновнику. Пока же я вынужден вновь спросить, Альбина Викторовна, как это очутилось у вас дома? Дело, как вы теперь могли убедиться, исключительно серьезное.

— Но я же вам и так все рассказала!

— Положим, не все, но я не сомневаюсь в вашей добросовестности. Однако ваши ответы необходимо соответствующим образом отразить в протоколе. — Люсин принялся неторопливо заполнять бланк. — Здесь, кстати, содержится предупреждение об ответственности за дачу ложных показаний. Советую вам отнестись к этому со всей серьезностью.

— Вот уж не было печали! — Альбина с неподдельным отчаянием всплеснула руками. — Я-то тут при чем?

— Сочувствую и понимаю, но ничего изменить не могу. Что сделано, то сделано. Ваш Алексей оказал вам очень дурную услугу, просто-напросто подвел, я бы даже сказал, подставил вас... Будем выходить из положения вместе, Альбина Викторовна, я помогу. — Люсин демонстративно пощелкал по сеточке микрофона. — Итак, попробуем восстановить обстановку, в которой протекало застолье, так сказать антураж...

Альбина не нуждалась ни в чьей помощи. Все и так стояло перед глазами. Осязаемое, прилипчивое, будоражащее памятью запахов и прикосновений.

...Когда стало смеркаться, она зажгла керосиновую лампу — дом еще не успели подключить к линии — и к смолистой свежести

сосновых плачущих досок примешался тягучий привкус угара. Все вдруг заторопились и стали прощаться, неохотно отрываясь от струганых лавок и тяжело нависая над разоренным, загаженным окурками столом. Их покачивающиеся тени, изломанные на стыках брусьев, напоминали нечистую силу из мультипликационных фильмов. Вооруженные трезубцами хищные лапы еще тянулись к мокнущим в рассоле кружочкам огурца и опрокидывали последние рюмки в широко разверстые пасти. По крайней мере, так ей казалось тогда, уставшей от хлопот и сальных шуток, наломавшейся возле печки-камина, пожиравшей дрова, как солому.

Сначала, предварительно спровадив ублаготворенных шабашников, отбыл строитель, осуществлявший прорабский надзор. Он был единственный, кто крепко стоял на ногах, и у него хватило ума прихватить с собой осоловевшего архитектора, задним числом утвердившего отступления от установленных норм и ограничений. Затем, пообещав вернуться к утру, распрощался трезвый как стеклышко Николай Аверкиевич, которому предстояло доставить до дому композитора Витю, сохранившего благородную молчаливость даже после обильных возлияний. Его удалось усадить в машину ценой немалых усилий, вернее, запихнуть, потому что он упорно сопротивлялся, силясь вернуться назад. Альбине даже пришлось дать ему напоследок хорошего тумака. Лишь после этого композитор удовлетворенно затих, разметавшись на заднем сиденье.

Потом незаметно исчез Алеша, сославшись на какое-то дело в хозблоке, который в ударном порядке переоборудовался под сауну. Альбина накапала хозяину дома лекарства и помогла взобраться по винтовой лестнице на верхний этаж, присела у запотевшего окошка, залитого непроглядной вечерней синькой. Погрустив в одиночестве, она с неохотой принялась собирать со стола. А вот что случилось потом, ей никак не удавалось вспомнить. Вернее, не что, а где, ибо она мысленно путалась в расположении дачных комнат. Кажется, это произошло возле лестницы в коридоре, куда она зачем-то заглянула по дороге в кухню. Даже половица не скрипнула, когда Алексей бесшумной тенью вынырнул у нее из-за спины, намертво сомкнув свои ручищи под самой грудью. Она враз ослабла и покорно дала себя увести. Уж очень боялась наделать лишнего шума. На все, кажется, была готова, чтобы только не разбудить ненароком Вячеслава Кузьмича. А вот в какой момент Алексей вложил ей в кулачок свой камешек и какие глупости при этом нашептывал, она позабыла. Вроде обещал чего-то, как бывает спьяну у мужиков, жаловался на то, что должен спешно куда-то уехать, и вообще на всю свою вконец загубленную жизнь. Врал, как ей сперва показалось, потому что грозился вернуться и жениться на ней, если, конечно, она его не забудет. Альбина, понятное дело, обещалась помнить до гробовой доски.

Вот, собственно, и все, что она могла сообщить.

— Если, как вы говорите, Алексей жил в хозблоке почти все лето, исполняя роль сторожа, то шабашники, а возможно, и композитор Фролов могли с ним как-то общаться? Так ведь?

— Почему нет? Свободно могли.

— А уж о Протасове и говорить не приходится! Верно? Уж он-то должен знать всю подноготную этого типчика?

— Так вы спросите у Вячеслава Кузьмича. — Альбина обнажила крупные, идеально прилегающие один к другому зубы и процедила с какой-то мстительной радостью: — Уж это он от вас, надо думать, не утаит.

— Мне тоже почему-то так кажется, — согласился Люсин.

Глава тридцать первая

ВИТОК СПИРАЛИ

Всю первую половину дня Люсин провел, не отрываясь от телефонной трубки. Правое ухо припухло и горело, словно после хорошего удара боксерской перчаткой.

Как это часто случается, выход на финишную прямую оказался сопряженным с неожиданно возникшими препятствиями. Следователь, которому было поручено вести дело Протасова, заупрямился и своего согласия на немедленный допрос не давал.

— Вы небось привыкли у себя в розыске к мотоциклетным гонкам, — уколол он, когда разговор достиг критической фазы. — Пиф-паф — и привет семье!.. Разве это работа? Нет, к допросу, особенно первому, необходимо подходить с полной ответственностью. Мы его еще и сами не допрашивали, к вашему сведению.

— Это ваша проблема, — вспылил было Люсин, но тут же опомнился и сделал попытку разрядить обстановку. — Мне ведь недолго, каких-нибудь пять минуточек.

— Обычно так говорят, когда лезут без очереди к врачу. — Следователь не упустил возможности съязвить. — Мало ли кому чего надо? Мы не можем ставить под угрозу важнейшую операцию ради чьего-то каприза.

— Каприза? — Люсин едва сдерживался. — Речь идет о розыске человека, подозреваемого в убийстве! Не более и не менее. Или, быть может, я недостаточно ясно выразился?

— Нет, почему же. Я вас понял. Но постарайтесь и вы понять, что не все решается с кондачка. Толку от вашего допроса будет чуть. Уверяю! Протасов сейчас не в том состоянии. Он почти невменяем. Шутка ли — в его-то положении очутиться вдруг в камере! Пусть немного придет в себя, пообвыкнет, задумается над тем, как дальше жить. А тогда поглядим.

— И все это время неразысканный убийца будет гулять на свободе. — Люсин сознавал, что доводы следователя не лишены резона, и решил поэтому поднажать на эмоции. — Судя по почерку, преступник матерый. Ему отсрочка куда как на руку. Он много чего успеет наработать.

— Вы меня на испуг не берите. У каждого из нас свои проблемы. Вы ведь и сами так считаете... Вашей ориентировочке мы, как видите, дали «зеленую улицу», но больше ничем на данном этапе помочь не сможем. Своих забот полон рот.

— За камешек благодарю от всего сердца. — Люсин попытался переменить тактику. — Без вашей помощи мы бы продолжали топтаться на месте. Но сказавши «а», нужно говорить и «б». Нам необходимо установить личность убийцы. При этом я вовсе не настаиваю на участии в допросе! — заторопился он, изо всех сил стараясь сохранить дверь открытой. — Допросите сами. Ведь все, в сущности, сводится к одному-единственному вопросу. Неужели мы не сможем договориться по такому пустяку?

— Это не пустяк. У нас есть собственная тактическая схема. И уверяю вас, что заготовленные нами вопросы не менее важны. И тоже не терпят отлагательства. Но ничего не поделаешь: приходится ждать, обстоятельства часто бывают сильнее наших желаний.

— Я на сто процентов уверен, что Протасову незачем выгораживать этого Алексея. Он только рад будет кинуть такую кость.

— Стопроцентной гарантии вы дать, конечно, не можете, но, даже если бы и могли, я на такое не пойду. Выиграть в одном — значит проиграть в другом. Закон природы. Не будем мы жертвовать собственными интересами ради дяди. Этот субчик чуть не миллион наворовал. Моя задача — спросить с него все до копеечки, и, уверяю вас, я добьюсь своего, чего бы это ни стоило. Мне он все скажет.

— Ну что ж, желаю удачи! — вздохнул Люсин, признавая свое поражение. — И поверьте, что это искренне... Опись имущества не подошлете?

— Зачем вам? — насторожился следователь.

— На всякий случай. Вдруг что-нибудь еще обнаружится, связанное с убийством.

Закончив разговор, Владимир Константинович сразу же перезвонил Кравцову.

— Сами виноваты, — не замедлил попрекнуть полковник, выслушав доклад. — Проморгали вы свой звездный час, Люсин, и пеняйте теперь на себя. Я ведь предупреждал: не тяните, давайте скорее результат, пока вами интересуются. Не моя вина, что начальство устало ждать.

— И не моя, — сухо ответил Люсин. — Делали, что могли.

— Верно. С оперативной стороны к вам нет никаких претензий. Могу лишь вновь поздравить с заслуженным успехом. Но одно другому не мешает. О вас успели забыть. На ваших делах свет клином не сошелся. Есть и поважнее. Каждый день подбрасывает что-нибудь оригинальное. Поэтому на орден можете не рассчитывать.

— Я и не рассчитываю.

— Это я в фигуральном смысле. Я статус наибольшего благоприятствования имею в виду. Слышали такое дипломатическое выражение?

— Имел удовольствие.

— Так вот этого самого статуса, к которому вы успели привыкнуть, я в данной ситуации обещать не могу. Попытайтесь договориться на своем уровне.

— На моем уровне я благополучно зашел в тупик. Без вашей помощи никак не обойтись, товарищ полковник. Не можем же мы плестись в хвосте у других. — Люсин попытался сыграть на самолюбии.

— Позвоните мне в конце дня, — распорядился Кравцов после долгой и, как почему-то показалось Люсину, брезгливой паузы.

Чтобы малость поостыть, Владимир Константинович зашел в туалет. Освежив лицо, он долго полоскал рот, нагнувшись над раковиной, затем тщательно причесался и включил сушилку. Что там ни говори, но профессиональный опыт помогал не только в борьбе с преступностью. Иногда и у начальства удавалось отыскать безотказную струнку.

До Наташи, на удивление, удалось дозвониться с первого же захода. На кафедре начинался какой-то коллоквиум, и она долго говорить не могла.

— Я только голос услышать! — бодро объяснил он.

— И как, полегчало чуть-чуть?

— Не то слово!

В это время секретарша принесла ксерокопию описи, составленной на сорока восьми листах. Автоматически пропуская строки, перечислявшие мебель, технику и прочее недвижимое имущество, Люсин нацелил внимание на мелочи. И не ошибся. В перечне книг он сразу натолкнулся на травник, изданный в 1609 году в Праге.

Мутная личность Пети Корнилова вновь замаячила в непосредственной связи с убийством. По-видимому, не случайно, потому что он так и ушел от вопроса, в чьи руки попала книга. Во всяком случае, ни имени, ни адреса не назвал, а по данному им нарочито путаному описанию лишь с трудом можно было узнать портрет злополучного директора гастронома. Выходит, темнил тогда: и правды не сказал, и солгать побоялся.

— Корнилов? — Прижав раскаленную трубку плечом, Люсин машинально записал Петину фамилию на страничке перекидного календаря. Она была порядком исчеркана, так что день получался довольно-таки напряженный. — Мне некогда посылать вам повестку, Корнилов, поэтому приезжайте ко мне прямо сейчас. Учтите, что это в ваших же интересах. Пропуск я закажу.

Петя-Кадык не заставил себя долго ждать. Причем на сей раз его приход не сопровождался никакими вызывающими демонстрациями.

— В чем, собственно, дело? — только и спросил он, усаживаясь на кончик стула и с беспокойством озираясь. — Или чего не так?

— Да все у вас не так, как надо. — Люсин не дал ему даже опомниться. — Я ведь предупреждал насчет серьезности вашего положения, но вы не вняли. Теперь придется держать ответ.

— Ничегошеньки не понимаю. — Петя заерзал. — Или опять чего хотите пришить?

— Вы в каких отношениях находились с бывшим директором гастронома Протасовым? — незаинтересованно и как-то устало спросил Люсин. Он и в самом деле порядком вымотался за эти дни. — Я говорю «бывшим», потому что он освобожден от должности и находится в настоящее время под следствием... Кстати, специально для вашего сведения, у его сожительницы была обнаружена при обыске вещь, принадлежавшая Георгию Мартыновичу Солитову. Теперь сами судите, как обстоят ваши дела.

Эффект был полный. Корнилов, словно раздавленный непомерной тяжестью, вжался в спинку стула и, казалось, потерял дар речи, хватая воздух искривленным дрожащим ртом. Люсину даже жалко его стало немного.

— Уяснили, вижу, Корнилов?

— Это какое-то роковое недоразумение, — чуть не по складам произнес Петя. — Стечение обстоятельств.

— В чем вы видите недоразумение? Я ведь вам факты изложил. Документально подтвержденные факты.

— Это я понимаю, но только я тут при чем?

— Вы ни при чем? — Люсин удивленно раскрыл глаза, словно Петино заявление явилось для него полнейшей неожиданностью. — Ах, да! — Он досадливо взъерошил волосы. — Извините! Я забыл сообщить вам, что у Протасова нашли тот самый пражский травник, который вы, по вашим словам, предназначали для покойного Георгия Мартыновича. Вот, полюбуйтесь. — Небрежно брошенная опись перелетела через стол, но Петя был начеку. — Страница семнадцатая, позиция пятьсот шестьдесят семь... Или вы опять станете утверждать, что тут имеет место недоразумение?

— Ну конечно!

— Надо ли это понимать так, что у Протасова оказалась не ваша книга, а только похожая? — опасаясь, что Корнилов может ухватиться даже за такой сомнительный, но чреватый хлопотами вариант, Владимир Константинович вложил в свои слова все запасы уничижительной иронии. — Если вы скажете, что никогда не видели его в глаза, мне не останется ничего другого, как только принести вам свои извинения.

Петя молчал, натужно гримасничая и вращая белками. Все-таки с психикой у него явно были какие-то нелады.

— Я жду, Корнилов, — напомнил Люсин.

— Ну, продал я ему травник, и что с того?

— Запоздалое признание. Вы должны были сделать его еще в прошлый раз. Теперь оно работает против вас, укрепляя подозрения насчет вашей причастности к смерти Георгия Мартыновича.

Люсин не очень верил в такую возможность, но ему во что бы то ни стало была нужна правда. Особенно сейчас, когда отпала надежда прямиком выйти на этого Алексея.

— Я ни в чем не виноват! — закричал вдруг Петя и принялся подскакивать, хлопая себя по коленям. — Ни в чем! Ни в чем.

— Прекратите истерику. — Люсин налил в стакан немного газированной воды из сифона. — Выпейте и успокойтесь.

— Вы хотите меня погубить, — пожаловался Петя, стуча прокуренными зубами о стеклянный край. — Что я вам сделал?

— Позвольте не отвечать на дурацкий вопрос, — устало зажмурился Люсин.

— Вы думаете, что я убил? Ограбил? — Блуждающий взгляд Корнилова наполнился неизбывной тоской. — Бред какой-то. Но ничего не докажешь: выхода нет.

— А вы попробуйте.

— Что именно? Доказать, что я не убивал? Но это бессмысленно. Вам ничего не докажешь.

— Вы видите в моем лице смертельного врага? — Люсин участливо наклонился. — Вздор, Корнилов, ей-богу, вздор. Даже стыдно.

— Но ведь вы сами...

— Что я сам? Я лишь пытаюсь подать вам руку помощи. И в прошлый раз, и теперь. Скрывая правду, вы вредите только себе. Не лгите, не изворачивайтесь, и все обойдется, если, конечно, вы действительно ни с какого боку не причастны к убийству.

— Слово чести! Лучше бы я сжег эту чертову книгу! Волей-неволей поверишь в дьявольские козни...

— Откуда вы знаете Протасова?

— Возле буки случайно разговорились, на горке.

— Где-где?

— На горке, у памятника первопечатнику. Там возле букинистического народ обычно толчется.

— Давно с ним дело имеете?

— Да этим летом и познакомились.

— Действительно знает толк в книгах?

— Как свинья в апельсинах, — зло передернулся Петя. — Я бы давил таких.

— Как говорится, благими намерениями... И какие же сделки вам удалось совершить?

— Да всего ничего. Первый раз «Историю искусств» отдал, потом эту... проклятую.

— Сколько взяли? — спросил Люсин, отыскав в списке собрание Гнедича.

— «История» за пятьсот пошла, эта — тысячу двести.

— Чего ж так скромно? С честного труженика полторы, а обожравшемуся мафиози скидка? Где логика? Протасов, говорят, за ценой не стоял.

— Это ежели цена твердая. А так торговался до седьмого поту, выжига!.. Я ведь сначала две с него спросил. Только вы не пишите.

— Эти подробности меня не волнуют. — Люсин небрежно смахнул лежащие на столе бумаги в ящик и даже выключил магнитофон. — Тем более что с Протасовым, сами понимаете, я тоже кое о чем побеседую... Почему вы именно ему предложили травник?

— Я и другим предлагал. Не потянули.

— Кому, например, указать можете?

— Да тому же Бариновичу, который про алхимию написал. Не читали?

— Верно, — Люсин благосклонно кивнул. — Был у нас такой разговор с Гордеем Леоновичем.

— Выходит, знаете уже? — Корнилов разочарованно повел плечом. — Для чего тогда спрашивать?

— С одной-единственной целью: помочь вам выпутаться. Прошу прощения. — Люсин сделал знак, что должен прерваться, и взял трубку телефона селекторной связи.

— Завтра в одиннадцать встретитесь с Протасовым, — ответил на его краткое приветствие Кравцов и добавил чуть ли не зловеще: — Не задерживайтесь там.

Глава тридцать вторая

АНАТОМИЯ МГНОВЕНИЯ

Он ушел в глубокий омут, залег в тину и не подавал признаков жизни. От матерых людей знал, что нужно продержаться хотя бы полгода, а там привычная текучка возьмет свое. Новые заботы принудят ослабить хватку. Не на нем одном клином сошлось. Что же касается «чистых» документов, то он соображал, как делаются подобные вещи, и примерно догадывался, куда следует обратиться по такой надобности. Так, на всякий случай, ибо не верилось до конца, что легавые все-таки выйдут на его след. Себя-то он ни с какой стороны не обозначил: ни когда отсиживался на хлебах у Протасова, таясь всякого постороннего глаза, ни там, среди колючих сосенок, под глухой завесой дождя. Вышло, конечно, не совсем ладно. Не стоило мараться на всю жизнь за полтора куска. Тревоги и хлопоты обойдутся дороже, это уж как пить дать. Только прислушиваться к горестным нашептываниям было б последнее дело. Прошлого, как известно, не воротишь. Что было, то сплыло. Уж он-то всякого нагляделся за свои молодые годики и твердо усвоил немудреное правило: жить надлежало только сегодняшним. Завтра — штука обманчивая. Оно никому не гарантировано.

В первый раз Алексей попал за колючую проволоку, когда ему едва исполнилось восемнадцать. По-глупому, по-пустому. За пьяную драку, в которой кто-то кому-то проломил череп обрезком водопроводной трубы. Не до смерти, но вполне квалифицированно. И хотя на той железке не осталось никаких отпечатков, как-то так выстроилось, что судья припаял это дело ему и соответственно отмотал на всю катушку.

С той переломной поры и началось его переучивание. Вернее, волчье натаскивание, потому что школьные годы не оставили в душе почти никакого следа. Случайно застрявшие в памяти осколки прописных истин, конечно же, в счет не шли. Грош цена вызубренной премудрости, если так и не сформировалось то главное, определяющее, без чего нет человека как мыслящей личности.

Нельзя сказать, что у Алеши, вполне нормального мальчика и среднеуспевающего ученика, вступившего по достижении четырнад-

цати лет в комсомол, не было принципов и убеждений. Такое вообще едва ли возможно в человеческом обществе, сложенном из самых разнообразных ячеек, эдаких социально-биологических ниш, где у каждого индивидуума обязательно найдутся друзья по интересам. Но это были дурно усвоенные убеждения и безжалостно обкорнанные принципы, большей частью противопоставлявшие узкогрупповые интересы общественным. Даже не столько противопоставлявшее, сколько бездумно игнорировавшие их, словно, кроме кучки избранных — в рамках подъезда, двора, школьного класса, — ничего вокруг не существовало. Примерно по такой схеме определял свое место в мире первобытный человек, для которого все многообразие бытия сводилось к жесткой полярности: «свои» и «чужие». Среди «своих» царила гармония с законами и строго упорядоченной иерархией, с «чужими» дозволялось абсолютно все. Они были «добычей» — эти чужие, подчас легкой, но большей частью опасной. В этом случае разумнее было обойти их стороной. Держать данное слово, быть великодушным и щедрым, защищать слабого — все эти прекрасные порывы как бы заранее предназначались только для внутреннего употребления. И такие понятия, как «вина», «грех», — тоже. Обмануть хитроумным коварством врага почиталось доблестью.

Умонастроения спаянной компашки, в которой Алексей благодаря незаурядной физической силе и дерзости вскоре занял ведущее положение, разумеется, не укладывались в столь примитивный кодекс, хотя в основе своей вполне ему соответствовали. Учителя ли проглядели или родители (отец пил и временами надолго исчезал из дому), но к десятому классу Алексей сформировался законченным лицемером. Это и была та невидимая демаркационная линия, которая, как ему казалось, защитила его внутреннее «я» от непрошеных посягательств взрослых. Уверившись в том, что и сами они постоянно прибегают к двоедушию и строят свое существование на сплошной лжи, он научился сравнительно безболезненно сосуществовать с океаном хаоса, со всех сторон обступившим его крохотный первобытный островок. «Первобытный» в смысле этической праосновы, потому что в остальном Алексей и соучастники его молодецких забав были болезненно привержены к последним веяниям ультрамодерна. Не в изобразительном искусстве или архитектуре, к которым были вполне равнодушны, а скорее в специфической сфере быта. Шарф с цветами любимой команды, часы с миниатюрным калькулятором, грохот и мигающие огни дискотеки, безусловно, составляли зримые приметы современности. Но было бы абсурдом свести к этим немногим признакам безмерную сложность века, стремительно меняющего внешние формы, обремененного, кроме всего прочего, непомерной ответственностью за бесценное историческое наследство — такое уязвимое, хрупкое перед лицом затаившейся смерти. А вот ограничить оказалось возможно. Кинофильмами и книгами, главный герой которых шпион, преуспевающий, упоенный вседозволенностью, уже по самой природе своего ремесла вынужденный быть оборотнем. Усвоенные манеры и стиль находили проверку в шашлычной, если у

кого-то завелась четвертная, в «междусобойчиках» на «хате», когда удавалось сплавить родителей. Тотемные значки пресловутой «массовой культуры», тесно соседствующей с «контркультурой», превратились чуть ли не в самоцель, сделавшись объектами массовой погони. Охота за расчлененным тремя полосами трилистником «Adidas» на кармане куртки или фирменной этикеткой «Levis» на ягодице стереотипно соединилась с наркотическим пристрастием — чисто снобистским — к автомобилям, желательно иномарочным.

И как своеобразный итог понятие «модно», ощущаемое как «жизненно необходимо», оказалось незаметно перенесенным с фирменных вещей на фирменных подруг, чьи ноги, глаза, плечи, волосы предстали непреложными эталонами поточной линии блистательных совершенств. Отклонение воспринималось как брак, не подлежащий переделке, но требующий замены.

Первая модель менялась на третью, восьмая — на особо престижную тринадцатую. Алексей, наметивший для себя карьеру механика автосервиса, воспринимал естественное для человека стремление к совершенству как непрерывную смену этикеток, сверкающий парад ярлыков.

В колонии строгого режима у него оказалось достаточно времени, чтобы произвести хотя бы некоторую переоценку ценностей. Но, избавившись от кое-каких инфантильных иллюзий, он так и остался на прежних позициях. Поэтому, сблизившись с уголовной шпаной, работавшей под «воров в законе», скоро проникся ее романтической гнильцой и покорно дал изукрасить себя подобающей татуировкой. Выбившись таким манером в лагерную аристократию, Алексей с удовлетворением ощутил, что жить можно даже за проволокой. Вновь появилось безликое и глубоко безразличное ему большинство, в котором легко можно было выискать подходящего на роль жертвы слабака. Богатый, хотя и односторонний песенный фольклор, равно как и будоражащие душу рассказы, в большинстве своем высосанные из пальца, вновь создали в его воображении образ супермена, которому дано прыгать поверх барьеров и загребать пачки денег. Тот факт, что герои воровских саг сидели бок о бок с ним на грубо сколоченных нарах, почему-то Алексея не вразумил. Решив перехитрить всех и вся, он дал себе зарок соглашаться только на «верные» дела, словно такие существовали в природе. По-видимому, какая-то глубоко затаенная опаска подсказывала ему, что полулегальные заработки в автосервисе все же предпочтительнее откровенного криминала. На худой конец, профессия механика могла послужить надежным прикрытием. Активность в сфере сантехники или, допустим, в шабашке он почитал не вполне респектабельной.

Неудивительно, что, выйдя на свободу, Алексей пошел на поводу у новых друзей и вновь очутился на скамье подсудимых.

На сей раз его судили за кражу музейных ценностей. Видно, что-то оказалось не так в тщательно отработанной схеме, хотя и дело рисовалось верным — наводка была, и дружки подобрались надежнее не бывает, один к одному. В итоге еще восемь лет, клей-

мо рецидивиста и мрачная перспектива заделаться лагерным завсегдатаем — Алексей встретил одного такого в пересыльной тюрьме. Из своих тридцати семи нескладно прожитых лет он пробыл на воле только шестнадцать. Было от чего загрустить.

Именно в этот период душевных распутий набрел Алексей на Максима Артуровича, человека совершенно иной касты, птицу полета высокого. Он хоть и не впервые садился, но надолго не задерживался, следуя некой таинственной, выводящей за лагерные ворота стезе. По всему было видно, что Максим Артурович не чета прочим.

И начальство к нему относилось немного иначе, чем к остальным, и посылки он получал особенные, и, куда ни ткни, всюду встречал послабления. Короче говоря, умел поставить себя на должную высоту, пользовался авторитетом.

И надо же случиться такому, что в тяжелую пору, когда прокладывали трассу через сплошную болотную топь, Алексей сумел уберечь столь предусмотрительную персону от глупой промашки, чреватой, однако, всякими осложнениями. Максим Артурович услуги не забыл и, присмотревшись, приблизил к себе смышленого паренька, стал учить его уму-разуму.

— Считай, что в рубашке родился, — заметил по этому поводу Алешкин сосед по нарам. — Это знаешь какой делец? Нам с тобой и не снилось, что он проворачивает. Истинно туз! Будешь как сыр в масле кататься. Только не оплошай ненароком. Ведь одно дело — понравиться, другое — фарт удержать, а это нашему брату особенно нелегко, сорваться можно...

Алексей не сорвался, став для Максима Артуровича телохранителем и офицером связи одновременно. Последнее тароватый на выдумки туз сам придумал. Алеше понравилось: звучит! И существование его в сравнении с прежним облегчилось, хотя срок вопреки жарким нашептываниям всемогущего покровителя не скостили ни на денечек. Весь восьмерик пришлось отпахать от звонка до звонка, когда Максима Артуровича и след простыл.

На прощание патрон — так он наказал себя величать — оставил лишь меховой жилетик, который так сподручно оказалось надевать под ватник, и бумажку с телефоном. Поддевочку, правда, отобрали при первом же шмоне — не положено, но бумажка сохранилась.

Добравшись до ближайшего переговорного пункта, Алексей позвонил Максиму Артуровичу по междугородному. Но то ли патрону было не до него, то ли трудности какие встретились, только свидеться с солагерником он почему-то не пожелал. Вместо торжественной встречи за ресторанным столиком, ломящимся от напитков и яств, как рисовалось в голодном воображении, переадресовал Алешу к директору гастронома Протасову, с которым имел дела.

Первая встреча состоялась на станции Синедь, где у Вячеслава Кузьмича строилась дача из ядреного соснового бруса, способного противостоять даже сибирским морозам и вечной мерзлоте.

— Что же мне делать с тобой? — озаботился Протасов, придирчиво изучив документы. — В Москве проживать тебе, сам знаешь, запрещено, а вне столицы, уж извини, ты мне просто не нужен... Ну да ладно, что-нибудь для тебя придумаем. Поживи пока тут. Заодно и домик постережешь, чтоб не спалили ненароком, — рассыпался он мелким натужным смешком. — Это я так, шучу! Но за материалом смотри в оба. Народец тут ой-ой! Глазом не успеешь моргнуть, как все разворуют. Потом тебе же и продадут втридорога, деятели мирового кино.

— А че мне тут делать? — по-глупому спросил Алексей, озирая пахучий сруб и уже готовый золотистый от олифы хозблок с банькой.

— Жить и радоваться, что на свободе, дурья башка! — Вячеслав Кузьмич добродушно похлопал его по широкой спине. — И ожидать перемен. Они не замедлят воспоследовать, если, конечно, хорошо себя зарекомендуешь. За мной не заржавеет. Будь спок.

Новый патрон оказался не слишком щедрым. Денег давал только-только на прокормление, но, когда сам приезжал или с гостями, пиры закатывал по первое число. Алеше долго потом оставалось чем полакомиться. Жаль, холодильника не было из-за отсутствия тока. Впрочем, новоиспеченный сторож вскоре приспособился, соорудив в бетонированном подвальчике погреб.

Сначала он прятался от чужих глаз, хотя особых причин к тому не было, отсыпаясь днем и выходя на двор только ночью. Но постепенно осмелел и даже начал помогать ближайшим соседям. Благо силой бог не обидел, а топориком за свои тридцать с небольшим годков намахался вдоволь. Со всех сторон посыпались поллитровки и трешки, а там и десятки пошли, когда обнаружилось, что лучше Алексея мало кто может приладить на место тяжеленный обтесанный ствол. Даже переманивать его стали на свои участки, суля неслыханный гонорар. Шабашники тоже готовы были взять к себе в долю.

Надеясь на решительную перемену в судьбе, он с ленивой небрежностью отклонял предложение за предложением. Новый патрон был, по всему видать, дельцом первостатейным, не хуже прежнего, и Алексей со дня на день ждал от него чуть ли не манны небесной. Ведь все признаки процветания были налицо!

Вокруг Вячеслава Кузьмича увивалось всяческое начальство, строители, архитекторы, ловкие доставалы. И всем он был нужен, все набивались к нему в друзья. Наезжал всегда шумно, с набитым снедью багажником, вино и пиво таскал ящиками — чего же больше? И девку возил разодетую, как картинка, втрое моложе себя. Умел жить человек.

Только последний кретин мог вильнуть от такого на сторону. Ведь одно дело — слегка подхалтурить, другое — предпринять определенный жизненный шаг, после которого уже никто за тебя не в ответе: Алексей интуитивно понимал разницу. Если уж наказано ждать, так, будь добр, наберись терпения. Тем более что после зоны житуха в Синеди была чуть ли не раем. Только скука време-

нами заедала такая, что волком выть хотелось. Не о таком будущем мечтал Алексей. Совсем иначе рисовалась ему сладостная свобода.

Между тем ожидаемая перемена все не наступала. Вячеслав Кузьмич даже не заговаривал про нее. Лично его вполне устраивало нынешнее положение. Дача строилась медленно, а в должности сторожа и подручного ловкий, смышленый парень оказался на высоте. Чего же еще желать?

Особенно муторно стало Алеше, когда зарядили дожди. Прислушиваясь к заунывному шелесту струй, монотонно долбящих свежеуложенный шифер, он, как когда-то в детстве, рисовал картины экзотических стран, воображая себя в роли одетого с иголочки отчаянного разведчика или скучающего с бокалом в руке путешественника, наблюдающего за искрометным танцем волооких красавиц.

Но ветер, швыряя холодную россыпь в затуманенное окно, упорно возвращал к реальности. Алексей был одинок перед наступающей осенью и никому не нужен. Мать умерла, отец, окончательно одурев от беспробудного пьянства, куда-то запропастился, а друзей он не нажил. Что же касается необыкновенных приключений и роскошеств, которые показывали в картинах из заграничной жизни, то все это были пустые бредни. Протасов давал наглядный пример, как следует организовать и украсить свой быт. Эти композиторы и всякие там деятели культуры с пышными титулами на визитных карточках, отпечатанных не только по-русски, но и по-иностранному, вились вокруг него, как мошкара. Он только благодушно отмахивался, привечая лишь избранных, чем-то ему особенно нужных.

Но чтобы жить с таким размахом, требовалось многое. Прежде всего, соответствующее положение, затем, не в последнюю очередь, деньги. На мало-мальски солидную должность рассчитывать Алексею, прямо скажем, не приходилось, а заработанного в колонии могло хватить разве что на несколько месяцев, и то при весьма умеренных запросах. О сотне-другой, что перепали ему здесь, и думать не приходилось. Он намеревался спустить левый заработок при первом удобном случае, чтобы достойно отметить освобождение.

Однажды утром, не обнаружив в доме ни единой запечатанной поллитровки — все было выпито в долгие ночи дождя и тоски, — Алексей решил предпринять вылазку в местный торговый центр.

Облачившись в старую плащ-палатку, он бодро потопал по лужам, увязая в липучей глине. Видимость была неважнецкая. Сквозь завесу дождя лес рисовался расплывчатой серо-зеленой массой, а в придорожном кустарнике путался клочковатый туман. Поход оказался неудачным: на дверях продовольственного магазина висел угрюмого вида амбарный замок, над которым была пришпилена записочка с магической формулой: «Ушла на базу».

Алексей коротко выругался и даже лягнул дверь каблуком, прочертив на ней скользкую глинистую полоску. Очень уж не хотелось возвращаться с пустыми руками. Но выбирать не приходилось. Дом быта, куда можно было войти, его ничуть не волновал, а киоск «Соки-воды» так ни разу и не открылся со дня его приемки комис-

сией. А дождь все падал стеной металлических шариков, которые, упруго подскакивая, разбегались по залитому пеной асфальту.

Лишь зеленая вывеска сберкассы вызвала в душе Алексея целенаправленный импульс. Вспомнив про лотерейный билет, зачем-то подаренный хозяйской подругой Альбиной, он решил, от нечего делать, проверить таблицу. С этим намерением и взялся за железную ручку, толкнул тяжелую дверь. Но то, что он увидел внутри, заставило его тихонько просунуть носок сапога и настороженно прильнуть к образовавшейся щели. Он проделал все это почти инстинктивно, не имея никаких определенных намерений, и так же автоматически принялся подсчитывать мелькавшие в руках кассирши пятидесятирублевки. С его наблюдательного пункта их хорошо было видно. «Двадцать один, — насчитал он и тут же подумал о том, сколько их уже прошелестело до того, как он открыл свой непрошеный счет. — Уж верно, не меньше...»

Только после того, как деньги оказались внутри серой книжицы, а сама эта книжица просунулась в полукруглый вырез в стекле с золотыми буквами, Алексей перевел дух и обратил внимание на тщедушного старичка, облокотившегося о стойку. Скучая, а может, о чем-то думая, он глядел в потолок, а с его черного плащика и сложенного зонта стекали на пол юркие струйки. Деньги старичок, не считая, засунул в боковой карман и, поклонившись кассирше, чего-то залопотал. Слов Алексей не расслышал, потому что отпрянул от двери и выскочил наружу. Что станет делать дальше, он тогда опять же еще не знал, не задумывался, просто затаился в сторонке, как остановленная магнитом чуткая стрелка.

И так же нецеленаправленно, но по-звериному зорко он проводил взглядом просеменившего мимо белоголового человечка, укрывшегося под колоколом зонта. И потянулся за ним, приотстав на дистанцию видимости, неслышно ступая чуть ли не след в след. Следов-то, конечно, на асфальтированной, залитой водой дорожке не оставалось. Ни следов, ни листьев, ни сосновых иголок, все смывали дождевые ручьи. Куда ни глянь — повсюду шипело и пенилось, и хлюпанье шагов не достигало ушей. Только размытая, как сквозь матовое стекло, фигурка старика смутно маячила впереди.

Когда вокруг сомкнулась колючая хвоя лесопосадок, Алексей стал понемногу нагонять торопливо подскакивающую тень. Если к тому моменту у него и вызрел определенный план, то он еще не осознавал его в законченной полноте. Словно подстегнутый изнутри внезапным ударом, метнулся на боковую дорожку и кинулся в обход, слепо продираясь сквозь упругие ветви и тяжело увязая в набухшем песке.

Что сказал он и что потом сделал, встретив спешащего человечка лицом к лицу, напрочь вылетело из головы. Будто это не он, а кто-то, непрошено вселившийся в его телесную оболочку, привел в движение мышцы рук и лица, почти насильно заставив повиноваться приказу. Какому именно? Этого он не понял ни тогда, ни после. Крайностей он, во всяком случае, никаких не хотел. И если бы в то мгновение

безумного забытья старичок не проявил неожиданную строптивость и не кинулся на слегка ошарашенного Алексея с раскрытым зонтом, все, наверное, разрешилось бы немного иначе...

Придя в себя, Алексей непонимающе уставился на затоптанный песок, который медленно расправлялся под белой пряжей очистительного дождя. Пусто было на берегу, и внизу под обрывом катились взбаламученные валы.

Он машинально отер расцарапанную острием зонта щеку, зализал ссадину на костяшках сведенных судорогой пальцев. Удивленно уставился на кожаный бумажник с крокодильими пупырышками, неведомо как очутившийся в чугуном налитых руках, осуждающе покачал головой.

«Это не я!» — встрепенулся в нем перепуганный голосок, но оборвался на лопнувшей, как струна, полуноте.

Затравленно оглянувшись, он спрятал бумажник, подобрал сломанный зонт и зачем-то принялся уминать взрыхленный песок, не понимая еще, что вода и так разгладит предательские борозды. Заметив откатившийся к деревцу браслет, он, не глядя, сунул его в карман.

Ознобным ветром продуло лесок. Слегка ослабевший ливень припустил с новой силой. На обратном пути в поселок Алексей не встретил ни единого человека.

Затворившись на все засовы, он торопливо разжег печурку и собрался было порубить топором зонтик, но вспомнил про металлический каркас. Пошвыряв в огонь сорванные клочья ткани, скрутил стержень и смял спицы, решив закинуть уродливое сплетение металла в озеро. Конечно, не в том месте, не там, а где-нибудь подальше. Бумажник, сберкнижку и паспорт, в который даже не заглянул, он протолкнул кочергой в самый жар топки. Оставался браслет, сделанный из незнакомого серебристо-зеленого сплава, с красным камнем. По рассказам бывалых зеков Алексей знал, что обычно заваливаются именно на таких мелочах. Но камня с незнакомыми буквами — вроде бы русскими и нерусскими одновременно — стало жалко, хотя он и не знал, куда и как его можно приспособить. Поковыряв кухонным ножом, ловко выцарапал драгоценную гемму, слегка выщербив край, и одним ударом расплющил чешуйчатого гада, полурыбу-полузмею.

Алексей думал, что надо было окончательно рехнуться, чтоб вляпаться в мокрое из-за полутора тысяч, разом порушить надежды на какую-то новую жизнь. Следовало затаиться и выждать развития событий. Если все действительно прошло вчистую, то у него есть шанс благополучно выскочить.

Дабы не привлекать к дому излишнего внимания, он плеснул воды из кружки и разворошил дымящиеся уголья. Затем, крадучись, выбрался на улицу запереть ставни. Начинался новый период дневной спячки, сумеречной змеиной активности. За целую неделю его так никто и не потревожил. Работы вокруг почти прекратились. За кольчужной завесой осадков, давным-давно перекрывших всю

годовую норму, канули в небытие последние следики. Уже никто на мог прочитать забытые на песке письмена, и сама память о бывшем заволоклась белым паром.

Алексей не умел долго размышлять об одном и том же. Даже рисуя планы на будущее, ленился продумывать их до конца. Его мысли были коротки и неглубоки. Поэтому они легко забывались, когда он хотел о чем-то забыть. Так было проще. Промучившись в первую ночь, он хорошо отоспался после полудня и затем уже исправно укладывался на боковую с каждым новым рассветом. Его не терзали непрошеные сновидения, дыхание было безмятежным и ровным.

А в следующую пятницу нагрянул патрон с Альбинкой и прочими, среди которых Алексей знал лишь композитора и зава ремстройконторы. Вкусных вещей понавезли видимо-невидимо: и ветчину, и горячего копчения осетрину с янтарным жирком, и огурчики, и грибочки — чего только там не было. Потчуя дорогих гостей, Протасов разрезал пополам подогретые на печке калачи и густо намазывал их паюсной, блестящей шевровым лоском икоркой.

За едой говорили мало — и все о вещах для Алексея не интересных: о каких-то распрях в правлении насчет света и газа, о дороге, сожравшей десятки тысяч, но так и не достроенной, и, конечно, о новой даче, стоять которой предрекали сто лет.

За дачу, понятно, больше всего пили. При этом «Двин» и лимонную водку, перемежали пльзенским пивом, отчего вскоре, по меткому замечанию Альбины, выпали в осадок.

Она-то как раз пила меньше всех, лишь пригубливала, устремив поверх рюмки тягуче-медлительный взгляд. Встретившись с ней глазами, Алексей вдруг понял что-то такое, от чего ему сделалось душно и беспокойно. Горячая волна перехватила дыхание, и уши стали гореть, как в огне. Перехватив еще один такой же взгляд, он поторопился уйти, сославшись на какую-то там работу.

Назад возвратился часа через два, когда все разъехались по домам, а его точно током ударило, пронзив насквозь до малейшей жилочки. Из того, что случилось потом, он запомнил тепло ее тела под смятым шелком и дрожь своих натруженных рук.

Какие глупости он нашептывал, какие обещания и уговоры твердил, вспоминать было и вовсе не к чему. Зря, наверное, он раскукарекался про Тюмень, которую и в глаза не видал, про трубы большого диаметра и заработок в шестьсот рублей. И девку с собой звать было совершенно ни к чему, тем более что он туда и не собирался. Она только подхихикнула в ответ умудренным, все понимающим смехом и разнеженно нашептывала:

— Глупыш, глупыш...

Правду сказала: глупыш и есть! Дарить ей ту каменную печатку никак не стоило. Дураку и то ясно. Хотя, конечно, какая-то память должна быть. Все должно завершаться красиво.

Скорого завершения Алексей, впрочем, не ожидал, воображая картины на будущее — одну слаще другой. Как-никак в его заточение Альбина внесла приятное разнообразие.

Однако уже на следующий день, ближе к вечеру, он был разбужен треском подкатившего к самому резному крыльцу мотоцикла. Перебегая на цыпочках от одного занавешенного окна к другому, ему удалось рассмотреть сквозь щели милицейского лейтенанта в шлеме и сидевшего в коляске Архипа Ивановича, коменданта поселка.

Лейтенант постучал затянутым в кожаную перчатку кулаком сначала в дверь, а затем и по ставням, но Алексей, само собой, не подал признаков жизни. Насколько он сумел разобрать, разговор у мента с Архипом Ивановичем вертелся вокруг его, Алеши, скромной персоны. Лейтенант все больше интересовался, что он за птица, откуда пришел и где может обретаться в данный отрезок времени. Но ни на один из вопросов комендант так и не смог ответить, потому что не знал о протасовском стороже практически ничего.

Видел разок-другой, как тот тюкал топориком, а так чтобы накоротке сойтись, ему без надобности. Лейтенант не стал спорить, и по тому, как он, резко включив зажигание, рванул с места, Алексей догадался, что его положение хоть и трудное, но не пиковое. Пока!

Поиск шел, что называется, вслепую. Искали не его, раба божьего, персонально, а на всякий случай проверяли всех и каждого. «Очевидно, обнаружили труп», — рассудил Алексей.

Как бы там ни складывалось, но не прислушаться к такому звоночку было нельзя.

Дождавшись темноты, Алексей пехом рванул в сторону Калинина. Полоса сплошных ливней прошла, и он без осложнений дотопал до четвертой от Синеди станции. Только там решился сесть в электричку. И то выскочив из кустов в самый последний момент.

Освещенная редкими фонарями платформа отсвечивала ледяной пустотой: ни милиции, ни пассажиров. В облачных прорывах купалась промытая до блеска половинка луны. Тревожно гудели медные провода.

Когда сомкнулись резиновые прокладки дверей, он облегченно перевел дух. В пустом вагоне дремал, полураскрыв рот, усталый железнодорожник.

Глава тридцать третья

АБРАКАДАБРА

По возвращении в Москву Березовский пригласил Люсина провести выходной день в подмосковном Доме творчества.

— Нам нужно обстоятельно потолковать, — объяснил Юра. — Только где? При одной лишь мысли о ресторанах мои истерзанные суставы пронзает дрожь. Ляля же, как назло, затеяла ремонт, что в наше время приравнивается к стихийному бедствию. Так что сам видишь, старик, деваться некуда.

Люсин, недолго думая, согласился. Город купался в промозглом тумане, и непрошено возникшая перед внутренним взором картина погруженного в сон голого леса показалась необыкновенно прельстительной.

Действительность, как и положено, не замедлила внести свою отрезвляющую поправку. Основательно прореженный лесной массивчик оказался малоприспособленным для элегических блужданий. На раскисших дорожках угрюмо блестела вода, местами подернутая ледяной пленкой. Пришлось отправиться на прогулку по асфальтированному шоссе, опасливо сторонясь пролетавших автомобилей, с шипением выплескивавших мутные лужи. Пахло прелью с легким привкусом бензина и болотной неизбывной сыростью. В непроглядном небе то и дело прокатывался гул взлетающих самолетов.

— Зато к обеду будут пирожки с капустой, — попытался подсластить пилюлю Березовский, то и дело вырываясь вперед и угодливо оборачиваясь. — Вку-усные до невозможности!

Люсин удовлетворенно кивнул. Он все равно не жалел, что вырвался на природу. Наташа готовила Тему к химической олимпиаде, и перспектива провести долгий день наедине с собственной персоной отнюдь не вдохновляла. К тому же в доме, по обыкновению, не было ни крошки. А так, по крайней мере, обеспечен обед, к тому же с вкусными пирожками.

— Как съездил, старик? — спросил Люсин и, подобрав кем-то брошенный прутик, со свистом рассек воздух. — По твоим восторженным междометиям я понял, что грандиозно.

— Лучше не бывает! Однако твой несколько пренебрежительный скепсис подействовал на меня, как ушат ледяной воды. Судя по всему, я безнадежно опоздал, и мои герметические разыскания тебе уже никак не нужны. Ты и без них все доподлинно знаешь. Верно?

— Это как взглянуть, Юра. С сугубо оперативной точки зрения, твоя готическая жуть может лишь помешать мне. К чему задуривать себе голову, так ведь? Но есть еще один аспект — нравственный, который неизбежно выходит на передний план. Ты понимаешь меня? Солитов принадлежал к числу людей, чьи дела надолго переживают бренную, как ты говоришь, оболочку. Когда преступник будет задержан, справедливость восторжествует и все такое прочее, встанет вопрос о творческом наследии. Тогда и выяснится истинная цена твоих архивных находок. Вернее, настанет пора для таких вещей.

— Сейчас они тебя не слишком волнуют? — обидчиво помрачнел Березовский, изнывавший от желания поделиться впечатлениями.

— Ты меня просто не понял, Юрок, — поспешно поправился Люсин, словно вспомнив о чем-то важном. — Или же я плохо тебе объяснил. — Он достал сложенную вчетверо, изрядно помятую бумажку. — Это я специально для твоего архива захватил... Может, еще одну книжку сделаешь, чем черт не шутит?

Березовский заинтересованно развернул листок с тусклой фотографией и жирно набранным текстом. «Обезвредить преступника!» — так и хлестнули в глаза красные литеры заголовка.

— С виду даже не скажешь, что преступник, — покачал головой Березовский. — Гажельников Алексей Николаевич, — прочитал он вслух. — Год рождения тысяча девятьсот пятьдесят второй, рост сто восемьдесят четыре... Всесоюзный розыск?

— Да, сегодня четвертый день... Теперь ты понимаешь, как я воспринимаю всякие домыслы вроде снотворного зелья? В ту ночь, когда ты поднял меня с постели...

— Я звонил тебе целый день! — Березовский поспешно подхватил товарища под руку. — Каждые полчаса.

— И не мог дозвониться, — понимающе кивнул Люсин, — потому что именно тогда водолазы обнаружили тело. Я вернулся домой часов в одиннадцать и сразу же завалился спать. Словно одурь какая-то накатила. Даже не знаю, как передать. Такого со мной давно не было. Все внутри содрогается, бьется, а прорваться сквозь оцепенение не могу.

— А тут я со своим звонком! Ты уж прости, старик, ладно?

— Да я не в упрек, Юрик. Просто хочу набросать обстановочку, чтобы ты понял.

— Почему ты на меня тогда наорал, я и без того понял.

— Больно уж некстати ты вылез со своей гипотезой. «Напиток императора Рудольфа», «Тайна мальтийских гроссмейстеров» — все это, конечно, очень мило и завлекательно, но, как говорится, в более подходящий момент.

— Ты целиком и полностью прав. Но я же хотел, как лучше... Постарайся и ты меня понять, отец-благодетель, понять мое состояние. Я тоже как в лихорадке горел. Тем более что, как и ты, шел по следам Георгия Мартыновича. Причем в самом буквальном смысле слова. Твоя идея поднять источники, которыми он пользовался, оказалась поистине гениальной. Мне понадобилось всего шесть дней, чтобы раскрыть реконструированную им рецептуру. Нет, я должен все тебе рассказать! Причем немедленно, не сходя с места! Иначе лопну к чертовой бабушке, и роман, на который ты намекаешь, останется ненаписанным. Тебя устраивает подобная перспектива?

— Нет, — чистосердечно признался Люсин. — Тем более что широкая общественность никогда мне этого не простит. Поэтому я готов смиренно выслушать любую абракадабру. — Он сокрушенно махнул рукой. — Я так и не удосужился узнать, что это значит, хотя и беседовал с весьма компетентными людьми...

— Именно в ней весь секрет, в этой самой абракадабре! — Березовский решительно увлек Люсина на какой-то пустырь. — Погляди на такую штуку. — Очистив ребром ботинка клочок вязкой, как пластилин, земли, он подхватил осколок стекла и принялся вычерчивать букву за буквой, пока не обозначился прямоугольный треугольник:

А Б Р А К А Д А Б Р А
А Б Р А К А Д А Б Р
А Б Р А К А Д А Б
А Б Р А К А Д А
А Б Р А К А Д
А Б Р А К А
А Б Р А К
А Б Р А
А Б Р
А Б
А

— И что бы это значило? — спросил Люсин.

— Ага! — азартно восторжествовал Юра. — Значит, задело все-таки за живое!

— Задело, не задело — не в том суть. — Люсин действительно почувствовал, как пробуждается остывший, перегоревший, казалось, дотла интерес. — Смысла пока не вижу в подобных упражнениях.

— Чтобы видеть, Владимир Константинович, надо, как минимум, знать. Ну что ты, среднестатистический гражданин, знаешь об этом магическом слове? Для тебя оно не более чем синоним абсолютной бессмыслицы. Я правильно понимаю? Чепуха, белиберда, чеховская реникса?

— А на самом деле?

— В действительности же это одна из сокровеннейших формул алхимии.

— Я так слышал, что заклинание в честь Абраксакса?

— Ого, майор, вы делаете успехи!.. А Абраксакс, по-твоему, чего? — Березовский лукаво прищурился. — Ну-ка!

— Сирийский или еще какой-то идол, — не слишком уверенно ответствовал Люсин. — Или нет?

— Идол! Эх, ты... Глаза б мои на тебя не глядели. А основополагающий принцип философии Василия Валентина не желаешь? Эон! Андрогин! — принялся вдруг выкрикивать Березовский с неистовой страстностью. — Тебе хоть что-нибудь такие слова говорят, недоучка?

— Сам-то давно таким умным заделался? — невольно улыбнулся Люсин. — Чего орешь? Писательские мысли распугиваешь? — Он кивнул на двух осанистых мужчин, заинтересованно наблюдавших за не в меру резвым Юрием Анатольевичем, неистово скакавшим над кабалистическим чертежом.

— Пошли отсюда, — сразу же заторопился Березовский, затирая магический треугольник тяжелой от налипшей грязи подошвой. — Почвенная стихия.

— Чего? — не понял Люсин.

— Ладно, не стану тебя больше мучить, — явил нежданное снисхождение Березовский. — Сейчас я тебе такое покажу, что ты ахнешь! Только давай присядем. — Он махнул рукой на бетонированное основание водокачки, маячившей в самом конце пустыря. — Там, надеюсь, нам не будут мешать.

В полном молчании они пересекли поросшее пожухлым бурьяном поле, изобильно усеянное битым кирпичом, и устроились возле сварной металлической вышки, окрашенной в ядовито-зеленый цвет.

— Под сенью змия, — загадочно провозгласил Юрий, вытаскивая неразлучный блокнот. — Ознакомься, пожалуйста, с сей сигнатурой.

Люсин непонимающе уставился на выписанные двумя аккуратными столбиками названия:

Adonis vernalis	Адонис
Berberis vulgaris	Барбарис
Rosa gallica	Роза
Aloe arborescens	Алоэ
Calendula officinalis	Календула
Althaea officinalis	Алтей
Datura stramonium	Дурман
Artemisia absinthim	Артемизия
Betonica officinalis	Буквица
Ruta graveolens	Рута
Acorus calamus	Аир

— Чуешь, чем пахнет?

— Аптекой, — неудачно сострил Люсин. — Сушеной травой.

— Сам ты треска сушеная! — вскипел Березовский. — Прочти, как акростих, бич мурманский.

— Абракадабра?

— Она самая! — Березовский торжествующе вырвал блокнот. — Хошь по-латыни, хошь кириллицей. Полное совпадение!

— Ну-ка! — Владимир Константинович попытался вернуть сокровенный список. — Чего же удивляться, если все названия переводные?

— Переводные? — Березовский ответил негодующим смехом. — А дурман? А буквица? Разуй очи, штурман! Аир тоже, по-твоему, переводное?

— М-да, в самом деле. — Люсин тыльной стороной ладони отер увлажненное лицо. — Интересная пропись.

— Ты хотя бы отдаленно догадываешься, что это за штукенция?

— Если привычка мыслить логически мне не изменяет, то мы имеем дело с эликсиром Розенкрейца. Правильно?

— И ты говоришь об этом так спокойно? — Березовский разочарованно пожал плечами. — Ну, знаешь, тебе ничем не угодишь!

— Почему? Я же сразу сказал, что интересно... Дозировку тебе не удалось размотать? В порядке исторического интереса?

— Полной уверенности еще нет, но мне кажется, что я на верном пути. — Березовский увлеченно вооружился шариковой ручкой и вновь нарисовал буквенный треугольник. — Обрати внимание на первый столбец, составленный из одиннадцати букв «А». Понимаешь?

— Не очень... Уж больно спешишь.

— Одиннадцать «А» видишь?

— Вижу.

— Следующую колонку из десяти «Б»?

— Естественно.

— Какое название стоит в списке первым?

— Адонис.

— А за ним?

— Барбарис.

— Вывод не напрашивается? — Березовский обласкал Люсина взглядом. — А ведь, кажется, кто-то хвастал умением логически мыслить!

— Ладно, сдаюсь, — покорно признал свое поражение Люсин. — Объясни.

— Между тем ларчик, как и положено, открывается просто. — Березовский торжествующе вскинул руки и, словно хирург перед операцией, нетерпеливо пошевелил пальцами. — Более чем! Берем одиннадцать драхм или там гран адониса, десять барбариса, девять розовых лепестков и так далее, вплоть до ирного корня, сиречь аира, коего отвешиваем в количестве одной драхмы. Идея ясна?

— Остроумно. Ты это сам придумал или были какие-то отправные точки?

— Пока это только гипотеза, — со сдержанной гордостью признался Березовский. — Творение чистого разума, но чем дальше, тем больше она мне нравится.

— От скромности ты не умрешь.

— Фи! Какая унылая пошлость... В самом деле, я абсолютно не вижу противоречий. Все великолепнейшим образом укладывается в схему. И главное, полностью в стиле эпохи! Вспомни всякие магические квадраты и прочие герметические забавы!

— Поздравляю, Юрок, идея действительно конструктивная. И очень привлекательная с чисто эстетической стороны.

— Пол Дирак, предсказавший позитрон, говорил, что выведенное им математическое уравнение слишком красиво, чтобы не быть верным. И что ты думаешь? Вскоре этот самый позитрон обнаружили в космических лучах. Красота дается нам, чтобы мы могли не только умом, но и сердцем постигать гармонию мира.

— Великолепно сказано. Откуда это?

— Тебя интересует автор цитаты? Он перед вами, — с показным смирением потупился Березовский, но, не справившись с ролью, прыснул. — Учись, салага, пока я жив!

— Живи вечно, цезарь! — Люсин с упоением вдохнул студеную сырость.

Тусклый, размытый туманом горизонт с едва проглядывающей щетиной леса странно преобразился, пронизанный свечением необозримых далей. Казалось, что и вовне и внутри спадали тяжелые пропыленные шторы и, соединяя внешнее с внутренним, готов был хлынуть невиданный свет. И мучило ощущение немоты, невозможности определить при помощи слов этот всеохватный космический процесс, когда отовсюду распахивалась и властно звала беспредельность, освобождая от мельтешения и сиюминутных забот.

— Тебе не интересно? — с участием и затаенной тревогой спросил Березовский.

— Я просто не умею сказать, как мне интересно! — Люсин запрокинул голову и закрыл глаза. — Я уже не верил, что оно еще когда-нибудь вернется к нам.

— Оно вернулось, — Березовский понял его с полуслова. — А вместе с ним и чертовски волнующее предчувствие тайны, и печаль о несбыточном. Наверное, мы опять не дойдем до конца, и золотая манящая нить, соединившая материки и эпохи, скроется с глаз в тот самый момент, когда в ушах уже будут звучать победные марши. Что с того, старичок? Мы ведь тоже не вечные. Так возблагодарим богов за то, что они вновь наполнили нашу жизнь манящим блеском. Ввяжемся, как говаривал Наполеон, а там посмотрим, что из этого выйдет. Может, эта игра и вовсе лишена смысла, а может, смысл в ней самой.

— Ты становишься мудрым.

— Я становлюсь старым, что значительно хуже. И ты, между прочим, тоже, отец. Пусть все у нас будет, как прежде, и мы будем просыпаться по утрам с радостным предчувствием близкого чуда.

— Ничего такого уже не будет. Мы меняемся не только потому, что стареем. Беднеет наш мир, когда из него уходят близкие люди.

— Ты прав! Ты безмерно прав! — порывисто вскочил Березовский. — Пустоту нечем, некем, вернее, заполнить. И все же, — запрокинув голову, соединил он пальцы у себя на затылке, — жизнь великолепна... Смотри-ка, солнце уже проглядывает! — закончил вполне буднично.

— Великолепна, — согласно вздохнул Люсин, — хотя дважды нельзя вступить в одну и ту же реку. Прошлое невозвратимо.

— Вздор, старичок! Никогда не повторяй прописных истин. Когда я переходил по Карлову мосту через Влтаву, то всякий раз ловил себя на мысли, что прошлое не исчезает. Оно ждет, словно мир духов у Гете, куда всегда открыта дверь. Стоит лишь по-настоящему захотеть, душевно настроиться. Деревья помнят о минувшем, небо, вода. И камни помнят. Я гладил шершавый, черный от времени известняк статуй и, хочешь верь, хочешь не верь, ощущал биение пульса.

— Фантазер! — Люсин растроганно рассмеялся. — Может быть, ты и прав. По крайней мере, ты сам не меняешься совершенно. Седина и неряшливые, совершенно неприличнейшие усы, конечно, не в счет. Это мелочь... Вернемся, однако, к нашим драконам.

— Ты, я вижу, подпал под обаяние Бариновича, — с затаенной ревностью заметил Березовский.

— Допустим, ты верно разгадал эту абракадабру, и нам полностью известен состав, но что дальше? Рецепт приготовления мы едва ли сумеем восстановить.

— Лично я и не ставил себе подобной задачи. И вообще не знаю, кому она по плечу. Солитов, возможно, и разгрыз бы сей твердый орешек, а так... — Березовский безнадежно махнул рукой. — Считай, что к электрическим батареям Вавилова и греческому огню прибавился еще один исторический курьез. А ведь соблазнительная приманка: заснуть на излете жизни, с тем чтобы восстать средь новых поколений. Их «преимущественные величества» знали, что прятать в гроссмейстерском жезле!

— Развей, пожалуйста, эту темку. Тогда, по телефону, я, извини, почти ничего не понял.

— Потому что слушать надо было старика Березовского, а не беситься! Ну да ладно, чего с тебя взять?.. Главное, что прицел был взят верный. Тут целиком и полностью твоя заслуга, вернее, Георгия Мартыновича. Он совершенно правильно расчихвостил мои измышления насчет жезла, наши с тобой измышления, Люсин! Слова «жезл императора мальтийский хранит содружество ключа» мы действительно поняли тогда слишком буквально. Тем более что жезл у императора, сиречь Павла Петровича, был уже не тот. Подлинный скипетр великого магистра Гомпеша с секретной запиской внутри граф Литта куда-то припрятал. Копию всучил, хитрющий иезуит. Видимо, у него были для этого достаточные основания. Павел, таким образом, стал первым из магистров, которого обделили священной прерогативой.

— Значит, раньше каждый новый магистр получал вместе с регалиями и саном своего рода эликсир бессмертия, продления жизни, я имею в виду?

— Совершенно справедливо. Отсюда, возможно, и титул «преимущественное величество». Преимущество, как видим, немалое. Оно позволяло главе ордена как бы продолжить свое попечение за соблюдением устава. Согласно тайной регламентации выборы нового великого магистра могли быть отсрочены единогласным решением капитула на двадцать четыре года. Чуешь, откуда ветер дует?.. Это свидетельствует о том, что уснувший под действием эликсира владыка продолжал оставаться формальным главой ордена. Вот уж власть так власть! Ни императорам, ни папам, ни даже генералам иезуитского ордена такая и не снилась.

— Преимущество и в самом деле заманчивое, — с некоторой долей сомнения заметил Люсин. Стараясь не подпасть под обаяние вдохновенного творческого порыва, он оставался настороже. Березовский умел сочинять на лету. — И кто-нибудь им воспользовался? Из этих, гроссмейстеров?

— Насколько мне удалось установить, никто. Одни собирались, но не успели — опередила смерть, другие не решались, третьим помешали роковые стечения обстоятельств... Интересно, осмелился бы Солитов на такой опыт?..

— С какого примерно времени известен рецепт?

— С начала четырнадцатого века, когда Филипп Четвертый Красивый, обвинив орден храмовников в богохульстве и непотребстве, истребил всю его верхушку вместе с великим магистром Жаком де Моле. Хотя король Франции и сумел в конце концов прибрать к рукам несметные богатства ордена, кое-что отошло к братьям-иоаннитам, которых объявили формальными наследниками. Филиппа прежде всего волновал голый чистоган, поэтому на всякого рода регалии, священные реликвии и прочую дребедень он смотрел сквозь пальцы. Лишь по этой причине рецепт избежал огня, безжалостно пожравшего все орденские архивы, и сохранился для поколений. Тайну свято берегли, но, несмотря на самую строгую конспирацию, кое-что все же просочилось. В замке Рогана в Сыхрове мне удалось узнать, как это произошло. Но это так, замечание по ходу...

— Нет уж, рассказывай! — потребовал Люсин, убаюканный сладкоголосым пением. Годы, разочарования, опыт — все оказалось бессильным. Стоило Березовскому дать волю фантазии, помноженной, однако, на строгую логику исторической достоверности, как он терял бдительность и совершенно незаметно оказывался в плену знаменитых Юриных реконструкций. Так случилось и на сей раз.

— Я знал, что тебя заинтересует этот момент, — мимоходом заметил Березовский, ничем не выказав тайного торжества. — Мне стоило немалых трудов докопаться до истины. Спасибо чешским товарищам, которые ксерокопировали и перевели все нужные мне документы. Так что у чешской милиции я по уши в долгу.

— Интересно, кто тебя туда направил? Чье ведомство?

— Ты, — с достоинством признал Березовский. — Твой уголовный розыск.

— То-то... Ты не у чехов, ты у нас в долгу, метр Березовский. Расплатишься новым романом. Не иначе.

— Ты хорошо помнишь «Три мушкетера»? — согласно кивнув, спросил Березовский.

— Перечитывал раз сто.

— Кто, по-твоему, был из них самый умный, из мушкетеров?

— Лично мне более всех импонировал Атос, невзирая на его явное пристрастие к выпивке, а скорее всего, именно по этой причине.

— Не паясничай, — бегло улыбнулся Березовский. — А как насчет Арамиса?

— Этого мне всегда было жалко. Слишком уж он принимал к сердцу превратности любви.

— Отсюда и его постоянное влечение к духовному сану! — поднял палец Березовский.

— ...Которому он в итоге последовал, став генералом иезуитов, — тут же подхватил эстафету Люсин.

— Не кажется ли тебе, что из всех четверых он единственный, кому действительно посчастливилось сделать карьеру?

— Стал ли он от этого счастливее — вот в чем вопрос.

— Это другой разговор, — запротестовал Березовский. — Нас он сейчас интересует как личность, этот верховный иезуит, которому удалось проникнуть в святая святых мальтийского ордена.

— Ты шутишь! Разве это не выдумка? Я Арамиса имею в виду.

— «Записки шевалье д'Артаньяна» тоже, по-твоему, выдумка? Нет, шалишь, братец! Хоть великий Дюма и говорил, что для него история только гвоздь, на который можно навесить любые одежды, вколачивал он свои гвоздики намертво, не подкопаешься. Для настоящей фантазии необходима достоверная стартовая площадка. Мушкетер, избравший себе псевдоним Арамис, и его высокородная любовница герцогиня де Шеврез де Роган, чей портрет я собственными глазами созерцал в Сыхрове, — реальные исторические фигуры. Их богатое эпистолярное наследие, полное недомолвок, иносказаний и пропусков, помогло мне выйти на правильный путь. Усилиями бывшего мушкетера иезуиты уже при Людовике Четырнадцатом прибрали мальтийцев к рукам, а незадолго до Великой французской революции окончательно подчинили их своему влиянию. — Березовский торжественно склонил голову, словно закончивший выступление виртуоз. Пикантная подробность! — плутовски подмигнул он. — Арамис, кажется, не устоял перед соблазном попробовать средство... Но это уже совсем другая история. Вариации на темы романа «Десять лет спустя».

— Поразительно! — Люсин не скрывал своего восхищения. — Ты бесподобен.

— Мерси боку. Вопросы будут?

— Еще сколько! — Люсин на секунду задумался. — Скажи мне, пожалуйста, почему действие средства ограничивалось столь

точно фиксируемым сроком? Не двадцать, не тридцать, а именно двадцать четыре? Это не кажется тебе странным?

— Нисколько. Именно на такой период Мефистофель заключил договор с Фаустом и с композитором Леверкюном из «Доктора Фаустуса» Томаса Манна.

— Опять художественная литература, — разочарованно поморщился Люсин.

— Интересно, чем она тебя не устраивает? Гениальнейшие творения, подобные «Фаусту», вобрали в себя концентрированный опыт минувших эпох: исторический, художественный, духовный, научный — какой угодно! Я уж не говорю о том, что почти вся утечка информации о деятельности всякого рода тайных обществ осуществлялась через литературу. Сознательно или же бессознательно — это другой вопрос. Примером тому знаменитые «Розенкрейцерские рукописи», «Божественная комедия», «Граф Габалис», «Рукопись, найденная в Сарагосе» и, конечно же, «Фауст». Так что будь поосторожней... «Средство Макропулоса» Карела Чапека смотрел? «Ромео и Джульетту» Шекспира помнишь?

— При чем здесь «Ромео и Джульетта»? — удивился Люсин.

— А склянка с сонным зельем, которую вручил Джульетте монах Лоренцо? Про сон, что неотличим от смерти, забыл? — Березовский решительно двинулся в наступление.

— Но ведь они уснули не на двадцать четыре года? — сделал робкую попытку защиты Люсин.

— Во-первых, они уснули навсегда, а во-вторых, Шекспиру, величайшему из мировых гениев, было, извини, плевать на реалии. Любую действительность он подчинял главному — решению творческой задачи.

— И все же почему именно двадцать четыре?.. Ты извини, но как-то врезалось в голову, и совершенно нельзя отвязаться.

— Это хорошо, что врезалось. Это, брат, лучшее доказательство правоты. Ведь у каждой легенды есть своя реальная подоплека. — Березовский с наигранной медлительностью и неохотой вновь полез за блокнотом. — Проделаем нехитрые вычисления. Двадцать четыре мы можем записать как восемь, умноженное на три, но три плюс восемь будет одиннадцать. А что такое одиннадцать? Священное число тамплиеров, которых король и папа обвиняли в поклонении трехглавому дьяволу Бафомету, принимающему обличья белобородого старца и омерзительной кошки. Двадцать четыре — тайное число ада. Вот тебе одно из объяснений.

— Конечно, если опять вмешивается потусторонняя сила, все разумные объяснения отпадают сами собой.

— Мне тоже так кажется.

— Обратимся тогда к более животрепещущим темам, — предложил Люсин. — Где же все-таки хранятся сокровища? Катарские, тамплиерские, мальтийские? Я вполне допускаю, что бóльшая их

часть досталась королям и папской инквизиции, но что-то должно было уцелеть? Хотя бы самая малость?

— На весах современности она, эта малость, перевесит груз разграбленных золотых слитков, потому что коронованные хищники в первую голову охотились за звонкой монетой. Поэтому если и были у мучеников церкви какие-то тайные святыни, то именно они надежно схоронены в укромных местах.

— Будем рассуждать последовательно, — предложил Люсин, — начиная с катаров.

— Я почти уверен, что альбигойские святыни по сей день пребывают где-то в скальных галереях Монсегюра. — Березовский спрятал блокнот, очевидно внушавший ему сомнения своей миниатюрностью, и провел по земле отчетливую черту. — Итак, Монсегюр. — Он обвел неровный прямоугольник. — Затем палач и грабитель Монфор. Что-то, конечно, удалось схоронить графам Раймундам, какая-то толика досталась тамплиерам. Согласен?

— Логично. Теперь давай этих самых тамплиеров.

— Жак де Моле сгорел на костре, орден распущен, его имущество, уже разделенное между королями и папой, лицемерно передается на попечение иоаннитам. Конечно, братья-соперники по крестовым походам могли кое-что и сберечь. Но, скорее всего, рыцари храма сами позаботились о наиболее ценном имуществе. На то есть определенные указания. Операцию «Тампль» Филипп Четвертый начал, как ты знаешь, 22 сентября 1307 года, когда королевский совет принял решение об аресте всех тамплиеров, находящихся на территории Франции. Бальи, ведавшие судом и полицией, получили соответствующие приказы, которые были доставлены в запечатанных конвертах. Вскрыть надлежало в пятницу утром 13 октября — в «черную пятницу».

— Совпадение?

— Едва ли. Я думаю, Филипп специально выбрал именно этот дурной для доброго католика день. Ведь он намеревался обвинить рыцарей в сатанизме и, наверное, надеялся, что в памяти народа «черная пятница» и «черный культ» удачно дополнят друг друга.

— Современного мышления был человечек.

— О, Филипп — это штучка!.. Таким образом, арест тамплиеров прошел без сучка без задоринки, но трудно поверить в то, что столь широкомасштабная акция могла протекать с абсолютной точностью. Наверняка где-то что-то не сработало. Во всяком случае, рыцарь Жан де Шалон показал на допросе, что видел накануне ареста, как из парижского Тампля выехали три наспех прикрытых соломой повозки. В то время в устье Сены стоял тамплиерский флот из восемнадцати кораблей, и казалось вполне логичным, что именно туда и направится необычный обоз. Но телеги до пристани так и не доехали. Сгинули где-то в пути. Современные исследователи — тамплиерское наследство не дает спокойно спать уже почти семь столетий! — считают, что сокровища были схоронены в Нормандии, в подземной часовне замка Жисор. Запечатанный вход в

эту секретную тамплиерскую крипту все еще ищут. Без особого успеха, надо признать.

— Остаются иоанниты, — напомнил Люсин.

— Иоанниты, они же мальтийские братья. Им достались разрозненные останки альбигойской и тамплиерской славы. Судя по тому, что орден, существующий по сей день, хранит на сей счет подозрительное молчание, им действительно кое-что перепало. На острове Родос, в подземельях Мальты, которые стерегут мегалиты, не менее древние, чем Стоунхендж, едва ли что уцелело. В России, мы с тобой это знаем лучше других, остались лишь жалкие крохи, в основном регалии эпохи Павла. Тайники Рогана предоставим искать чешским друзьям — герцог Шарль Аллен ухитрился вывезти из Франции семьдесят восемь сундуков. Конечно, многое просочилось сквозь пальцы, было продано или безвозвратно погибло. Нацистские гауляйтеры Гейдрих и Франк тоже нагрели руки будь здоров! Но я не могу поверить, что исчезло все без остатка... Смешно уповать на чудо. Священные предметы, среди которых были и золото египетских гробниц, и награбленные крестоносцами храмовые сосуды, возможно, давным-давно переплавлены в тиглях. И все же мне кажется, что тайники не обманут грядущих исследователей. Я почти уверен в том, что многие исторические загадки получат совершенно неожиданное объяснение. Легенды, эту молву веков, никак нельзя игнорировать. В истоке почти всегда скрывается утечка информации. Думаешь, в тайных обществах не было своих болтунов? Сколько угодно! И среди крестоносцев тоже водились отчаянные трепачи. Недаром получила такое распространение поговорка: «Пьет, как тамплиер!» За кубком мальвазии или кипрского орденского вина эти парни в плащах, наверное, выбалтывали поразительные вещи! Про допросы под пыткой и наветы всяческих ренегатов я уж и не говорю. Хотелось бы посидеть в какой-нибудь средиземноморской кантине четырнадцатого века! Скоротать вечерок...

— Тебе достаточно представить себе обстановку, — скрывая улыбку, посоветовал Люсин. — Остальное приложится.

— Знаменитые чудотворцы тоже внесли свою лепту, — продолжал развивать тему Березовский. — И немалую! Как метеоры, проносились они сквозь века, влача за собой шлейф тайны. Господи, сколько же их было! Мани и Аполлоний Тианский, Симон-маг и вовсе загадочный Розенкрейц, Сен-Жермен, Калиостро... А знаменитые лекари? Паре? Киприот Макропулос?

— Да, картина впечатляющая, — сказал Люсин. — Однако есть существенный изъян. Ты не учел тайника, который погрузился в пучины моря.

— Сейчас я не уверен, что в той истории с ларцом мы были правы. Работая с древними картами, всякий раз рискуешь впасть в ошибку. Там, в Чехии, я, например, совершенно случайно узнал, что вверху, где у нас находится север, средневековые картографы чаще помещали юг, а то и вовсе запад. По-моему, мы тогда неверно определили координаты.

— Меня это уже не волнует. — Люсин с безразличным видом достал из бумажника газетную вырезку. — Тебе не попадалось такое сообщение?

По следам сражения при Абукире

КАИР, 20 мая 1984 года. Любопытную экспедицию готовит группа египетских и французских археологов-подводников. Они намерены поднять со дна Средиземного моря остатки наполеоновского флота, потопленного английской эскадрой в районе залива Абукир (недалеко от египетского города Александрия). В ходе предыдущих экспедиций удалось определить местоположение почти всех затонувших кораблей.

В сражении при Абукире в августе 1798 года английский адмирал Нельсон наголову разгромил армаду Наполеона, обеспечивавшую французское вторжение в Египет. Флагманский корабль французов «Орьян» буквально разнесло взрывом порохового погреба, куда угодило ядро.

Интерес к экспедиции подогревается и тем, что согласно распространенному мнению на борту «Орьяна» находились сокровища ордена иоаннитов, захваченные Наполеоном на острове Мальта, а также три миллиона золотых ливров — жалованье французским войскам в Египте.

Как пишет газета «Аль-Арам», подводные работы обещают быть трудными. Дно залива занесено илом, толщина которого достигает 11 метров. Однако благодаря этому «покрывалу» корабли хорошо сохранились.

— О, вещие звезды! — Березовский торжественно воздел длани. — Я много и часто ошибался, даже, наверное, слишком часто для серьезного ученого, но сколь многое я сумел угадать! Ты только подумай, Люсин! Ведь это я заставил Наполеона Бонапарта охотиться за сокровищами мальтийцев! И вот смотри: чистейшая выдумка обернулась реальностью. Он таки присвоил себе имущество крестоносцев, хоть пироку в том было чуть. Как поразительно я это предугадал...

— Историческая логика, — напомнил другу его любимое словосочетание Люсин.

Печально вскрикнув, вдали отстучала колесами электричка.

— И все возвращается на круги своя, — печально откликнулся на ее улетающий зов Березовский. — Описав немыслимую траекторию, тайна вновь вернулась в Александрию.

— На морское дно, — напомнил Люсин. — Вот что важно! Ты действительно очень многое предвосхитил...

Глава тридцать четвертая

ОПЕРАЦИЯ «МОНСАЛВАТ»

Авентира VII

Отто Ран с детства увлекался загадками древних цивилизаций. Подобно Шлиману, который, следуя рассыпанным в Илиаде указаниям, обнаружил легендарную Трою, он мечтал найти королевство Грааля. «Сказание о Нибелунгах», «Эдда», романы о рыцарях Круглого Стола сделались его настольными книгами. Подземные галереи и спрятанные в них неведомые святыни снились ему по ночам. Подобные умонастроения вполне отвечали духу времени. Немецкие оккультные группы, и прежде всего влиятельное полузакрытое общество Туле, искавшее арийскую прародину чуть ли не в Северном Ледовитом океане, разработали целую систему «нордической мифологии». Особое значение в ней придавалось гностическим учениям, с их вечным противоборством полярных сил. Коль скоро фюреры быстро набиравшего силу национал-социалистического движения тяготели к мрачному романтизму и яростно пропагандировали расистские бредни, исканиями Рана заинтересовались. Слух о несметных сокровищах Монсегюра докатился до Альфреда Розенберга. Автор «Мифа двадцатого века», теоретик и расовый эксперт партии дал псевдоисторическим разработкам Рана нужное идеологическое направление. В «нордической» интерпретации Монсегюр приравнивался к бретонскому Монсалвату — горе Спасения, где находился Священный Грааль рыцарей короля Артура. Погромщикам в коричневых рубашках штурмовиков, рвавшимся к власти, безумно хотелось быть похожими на рыцарей. Генрих Гиммлер, лично отбиравший кандидатов в отряды СС, тщился придать своей банде убийц внешний декорум средневекового ордена. Прельстительно рисовался и двойной символизм Грааля — сосуда чистой крови и чаши мистического озарения.

Фантастические построения Рана грядущие сверхчеловеки встретили с просвещенным участием культуртрегеров. Его первая поездка в Монсегюр и дилетантски проведенная разведка местности получили широкое отражение в пронацистской прессе.

В 1933 году, уже после поджога рейхстага и захвата власти Гитлером, вышла в свет книга Рана «Крестовый поход против Грааля», полная псевдонаучных спекуляций. Желая польстить Розенбергу, сделавшемуся к тому времени рейхслейтером, новоявленный Шлиман внес в свою первоначальную схему некоторые коррективы, смешав символику Грааля с Ноевым ковчегом[1]. Христианские идеалы были не в фаворе, и версию с божественной кровью пришлось благоразумно обойти.

Новых хозяев интересовала совсем иная кровь. Ноев ковчег — другое дело. Это понравилось. Решено было даже снарядить альпинистскую группу на Арарат.

Пытаясь соблюсти хотя бы видимость научной объективности, Ран попробовал было заикнуться насчет александрийской школы и богомилов, но его тут же направили в нужное русло. Александрия и восточноевропейское славянство решительно не устраивали германскую науку. В нацистской интерпретации Граль обрел облик эдакой чаши Нибелунгов, нордической святыни, а сами катары были объявлены выходцами из Франконии, почти германцами.

Гремела музыка Вагнера, маршировали «персивали» в черных мундирах, на все лады воспевался культ «чистоты крови». Кровь между тем уже обильно лилась в корзины с опилками, куда падали срубленные на средневековый манер головы лучших сынов Германии. Биологические, географические, исторические и всякие иные спекуляции стали нормой, а оккультизм — хорошим тоном.

В 1937 году «Аненербе» — институт по изучению родового наследия, который патронировал сам рейхсфюрер СС Гиммлер, предоставил профессору Рану стипендию для организации археологических раскопок на Монсегюрском холме.

Не желая осложнений с рейхом, где полным ходом шла подготовка к реваншу, правительство Французской Республики без всяких проволочек выдало все необходимые лицензии.

Второе посещение Отто Раном монсегюрских лабиринтов увенчалось долгожданным успехом. Пробившись сквозь многометровый завал, рабочие проложили узкий лаз в пещеру, которую сопровождавший немецкого исследователя археолог Кранц сперва принял за погребальную камеру.

Всего насчитали одиннадцать высохших мумий, причем исключительно мужских, лежавших в хаотическом беспорядке и покрытых пушистым налетом вековой слежавшейся пыли.

---

[1] Кроме церковной чаши — потира и сосуда со священной кровью, в Граале, которому посвящено множество литературных памятников европейского средневековья, видели и рог изобилия, и магический камень алхимиков. Олицетворяя некое рыцарское начало, Грааль стал эмблемой мировой христианской империи, о которой мечтали идеологи тамплиерства. Нацисты трансформировали ее на свой лад.

— Это скорее напоминает поле брани, — радостно улыбнулся Ран, поднимая тяжелый двуручный меч. — Смотрите! Почти нет следов ржавчины.

В мертвенном озарении карбидных фонарей стальное лезвие блеснуло угрюмой чернью.

— Умели делать! — почтительно заметил Кранц, имевший в корпусе СС звание обер-штурмфюрера. — Кажется, тут какое-то клеймо... «INOOMINE»[1], — прочитал он, водя пальцем. — Черт его знает... Может, имя владельца?

Всего было обнаружено семь мечей (один из них оказался сломан), шесть копий и пять кинжалов. В защищенной от доступа воздуха пещере великолепно сохранились не только кольчужные доспехи, но и одежды. Однако стоило кому-то из рабочих неосторожно потянуть за край покрывала, как оно расползлось в руках.

— И обратишься во прах, — прокомментировал Ран. — Это ведь настоящие крестоносцы, доктор Кранц!

— Так точно, господин профессор! Самые доподлинные тамплиеры — духовные наставники доблестных тевтонских рыцарей, наших предков. Обратите внимание на рисунок креста. Хотя краски значительно потускнели, мне кажется, он был пурпурным.

— А не черным? Впрочем, при таком свете не разберешь.

— К сожалению, нам не удастся вынести ткань на дневную поверхность. Рассыпается в пыль, как золото ведьм.

— Снимки! — спохватился Отто Ран. — Пока не поздно, нужно произвести фотосъемку.

Фотограф экспедиции Мансфельд, как и Кранц, прикомандированный от института родового наследия и тоже имевший соответствующий эсэсовский чин, с готовностью выдвинулся на передний план. Затмевая голубоватое ацетиленовое пламя, вспыхнул подожженный магний.

— Вы были правы, господин профессор. — Кранц наклонился над мумией, обряженной в некое подобие монашеской сутаны. — Тут действительно кипела жаркая битва. Посмотрите, как изрублен этот монах! Живого места не осталось... Я почему подумал о погребальной камере? Наших древних герцогов, как вы знаете, частенько отправляли на вечный покой в сопровождении свиты, но этот скромный священнослужитель никак не похож на вождя. Из этого я делаю заключение...

— Он вовсе не монах, доктор Кранц! — нетерпеливо прервал Ран. — Это катар, чистейшей воды катарский Совершенный.

— Прошу прощения, господа. — Фотограф поспешно запечатлел искалеченные останки. — А вон и другой такой же! — обрадованно вскрикнул он, чиркнув машинкой для магния. — Там, у самой стены.

---

[1] Анаграмма *(лат.)*. In nomine omnipotentis in nomine — «Во имя всемогущего во имя». Характерное клеймо на мечах двенадцатого — тринадцатого веков.

— Да это просто мешок с костями, — заметил Кранц, брезгливо отряхивая руки. — Неужели эти двое смогли противостоять столь превосходящим силам противника?

— Как видите, — пожал плечами Ран, жадно вглядываясь в оскаленный череп, обтянутый коричневым пергаментом кожи. — Хотел бы я знать, какие тайны хранила эта бедная голова, — вздохнул он, поднимаясь с колен.

— Эти двое прекрасно использовали особенности местности, — со знанием дела заметил фотограф Мансфельд. — Видите, какой тут узкий проход?

— Быть может, они прикрывали отступление своих собратьев? — предположил Ран. — Тех самых, которые, если верить документам святейшей инквизиции, унесли накануне последнего штурма золотой ковчег?

— Вы думаете?.. — озабоченно нахмурился Кранц.

— Почти уверен. Обратите внимание хотя бы на этот знак. — Он провел локтем по высеченному в стене пятиугольнику, окруженному комбинацией точек и черточек. — Определенно какой-то шифр.

— И есть надежда его прочитать?

— Не раньше чем удастся свести воедино всю информацию о катарской пиктографии, хаотично рассыпанную по замкам, библиотекам, музеям. Это задача на десятилетия. К сожалению, у нас нет доступа к частным коллекциям и семейным архивам.

— Вам достаточно составить соответствующий список, господин профессор. Уверен, что в Берлине изыщут возможность помочь.

— Как? — Ран саркастически ухмыльнулся. — С большевистской Россией и с той же Чехословакией мы находимся не в лучших отношениях, не правда ли, доктор Кранц?.. Между тем в Гатчине, в Павловске и в родовой усадьбе Роганов под Сыхровом хранятся прелюбопытные вещи.

— Наберитесь терпения, господин профессор. Настанет день и все двери гостеприимно распахнутся для вас... Надеюсь, вы внимательно читали «Мою борьбу»?

— Книга фюрера постоянно находится на моем рабочем столе! — внутренне подобравшись, ответил Ран. Неотвязная боязнь провокаций заставляла его держаться настороже.

— Тогда вы знаете все о дальнейшей судьбе восточных земель. Это наше жизненное пространство.

— Фюрер изложил в своем труде все задачи движения, — присоединился к разговору Мансфельд. — Вырождающаяся латинская раса тоже не избегнет организующего начала. Уверен, господа, что исконно германские земли, в том числе Франкония, Бургундия и Лангедок, будут присоединены к тысячелетнему рейху. Тогда вы сможете беспрепятственно перекопать всю эту гору, господин профессор.

— Хорошо бы! — Ран натянуто рассмеялся. — Во Франции у меня имеются особые интересы. Вы, наверное, знаете про наследников монсегюрских видамов, доктор Кранц? Я давно мечтаю ознакомиться с их эпистолярным наследием.

— Вот как? — археолог обратился в слух. — Вам что-нибудь известно об этих людях?

— Пока немногое, но я слышал, что где-то в Нормандии обретается одна весьма примечательная личность, некто Савиньи, выпускник Сорбонны и знаток восточных языков. Если бы удалось разыскать этого господина...

— Откуда вы узнали про Савиньи?! — настороженно осведомился Кранц, отбросив в сторону обломанную рукоятку меча. Разговор приобретал опасный характер: Савиньи был агентом СД и выполнял секретную миссию.

— О, у меня свои источники информации, — самодовольно ухмыльнулся Ран. — Каждый, кто проявляет интерес к наследству катаров, рано или поздно оказывается в моей картотеке. Кстати, этот Савиньи русский, по крайней мере наполовину.

Не исключено, что это были последние слова Отто Рана. После широко разрекламированной поездки по Лангедоку, закончившейся сенсационными находками в пещерах, профессор неожиданно исчез. Из Франции отбыл, а в Германию не вернулся.

Выпущенная перед самым отъездом его вторая книга «Люциферов двор Европы» привлекла всеобщее внимание хотя бы своим заголовком. Возможно, именно это и не понравилось фашистским главарям, усмотревшим здесь прозрачный намек. Однако, скорее всего сам автор допустил неизвестную нам промашку. Во всяком случае, с ним произошло то, что в те годы именовали «странной историей», хотя ничего особенно «странного» в ней не было, скорее, наоборот.

В печати об исчезновении незадачливого вояжера сообщили как-то вскользь. Хоть и прошел слух о том, что автор «Люциферова двора Европы» сидит в концлагере. Немцам, а французам тем паче было не до него, надвигались куда более значительные события.

Уже после войны некто Сен-Лоу, написавший брошюру «Новые катары Монсегюра», справился насчет Рана у властей ФРГ и получил любопытный ответ:

— Согласно документации СС Ран покончил жизнь самоубийством, приняв соединение циана.

— Причина? — спросил Сен-Лоу.

— «На политико-мистической почве», — процитировал эсэсовский диагноз чиновник юстиции.

История монсегюрских спекуляций в третьем рейхе, однако, с исчезновением Рана не закончилась.

В июне 1943 года, когда, казалось бы, «нибелунгам» следовало думать совсем о других вещах, в Монсегюр прибыла комплексная научная экспедиция, в которую входили известные немецкие историки, этнологи, геологи, специалисты по исследованию пещер.

Под охраной подобострастной вишийской милиции «союзники» разбили палаточный лагерь и приступили к раскопкам. Работы продолжались вплоть до весны 1944 года, когда пришлось спешно уносить ноги. Но в самом рейхе разговоры об «арийском Граале» не

утихали вплоть до окончательной развязки. Так, уже в марте 1945 года Розенберг, разъяснив гросс-адмиралу Деницу значение катарских сокровищ для национал-социализма, заикнулся о какой-то секретной экспедиции и просил выделить для этой цели специальную подводную лодку.

Одним словом, ошарашивающая свой шизоидной настырностью возня нацистов продолжалась вплоть до последнего часа, пока Советская Армия не отняла у них самое возможность решать что бы то ни было, пусть даже на бумаге.

Глава тридцать пятая

ТАЙНАЯ СИЛА

Удостоверенный должным образом факт смерти Георгия Мартыновича Солитова привел в действие неторопливый юридический механизм, как бы стоящий своей веками выверенной четкостью над бренностью представителей рода людского.

Вопреки предусмотрительным советам сослуживцев и кое-каким собственным горестным наблюдениям Люсин решил во что бы то ни стало разыскать Аглаю Степановну, с которой виделся последний раз на поминках. Насколько он мог понять, жизнь ее на шатурских болотах не сладилась, и она собиралась перебраться в другое место.

Человека, если он, конечно, не прячет следы, найти не трудно. После нескольких телефонных звонков Владимир Константинович удостоверился, не без легкого удивления, что гражданка Солдатенкова проживает ныне в том самом городке, который чуть было не спутал ему все карты.

Сначала Владимир Константинович собрался поехать туда вместе с Наташей, но в последний момент передумал, побоявшись что-то такое нарушить в их отношениях, где все еще было столь ненадежно и хрупко. Так, в одно прекрасное утро — оно действительно было прекрасным из-за свежевыпавшего снега — он оказался в Волжанске, где московский поезд стоит всего лишь какую-нибудь минуту.

«Случай в Волжанске», как с легкой руки популярного журналиста стала именоваться история со «скорой помощью», наделал немало шума. Виновные — как медики, так и сотрудники местного уголовного розыска — получили кто выговор, кто предупреждение, а кое-кому пришлось и вовсе уйти. Словом, каждому досталось по заслугам, кроме прокурора, который, невзирая на общественный резонанс, а также весьма язвительную аттестацию Гурова, остался, как говорится, при своих. Ему было всего лишь «указано».

Упомянуть об этом заставляет естественное стремление к завершенности. Живущая в сердцах людей почти генетическая убежденность в том, что справедливость обязана восторжествовать, постоянно нуждается в вещественных подкреплениях. И ког-

да для этого появляется подобающий случай, его непозволительно упускать.

Люсина привела в Волжанск чисто человеческая потребность еще раз увидеться с Аглаей Степановной, никоим образом не связанная со служебными надобностями.

Так уж случилось, что ей пришлось поселиться в этом самом городе, таком зеленом и тихом, утопавшем сейчас в первозданных сугробах.

Возле дома, где Аглае Степановне выделили комнатку, рдели гроздья рябины, сочные, пронзительно яркие, опушенные снежком. «Рябина, она оберег, — вспомнились поучения старой ведуньи. — Если посадить у самого порога, ничье зло тебя не коснется, никакая темная сила».

— Вот, значит, где ты теперь живешь? — принужденно улыбнулся Владимир Константинович, озирая ее аскетическую жилплощадь.

Он опустил на белый, больничного вида табурет туго набитые сетки с апельсинами и длинными парниковыми огурцами, затем, найдя на двери подходящий гвоздь, повесил тяжелое кожаное пальто.

— Чего приехал-то? — растроганно заворчала она. — Али делать нечего?

— Вот именно, Степановна, нечего... Кто ж это тебе апартаменты такие выделил барские? — Люсин глянул на высокий лепной потолок, так не соответствовавший сиротской стерильности свежепобеленных стен.

— Известно: больница.

— Работаешь?

— А то.

— Медсестрой?

— Санитаркой.

— Это при твоем-то опыте? Да будь моя воля, я бы тебя в главврачи определил.

— Эка хватил! — Степановна польщенно порозовела и принялась вытирать клеенку на раздвижном столике.

— Ты не хлопочи, мать, я ненадолго.

— Торопишься все. Как же тебя занесло в нашу-то глухомань?

— Самым обыкновенным манером: по железной дороге. Тобой, Степановна, нотариусы интересуются. Когда сможешь приехать?

— Это какие такие нотариусы? — спросила она, недовольно фыркнув, хотя вполне понимала, о чем идет речь.

— С наследством вопрос решать надо, — терпеливо объяснил Люсин. — Мы ведь уже имели с тобой беседу по этому поводу. Или забыла? Теперь самая пора и приспела. Если хочешь, можем вместе поехать.

— Как в тот раз, так и теперь скажу одно: не желаю. — Она обиженно поджала губы. — Не терзай мне душу, Константиныч, не рви. На том и кончим с тобой.

— Как знаешь, мать, — вздохнул Люсин, предвидя такую ее реакцию. — Зарабатываешь-то хоть прилично?

— Дак я чего в санитарки-то пошла? Полное жалованье положили да еще полставки какие-то, да мой пенсион при мне. Чем не жизнь? Мне дак хватает и про черный день остается.

— Это хорошо, но квартирку получше бы надо тебе выхлопотать. Я помогу.

— И в голове не держи! — с непонятной для Люсина веселостью запротестовала она. — На кой мне твои хоромы? Все, чего надо, есть: газовая плитка, батарея теплая, свет. У меня тут соседка добрая. Люсей зовут. Заботится обо мне, помогает. Студентка-заочница. Ты не думай, я славно живу. Да и сколько там мне осталось?

— Травками больше не пользуешь? — Люсин принюхался, но не смог поймать той щемящей бальзамической сладости, которая временами грустно вспоминалась ему. — Зарыла талант в землю?

— Иде они, те травы?

— Весна не за горами, Степановна. Небось опять подашься в родные края? Да и тут, я слыхал, окрестности не бедные. Одно загляденье.

— Много ты понимаешь. Нет, голубь, чего было, то безвозвратно утекло. Уж как-нибудь обойдусь. Буду свой век доживать.

— Зачем же так? Людям помогать надо, Степановна. Ты это лучше меня понимаешь. Опыт передавать опять же. Неужто хочешь с собой унести? Ты хоть бабу Грушу свою вспомни. Может, то, что ты в себе хоронишь, так и исчезнет с тобой. Допустимо ли? Ведь и без того сколько забылось, растратилось, быльем поросло...

— Скажешь тоже.

— И скажу! Да ради памяти одной Георгия Мартыновича ты обязана жить полнокровной жизнью. И знание свое передать в надежные руки. Оно не только тебе принадлежит. Это, если хочешь, всенародное достояние.

— Блаженный ты какой-то, Константиныч, ей-богу! — Степановна устало провела рукой по лицу. — Кому я теперь нужна? Ну подумай сам, если чего есть в лобе.

— Во лбу, — зачем-то поправил Люсин. — Во лбу, Степановна... А насчет нужна — не нужна ты зубы не заговаривай. Сделают так, что всем и каждому окажется до тебя интерес. Думаешь, если Георгия Мартыновича нет, то и делу его сразу конец? — Он невольно подстраивался под строй ее речи. — Ничего подобного!

— Дак разорили, сказывают, лабораторию.

— Еще не вечер, Степановна. Слыхала, поди, такое выражение? Кстати, у меня вопросик к тебе. — Люсин вспомнил настоятельную просьбу Березовского. — Как ты отнесешься к такому рецепту? — Он показал ей вывезенную из Теплы пропись.

— Ну-ка. — Она степенно надела очки. — Может, оно кому и на пользу, понимаешь, только ядовито больно, ненароком и отра-

виться можно, — вынесла после долгого размышления свой вердикт. — Откуда это у тебя? Или кто прописал? Дак ты не пей.

— Помнишь, когда Георгий Мартынович ездил последний раз в Карловы Вары?

— Болел он после той поездки. Сначала ему полегчало, а после опять прихватило от ихних солей. Уж я отпаивала его, отпаивала.

— Я про другое толкую. Этот рецепт или примерно такой он привез из Чехословакии. В старинных книгах нашел. Ты по этому поводу ничего не слыхала? Может, опыты ставил какие?..

— Опыты, как же... Терпеть не люблю колдунов этих черных! — Аглая Степановна сердито сплюнула. — У них и сборы не такие, и заваривают они по-своему. Я, бывало, Егору сколько раз про то говорила. И грех, и толку никакого. Заваривать уметь надо!

— И настаивать? — улыбнулся Люсин, припомнив прежние уроки.

— И настаивать, — одобрительно кивнула Аглая Степановна. — Не поймал еще того нелюдя?

— Ищут его, будь уверена, по всем городам и селам. Все приметы известны, вплоть до наколок. Никуда он не денется.

— Как же, видела я его портрет — чистый изверг!

— Не скажи, Степановна, с виду вполне благообразно выглядит.

— Ничегошеньки ты не смыслишь, вот чего я скажу! Одно обличье в нем человеческое, а души нет, мертвая в нем душа. Такой родную мать убьет — не поморщится... Как же это его до сих пор не схватили? Ведь прямо на морде написано!

— Всяко бывает... Жизнь вообще хитрая штука. Ведь почти все, если вдуматься, на случае построено. Однако даже самые малые вероятности умножаются, растут и рано или поздно...

— А так бывает, чтоб вообще никогда не споймали?

— Бывает, — вынужденно признал Люсин. — Не часто, но бывает, и примириться с этим нельзя.

— Вот и не примиряйся.

— Будь спокойна. Этого я добуду из-под земли.

— Я тебе верю. — Она понимающе опустила изборожденные малиновыми жилками веки. — Чаек-то мой пьешь? Помогает?

— Спасибо тебе за все, замечательный чай. Только им и спасаюсь, — не сморгнув глазом, поблагодарил Люсин, хотя так и не удосужился испробовать целительного зелья, всякий раз откладывая до более благоприятной поры.

— Врешь, поди... И чего вертишься, как на шиле? — Аглая Степановна одарила его умудренной улыбкой, в которой была тихая печаль всепрощения. — Никак бежать уже навострился?

— Пора, через сорок минут мой поезд.

— Ну, дак ступай, коли не терпится...

Проводив гостя, Аглая Степановна собралась на старую базарную площадь возле пассажа, где по воскресеньям устраивались народные гулянья. Как прежде на ярмарках, прямо под открытым

небом торговали горячими бубликами, рыбными пирогами. Кипели ведерные самовары, не давая остыть заварке в окутанных паром расписных чайниках. И чего только не было на тех самобраных столах! И сбитень в высоких графинах, и поджаренная в сухариках бычья печенка, и, конечно, крутые яйца, проваренные до резиновой синевы.

Подвязавшись штопаным оренбургским платком, старая женщина смахнула повисшую на реснице слезинку, запахнула плюшевый жакетик и поспешила на улицу. Показалось нестерпимо горько остаться сейчас одной в необжитой комнатенке, которую она еще не привыкла считать своим домом. Среди людей, хоть они и проходили мимо, не задержав взгляда, ей становилось как-то спокойнее, оседала едкая тревога, отпускало неутешное ожидание.

Она подкормила крошками ранних, умилительно попискивающих синичек, полюбовалась рыжей кошкой, воровато огибавшей углы, и тихонько двинулась к площади, где гремели уличные репродукторы. Обстановка в городе была почти праздничная. Все чаще попадались раскрасневшиеся на морозе молодые папаши, тащившие спеленутые елочки, покачивались запутавшиеся в проводах разноцветные воздушные шарики.

Долгий звук отходящего поезда, едва различимый за медью оркестра, отозвался благодарным порывом. Ее так и потянуло торопливо вбежать в вагон, занять свое место и долго-долго куда-то ехать, глядя в затуманенное морозцем окно. Но некуда было ей ехать. Она так и не поняла, зачем приезжал Люсин. Неужели только из-за наследства? Но то, что он все-таки нашел ее и даже привез гостинцы, было необыкновенно трогательно. Жизнь не очень-то баловала ее подобным вниманием.

Заметив в подворотне бабу с мешком семечек, Степановна нерешительно потянулась за истрепанным кошельком.

— Почем? — спросила она, зачерпнув на пробу.

— Тридцать копеек.

— Ишь ты! Чего так дорого?

— А попробуй вырасти! — крикливо отозвалась торговка.

— Дак каждую весну в огороде сажаю, — возразила Степановна и вдруг осеклась. Грядкам и клумбам, а может, и веснам — кто знает? — пришел конец. Она покорно вручила мелочь и, оттопырив кармашек, дала пересыпать туда пыльный граненый стакан. Пусть все идет, как идет. По крайней мере, будет чем порадовать оголодавших синиц, которым приелось, поди, сухое крошево да терпкая горечь рябины.

Не осознавала еще Аглая Степановна, что это распрямляется понемногу ее зажатая в тисках душа. Пусть звал за собой затухающий стук колес и с новой болью вспоминалось все то, чему нигде и никогда не дано повториться, уже тянулись робкие корешочки в необжитую пустоту.

Музыка разливалась все громче, и с каждым шагом отчетливее различался бодрящий площадной гомон. В самом конце улицы блес-

нул расходящийся клин проветренной синевы. Над булыжником мостовой веселыми змейками завивалась поземка. А там и каменные ступени открылись взгляду, и пузатые колонны пассажа, где в темных нишах оживленно сновал народ. Только флагов и кумачовых транспарантов недоставало до полного праздника. А так — ликующее зимнее благолепие: белые халатики продавщиц, надетые поверх пальто и шубеек, убеленные скаты крыши и алебастровая колокольня с золотым ослепительным шишаком.

Голову в меховой шапке, возвышавшуюся поверх других, Аглая Степановна увидела издали, а узнала еще до того, как устремила прицельно сузившиеся глаза. Ее словно толкнуло что-то, заставив съежиться, как от внезапной рези. Краснолицый парень в распахнутом полушубке, присев на балюстраду рядом с накрытым столом, неторопливо переливал в глотку вино. Стакан он держал двумя пальцами, помахивая в такт глотанию надкусанным пирожком.

Она угадала безошибочно: тот самый. И медленно направилась к нему, не выпуская из поля зрения и боясь спугнуть пристальным взглядом. Всем существом своим, потрясенным до самых глубин, всей прожитой жизнью знала, что ему не устоять перед ней. Не скрытая сила, о которой судачили деревенские кумушки, но абсолютная убежденность, поработившая душу и тело, несла Аглаю Степановну на кромке кипящей волны. Сбросив годы и немощи, даже как будто бы потеряв вес, летела она над площадью, не касаясь заледенелой земли.

Никто не видел этого стремительного полета. И она, проносясь сквозь расступавшуюся толпу, не замечала других. Словно вокруг была заснеженная пустыня, утопавшая в дымной полумгле.

То единственное лицо, чьи самые мелкие черточки различались с удивительной четкостью, лишь отдаленно напоминало фотографию в милицейской листовке, но ошибки быть не могло: она настигла врага. И знала, что сможет сделать с ним все, что захочет, и сделает это, превратив в безвольный манекен.

Все силы, которые еще оставались в ней, слила она в единый порыв.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая
ВЗРЫВ В ЗАПЕРТОЙ КОМНАТЕ 7

Глава вторая
ВЕРТОГРАД 12

Глава третья
БОЛОТНОЕ ЗЕЛЬЕ 25

Глава четвертая
МАЗЬ ВЕДЬМ 33

Глава пятая
РУИНЫ МОНСЕГЮРА 47

Глава шестая
СЕМЬ ПЛАНИД 57

Глава седьмая
В КАРЕТЕ С ОПУЩЕННЫМИ ШТОРКАМИ... 69

Глава восьмая
СБЕРКАССА, ДОЖДЬ, ПРИОТКРЫТАЯ ДВЕРЬ 76

Глава девятая
УЧЕНИК ТРУБАДУРА 85

Глава десятая
ЗЕЛЕЙНЫЕ ТРАВЫ 95

Глава одиннадцатая
САЛОН НА МАЛОЙ БРОННОЙ 104

Глава двенадцатая
РАЗВЕДКА НА МЕСТНОСТИ 119

Глава тринадцатая
СЛУЧАЙ В ВОЛЖАНСКЕ 126

Глава четырнадцатая
«ЗОЛОТОЙ ЭЛИКСИР» 133

Глава пятнадцатая
НОЧЬ ИМПЕРАТОРА 153

Глава шестнадцатая
СОВЕЩАНИЕ У ПОЛКОВНИКА 167

Глава семнадцатая
ЭХО МОНСЕГЮРА 174

Глава восемнадцатая
ЧУВСТВО ИСТОРИИ 184

Глава девятнадцатая
ЖЕЗЛ ВЕЛИКИХ МАГИСТРОВ 193

Глава двадцатая
БОБЫ ПРАВОСУДИЯ 203

Глава двадцать первая
ОБИТЕЛЬ ПРЕМОНСТРАНЦЕВ 213

Глава двадцать вторая
СВЯТЕЙШИЙ ПИРАТ 225

Глава двадцать третья
РЕЧНОЙ ТРАМВАЙ 237

Глава двадцать четвертая
ТРАВНИК МАКРОПУЛОСА 243

Глава двадцать пятая
ЛЮБОВНИЦА АРАМИСА 254

Глава двадцать шестая
ТАЙНЫ ЗАМКА ТИФФОЖ 264

Глава двадцать седьмая
ОЗЕРО СИНЕДЬ 275

Глава двадцать восьмая
ТЕМНАЯ НАБЕРЕЖНАЯ 280

Глава двадцать девятая
ИЕЗУИТСКИЕ КОЗНИ 285

Глава тридцатая
ГНОСТИЧЕСКАЯ ГЕММА 299

Глава тридцать первая
ВИТОК СПИРАЛИ 309

Глава тридцать вторая
АНАТОМИЯ МГНОВЕНИЯ 315

Глава тридцать третья
АБРАКАДАБРА 325

Глава тридцать четвертая
ОПЕРАЦИЯ «МОНСАЛВАТ» 338

Глава тридцать пятая
ТАЙНАЯ СИЛА 344